А.Н. ОСТРОВСКИЙ
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
7

А.Н.ОСТРОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

7

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
В ДВЕНАДЦАТИ
ТОМАХ

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

Под общей редакцией
Г. И. Владыкина
И. В. Ильинского
В. Я. Лакшина
В. И. Маликова
П. А. Маркова
А. Д. Салынского
Е. Г. Холодова

МОСКВА
«ИСКУССТВО»
1977

А.Н.ОСТРОВСКИЙ

7

ПЬЕСЫ

(1866—1873)

МОСКВА
«ИСКУССТВО»
1977

Р1
О-77

Подготовка текста
Т. Орнатской

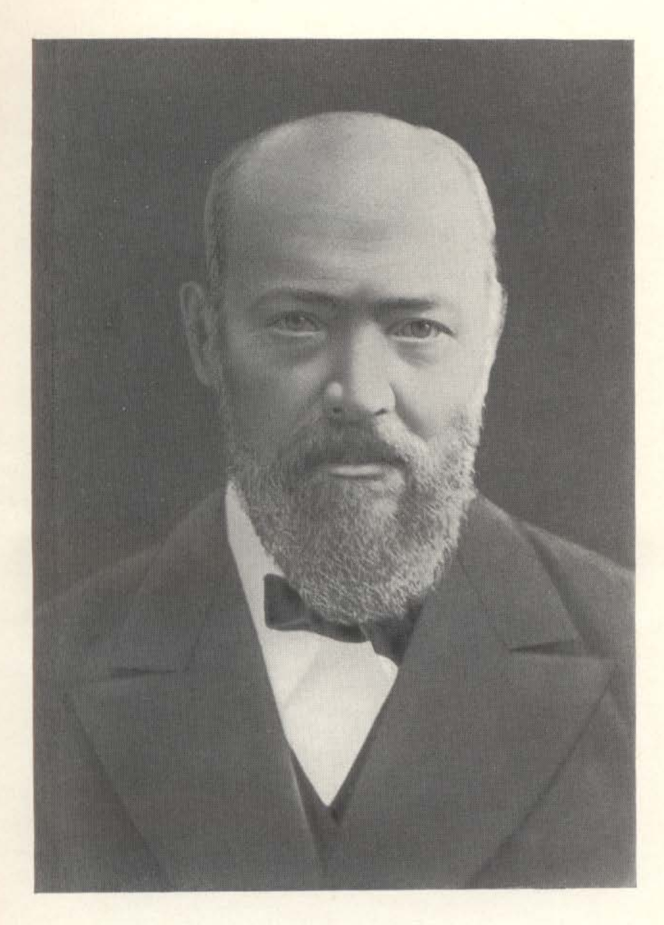
Комментарий
Л. Лотман
Т. Орнатской
Г. Степановой
Е. Хмелевской

Редактор тома
Л. Лотман

Оформление
Л. И. Орловой
А. М. Юликова
Т. П. Винокуровой

В оформлении переплета использованы эскизы костюмов к опере «Снегурочка». 1885 г. Художник В. М. Васнецов.

О $\frac{70600\text{-}017}{025(01)\text{-}77}$ подписное



А. Н. Островский
70-е годы

ПЬЕСЫ

Драматическая
хроника
в двух
частях

ДМИТРИЙ САМОЗВАНЕЦ И ВАСИЛИЙ ШУЙСКИЙ

I

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ЛИЦА:

КНЯЗЬ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ ШУЙСКИЙ.

КНЯЗЬ ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ ШУЙСКИЙ.

ТИМОФЕЙ ОСИПОВ,
дьяк из приказа.

ФЕДОР КОНЕВ,
купец московский.

ИВАН,
калачник.

АФОНЯ,
юродивый.

МОСКОВСКИЕ, НОВГОРОДСКИЕ, ПСКОВСКИЕ КУПЦЫ. ПОДЬЯЧИЕ. ПОПЫ БЕЗМЕСТНЫЕ. СТРАННИКИ. МЕЛОЧНЫЕ ТОРГОВЦЫ, РАЗНОСЧИКИ И КРЕСТЬЯНЕ.

Сени в доме В. Шуйского.
(19 июня 1605 года)
Купцы и подьячие сидят на лавках; простой народ — на полу.

1-й купец московский
Привел господь! Царевич прирожденный
На дедовских и отческих престолах
И на своих на всех великих царствах
Воссел опять и утвердился...

2-й купец московский
Чудо
Великое свершилось! Божий промысл
Изменников достойно покарал
И сохранил лепорожденну отрасль
От племени царей благочестивых.

Подьячий
Вот праздник-то! Такого не видала
Москва давно. В нарядах береженых,
С сияющим на лицах торжеством,
Идет народ веселыми стопами
В предшествии хоругвей и икон...

Конев *(тихо)*
Антихриста встречать!

1-й крестьянин

А что народу!
Начни считать — умрешь, а не сочтешь:
Идут, и едут, и ползут, и лезут.

2-й крестьянин

Пора-то вольная, в полях убрались,
Посеяли, а сенокос не вдруг...
Ну, и сошлись...

3-й крестьянин

И все-то, братцы, рады
И веселы! Веселие такое,
Что об Святой, в великий день Христов.

Конев

Греха-то что! Греха-то что!

Подьячий

Болтали,
Что в Угличе царевича убили,
И верили тогда; а вот он с нами!
И, значит, бог его соблюл для нас.

1-й крестьянин

Была молва, и прежде толковали,
Что Дмитрий, Углицкий царевич, жив...

Купец новгородский

В Москве молва, а в городах подавно...

Подьячий

И чуда нет, и нечему дивиться,
Что сохранил его господь живого.

1-й купец московский

Никто тому и не дивится,— знают,
Что господу возможно всё: он может
И мертвого из гроба воскресить.

Крестьянин

Само собой!

Странник

Уж если бог захочет,
Так сделает.

Крестьянин

Ну что и говорить!

1-й купец московский

(новгородскому)
И веришь ли, когда пришли к нам вести
Про смерть царевича, рыданье слезно
По всей Москве пошло; заговорили,
Что легче нам опять царя Ивана

Мучительство, чем вовсе сиротать
Без царского потомства; хоть и жутко
Бывало нам, а все-таки мы знали,
Что он — царёва отрасль, не холопья...
И вот опять потомство Мономаха
На грозный стол родительский вступает!

Поп

Веселие духовное и радость
Вселенская...

Конев

Ну, радость невелика
Под клятвой жить! Святителя проклятье
Лежит на нас и чадах. Мы давно ли
Предстателя пред богом, патриарха,
Во время службы, в полном облаченье,
Свели с амвона, рубищем одели,
По улицам позорно волокли?!
И поднял он на нас свою десницу,
И проклял всю Москву и в ней живущих
И, точно камнем, придавил нам души
Проклятием... Дела и мысли наши,
Утробы все проклятием покрыты;
Молитвы наши к богу не доходят...

Подьячий

Ты не болтал бы громко при народе,
А то как раз в застенок попадешь.

Молчание.

1-й крестьянин

Ахти, грехи! Ох, господи помилуй!

2-й крестьянин

Хоть пожевать чего бы, скуки ради.

3-й крестьянин

Вон у него за пазухой отдулось...
Что у тебя, мошна али коврига?

1-й крестьянин

Моя мошна-то по людям пошла,
Да и домой нейдет.

2-й крестьянин

Ты, видно, тоже
Бессребреник?

1-й крестьянин

Наг золота не копит!
Краюха есть в запасе, часом с квасом,

А то и так. С утра пошел из дома,
А брюхо — враг — вчерашнего не помнит.

2-й крестьянин

Тащи ее, ломай да нам давай!
Поделимся!

Поп

Не о едином хлебе...

1-й купец

Да тише вы!

Подьячий

Вот дурья-то порода!
В боярские хоромы затесался,
Сидит как гость; кадык-то свой распустит,
И не уймешь; не мимо говорится:
«Ты посади свинью...»

1-й крестьянин

Ты не гневися!
Мы замолчим: робята, жуйте тише!

Молчание.

2-й крестьянин

Чем так сидеть, давай перебуваться.

1-й купец

Да что вы, в хлев зашли?

Подьячий

Позвать холопей
Да вытолкать вас в шею за ворота.

Входят калачник и юродивый.

Калачник

Судьям, дьякам и вам, отцы честные!
Гостям-купцам и прочему народу —
До матери сырой земли поклон. *(Садится на пол.)*
Убогонький, садись со мной рядком!

Юродивый

Антихриста боюсь!

Конев

А разве скоро,
Афоня, ждать его?

Юродивый

Пришел нежданный!

1-й купец московский

Не надивлюсь! Боярин князь Василий
Иванович людей торговых лучших

Равняет с площадными торгашами;
Идет к нему и умный, и безумный,
И скоморох, и думный дворянин.

Калачник

Да ты зачем к боярину-то ходишь?
Ума занять?.. А я своим торгую
По мелочи. Эх, бороды большие,
Вы рады бы простой народ заесть,
Да воли нет!

Мелочной торговец

(калачнику)

Куда тебя носило?
Ни по торгам, ни в лавках не видать...

Калачник

Я в Туле был.

Мелочной торговец

Зачем?

Калачник

Хотел в казаки...

Юродивый

Казак — поляк!

Калачник

Полякам да казакам
Житье пришло, Афоня; царь Димитрий
Вперед бояр к руке их допущает.
Бояр казаки чуть не бьют...

Юродивый

Боярин —
Татарин!

Калачник

Что за диво, что бояре —
Тата́ровья: царем татарин был!

1-й купец московский

Что было, то прошло! Теперь Димитрий
Иванович, царевич благоверный
От племени Владимира Святого...

Юродивый

В могилке Дмитрий!

Подьячий

Мы тебе, блаженный,
И руки свяжем, да и рот замажем...

Калачник

Он простенький, с него взыскать нельзя.

К о н е в

(дает серебряную копейку юродивому)

Блаженный, на копеечку! Молися
О грешных нас!

М е л о ч н о й т о р г о в е ц

(калачнику)

Ты говорил, в казаки...

К а л а ч н и к

Охотой шел; да не горазд, сказали...

М е л о ч н о й т о р г о в е ц

Чего ж не стало?

К а л а ч н и к

Воровать не ловок!
Чем воровать, так лучше торговать
Я золотыми, угорскими стану.
Цена теперь хорошая на них:
Нужда пришла царю нести в подарок.

1-й к у п е ц м о с к о в с к и й

А калачами полно?

К а л а ч н и к

Пользы мало.
Вот накупи ты польских кунтушей,
Так наживешь, товар не залежится!..
Идет молва, что князь Рубец-Масальский,
Петр Федорыч Басманов и другие
Хотят свои боярские кафтаны
На кунтуши сменять...

П о д ь я ч и й

Язык-то длинно
Ты распустил, держал бы покороче.

Входят О с и п о в и д в о р е ц к и й.

О с и п о в

Так не бывал?

Д в о р е ц к и й

Всё там еще покуда,
В Коломенском стану, у государя.

О с и п о в

А скоро быть, ты чаешь?

Д в о р е ц к и й

Да пора бы;
Ты погляди, его боярску милость
Народу сколько ждет — скопились.

О с и п о в

По̀ что?

Д в о р е ц к и й

Наехали из Новгорода, Пскова
Посадские царевича встречать,
Московские торговцы площадные,
Крестьянишки из ближних деревень,
Попы без мест, дьячишки из приказов,
Убогие и всякие сироты,
И деловой, и шлющийся народ.
Не всякий видел очи государя,
Димитрия Иваныча,— так лестно
У нашего боярина проведать
Про царское здоровье; не слыхать ли
Про милости какие для народа...
Не обессудь! Шум некакий в воротах,—
Так побежать... Всё как-то не на месте
Душонка-то холопская; всё мнится,
Что вот наедет... Обожди часок. *(Уходит.)*

О с и п о в *(у окна)*

Приехал князь.

Все встают.

К а л а ч н и к *(у окна)*

А что-нибудь не ладно!
Угрюм старик, нависли брови тучей,
Глаза горят и скачут. Ну, сироты,
Не лучше ль нам сбираться восвояси,
С добра ума, покуда не прогнали?

1-й к у п е ц м о с к о в с к и й

Прогонит раз, придем к нему в другой.

П о д ь я ч и й

Тебе нужда, а у него их двадцать,
Да не чета бездельным нашим требам.

В с е

Да знамо, знамо, что и говорить!
Такие ли его дела!

П о д ь я ч и й

Так, часом,
И не до нас... И отдохнуть захочет
От дел житейских.

1-й к у п е ц

Человек бо есть.

К а л а ч н и к
То недосуг, то гневен,— ну и в шею,
Не погневись.
П о д ь я ч и й
Да хоть и погневися,
Кому нужда, кого ты испугаешь?
П о п
Смирен боярин, яко голубица,
И благости исполнен, претворяет
Свой гнев на милость вскоре, по писанью:
«Не за́йдет солнце в гневе вашем»...
К а л а ч н и к
Ну, брат,
Ты не скажи!

Входит д в о р е ц к и й.

Д в о р е ц к и й
Идет боярин, тише!

Входит В. Ш у й с к и й, все кланяются по нескольку раз в землю.

В а с и л и й Ш у й с к и й
(в раздумье останавливаясь перед Осиповым)
Никто как бог! Никто как бог!
О с и п о в
Боярин!
О здравии твоем позволь проведать!
В а с и л и й Ш у й с к и й
(оглядывает всех, потом кивает головой к дверям. Дворецкий из-за него машет рукою)
Я позову, кого мне нужно будет. *(Садится к столу.)*

Все уходят, кроме Осипова.

О с и п о в
Коль не в пору, так я и ко двору.
В а с и л и й Ш у й с к и й
Нет, обожди часок! — За прегрешенья
Казнит господь рабов своих нередко,
Да всё не так же! Горе всем живущим!

Молчание.

Ты был в стану?
О с и п о в
Я быть-то был...
В а с и л и й Ш у й с к и й Ну, что же?

Осипов

Смешение языков, песни, грохот,
Пальба, стрельба, бесовское гуденье!
Далёко гул идет по чисту полю,
И мать-сыра земля верст на семь стонет.
Для русского крещеного народа
Позорище противное зело!

Василий Шуйский

Царя-то видел?

Осипов

Точно ефиопы,
Кругом него поляки, да черкасы,
Да казаки донские, оттирают
И поглядеть поближе не дают.

Молчание.

Василий Шуйский

Ну, что ж молчишь?

Осипов

Спросить бы, да не смею.

Василий Шуйский

Чего бояться! Развяжи язык!

Осипов

(подвигаясь к Шуйскому)
Чернец?

Василий Шуйский

Ну нет, не чернецом он смотрит...
Ошиблись мы с Борисом. Монастырской
Повадки в нем не видно. Речи быстры
И дерзостны, и поступью проворен,
Войнолюбив и смел, очами зорок,
Орудует доспехом чище ляхов
И на коня взлетает, как татарин;
А чернеца не скоро ты обучишь
Владеть конем ногайским или саблей.

Осипов

Умом я прост, а душу соблюдаю,
Геенского огня боюсь безмерно!
Скажи, кому мы крестным целованьем
Свою навеки душу заручили?

Василий Шуйский

Он — вор, не царь, и сходства очень мало
С покойником; не царская осанка,
Вертляв, и говорлив, и безбород,

Обличие и поступь препростые,
Не сановит, да и летами старше.

Осипов

А кто ж бы он? Ты как мекать изволишь?

Василий Шуйский

Крестись, Тимоша!

Осипов

С нами крёстна сила!

Василий Шуйский

Антихрист он или его предтеча.

Осипов

О, господи помилуй! Эко слово
Ты вымолвил!

Василий Шуйский

И верить и не верить
Ты сам волён.

Осипов

Василий свет Иваныч,
Не мучь меня! Душа велико дело!

Василий Шуйский

Не знаю, друг, похоже-то похоже,
А заверять не стану: ошибешься,
Да и тебя введешь в обман и грех.
Что он поляк и езовитской веры —
Вот это верно, бог тебе порукой.

Осипов

Боярин, ты убил меня! Ну как же
Еретику служить! Святая церковь
Противиться велит до смерти крестной.

Василий Шуйский

Ты что толкуешь! Умирать за веру!
Тебя ли хватит на такое дело!

Осипов

В моей душе ты не бывал, боярин.

Василий Шуйский

Ты не смеши!

Осипов

Ты погоди смеяться,
Не торопись.

Василий Шуйский

Вот новый страстотерпец!
В московские угодники задумал?

Не к рылу честь! Таких речей нелепых
Ни говорить, ни слушать непригоже...
Служи царю по крестной клятве, вправду,
И всякого добра ему желай!
Ты — молодой слуга, себе ты должен
Искать богатства и служилой чести!
Покаешься под старость во грехах;
Служи пока мамону!

Осипов

Ты, боярин,
Меня в тоску вогнал и закручинил,
До слез довел; мне жизнь теперь постыла.

Василий Шуйский

Назавтра въезд, так приходи к пречистой,
Ко всенощной, молиться за царя!

Осипов

Прости, боярин! Эко дело, право! *(Уходит.)*

Входит дворецкий.

Василий Шуйский

Пусти Конева!

Дворецкий уходит. Входит Конев.

Что, Конев, ты скажешь?

Конев

Да что сказать! В миру погибла правда,
Простор врагу. Бесовское мечтанье
Осе́тило проклятую Москву.
Ослеп народ, и смотрит, да не видит:
Царевичем расстригу величают.

Василий Шуйский

Неужто все?

Конев

Да почитай что все:
Крестьяне сплошь, торговцы мелочные,
Разносчики и площадная голь
От радости ликуют, даровое
Зачуявши вино. Из нашей братьи,
Торгующих, боярин, двое только
Шатаются: и верят и не верят...
Привел к тебе.

Василий Шуйский

Да люди-то надежны ль?

К о н е в
Церковные строители, любимцы
И ближние святому патриарху,
Ревнители о православной церкви.

В а с и л и й Ш у й с к и й
Ну, милости прошу. Пускай войдут.

К о н е в *(растворив дверь)*
Не бойтеся боярина, идите!

Входят д в о е к у п ц о в.

В а с и л и й Ш у й с к и й
Какое ваше дело?

1-й к у п е ц
Мы — сироты,
За спа́сеньем пришли к тебе, боярин.

В а с и л и й Ш у й с к и й
Я вам не поп!

1-й к у п е ц
К святому патриарху
Ходили мы, бывало, за советом
О всех делах, духовных и мирских...

2-й к у п е ц
Женить ли сына, дочь ли выдать замуж,
Когда купить, когда продать товары
Повыгодней — за всем к нему ходили.

В а с и л и й Ш у й с к и й
Чего же вам?

1-й к у п е ц
Пришли за утвержденьем,
На чем стоять...

2-й к у п е ц
Ты, вместо патриарха,
Отцом нам будь! Наставь и накажи!

В а с и л и й Ш у й с к и й
Какого же вы, братцы, наказанья
Желаете?

1-й к у п е ц
Доподлинный царевич
В Коломенском, иль вор и чернокнижник,—
Смущаемся.

Конев

Уверь ты их, боярин,
Не верят мне, что вор, расстрига, Гришка
Богданов сын, Отрепьев, по совету
Дияволю на царстве утвердился.

1-й купец

Боярин, так?

Василий Шуйский

Чего же вам еще!

1-й купец

Отрепьев ли?

Василий Шуйский

Отрепьев.

1-й купец

Побожися!
Дай руку!

Василий Шуйский

Вот рука, зачем божиться!
Я целовал икону всенародно
И с Лобного сказал, что он — Отрепьев.

Конев

Ну, слышали?

1-й купец

Спасибо, князь Василий
Иванович! Не погневись за нашу
Любовь к тебе и дурость! Мы за ласку
Боярскую челом тебе! Напредки
Не оставляй нас, мужиков...

2-й купец

Боярин,
А жить-то как? Приказывай! Что скажешь,
Тому и быть.

Василий Шуйский

Живите, как хотите.
Терпи, поколь потерпится.

1-й купец

А если...

Василий Шуйский

Никто как бог, и кончен разговор!

1-й купец

Мы в Старицу сбираемся, боярин,
В темнице патриарха навестить.
Допустят ли нас к Иову?

Василий Шуйский

Пытайтесь!

Конев

Не будет ли приказу от тебя?

Василий Шуйский

Приказу нет. Поклон земной свезите
(кланяется, касаясь рукой до земли)
И нерушимое благословенье
Мне попросите.

Конев и купцы

С миром оставайся!

Уходят.

Василий Шуйский *(один)*

Сегодня трое, завтра будет больше,
А через месяц вся Москва — моя.
Безвестный царь, бродяга безыменный,
Душой поляк; как девка, малодушен;
Как малолеток, падок на утехи;
Как скоморох, без разума проворен;
Как пьяный дьяк, болтает без умолка.
Он вскормленник прямой панов хвастливых!
Недолго ждать, он прыть свою покажет,
И скоро люд московский, православный,
Бесчиния такого на престоле
Насмотрится, чего во сне не снилось!
Забвения отеческих преданий,
Кощунства иноземцев над святыней,
На грозном троне шутовских забав
Народ не любит. Грозному Ивану
Народ простил распутства, злодеянья,
Мучительства безропотно стерпел —
За сановитость царскую, за строгость
Его лица и поступи, за чинность
И набожность. Москва привыкла видеть,
Как царь ее великий, православный,
На высоте своей, недостижимой,
Одной святыне молится с народом,
Уставы церкви строгие блюдет,
По праздникам духовно веселится,
А в дни поста, в смиренном одеяньи,
С народом вместе каяться идет;
Но скоморoха на престоле царском
Терпеть не станет! Рано или поздно

Бродяга, царь московский самовольный,
Поплатится удалой головой.
Потом... потом... я — царь. Начнется снова
И благолепие, и чинность, и порядок.
По-старому мы царствовать начнем;
По-старому в день нашего венчанья
По всей Руси, под колокольный звон,
Польются милости народу щедро;
По-старому грозить полякам будем,
Пугать татар; по-старому... бояться
Изменников!.. волжбы и чародейства!
По-старому... боярская крамола!
О, господи!.. измены да опалы!
Ха-ха, ха-ха! Тревоги да крамолы!
Бояться их? Рожденному на троне
Тяжка она — корона Мономаха!
А мне, рабу, холопу Годунова,
Почувствовать себя хоть раз владыкой,
Почувствовать, что между мной и богом
Ни власти нет, ни силы! О!.. Каких же
Тревог, забот я побоюсь! Какими
Крамолами во мне смутится сердце!
Решился я! Отныне каждый помысл
И каждый шаг ведут меня к престолу;
Умом, обманом, даже преступленьем
Добьюсь венца. О господи! помилуй
Нас, грешников!

Молчание.

Богданко, где ты?

Входит дворецкий.

Дворецкий
Ась?

Василий Шуйский
Зови народ! Кого, чего им нужно?
Калачника с блаженным на поварне
И накормить, и ночевать оставить,
И рано утром привести ко мне.

Дворецкий отворяет дверь: входят купцы, подьячие, странники и проч.

Василий Шуйский *(купцам)*
Ну, живы ль вы?

Купцы
По милости господней!

Василий Шуйский
Ходили в стан?
Купцы
Ходили. Все ходили.
Василий Шуйский
А грамоты вам чли? Царевич Дмитрий
И пошлины, и подати во льготе,
И облегченье учинить велел,
По милости своей и по совету
Бояр великих. Ну, вы рады?
Купцы
Рады.
Благодарим небесного царя.
Василий Шуйский *(прочим)*
Крестьяне, вам, и вам, отцы честные,
И вам, и вам всем будет хорошо!
(Купцам.)
Ну, вот у вас и денег больше будет,
И животов прибудет.
Купцы
Мы, боярин,
От радости себя не помним.
Василий Шуйский
То-то ж!
За деньги-то, смотрите, не продайте
Чего другого, что дороже денег.
Купцы
Хоть умереть, а не понять ни зá-что
Твоих речей.
Василий Шуйский
Захочешь, так поймешь.
Душа нужна, а деньги — тлен.
Подьячий *(подавая свиток)*
Боярин,
Я, многогрешный богови и грубый,
Писанием предати покусихся —
Читающим на пользу и на память —
Восшествие исконного царя
На прародительския царства, еже
Очима видехом...
Василий Шуйский
Запел ты рано!
Не торопись! Не в сутки город строят.
Не под дождем, мы лучше подождем.

(Отдает свиток.)
Ты через год приди, я почитаю.

Купец

Кругом царя мы иноверцев видим;
Дозволь спросить, прилежен ли Димитрий
До церкви божьей?

Василий Шуйский

Царь благочестивый
И набожный: с ним два попа латинских...
Ну, с богом! Эй, Богданко! Бочку меду
Им выкати! Да потчуй хорошенько,
Чтоб пили все за царское здоровье. *(Машет рукой.)*

Все уходят с поклонами.
Входит быстро Дмитрий Иванович Шуйский.

Дмитрий Шуйский

Василий, брат, за что же ты остаток
Широкого и славного потомства
Василия Кирдяпы вдосталь губишь!
Последние мы четверо остались
Без племени...

Василий Шуйский

Да что как угорелый
Ты мечешься?

Дмитрий Шуйский

Из стана я, Василий...
Душа моя во мне захолодела.
Послушай ты меня!

Василий Шуйский

Тебя послушать,
Так доброго не ждать! Ты, Дмитрий, глуп.

Дмитрий Шуйский

Я глуп не глуп, а голову жалею.
В запасе нет, всего одна на плечах.
Вот ты умен, а над собой не видишь
Погибели. Четвертый день мы ездим
С поклоном в стан — а проку что? Всё хуже:
Между бояр смешки идут да шепот.
А царь что день — грознее да грознее.
Чем это пахнет? Плахой либо ссылкой
И вечною опалой!

Василий Шуйский

Плакать, что ли,
И кланяться?

Дмитрий Шуйский

Иди скорей на площадь,
Сбирай народ, клянись перед иконой,
Что в Угличе ты хоронил другого;
Что Дмитрий жив, что подлинный царевич,
Царя Ивана сын, на трон вступает!
Винись во всем; скажи, что страха ради
Борисова вы лгали с патриархом.
Иди теперь, а завтра будет поздно.
Богдашко Бельский да Голицын Васька
По площадям и в улицах московских
Одно твердят, что Шуйский с патриархом,
Изменники царевы, обманули
И довели до клятвопреступленья
Народ в Москве; а ты молчишь и губишь
Себя и нас!

Василий Шуйский

А чем же мне заплатят
За ложь мою? Насмешками, что поздно
Опомнился, что раньше нужно было
Покаяться. Меня на то и ловят,—
Да не поймать! Я даром лгать не стану.
Я хоронил царевича; я знаю,
Кто жив, кто нет; один я правду знаю...
Им ложь нужна, а я почет люблю.
Я подожду, куда мне торопиться;
Придет пора, и правда пригодится.

Дмитрий Шуйский

Опомнись, брат! Мы нà волос от смерти.

Василий Шуйский

Уж лучше смерть; позор еще тяжеле!
Не сладко жить без чести, быть холопом
Басманова и Бельского с Масальским!
А говорят: «Спесивый Дмитрий Шуйский!»
Ну где же спесь твоя! Лишь в том, что кверху
Ты бороду дерешь да слова толком
Не вымолвишь, ворчишь, как кот запечный!

Дмитрий Шуйский

Да не до жиру, брат, а быть бы живу!

Василий Шуйский

Не Шуйский ты! Наш род в последних не был;
Немало нас погибло смертной казнью;
Мы шли на смерть, а чести не теряли.

Благовест. В. Шуйский крестится, берет шапку и трость.

Василий Шуйский

Ко всенощной! Помолимся усердно
Пред господом о крепости и силе
В борьбе с врагом. Для нас теперь, Димитрий,
Нет выбора другого: или плаха,
Иль золотая шапка Мономаха!

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

ЛИЦА:

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ,
самозванец.

МСТИСЛАВСКИЙ,
князь Федор Иванович.

ШУЙСКИЙ,
князь Василий Иванович.

ШУЙСКИЙ,
князь Дмитрий Иванович.

ГОЛИЦЫН,
князь Василий Васильевич.

ВОРОТЫНСКИЙ,
князь Иван Михайлович.

КУРАКИН,
князь Иван Семенович.

РУБЕЦ-МАСАЛЬСКИЙ,
князь Василий Михайлович.

БАСМАНОВ ПЕТР ФЕДОРОВИЧ.

БЕЛЬСКИЙ БОГДАН ЯКОВЛЕВИЧ.

ЯН БУЧИНСКИЙ,
секретарь Дмитрия.

ЯКОВ МАРЖЕРЕТ,
капитан немецкой роты.

КОРЕЛА,
донской атаман.

КУЦЬКА,
запорожский атаман.

САВИЦКИЙ,
иезуит.

КОНЕВ.

КАЛАЧНИК.

ДЕСЯТСКИЕ, ВЕНГРЫ, ПОЛЯКИ, ЗАПОРОЖЦЫ, КАЗАКИ, ТАТАРЫ, НЕМЦЫ, ПОЛЬСКИЕ ЛАТНИКИ, БОЯРЕ, ДВОРЯНЕ, КУПЦЫ, СТРЕЛЬЦЫ И ВСЯКИЙ НАРОД ОБОЕГО ПОЛА.

Кремль.
(20 июня 1605 года)
Налево дворец, направо Архангельский собор; у Красного крыльца М а р ж е р е т *и* н е м е ц к а я с т р а ж а; *от крыльца до собора* с т р е л ь ц ы *и* п о л ь с к и е л а т н и к и. *Вся площадь и здания покрыты народом; впереди, между народом,* К о н е в *и* к а л а ч н и к. *Колокольный звон и музыка. Бояре:* М с т и с л а в с к и й, В а с и л и й *и* Д м и т р и й Ш у й с к и е, В о р о т ы н с к и й, Г о л и ц ы н, К у р а к и н, М а с а л ь с к и й, Б е л ь с к и й, *выходят из Успенского собора и становятся подле крыльца Мстиславский в сопровождении двух бояр идет во дворец и возвращается с хлебом и солью. На ступенях крыльца* С а в и ц к и й.

Г о л о с а в н а р о д е
К Архангелу, к родителям пошел!
1-й г о л о с и з н а р о д а
Какой народ за ним! Всё в разном платье.
2-й г о л о с и з н а р о д а
Известно кто: черкасы, угры, ляхи.
1-й г о л о с и з н а р о д а
Крещеные?
2-й г о л о с и з н а р о д а
А кто их знает!
К о н е в
Бесы.
1-й г о л о с и з н а р о д а
Ну, полно ты! Бесов сейчас узнаешь.
К о н е в
Отведены глаза, на нас мечтанье
Напущено.
К а л а ч н и к
А ты узнаешь беса?
Так вон гляди! Как есть в своем наряде.
(Показывает на Савицкого.)
1-й г о л о с и з н а р о д а
И то ведь, бес. Глядите-ко, робята!
К о н е в
Мы прокляты, живем без благодати,
И волен бес над нами: патриархом
Мы отданы ему во власть; он кажет,
Что хочет, нам, а мы глядим и верим.
1-й г о л о с и з н а р о д а
Да вправду ли?
К о н е в
Молчи да слушай, глупый!

Б а с м а н о в *выходит из Архангельского собора.*

Б а с м а н о в

Десятские и сотские, смотрите,
Чтоб тесноты от множества народа
Не сталося, да накрепко блюдите,
Чтоб пустошных речей не говорили.
А буде кто лишь только заикнется
О вымысле нелепом Годунова
И патриарха, взять его скорее
За-приставы, потом ко мне привесть.

К а л а ч н и к

Боярин наш, Петр Федорыч, сироты
Мы бедные, дозволь взглянуть поближе
На батюшку, на наше солнце красно.

Б а с м а н о в

Ты кто таков?

К а л а ч н и к

Калачник, государь.

Б а с м а н о в

Почем меня ты знаешь?

К а л а ч н и к

Как, боярин,
Не знать тебя! Кто всех бояр храбрее?
Кто всех умней? Петр Федорыч Басманов.

Б а с м а н о в

Ты с виду прост, а не дурак, я вижу.
Ну, рад ли ты, калачник, государю?

К а л а ч н и к

Уж так-то рад, что и сказать нельзя:
Пригожих слов, по глупости, не знаю.

Б а с м а н о в *(десятскому)*

Пустить его поближе.
(Отходит.)

К а л а ч н и к *(десятскому)*

Я, робята,
Вам помогать.

Д е с я т с к и й

Ну ладно, стань вот здеся,
Поталкивай, осаживай назад!

М с т и с л а в с к и й *(на крыльце)*

Веселый день, играет солнце красно
На золоте крестов церквей соборных.

Г о л и ц ы н

Пора взыграть и солнышку над нами!
В час утренний, с высоких сих ступеней,

При ярком блеске солнца над Москвой.
Прошедшее каким-то сном тяжелым,
Мучительным, минувшим невозвратно,
Мне кажется. Великие потомки
Князей удельных и бояр исконных,
Мы не жили, мы только трепетали:
Не сон ли то, что царь Иван нарочно,
По выбору, губил мужей совета
И воевод, бестрепетных во бранях?

Куракин

Ему царей татарских покоряют
И городы немецкие берут,
От крымских орд Москву оберегают,
А он, едва опомнившись от страха,
На сковродах железных воевод
Огнем палит и угли подгребает!

Воротынский

Напомнил ты родителя кончину,
Победоносца князя Михаила
Иваныча, спасителя России,
И опечалил сыну ясный день.

Бельский

А легче ль нам от Годунова было?
Ты то скажи, Ивана-то оставь.

Голицын

Терпели мы владык своих законных
Столетний гнев, потомков Мономаха,
А выходцев ордынских с корнем вон.

Бельский

Ох, речи смелы!

Голицын

Время таково.
Ты не привык; ну, ничего, привыкнешь.

Куракин

К мучительству труднее привыкать,
А к воле легче.

Голицын

Да, настало время
Вздохнуть и нам. Димитрий, богом данный,
Видал иные царства и уставы,
Иную жизнь боярства и царей;
Оставит он татарские порядки;
Народу льготы, нам, боярам, вольность
Пожалует; вкруг трона соберет

Блистательный совет вельмож свободных,
А не рабов, трепещущих и льстивых,
Иль бражников опричнины кровавой,
На всех концах России проклято́й.

М с т и с л а в с к и й

Веселый день!

В а с и л и й Ш у й с к и й

И царь у нас веселый;
Сам молится, а музыка играй!
Повеселить отцов и дедов хочет.
Давно они в тиши гробниц смиренно,
Под пение молебное, под дымом
Кадильных ароматов, почивают
И музыки доселе не слыхали...
Прими, господь, и упокой их души,
Князей великих, сродников моих,
Царей, цариц и чад их благоверных,
Скончавшихся и здесь похороненных,
Царя Ивана, Федора царя!

М с т и с л а в с к и й

Неладно, князь Василий, княж Иваныч!
Ты знаешь сам, в день радости царевой
Речей и лиц печальных не бывает;
Все веселы.

В а с и л и й Ш у й с к и й

Промолвился оплошкой.

Б е л ь с к и й

В церквах поют заздравные молебны,
А он оплошкой панихиду начал.

Б а с м а н о в

О здравии молись! За упокой-то
Ты сродников своих помянешь после.

М а с а л ь с к и й

Ты подожди родительской субботы.

Д м и т р и й Ш у й с к и й

Обмолвился, не всяко лыко в строку.

Б е л ь с к и й

Царя Ивана рано позабыли:
Оплошек не было; за них он на кол
Сажал, бывало.

В а с и л и й Ш у й с к и й

Нет, Иван-то только
Приказывал, сажал-то ты с Малютой
Скуратовым.

М с т и с л а в с к и й

Молчать бы нам, бояре,
Пригожее.

В а с и л и й Ш у й с к и й

Я замолчу, я смирен.

Б а с м а н о в

Не бойся злой собаки, бойся смирной.

К у р а к и н *(тихо, Голицыну)*

А Бельский всё Ивана вспоминает;
Кому что мило, тот про то и грезит.

Г о л и ц ы н

У них в крови с Басмановым холопство;
По их уму: не хам — так не слуга.

М а с а л ь с к и й *(тихо, Басманову)*

А Шуйский всё родней своей кичится.

Б а с м а н о в

Как ни кичись, родней родного сына
Не сделаться.

Д м и т р и й Ш у й с к и й *(тихо, Василию Шуйскому)*

Голицыным всё воли
Недостает.

В а с и л и й Ш у й с к и й

По Курбскому пошли:
Литва мила, завидно панам-раде!

Д е с я т с к и е *(у собора)*

Идет, идет! Давай дорогу шире!
Проваливай!

К а л а ч н и к

Да ты лупи их крепче!
Затылок наш к побоям притерпелся.
Ты православной шеи не жалей!

Д м и т р и й выходит из собора, за ним б о я р е и д в о р я н е, Б у ч и н с к и й, п о л я к и, в е н г р ы, запорожские и донские атаманы К о р е л а и К у ц ь к а. Звон и музыка.

В е с ь н а р о д

Отец ты наш! Ты наше солнце красно!

М с т и с л а в с к и й

Пресветлый царь и князь великий Дмитрий
Иванович!

Дмитрий останавливается пред Маржеретом.

Василий Шуйский

Не торопись, поспеешь!
Боярам честь потом, а немцам прежде:
Дай с немцами ему наговориться.

Дмитрий

Ну, Маржерет, мой храбрый капитан!
Вы — молодцы, вы бьетесь лучше русских.
Ты — мой слуга! Я знаю, ты не станешь
Жалеть врагов моих, а так же больно
Побьешь и их, как нас тогда побили
В Добрыничах. Ты что на это скажешь?

Маржерет

Votre Majesté! [1] Доколе капля крови
Французская останется во мне,—
Я ваш слуга; я только жажду часу,
Чтоб показать пред вашими глазами
И преданность французскую и храбрость,
И умереть пред вашим Majesté!

Дмитрий

Добрынской битвы долго не забудешь!
Побили нас! О боже, як побили!
(Обращаясь к Куцьке.)
Надейся вот на этих атаманов;
Вы, лыцарство, всех прежде утекли.

Куцька

Да дуже ж бьются німци, вражи диты.

Дмитрий

Вперед бегут, как дурни, запорожцы;
За ними вслед донские казаки.

Корела

И побежишь! Крещеные мы люди,
А немцам что... им черти помогают.

Куцька

Ось так! Ось так! Корела правду каже,
Як бы не бис, мы б, мабуть, не втекли.

Дмитрий *(Маржерету)*

Придет пора, тогда тебя я вспомню;
Я здесь, в Москве,— среди своих детей,
И мне не нужно иноземной стражи.
А вот начнем войну с султаном турским,
Тогда пойдем, мой храбрый Маржерет,
Зубрить мечи и бердыши стальные

---

[1] Ваше величество! *(франц.)*.

О бритые затылки бесермен.
Мне хочется померяться с тобою;
Ты храбр, а я завистлив; ты, я знаю,
Доволен будешь мной, jak boga kocham! [1]

Маржерет

Vive l'Empereur! [2]

(Солдатам.)

Ruft: «Hoch! Vivat der Kaiser!»[3]

Немцы

Vivat! hoch! hoch!

Калачник

Заохали, собаки.

В народе смех.

Мстиславский

Пресветлый царь и князь великий, Дмитрий
Иванович, всея Руссии, божьим
Произволеньем чудно сохраненный
И покровенный крепкою десницей
Наш государь и самодержец, ныне
Пожалуй нас, вступи в свои хоромы
И на отеческом престоле сядь!

Дмитрий

Мне бог вручил московскую державу
И возвратил родительский престол.
От юных лет невидимою силой
Я сохранен для царского венца.
Изгнанником безвестным я покинул
Родной земли пределы — возвращаюсь
Непобедимым цесарем, карая
Врагов своих и милуя покорных.
И радостно вступаю в отчий дом
Творить и суд и милость.
Вам, бояре,
Мы скажем завтра жалованье наше,—
Сегодня пир; гостей иноплеменных
Мы удивим московским хлебосольством.
(К народу.)
По площадям велю вина поставить —
Гуляйте все с утра до поздней ночи
На радости о нашем возвращеньи.

---

[1] Клянусь богом! *(польск.)*.
[2] Да здравствует император! *(франц.)*.
[3] Кричите: «Да здравствует император!» *(нем.)*.

Народ

Храни тебя господь на многи лета
И одоленье даруй над врагом!

Бельский

Великий царь, дозволь ты мне, холопу,
Усердие явить перед тобою!
Мы, государь, с Басмановым, с Масальским
Хотим скакать к народу,— благо, много
Сошлось его с окольных деревень,—
И с Лобного поклясться всенародно
(срывая с шеи крест),
Целуя сей животворящий крест,
Что ты наш подлинный царевич Дмитрий,
Почившего царя Ивана сын.

Дмитрий

Зачем скакать и всенародно клясться?
Народ меня не позабыл и любит.
Ты видел сам сегодняшнюю встречу —
И моего приказу нет тебе.
Но если ты усердствовать желаешь,
Благодарю, я воли не снимаю,
Скачи к народу, говори, что знаешь...
Идем наверх!

Иезуит

Te Deum laudamus! [1]

Дмитрий

За нами, pater! [2]

Уходит во дворец, за ним Мстиславский, Голицын, Д. Шуйский, Воротынский, Куракин и другие. В. Шуйский останавливается на слова Бельского.

Бельский *(Басманову)*

Едем! *(Шуйскому.)* Князь Василий!
За нами, что ль? Оно бы не мешало
Поправить грех, покаяться народу.

Василий Шуйский

Не ты б молол, не я бы это слушал!
Тебе учить меня не довелось,
Я стар, Богдан, да на подъем не легок.
Басманов и Масальский помоложе,
И молода боярская их честь.

---

[1] Тебя, бога, хвалим! *(латин.)*.
[2] Отец *(латин.)*.

Ну, пусть они и скачут вперегонку
С черкасами и польскими панами;
А мне с Мстиславским в царские хоромы —
Хозяина встречать.
(Остальным боярам.)
Идем, бояре!

Уходят.

Бельский
Петр Федорыч, ты — ближний государю,
Ужли стерпеть обиду от Василья?
Масальский
Не выдай нас! Тебе стерпеть обиду,
Так нам житья от Шуйских не видать.
Басманов
Нет, я не дам себя обидеть даром,
Не дам себе дорогу перейти.
Я поклялся царю и государю
Беречь его и выводить измену;
Изменников найду я в думе царской
И выведу царю измену их.

Подходит десятский.

Чего тебе? Что надо?
Десятский
Мы, боярин
Петр Федорыч, купчину изымали:
Мутил народ и пустошные речи
Рассказывал о старом патриархе.
Басманов
Кто он такой?
Десятский
Прозванием — Конёв.
Басманов
Хоть побожусь, что он подослан Шуйским.
Ко мне его, а вечером к допросу.
Поедемте!
(Полякам.)
Поедемте, паны!
Бучинский
Пахо̀лик, ко̀ня!
Запорожцы
Хлопци! Ко̀ней живо!

Уходят.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

ЛИЦА:

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ,
самозванец.

БАСМАНОВ ПЕТР ФЕДОРОВИЧ.

САВИЦКИЙ,
иезуит.

ЯН БУЧИНСКИЙ,
секретарь Дмитрия.

Золотая палата.
(21 июня 1605 года)
Дмитрий и Басманов входят.

Дмитрий

Так вот она — палата крепкой власти
И грозных дум, святой и неприступный
Приют царей!.. По золотому полю
Тяжелое и строгое письмо...
Так прочно всё, такое вековое!
Вот старый трон; на нем мой брат Феодор
Сидел в мечтах о житии небесном,
О царственных заботах не радея.
Отец Иван для буйств своих татарских
Святую тишь палаты покидал
И в сло́боде кромешной запирался;
А здесь сидел, посаженный для смеха,
Крещеный царь татарский, богомольный,
Судил народ и жил благочестиво...
Где он теперь?

Басманов

Про князя Симеона
Ты спрашивать изволишь? Годуновым
Он сослан был: Борис его боялся.
Он в отчине, в Кушалине селе;
Слепой старик едва волочит ноги.

Дмитрий *(с усмешкой)*

Великий князь и царь всея России —
В изгнании! Гонцов к нему отправить,
Привезть опять в Москву с большим почетом
И величать по-прежнему царем.

Басманов

Но, государь...

Дмитрий

Басманов! Мне ль бояться
Татарина! Я не Борис. Я милость
Дарую всем опальным годуновским!
Довольно мук, Басманов!
Ныне милость,
Одна лишь милость царствует над вами.

Басманов

Привыкли мы царевы грозны очи,
Как божие всевидящее око,
Над головой своей поклонной видеть
И выполнять лишь грозные приказы,
Грозящие неумолимой карой.
Ты милостью себя навек прославишь,
Но без грозы ты царством не управишь.

Дмитрий

Не диво мне такие речи! Править
Вы знаете одно лишь средство — страх!
Везде, во всем вы властвуете страхом:
Вы жен своих любить вас приучали
Побоями и страхом; ваши дети
От страха глаз поднять на вас не смеют;
От страха пахарь пашет ваше поле;
Идет от страха воин на войну;
Ведет его под страхом воевода;
Со страхом ваш посол посольство правит;
От страха вы молчите в думе царской!
Отцы мои и деды, государи,
В орде татарской, за широкой Волгой,
По ханским ставкам страха набирались
И страхом править у татар учились.
Другое средство лучше и надежней —
Щедротами и милостью царить.

Басманов

Великий царь, являй свои щедроты
И милости несчетные; но, ради
Сирот твоих, для нашего спокоя,
Жалей свою венчанную главу!
(Становится на колени.)
Не дай расти и созревать измене!
Изменников казни!

Дмитрий *(быстро)*

А где измена?
Изменник кто?

Б а с м а н о в

Боярин твой великий,
Василий Шуйский. Проследил измену
И вывел я; она ясна как день.

Д м и т р и й

Не верю я. Владычество тирана
Пугливого вас приучило видеть
Изменников везде.

Б а с м а н о в

Бояр пронырство
Неведомо тебе, ты с нами не жил.
Грозна была опала государей,
Родителей твоих, и Годунова;
Но если б знать ты мог бояр крамольных
Все помыслы, ты казням бы Ивана
Не подивился. В самой преисподней,
На самом дне клокочущего ада
Не выковать таких сетей, какими
Они тебя и Русь опутать могут.
Великий царь, не верь своим боярам,
Не верь речам, улыбкам и поклонам —
Казни ты их направо и налево,
А Шуйского вперед,— он всем начало.

Д м и т р и й

Ужасен смысл речей твоих, Басманов!
Ты холодом меня обвеял. Думал
Я милостью привлечь сердца народа,
А ты казнить велишь.

Б а с м а н о в

Я умоляю.

Входит иезуит С а в и ц к и й.

Д м и т р и й *(Басманову)*

Я никого не осужу один
И не пролью ни капли крови русской!
Над Шуйским суд назначить в нашей думе
Из выборных от всех чинов народа
И дать ему все средства оправдаться.
Оставь меня! Бучинского пошли!

Б а с м а н о в уходит.

Ты здесь был, pater?

Иезуит

Как тебе угодно:
Коль хочешь — здесь, не хочешь — нет меня,
Monarcha invictissime! [1]

Дмитрий

Свершились
Пророчества твои: престол московский
Мы заняли.

Иезуит

Что трудно человеку,
То господу легко. Небесный промысл
Ведет тебя, путем прямым и верным,
К величию; да ведают народы,
Что твой оплот, что твой руководитель
Не есть иной кто, nisi deus noster! [2]
Да ведаешь и ты, что избран богом
Для дел великих. Ни мирская слава,
Ни гром побед да не прельстят тебя!
Святая церковь ждет побед духовных;
Давно умы святейших наших пап
Обращены на этот север дальний;
Давно они московских государей,
Схизматиков, апостольского трона
Чуждавшихся, к спасению зовут
И, scilicet [3], к спасенью их народов.
И ныне наш universalis pater [4],
Святейший Павел Пятый, умоляет
Всевышнего, да дарует он силу
Димитрию, второму Константину,
Овец заблудших дома своего
Привесть к стопам наместника Христова!

Дмитрий *(рассеянно)*

Бучинского ко мне!

Иезуит *(пожимая плечами)*

Он — лютеранин! *(Уходит.)*

Бучинский входит.

Дмитрий

На Шуйского донос; но я не верю
Басманову: он ослеплен враждою

---

[1] Непобедимейший монарх! *(латин.)*.
[2] Только бог наш! *(латин.)*.
[3] Разумеется *(латин.)*.
[4] Глава католической церкви, то есть римский папа *(латин.)*.

И слишком предан мне. Василий Шуйский
Умнее всех бояр; его осудят,
Сомненья нет. И вот, Бучинский, средство
Из бывшего врага мне сделать друга
И лучшего слугу!
Поздравить папу
Со днем вступленья на престол Петра.
Пиши ему учтивостей побольше!
А вместо прежних наших обещаний —
Вводить латинство — мы теперь напишем,
Что мы не праздны на престоле царском,
Что мы, для пользы и для блага церкви,
Хотим начать войну с султаном турским.
А между тем поди скажи Игнатью,
Чтоб грамоты теперь же заготовил
И разослал, как будет патриархом,
По городам, чтобы молебны пели
За нас, царя, и за царицу-мать
И господа просили, да возвысит
И вознесет он царскую десницу
Над бесерменством и латинством.

Бучинский

Мудрость
В лице твоем воссела на престоле.

Дмитрий

Поди, пиши, Бучинский!

Бучинский уходит.

Сиротливо
В душе моей! Расписанные своды
Гнетут меня, и неприветно смотрят,
Не родственно, таинственные лики
Из темной позолоты стен угрюмых...
Здесь мрак тюрьмы и святость старой церкви.
Мне рада Русь, но ты, холодный камень,
Святым письмом расписанный, ты гонишь,
Ты трепетом мою обвеял душу —
Я здесь чужой! Сюда без страха входят
Отшельники святые только или
Московские законные цари...
Гляжу и жду, что с низенького трона
Сухой старик с орлиными глазами
Поднимется и взглянет грозно... грозно!
И зазвучит под сводами глухими

Презрительно-насмешливая речь:
«Зачем ты здесь? Столетними трудами
И бранями потомство Мономаха
Среди лесов Сарматии холодной
Поставило и утвердило трон,
Блистающий нетленными венцами
Святых князей, замученных в Орде,
Окутанных одеждой херувимской
Святителей и чудотворцев русских,—
Гремящий трон! Кругом его подножья
Толпы князей, склоненные, трепещут
В молчании... Бродяга безбородый!
Легко тебе, взлелеянному смутой,
Внесенному бурливыми волнами
Бунтующей Украйны в сердце Руси,
Подъятому преступными руками
Бояр крамольных, влезть на опустелый
Московский трон с казацкого седла!
Вскочить легко, но усидеть попробуй!»
Отец названый! Я себя не знаю,
Младенчества не помню. Царским сыном
Я назвался не сам; твои бояре
Давно меня царевичем назвали
И, с торжеством и злобным смехом, в Польшу
На береженье отдали. Не сам я
На Русь пошел; на смену Годунова
Давно зовет меня твоя столица,
Давно идет по всей России шепот,
Что Дмитрий жив. Опальное боярство
Из монастырских келий посылало
Ко мне в Литву, окольными путями,
Своих покорных, молчаливых слуг
На Годунова с челобитьем. В Польше
Король меня царевичем признал,
Благословил меня на царство папа,
Царевичем зовут меня бояре,
Царевичем зовет меня народ,
Усыновлен тебе я целой Русью!
Не твой я сын,— а разве Годуновы
Наследники тебе? А разве Ромул,
Пастуший сын, волчицею вздоенный,
Царем рожден?
Как сон припоминаю,
Что в детстве я был вспыльчив, как огонь;

И здесь, в Москве, в большом дому боярском,
Шептали мне, что я в отца родился,
И радостно во мне играло сердце.
Так кто же я?.. Ну если я не Дмитрий,
То сын любви иль прихоти царевой...
Я чувствую, что не простая кровь
Течет во мне; воинолюбивым духом
Кипит душа — побед, корон я жажду,
Мне битв кровавых нужно, нужно славы
И целый свет в свидетели геройства
И подвигов моих. Отец мой грозный,
Пусти меня! Счастливый самозванец
И царств твоих невольный похититель,
Я не возьму тиранских прав твоих —
Губить и мучить. Я себе оставлю
Одно святое право всех владык —
Прощать и миловать. Я обещаю
Прославить Русь и вознести высоко,
И потому теперь сажусь я смело
На сей священный, грозный майестат.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

ЛИЦА:

ДМИТРИЙ,
самозванец.

МСТИСЛАВСКИЙ
ВАСИЛИЙ ШУЙСКИЙ
ГОЛИЦЫН
ВОРОТЫНСКИЙ
КУРАКИН
БЕЛЬСКИЙ
МАСАЛЬСКИЙ
БАСМАНОВ
М. В. СКОПИН-ШУЙСКИЙ,
великий мечник.
} *бояре.*

В. ЩЕЛКАЛОВ,
дьяк.

ОКОЛЬНИЧЬИ. ДУМНЫЕ ДВОРЯНЕ. ВЫБОРНЫЕ ЛЮДИ. РЫНДЫ. СТРАЖИ.

Грановитая палата.

Трон; по обе стороны трона скамьи; близ трона на столе три короны царские.
(24 июня 1605 года)

Мстиславский, Воротынский, Голицын, Масальский, Бельский. Окольничьи. Дворяне. Выборные люди, дьяк Щелкалов. Входит Дмитрий, впереди его рынды и Скопин-Шуйский с мечом; за ним Басманов.

Дмитрий *(перед коронами)*
Короны царств моих! Еще корону
Желал бы я прибавить к этим трем —
Корону Крыма. Если ж наше счастье
Послужит нам, то, с помощию Польши
И императора, врагов Христовых
Мы выгоним из царства Константина;
И завоюют вере христианской
Иван — Казань, а Дмитрий — Византию.
(Садится на трон.)

Все садятся по своим местам; Скопин-Шуйский с мечом и Басманов становятся по сторонам трона.
Рынды впереди.

Щелкалов
Великий царь и государь Димитрий
Иванович всея России созвал
Бояр своих, окольничьих, дворян
И вас, житые, выборные люди,
Для государского большого дела!
Его боярин, князь Василий Шуйский,
Забыв господень страх, а целованья
И милостей царя к себе не помня,
Виновен стал ему в изменном деле.

Дмитрий
Ни гнева, ни вражды я не имею
На Шуйского и мести не хочу;
Но, чтоб в Московском славном государстве
Без наказанья не был виноватый,
Велели мы московским всем народом
Судить его, чему он доведется.

Басманов
Великий государь, велишь поставить
Изменника, боярина Василья,
К тебе на суд соборный?

Д м и т р и й

Ввесть!

Б а с м а н о в *(страже)*

Ведите!

С т р а ж а приводит Ш у й с к о г о.

Д м и т р и й *(Щелкалову)*

Скажи ему вину его, Василий!
Пусть он оправится, коль прав, винится —
Коль виноват.

Ш у й с к и й

Благодарю за милость!
Невинному защита суд да бог.

Щ е л к а л о в *(читает)*

«В нынешнем, в 113 году, июня в 20 день, как был государя царя Дмитрия Ивановича всея России в Москву въезд, изыманы торговые и иных чинов люди в пустошных речах. И те люди в расспросе в тех своих пустошных, затейных речах винились и сказали: торговый человек Федька Конёв говорил: как был-де великого государя в Москву въезд и стоял он, Федька, перво у Архангела, с народом и выйдя из городских ворот, был-де он с народом же на Пожаре, там его и изымали; а говорил он, Федька, на государя Дмитрия Ивановича составные затейные речи, что он, государь, царевич не прямой, а прямой-де царевич убит от лихих людей в Угличе, там-де у Спаса его и положили, и клепал государя сретичеством и латинством; а те-де речи он, Федька, говорил не своим умыслом, слышал он про то от князя Василия Ивановича Шуйского не единожды. А Костька лекарь в расспросе говорил на Василья Шуйского ж, что говорил ему Василий про царя Дмитрия Ивановича дурно много раз...» *(Останавливается.)*

Ш у й с к и й

А дальше что?

Щ е л к а л о в

Чего ж тебе еще!
Кажись, довольно, есть за что повесить.

Г о л о с а

Изменникам царевым суд короткий!
Изменников и бог велит казнить!
Он — лиходей царев! Его измена

Всем видима. Повинен смертной казни!
Что нам судить его! Повинен смерти!

Дмитрий

Василий, что ты скажешь в оправданье?

Шуйский

Царь-государь! Боярин твой великий,
Петр Федорыч, слуга тебе хороший!
Лихих людей он сыскивать горазд
И накрепко разведывать измену;
Изменники в речах своих расспросных
Басманову всю правду показали.

Дмитрий

И ты теперь перед моим лицом,
Передо всем собором признаешься
В своих речах бездельных?!

Шуйский

Государь!
Обманом жить я не умею, не был
И смолоду обманщиком, зачем же
Под старость мне обманывать учиться!
Моя вина! Винюсь перед собором.

Дмитрий

Не верю я. От слов своих злодейских,
Предательских ты лучше откажись
Иль повтори их громко пред собором,
Тогда уж я оправдываться стану *(встает)*,
Доказывать, что я — царя Ивана
Сын подлинный.

Бельский *(встает с места)*

Да разве мы попустим!
Ни вымолвить, ни даже заикнуться
Изменникам твоим мы не дадим.

Масальский *(встает)*

Мы голову за батюшку-царя
Димитрия Иваныча положим,
Мы все умрем!

Басманов, Бельский и Масальский

Мы за тебя умрем!

Становятся у трона.

Голоса

Ты наш царевич! Наше солнце красно!
Казнить его, изменника, казнить!

Д м и т р и й

Последний раз скажи мне, Шуйский, правду
Твои ль слова, твоим ли наученьем
Изменники в народе говорили?

Ш у й с к и й

Мои слова, великий государь!
(Становится на колени.)

Г о л о с а

Вести его без всякой волокиты
На Лобное! На Лобное его!

Д м и т р и й *(Басманову)*

Вели молчать!

Б а с м а н о в

Молчите! Тише! Смирно!

Г о л и ц ы н *(Мстиславскому)*

Иль он себя нарочно губит, или —
Тут умысел!

М с т и с л а в с к и й

Темна душа Василья.

Д м и т р и й

По силам ли борьбу ты затевал?
Иль головы своей ты не жалеешь,
Иль помощи себе откуда ждешь?
Иль испытать меня ты только хочешь,
Не слабо ль я держу свою державу?
Не буду ль я, ценя твои заслуги,
Высокий сан и старческие лета,
На замыслы твои глядеть сквозь пальцы?
Ошибся ты! Я взял свою державу
Железною рукой. Я принял царство
Для счастия подвластных мне народов,
А для грозы врагам и на измену
(берет у Скопина меч)
Держу сей меч — и сим мечом клянусь,
Что всякого, кто помешать захочет
Моей священной воле, уничтожу
И прах его развею далеко.
Ну что же ты не молишь о пощаде?
Что не трепещешь? Иль тебе не страшен
Ни суд мирской, ни грозный гнев царя?

Ш у й с к и й

Не стану я просить себе пощады,
Моя вина — слепое исполненье
Велений царских.

Дмитрий *(отдает меч Скопину-Шуйскому)*
Говори прямее!

Шуйский
Мы утверждались крестным целованьем
Царю Борису.

Голицын *(Мстиславскому)*
Ишь, куда пошло.

Шуйский
Ты знаешь сам, что всяка власть от бога.
Иной за страх служил, иной за совесть,
Да не порок служить и за награду.
Боярин твой, Петр Федорыч Басманов,
Не по уму и не по летам рано
Добился чести преданностью рабской
Царю Борису. Царь бояр крамольных
Не миловал, грозна была опала
Ослушникам! Вон Бельский попытался,
Да сам не рад, проворовался в службе
И на́долго себе бесчестья добыл.
Меня, раба, Борис послал к народу,
И раб пошел, творя его веленье,
И говорил, что не царевич Дмитрий
Идет в Москву с иноплеменной силой.
А вор, расстрига, еретик Отрепьев.
Поверили иль нет, и кто поверил
Словам моим, не знаю; я исполнил,
Что царь велел. Вот вся вина моя!

Басманов
Не верь ему, великий государь!

Шуйский
Я всё сказал, что за собою ведал,
Перед лицом царя я повинился,
И больше нет вины за мной. Ведите
Пытать меня, хоть до смерти замучьте,
Вы не услышите ни слова больше!
Напрасно ты, Петр Федорыч, безвинных
Сирот пытал! Узнать тебе хотелось,
Что говорил по царскому приказу
Я с Лобного; на каждом перекрестке
Спросил бы ты,— тебе без пытки скажут,
Да не запрусь и я, не потихоньку —
На всю Москву я громко говорил.
Ждет милостей народ, а ты пытаешь.

Что значит — кровь! Отец был в палачах,
И ты по нем.

Басманов

Он лжет перед собором,
Бесстыдно лжет! Он ведомый обманщик!
Не с Лобного — то было, да прошло —
В своем дому недавно он народу
Бездельные те речи говорил.

Шуйский

Ни слова! Стой! Заглазно, сколько хочешь,
Нашептывай; в глаза не смей порочить
Вернейших слуг московских государей!
Чем клеветать на Шуйских, вы бы лучше
Царям служить у Шуйских поучились.

Щелкалов

У тех ли Шуйских, что в Литву бежали?
У тех ли Шуйских, что царя Ивана
В младенчестве не досыта кормили,
В его глазах бояр его губили,
С митрополитов облаченье рвали?
Или у тех, что черный люд московский
Не раз, не два водили бунтом в Кремль?

Шуйский

Наш род большой, в семье не без урода,
Я б насчитал тебе десятки Шуйских,
Проливших кровь и головы сложивших
На всех концах, на всех украйнах русских,
В бою ручном и в городских осадах,—
Да говорить я не хочу с тобой.

Бельский

Боясь Бориса, ты солгал народу,
Зачем же ты потом не повинился
Во лжи своей? Когда Гаврило Пушкин
С Плещеевым нам грамоты читали
Димитрия Иваныча, ты где был?
Ты что ж молчал? А в день царева въезда
Опять не ты, а я да Петр Басманов
Поехали с народом говорить,—
А ехать бы, по совести, тебе!
Ты Федором Иванычем был послан
Похоронить царевича, ты знаешь,
Кого ты хоронил. Вы с патриархом
Не раз божились, что царевич Дмитрий
Похоронен тобой в соборной церкви;

Зачем же ты молчишь теперь, не скажешь
Народу правды? Вы похоронили
Попова сына, так бы ты и молвил:
А ты молчишь да морщишься,— мол, знаю,
Да не скажу до случая.

Дмитрий

Василий,
Зачем молчал ты о своем обмане?
Ты виноват передо всем народом,—
Ты лгал ему. Я здесь, я на престоле,
Не в Угличе, не мертвый! Хоронили
Другого вы. Кого вы хоронили?
Ну, говори!

Голоса

Казнить его, злодея!

Шуйский

Ты выслушай, великий государь!
Про мой обман, про вымыслы Бориса
Народ забыл и знать про то не хочет
На радости. Бездельные те речи
Я говорил давно; с Мстиславским после
Мы за тебя, под звоном колокольным,
Народ московский ко кресту водили
И верой, правдой, не жалея жизни,
Служить тебе учили. Для чего же
Про старое напоминать народу!
И Бельский да Басманов неразумно
Народ московский на Пожар сбивали,
Чтоб клясться в том, чему и так все верят.
Недаром же руками им махали,
Чтоб не клялись: «Мы и без вас-де знаем».
А без нужды божиться — лишь в сомненье
Народ вводить... И стало им обидно,
Что я разумно сделал, не поехал
На Лобное. Чему бы обижаться?
Кому как бог даст: разум или глупость,
Так и живи! На бога с челобитьем
К кому пойдешь!
Великий государь,
Я всё сказал тебе, что может правый
Сказать в защиту правоты своей.
Теперь в твоих руках и суд, и милость,
И гóловы, и честь холопей царских,
Бояр исконных, суздальских князей.

Дмитрий

Увесть его!

Шуйского уводят.

Вы слышали, бояре,
Окольничьи и думные дворяне,
И вы, честные люди; обсудите
И приговор поставьте по закону
И совести — и расходитесь с богом!
Чему приговорите, так и быть.

Выходит из палаты, впереди идут рынды и Скопин-Шуйский.

Мстиславский

Подумайте! Чтоб не было обиды:
Казнить легко, да после не воротишь.

Басманов

Хоть думайте, хоть нет, а он изменник!
(Щелкалову.)
Пиши скорее приговор соборный!

Щелкалов

Честной собор, чему повинен Шуйский?

Голоса

Казнить его! Повинен смертной казни.—
Изменник он! Ему и смерти мало! —
Все Шуйские изменники! — И братьев
Помиловать нельзя. Какая милость! —
Всем Шуйским смерть! На том и порешили.

Мстиславский

А тех за что? Они не виноваты.

Один голос

Чай, Дмитрий-то свояки с Годуновым,
Вот и вина.

Мстиславский

Нет, этак не порядок!

Щелкалов

Так что ж писать?

Один голос

Пиши: казнить Василья,
А Дмитрию с Иваном снять боярство
И в ссылку их по дальним городам.

Щелкалов

Согласны все?

Голоса

Согласны! — Ладно, ладно! —
Чтоб так и быть тому без перемены!

Мстиславский

Пиши, Василий! Расходитесь с богом!

Все расходятся с поклонами. Остаются Мстиславский, Голицын, Воротынский, Бельский, Масальский, Басманов и Щелкалов, который садится за стол и пишет.

Мстиславский

Народ — волна: куда его подует,
Туда и льет. Уж Шуйских ли не любят,
А вымолви за них в защиту слово,
Так разорвут.

Воротынский

Не знаю только, ладно ль
Судить бояр собором черни буйной!

Голицын

Короток суд народный — беспощадный,
Кровавый суд, без совести, без толку —
В нем бога нет.

Мстиславский

И затевать не надо б.

Голицын

Служу царю, пусть царь меня и судит,
А не торговцы из лубочных лавок.

Мстиславский

Убийство, а не суд. Мне Шуйских жалко.

Голицын

Кому ж не жаль! Нет, Шуйский пригодился б,
Что ни толкуй! Он плут и проидоха,
А всё наш брат боярин, нам он свой.

Басманов

О чем, бояре?

Голицын

О суде толкуем,
Что глуп народ, и бестолков, и буен,
А рассудил по правде.

Басманов

Это верно.

Голицын

А всё ж не дело черному народу
Судить бояр. Он должен их бояться
Да слушаться, а дай ему почуять,

Что он судья над нами, плохо будет:
Он сам начнет без царского указа
Судить, рядить да головы рубить.

Басманов

А что, ведь правда!

Голицын

Есть о чем подумать;
Подумаешь — зачешется затылок.

Басманов

Не напророчь! Не дай господь дождаться!

Входит Дмитрий.

Дмитрий

На чем решили?

Щелкалов

Шуйского Василья
Собором всем казнить приговорили,
А братьев разослать по городам.
Как ты прикажешь?

Дмитрий

Приговор исполнить!
На Лобном месте завтра прочитать
Его Василью; положить на плаху
Бунтовщика, занесть топор над ним
И объявить, что мы его прощаем,
Что вместо казни посылаем в ссылку
По смерть его, с лишением боярства;
А вотчины и всё именье Шуйских
Мы отписать велим в свою казну.

Мстиславский

Пошли господь тебе на многи лета
И радостей и счастья, государь!

Дмитрий

Довольны вы?

Голицын

Язык всего не скажет,
Что чувствует душа; мы лучше дома
Помолимся о здравии твоем
И долголетии.

Щелкалов

Куда прикажешь,
Великий государь, сослать Василья?

Д м и т р и й

За Кострому — и завтра же отправить!
Не доезжая места, воротить
Его в Москву и возвратить боярство,
И вотчины, и всё его именье... *(Масальскому.)*
А Ксения всё плачет, всё тоскует?

М а с а л ь с к и й

У нас уход за ней, как за царицей.

Д м и т р и й

Не знаешь ли, чем слезы ей унять?

М а с а л ь с к и й

Уймутся сами. Скоро высыхает
Роса на солнце, а девичьи слезы
Еще скорей.

Д м и т р и й

Заметил ты, Масальский:
В слезах она становится красивей,
Чем так, без слез?

М а с а л ь с к и й

Так пусть она и плачет!

Д м и т р и й

Таких очей я ни в Литве, ни в Польше
Не видывал. Она меня полюбит!
Как думаешь, Масальский, ведь полюбит?

М а с а л ь с к и й

Великий государь, ума не хватит
О девках думать. Что ж об девке думать,
Полюбит ли! Да что ж ей больше делать,
Как не любить? Одна у них забота...

Д м и т р и й

Поедем к ней! Желал бы я пред нею
С соперником сразиться, чтобы сердце
Красавицы от страха трепетало
И победителю наградой было.
Я Ксению люблю. Скажи, Масальский,
Чем покорить могу ее я сердце?

М а с а л ь с к и й

Что покорять! Она не враг тебе;
Вели любить, и разговор короток.

Уходят.

Г о л и ц ы н *(Басманову)*

Что приуныл, Петр Федорыч? Обидно,
Что службишка твоя пропала даром?

Мстиславский

Служи царю мечом на ратном поле
Да в думе головой, а не доносом —
Никто тебя обидеть не посмеет.

Басманов

Обидно мне не за себя, бояре!
Он добрый царь, но молод и доверчив;
Играет он короной Мономаха,
И головой своей, и всеми нами.

Уходят.

СЦЕНА ПЯТАЯ

ЛИЦА:

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ,
самозванец.

ЦАРИЦА МАРФА,
мать Дмитрия-царевича.

МИХАЙЛО СКОПИН-ШУЙСКИЙ.

БАСМАНОВ И НАРОД.

Шатер в селе Тайнинском.
(18 июля 1605 года)

Полы шатра распахнуты; видны два ряда стрельцов, за ними народ, вдали деревянный дворец. Входят царица Марфа и Скопин-Шуйский.

Царица Марфа *(садясь на стул и робко осматриваясь)*

Младый, цветущий юнош, князь Михайло
Васильевич, зачем меня, старуху,
Ты вытащил из монастырской кельи?
От суеты мирской давно отвыкла,
Ох, я давно отвыкла!

Скопин-Шуйский

Государем
Приказано мне привезти тебя;
Он по тебе давно скучает. Будешь
Ты, наша мать, царицею московской. *(Кланяется.)*

Царица Марфа

Поверь ты мне, голубчик, ничего-то,
Ох, ничего-то мне не надо! Только
В монастыре и жить мне; я забыла,
Как люди-то живут.

Скопин-Шуйский
В Москве немало
Жилья тебе; в любом монастыре
Великой государыне есть место.
Попомни нас тогда, своих холопей!
За дядю гнева не держи на нас!

Царица Марфа
Забыла я, голубчик, всё забыла!
Ты млад еси, а красен и разумен,—
Гуляешь холост?

Скопин-Шуйский
Не женат пока...
Петр Федорыч идет к тебе, царица. *(Уходит.)*

Царица Марфа
Ну пусть идет! О, господи помилуй!
Вот грех какой, какое попущенье!
Туман в глазах, кружится голова.
Что говорить, что делать? Где набраться
Мне разума? Ну, буди власть господня!

Басманов входит; полы шатра закрываются.

Басманов *(кланяясь в ноги)*
Царица наша, наша мать родная,
Ужли холопа Петьку позабыла?

Царица Марфа
Ты, Петя, встань! Ты молод был тогда.

Басманов
Великий царь и государь Димитрий
Иванович зовет в свой город стольный
Тебя, царицу.

Царица Марфа
Ох, везут насильно,
А не зовут меня.

Басманов
Он повелитель,
Не только звать и приказать он может —
Сама бы ты должна навстречу сыну
Не ехать, а лететь.

Царица Марфа
Навстречу сыну?
Где сын-то мой, Петр Федорыч? Где сын-то?!
Не знаешь ты, так я тебе скажу:
Я в Угличе его похоронила,
От слез моих там реки протекли...

Басманов

Не говори, царица! Жив Димитрий
Иванович

Царица Марфа *(не слушая)*

У Спаса мы стояли
Обедню с ним в субботний день, на память
Пахомия Великого; в ту пору
Послал господь такой-то красный день,
И таково тепло...

Басманов

Царица наша,
Таких речей мне слушать непригоже!

Царица Марфа *(не слушая)*

И, быть греху, пришли мы от обедни,
Пошла я вверх, сижу да отдыхаю,
А он внизу с робятками играет;
Известно дело, ноги молодые
Не устают; и понесли нам еству;
Хочу я встать — царевича покликать,
Вдруг слышу крик, так сердце и упало!
Бегу с крыльца, кормилка держит Митю,
А он кончается, а сука мамка...

Басманов

Забудь про всё! Одно, царица, помни,
Что ты всю жизнь терпела от злодеев,
И сам Борис, и все его холопы
Над царскою вдовою издевались.
Пришла пора поцарствовать тебе,
На зло врагам твоим, на радость братьям
И сродникам, опальным, заключенным.

Царица Марфа

Прошли года, во мне затихла злоба;
От радостей мирских я отреклась.
Борис в могиле,— нас господь рассудит,
Его холопям мстить я не хочу!
Вот если б вы в то время догадались,
Как я в слезах, обрызганная кровью
Царевича, по Угличу металась,
Безумная, звала людей и бога,
Кровавые поднявши к небу руки,
На месть Борису, если бы тогда
Восстала Русь, Литва и все украйны
На этот род проклятый годуновский,

Разлучников единокровных братьев,
И надо было б, чтоб царевич ожил,
Воскрес убитый,— я тогда бы сыном
Подкидыша паршивого признала,
Щенка слепого детищем родным!..

Басманов

Замкни уста! Ты Дмитрия не знаешь!
Он наша радость, наше упованье.
Остановись! Душа моя не стерпит,
Не вынесет она позорной брани.

Царица Марфа

Пугать меня! жену царя Ивана,
Того Ивана, перед кем вы прежде
Как листья на осине трепетали!
Я не боялась и царя Бориса,
Не побоюсь тебя, холоп!

Входит Дмитрий.

Басманов

Царевич! *(Уходит.)*

Дмитрий *(бросается к царице)*

Родимая!

Царица Марфа *(останавливая его посохом)*

Постой-ко! Ничего-то
Ты непохож. *(Отворачивается.)*

Дмитрий

Зачем тебе наружность!
Моя душа горит к тебе любовью
Сыновнею! *(Целует ей руку.)*
Пока ты в заключеньи
Среди старух, отживших и бранчивых,
Постом невольным изнуряла тело,
И молодость свою в слезах губила,
И вянул даром блеск очей твоих
И величавость царственного стана,
Я трон тебе готовил, я злодеев
Твоих губил, сбирал твой род и племя
По годуновским тюрьмам и вкруг трона
Поставил их в блестящем одеяньи
Сановников ближайших! Я очистил
Широкий путь тебе в твою столицу;
А ты взглянуть не хочешь на меня
И гонишь прочь, как недруга?!

Ц а р и ц а   М а р ф а

Молиться
Всю жизнь мою за милости твои
И чтить в тебе царя, рабой, коль хочешь,
Служить тебе я с радостию буду;
Но матерью!.. Нет! Сердца не обманешь!
Не так оно забьется, если сына
Родимого прижмешь к своей груди.
Пусти меня опять в мою обитель —
Не сын ты мне.

Д м и т р и й

А много ль нежной ласки
Ты видела от сына? И не скучно
Без ласки жить тебе?.. Ребенком малым,
Играючи, он прибегал к тебе
Склонить свою головку на колена
И засыпать под шепот нежных слов;
Другой любви и ласки он не ведал.
Прошло и то, и рано ты осталась
С сиротскими слезами вековать!

Царица Марфа плачет.

Припал ли он хоть раз к твоим коленам
Царем в венце и бармах Мономаха
При радостных слезах всего народа?
Просил ли он себе благословенья
Землею править, суд и правду деять,
Прощать виновных именем священным
Царицы-матери, несчастным слезы
Ее руками отирать?

Ц а р и ц а   М а р ф а

О, если б
Ты был мой сын! Поди ко мне поближе,
Взгляни еще в мои глаза!.. *(Тихо.)* Димитрий,
Ты сирота, без племени и рода?
Я ласк твоих не отниму у той...
Другой... Она, быть может, втихомолку,
В своем углу убогом, пред иконой
О милом сыне молится украдкой?
Иль здесь, в толпе народной, укрывает
Лицо свое, смоченное слезами,
И издали, дрожащею рукою
Благословляет сына?

Д м и т р и й

Нет! О нет!

Ц а р и ц а М а р ф а

Одна ли буду матерью твоей,
Одна ль любить тебя, меня одну ли
Полюбишь ты?

Д м и т р и й

О да! Одну тебя!
Ты назовись лишь матерью,— я сыном
Сумею быть таким, что и родного
Забудешь ты.

Ц а р и ц а М а р ф а

Тебя я полюбила...

Д м и т р и й

Невиданным почетом и богатством
Украшу я твое уединенье
В обители; под этой грубой ризой
По золоту парчой пойдешь ты к трону!
Смотри сюда... *(Открывает полу палатки.)*
От нашей царской ставки
До стен Кремля шумят народа волны
И ждут тебя. Одно лишь только слово!
И весь народ, и я, твой сын венчанный,
К твоим стопам, царица, упадем.
(Склоняется перед нею.)

Ц а р и ц а М а р ф а *(поднимая его)*

Ты мой! Ты мой!

Д м и т р и й

И сын, и раб покорный!
Обнимемся! Союзом неразрывным
Мы связаны на жизнь и смерть. Пойдем!
Отбрось теперь свой посох: эти плечи
Могучие тебе опорой будут.

Выходят к народу.

Н а р о д

Царица! Мать родная! Ты сиротам,
Рабам твоим, покров и заступленье!

СЦЕНА ШЕСТАЯ

ЛИЦА:

МСТИСЛАВСКИЙ.

ВОРОТЫНСКИЙ.

ГОЛИЦЫН.

КУРАКИН.

Комната в доме Голицына.

Входят Мстиславский, Воротынский и Голицын. Слуги вносят чаши с медом.

Мстиславский *(Голицыну)*

Ты нас зазвал к себе на перепутье,
На пирожок, на чарочку винца,
А угостил и допьяна и сыто.

Голицын

Чем бог послал! Какое угощенье!
Вот в Кракове Афонька наш пирует,
Не нам чета, и черт ему не брат,
Ломается — гляди, что курам на смех,
А мы в Москве играем в городки.
Однако царь изрядно проминает
Бояр своих. На земляную стену
Полезет сам, и ты за ним ступай!
А тут-то нас, не из пищалей, правда,
А палками по чем попало лупят.

Мстиславский

Ученье свет, а неученье тьма.

Голицын

Бока болят от этого ученья,
А толку нет. Не на кулачки драться,
Не лезть на башню прямо под обух,—
Приказывать боярское есть дело.

Воротынский

Бока болят! Ну, поболят немного
Да заживут; бесчестье невелико.
А вот бесчестье: Юрий Мнишек пишет
Высоко больно, к умаленью чести
Боярской нашей.

Мстиславский

Так ли, князь Иван
Михайлович?

Воротынский

Чего ж еще! Он пишет:
«Я вам царя поставил, я-де начал
И кончил всё, и как-де я приеду,
Перед царем о вас стараться буду
О умноженьи ваших прав боярских».
Каких еще нам прав?

Голицын

Оно б не худо
Шляхетские нам вольности иметь;
Да вот беда — пан Юрий Мнишек сядет
На нас на всех, между царем и нами.

Мстиславский

Оставим лучше эти разговоры.
Не нам судить! Что будет, то и будет.

Голицын

Ну пусть бы Мнишек, а гляди — наедет
Родня его и сядет в думе царской
С боярами. Гоняет, как мальчишек,
Нас царь теперь, а уж тогда и вовсе
Молчать придется да глазами хлопать,
Как дуракам.

Мстиславский

Ты хмелен, князь Василий.

Голицын

И хмелен да умен, так два угодья.

Воротынский

А что писать нам Юрию? Вот Шуйский
И нужен бы!

Мстиславский

Без Шуйского напишем,
Подумавши. Подумай, князь Василий,
И нам скажи!

Голицын

Пишите вот что:
«Пан Юрий! Грамотку твою читали,
А пишешь ты про службу государю,
Что в дохожденье прирожденных панств
Служил ему и промышлял с раденьем,
И хочешь впредь добра ему хотеть,
И мы тебя теперь за это хвалим».
Вот и конец!

М с т и с л а в с к и й

Разумно! Так и надо!
Пускай его читает.

Входит К у р а к и н.

К у р а к и н

Шуйский едет
В Москву опять.

М с т и с л а в с к и й

Ну, радость невелика.

Г о л и ц ы н

Не всё на волка, ты скажи — по волку!
Ну, хочешь ли побиться, князь Феодор
Иванович,— а вот князья разнимут:
Я бьюсь с тобою о велик заклад,
Что не пройдет недели, князь Василий
И в думе первый, и в совете будет,
И самый ближний друг царю. Ну, хочешь?

М с т и с л а в с к и й

Завидовать не стану, не завистлив,
Его при нем! Прощай! *(Уходит.)*

Г о л и ц ы н

Прощай, князь Федор
Иванович.

В о р о т ы н с к и й

И я за шапку.

Г о л и ц ы н

Что же!
Ты, князь Иван Михайлыч, посидел бы.
Ну, посиди.

В о р о т ы н с к и й

До дому, князь Василий
Васильевич, пора. Прощенья просим;
Жени́шка ждет.

Г о л и ц ы н

Ну, как, князья, хотите!
Я не держу: насильно мил не будешь.

Уходят.
***Г о л и ц ы н** скоро возвращается; наливает два кубка: один Куракину, другой себе.*

За весть спасибо!

К у р а к и н

Было бы за что!

Голицын

Не торопись. Недолго ждать, увидишь.
Я во хмелю, язык поразвязался,
Душа горит. Ты — друг; перед тобою
Могу я смело душу распахнуть.

Куракин

Еще бы нет! Одна душа,— два тела!
Умрет со мной.

Голицын

Дай Шуйскому приехать
Да осмотреться; он сейчас увидит,
Куда ведут советники слепые
Царька слепого...

Куракин

Ну!

Голицын

Он им поможет;
С Басмановым он больше не заспорит:
Поддакивать и поблажать им будет;
И царик наш напрыгает недолго.

Куракин

А после что? На трон Мстиславский сядет.

Голицын

Мстиславский? Нет! Его на то не хватит;
Ума не нажил, смелости подавно;
А сесть на царство — мудрена наука.

Куракин

Ну, Шуйский.

Голицын

Верно. Только с уговором:
Пусть грамоту напишет он боярству
И поцелует крест — без нашей думы
Не делать шагу: смертью не казнить,
Поместий, отчин и дворов не трогать
Без нашего суда; а кто по сыску
Дойдет до казни,— жен, детей не грабить;
Доводчиков не слушать! Да не токмо
На нас, бояр, не класть своей опалы,
Не осудя,— гостей, людей торговых
И волосом не трогать без суда!
Когда язык ему и руки свяжем,
Пусть царствует.

Куракин

Такое дело ново,
И Шуйскому какая же неволя
Приказчиком боярским быть на троне?!

Голицын

Без записи такой не сесть на царство
Ни одному из нас: друг друга знаем;
Переплелись обидой да бесчестьем
Боярские роды; одной семьи нет,
Чтоб на другую зубы не точила.
Свои друзья, свои враги у всех;
Кто ни взойди теперь на трон московский,
Родня, друзья сейчас его облепят —
Врагам не жить.

Куракин

Мудреная задача!
Не думаю, чтоб Шуйский поддался:
Он травленый.

Голицын

Ну, мы не будем плакать;
Тогда пошлем к Жигмонту Владислава
Просить на царство: ешь меня собака
Неведомая, только не своя...
Пора к царю, телят нарядных кушать.

Уходят.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

ЛИЦА:

ВАСИЛИЙ ШУЙСКИЙ.

КНЯЗЬ МАСАЛЬСКИЙ
с боярами и дворянами.

КАЛАЧНИК.

ДВОРЕЦКИЙ.

Черная изба у Шуйского.
Входят ***Василий Шуйский*** *в крестьянском кафтане и* ***дворецкий.***

Василий Шуйский

Пускай не всех, а только самых близких,
И то простых людей,— из думы только

Татищева; а прочим говори,
Что скорбен, мол: не только человека,
И свету божьего не хочет видеть.

Д в о р е ц к и й

Калачник Ваня раз десяток мимо
Ворот прошел, за тыном притулился,
Войти не смеет.

В а с и л и й Ш у й с к и й

Ну, пусти его,
Введи его тихонько задним ходом.

Д в о р е ц к и й уходит.

Калачники, разносчики, торговцы,
Попы без мест, да странный, да убогий,
Да голь кабацкая меня жалеют
И помнят обо мне, а наша братья
Советчики, да судьи, да думцы
Великие,— что борода, то дума,
Что лоб, то разум,— те меня забыли:
Поклона ждут... Да не дождутся: с ними
Заигрывать, как с девками, не стану.
Придет пора, поклонятся и сами.
Я не брезглив, мне всякий друг, кто нужен.
И сволочь хороша. Не плюй в колодезь!
Велика сила шлющийся народ!

К а л а ч н и к входит.

Что скажешь, друг Иван?

К а л а ч н и к

Тебя, боярин,
Отец ты наш, в живых не чаял видеть;
Вот, бог привел! Ну, как ты воротился?
Здорово ли? Об нас не позабыл ли?
Не бросишь ли сирот своих?

В а с и л и й Ш у й с к и й

Не брошу.

К а л а ч н и к

Ну, дай тебе господь! А мы всё те же,
Мы всё твои. Я бьюсь теперь, боярин,
Из пустяков; повесили б уж, что ли,
Меня скорей иль голову срубили!

В а с и л и й Ш у й с к и й

С чего ты так?

К а л а ч н и к

Жить не́мило, боярин!
Рассказывать иль нет? Коль будешь слушать,

Я всё скажу, а то вели отправить
К Басманову меня: я ворог царский.

Василий Шуйский
И то, пошлю.

Калачник Так посылай скорее!
Я голова отпетая. Довольно
Погуляно, пора костям на место.

Василий Шуйский
Куда спешить! Басманов подождет.
А ты покуда говори, что́ знаешь!
Что нового?

Калачник Всё новое, боярин!
Палаты новы у царя; у немцев
Кафтаны новы — бархат фиолетов;
У русских вера новая — латинцы
В самом Кремле поставили костел
И целый день гнусят свои обедни,
Своим душам на вечную погибель
И на соблазн крещеному народу.
Теперь обедать с музыкой садятся,
Ни молятся, ни рук не умывают.
Поляки бьют народ, секут и рубят
И встречного и поперечного; бродят
По улицам, по лавкам, по базарам,
Берут добро без денег и без спросу.

Василий Шуйский
И все молчат?

Калачник Нельзя и рта разинуть —
Защиты нет. В застенок да на плаху!
Петр Федорыч лютее волка стал:
Живого съест. Казнит немилосердо;
Монахов чудовских поразослали;
Тургенева казнили на Пожаре.
Чай, брата знал меньшого, Федьку?

Василий Шуйский Как же,
Ну как не знать!

Калачник
Горячий был, как я же,
Доводчики его оговорили.
Короток суд: свели его на плаху.
Без брата жизнь постыла мне, боярин;
Я жив брожу, а он в сырой земле;
И мне б туда ж. Да лишь бы поскорее!

Задешево я голову бы продал;
Нужна тебе?

Василий Шуйский

Повремени до срока.
Ты голову сложить всегда поспеешь;
Не торопись: быть может, пригодится
На что-нибудь. Бери лоток на плечи,
Торгуй опять. Помалчивай о брате,
Повеселей гляди, на прибаутки
Не поскупись, да не болтай пустого!
А я тебя за прежние заслуги,
Уж так и быть, помилую: Петрушке
Басманову речей твоих не выдам.

Смеются оба.

В нужде иль в горе, приходи ко мне,
И выручу, и денег дам на нужду.
Убогий где?

Калачник

В Москве. Да мелет что-то
Нескладное.

Василий Шуйский

А где живет?

Калачник

В поварне
У патриарха, только кормят плохо.

Василий Шуйский

Пришли его. Да заходите чаще.

Входит дворецкий.

Дворецкий

Масальский князь с боярами наехал
От самого царя.

Калачник уходит.

Василий Шуйский

Ворота настежь!

Дворецкий

Я растворил.

Василий Шуйский

И двери настежь! Живо!

Дворецкий отворяет двери. Входят Масальский, бояре и дворяне.

Масальский

Великий царь и государь Димитрий
Иванович велел тебе сказать,

Боярин князь Василий, княж Иваныч,
Что он вины не помнит и опалу
Твою с тебя снимает, сан боярский,
И вотчины, и всё добро твое
Он жалует тебе, и дозволяет
Опять его царевы очи видеть
Пресветлые, и жалует кафтаном,
И шубою, и шапкою боярской.

Василий Шуйский

Великие бояре, вы, царевы
Советчики, краса земли Московской!
Скажите мне, последнему холопу,
Каким путем-дорогой иль тропами
Звериными вы ехали ко мне?
Да разве есть ко мне дорога, лесом
Не заросла, не завилась травою?
Каких людей попутных вы встречали?
Кто вас провел, кто показал домишко
Убогий мой? Да разве есть на свете
Василий Шуйский? Разве люди помнят
В Москве о нем? Великие бояре!
Не вы нашли, не люди вам казали
Пути-дороги,— царь вам приказал
Найти меня, и лесы преклонились,
И развился, как скатерть, путь широкий,
И поднялся и светел стал мой дом,
Как царские высокие палаты;
И жив опять и радостен хозяин;
Вчерашний смерд — опять боярин царский.
Скажите вы царю и государю,
Что дней моих остаток и дыханье
Последнее, душевный каждый помысл
Я отдаю ему; что стар и хил я,
Но сил еще у Шуйского достанет,
Чтоб доползти до ног его, коснуться
Его стопам холопскими устами
И верным псом на страже стать у трона...
Седлать коней! Боярскую одежду!
Лохмотья прочь! Я еду к государю,
А завтра вас прошу к себе, бояре,
На званый стол, на разливанный пир —
Отпраздновать со мной цареву милость!

Уходят.

II

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ЛИЦА:

ДМИТРИЙ.

ВАСИЛИЙ ШУЙСКИЙ.

МСТИСЛАВСКИЙ.

ГОЛИЦЫН.

ТАТИЩЕВ.

БАСМАНОВ.

БЕЛЬСКИЙ.

МАСАЛЬСКИЙ.

БУЧИНСКИЙ.

ВЛАСЬЕВ,
царский казначей.

ОСИПОВ,
дьяк из приказа.

У каждой двери по двое немцев с бердышами.
Передняя комната в новом дворце у самозванца; за ней широкая галерея с цветными стеклами.
(23 апреля 1606 года)

Выходит Татищев, *за ним* — Василий Шуйский.

Василий Шуйский
Куда бежишь? Аль речи не по мысли?

Татищев
Ишь, не́учи! Уж это мы слыхали!
Обучимся и мы не торопясь.
Пусть вызовут из Греции монахов!
Так нет, такой науки он не хочет...
Отдай робят в ученье езовитам...
Меня мороз по коже подирает,
Готова брань сорваться с языка,
На драку я пойду, на нож полезу,
Когда шутя о вере говорят.
Какой он царь! Какой защитник церкви,
Когда латинской, езовитской веры
От греческой не может отличить!
Ему одно — что наше православье,

Что ересь их. Кабы одно-то было,
Анафеме бы их не предавали.
А коль одно, так и пускай бы в нашу
Латинцы шли. Вот, значит, не одно.
Татарин, жид, латинец, православный,
Всяк бережет свою; а у царя-то
Какая же?

Василий Шуйский
Ну, значит, никакой.

Татищев
А ты молчишь, боярин, князь Василий
Иванович, иль дакаешь ему *(сквозь зубы)*,
Проклятому.

Василий Шуйский
К чему же горячиться!
Само себе защита православье,
Гонителей оно не побоится.
И Фока и Ульян-богоотступник
На бога шли войной, да много ль взяли...
Гонители погибли лютой смертью,
А вера православная стоит.

Входят Голицын и Мстиславский.

Голицын
А вот у нас и свадьба подоспела;
Опять пиры!

Василий Шуйский
Всю зиму пировали,
Играли в зернь да пили без ума;
Опять за то ж!

Мстиславский
Мы свадьбу отпируем,
И кончено, снарядимся в поход.

Василий Шуйский
Куда? Зачем?

Мстиславский
На крымского Гирея.

Василий Шуйский
Какая стать Казы-Гирея трогать
И турского султана задирать!
Кому нужда? — Жигмонту, немцам, папе,
А мы в чужом пиру похмелье примем.
Нет, если б я...

Мстиславский

Царем-то, что ль?

Василий Шуйский

К примеру
Я говорю. Я б рассуждал иначе.
На крымцев есть донские казаки,
Пусть режутся — послать свинцу, да зелья,
Да денег дать,— а после отпереться,
Что нам-де их, воров, не удержать...
Две выгоды: дешевле и без драки;
И волки сыты, да и овцы целы,
Татары биты, да и мы с султаном
В миру живем.

Татищев

Поход задуман в Риме,
И сгоряча наш царь пообещался
Начать войну, чтоб выманить от Польши
Жену да императорское титло.
Со свейским мы поссорились за Польшу,
С татарином и турским за нее ж...
Так с Польшей-то в ладах ли? Не бывало!
Поссоримся и с ней.

Мстиславский

За что?

Татищев

За титло
Непобедимого. На печке сидя,
Ни с кем не воевавши, заслужили
Такую честь — так нам ее подай!
Сбирались-то втроем идти на турок,
А немцы прочь; Жигмонт, угодник папский,
И рад бы в рай, да сеймом вяжут руки;
Останемся как раки на мели.

Мстиславский

Одни пойдем; на что ж новогородцев
И псковичей пригнали на Ходынку?

Василий Шуйский

Да много ль их? Всего восьмнадцать тысяч.

Мстиславский

В Ельце еще сбираются войска.

Василий Шуйский

А деньги где?

Голицын

Велик калым платили;
Рекой течет московская казна
За польскую границу; Афанасий
Обозами возил туда два раза.

Мстиславский

Нет, он один пойдет, не побоится!
Ему война — потеха; спит и грезит
Он о войне; ему без дела скучно.

Татищев

Война — потеха, вера на потеху!
(Показывая в окно.)
И у крыльца поставлен для потехи
Треглавый ад — бряцание велико
От челюстей и пламя из ушей,
Отверсты зубы, и готовы когти
На ухапление. И зрети страшно!
Потехи всё; какое ж дело свято?

Мстиславский

Татищев, ты не очень завирайся!
Не попадись опять!

Татищев

Язык мой — враг мой.

Мстиславский

Басманову ты кланяйся, а то бы
Гулять тебе за Вологду иль Вятку,
Куда Макар телят не загонял.

Татищев уходит, махнув рукой.

Голицын

Потише, царь идет.

Из царских комнат выходят Дмитрий, Басманов, Бельский, Масальский; из галереи показывается Бучинский с письмом.

Бучинский *(подавая Дмитрию письмо)*

Гонец с дороги.

Дмитрий *(прочитав письмо)*

Мне весело, бояре; нашу радость
Желал бы я и с вами разделить.
Сегодня пир; придумайте потеху
Веселую для радости моей.
Теперь что день, то ближе наше счастье,
И скоро мы московский трон украсим

Жемчужиной, какой не обладают
Богатые индийские цари.
Как думаешь, Бучинский, по расчету,
Далеко ли теперь невеста наша?

Бучинский

Ее ясновельможность, цесаревна
Марина Юрьевна — теперь в Можайске;
Его мосць, воевода Сендомирский,
Ясновельможный пан, в Вязёмах к ночи.

Дмитрий

Табун коней послать ему для встречи!
Не помнишь ли, какие мы подарки
Последние послали с Афанасьем
Навстречу ей, царице нашей, в Вязьму?

Бучинский

Две запоны алмазные, корону
Алмазную, часы да жемчуг низан.

Дмитрий

И только, Ян? Да это мало! Что бы
Еще послать? А вот что, пан Бучинский:
Свези еще ей восемь ожерельев
И столько же кусков парчи на платье...
А жемчугу в казне какая пропасть!
Берешь, берешь, а всё не убывает;
Куда девать, придумать не могу.

Басманов

Да пусть лежит; не пролежал бы места,
И хлеба он не просит.

Дмитрий

Пан Басманов,
Я твоего не спрашивал совета...
Готовы ли кареты? А возницам
И конюхам под цвет каретный платье?
А новые шатры — встречать царицу?

Басманов

Готово всё, великий государь.

Дмитрий

Там бархату в царицыны покои
Недостает.

Басманов

В казне давно не стало,
Да и в Москве едва ль его найдешь!
По всем купцам обегали.

Дмитрий

Не знаю,
Вы бегали иль нет, а бархат нужен.
Найти его, чего бы он ни стоил!
Что нужно нам, того не быть не может.
Хоть тысячу, хоть больше дай за лоскут
В ладонь мою. Я денег не жалею.
Я прикажу, и будет мне готово
Не только бархат, птичье молоко!

Басманов

Камки, парчей и бархату цветного
Истратили мы столько, государь,
Что запрудить Москву-реку хватило б;
А соболей, и камней многоцветных,
И денежной истрачено казны —
И сметы нет, и слов таких не знаем.

Дмитрий

Истрачено! Басманов! Пан Басманов!
Кого я жду! Истрачено! Да если б
В моей казне алмазов было больше,
Я б вымостил алмазами дорогу
Для панны Мнишковны.

Василий Шуйский

Да для чего же
Копить, беречь их в темных кладовых?
Алмаз, что человек, не виден в куче,
А посади его на видном месте,
И заблестит. Недаром их копили
Родители твои; они как знали,
Что Дмитрию придет пора их тратить
На брачный пир, для славы государства,
На диво и на зависть иноземцам.

Басманов

А ты забыл, что тотчас после пиру
Война у нас. Куда казна нужнее,
Подумай-ко!

Дмитрий

Да неужли́, Басманов,
Так много денег нужно на войну,
Что их в казне у нас не хватит? Верьте,
Поход короток будет; мы нагрянем,
Как божий гнев на головы неверных,
И долго будет страшно наше имя

В пределах их — великую добычу
И славный мир мы завоюем разом.

Басманов

Пословица у нас: «Сбирайся на день,
А про запас бери на всю неделю!»

Василий Шуйский

Война — войной, а свадьба — свадьбой! Разве
Царю считать алтынами пригоже?
Подьячему, на жалованье царском,
На маленьком, а не царю алтыны
Раскладывать на разные потребы:
Один на кашу, на кафтан другой.
Война у нас не нынче и не завтра;
Пошлет господь, так деньги соберутся:
Купцы дадут, в монастырях есть лишки.

Дмитрий

В монастырях лежат они без пользы.
Не прав ли я?

Василий Шуйский

Без пользы, государь.

Дмитрий

Подумайте, бояре, как бы лучше
Расставить нам гостей ясновельможных,
Родню мою. Бояре, не забудьте,
Что польские паны — не вам чета;
Живут красно, богато, видеть любо,
Не взаперти, а настежь, шумно, людно.

Василий Шуйский

Под воеводу дом Борисов годен,
А для панов бояре потеснятся.

Мстиславский

Нам негде взять раздолья и простору,
Живем черно.

Голицын

Зато радушно примем.

Василий Шуйский

Прислужников царицыных поставим
По улицам Чертольским, по Арбату,
В самом Кремле. Купцов, попов погоним
Из их дворов; не маленькие, сыщут
Приют себе! Хоть нынче ж вывозиться
Прикажем им.

Басманов

Зачем же гнать насильно?

Василий Шуйский

Просить начни — они ломаться будут;
Ему толкуй, а он свое заладит:
«Что дом-де мой, что я-де в нем хозяин».
Народ простой — не понимают чести,
Что в их дворах стоят царевы гости.

Басманов

Великий царь, не одобряй насильства!
Прогнать попов — в народе ропот будет.

Василий Шуйский

Неужто ж нам, для нашей царь-девицы,
Для матушки, красавицы-царицы,
Не виданной, не слыханной нигде,
Попов жалеть?

Дмитрий

Да ты откуда знаешь
Про красоту ее?

Василий Шуйский

Да если б лучше
Была у нас, зачем бы издалека
И брать тебе: ты дома бы женился...
А, значит, нет.

Дмитрий

Конечно, нет.

Басманов

Давно ли,
Великий царь, ты разлюбил красавиц
Родной земли, смиренниц чернобровых?
Ты прежде их не обегал, кажись.

Дмитрий

Красавицы в Москве у вас не редкость,
По красоте им равных не найдешь...
Но портит их излишняя покорность
И преданность, бесспорная готовность,
Всегдашние уступки и молчанье.
Литовские красавицы не то!
В очах огонь, в речах замысловатость!
То ласкою безмерною дарят,
То гордостью нежданною окинут.
Им приказать нельзя, нельзя принудить
Любить тебя; а долго и прилежно
Ухаживать тебя они заставят.

(Указывая на Василия Шуйского.)
Смотрите-ко, у старика глаза-то
Как прыгают. Ты, видно, Шуйский, любишь
Хорошее? Товару цену знаешь?

Василий Шуйский *(машет рукой)*
Не без греха! Покаюсь, грешен, грешен!

Дмитрий
Ну, то-то же! Вот жалко, что сосватал
Ты русскую, а то нашли бы польку.

Василий Шуйский
Ну, где уж мне! Я стар. По Сеньке шапка!

Басманов
Нам некогда, великий государь,
За бабами ухаживать подолгу;
У нас дела с утра до самой ночи,
И для того нам русские способней.

Дмитрий
Ты очень строг, Басманов, нынче Шуйский
Добрей тебя.

Бучинский
Твоей великой мосци
Дозволь сказать! Царицу беспокоит,
Что усмотреть не можно за прислугой;
Что наши грубы с русскими, и много
И ссор, и драк бывает на дороге.
Боится, чтоб в Москве не сталось то же.

Василий Шуйский
Мы, русские, с поляками роднимся;
Пускай дерутся,— после помирятся.

Басманов
Молю тебя, великий государь,
Унять скорей поляков! Мы дождемся
Беды большой. Вражда непримирима,
А новые обиды подольются,
Что масло на огонь.

Василий Шуйский
Так что же делать?
Не бить же нам гостей своих для свадьбы!
Нельзя ж и русских заставлять терпеть
И принимать с поклонами побои!
А пусть они дают полякам сдачи,
Так задирать поляки перестанут.

Бельский
Такой раздор недоброе пророчит.

М а с а л ь с к и й
Дозволь полякам обижать народ,
Дозволь народу драться с поляками...
Натравливать — охотники найдутся!

Б а с м а н о в
И вырастет из драки бунт народный.

Д м и т р и й
Молчите вы! Мне слушать надоело!
Не школьник я, не вам меня учить!
Поймите раз и навсегда, что Шуйский
Умнее вас, и рта не разевайте,
Когда мы с ним о деле говорим.

В л а с ь е в с рабочими на галерее.

Ну, что ты, Власьев?

В л а с ь е в
Бархатом разжился,
Веду рабочих — стены обивать.

Д м и т р и й
Дождитесь здесь, бояре! Я в покои
Царицыны схожу, взгляну работы. *(Уходит.)*

Б а с м а н о в *(Шуйскому)*
Ты льстишь царю; твои советы — гибель.
Он молодой, горячий государь;
Любя его, ты будь руководитель,
Не поблажай, а на добро учи.

В а с и л и й Ш у й с к и й
Учить его, так быть умнее надо;
А я себя умней его не ставлю.

М с т и с л а в с к и й *(Басманову)*
Да и тебе не след умом кичиться
Перед царем.

В а с и л и й Ш у й с к и й
Слуга — не опекун.

Б а с м а н о в
Покуда ты доверчивое сердце
Великого царя не портил лестью,
Он верных слуг своих любил советы,
За грубость речи гнева не держал;
Он верил нам, он спор любил, он помнил,
Что тот слуга, кто смело режет правду,
А наглый льстец — изменник, не слуга.

Василий Шуйский
Вот я женюсь, да если будут дети,
Так их учить — обязанность моя.

Выходит из галереи Дмитрий, за ним — Осипов.

Дмитрий
Мертвец, худой и бледный! Кто, зачем он?
Спросить его! Остановить его!

Немцы загораживают Осипову дорогу.

Басманов
Убогий смерд! Дьячишко из приказа!
Ты Осипов?

Осипов
Раб божий, Тимофей.

Басманов
Зачем? Как смел? Откуда ты?

Осипов
Из церкви.

Дмитрий
Просить чего иль жаловаться хочешь
На слуг моих? Обижен ты?

Осипов
Тобою.

Дмитрий
Не знаю, чем и как я мог напрасно
Тебя обидеть, добрый человек.

Осипов
А тем, что ты в святых стенах кремлевских,
Среди церквей, вертеп греху поставил,
Нечестию и ереси поганой!
Святую тишь молитвы православных
Нарушил ты гуденьем мусикийским!
Вхождением еретиков латинских
И люторских ты храмы осквернил.
Где я молюсь, пред чем благоговею,
Куда вступаю с трепетом священным,
Туда со мной литвин и лях с руганьем
И мерзостным кощунством вместе входят.

Басманов
Остановись!

Бельский
Молчи!

М а с а л ь с к и й
Убить его!

Г о л и ц ы н
Какой смельчак!

В а с и л и й Ш у й с к и й *(тихо)*
Какой подвижник веры!

Д м и т р и й
Не трогайте! Ты, Осипов, чего же
За брань свою желаешь заслужить
От милостей моих царевых?

О с и п о в
Смерти!
Какой ты царь! Тебе ль управить царством,
Когда собой управить ты не в силах!
Какой ты царь! Ты сам в оковах рабства!
Ты раб греха! Служитель сатаны,
Сидящий на престоле всероссийском!
Воистину расстрига, а не царь!

Б е л ь с к и й *(берет бердыш у немца)*
Нельзя терпеть! Освободи нам руки,
И мы его на части разнесем!

Б а с м а н о в *(берет бердыш у другого)*
Изменник тот, кто может равнодушно
В глазах царя такие речи слушать!

Д м и т р и й
Ты, Осипов, себе желаешь смерти,—
Ты заслужил ее. Иди на казнь!

О с и п о в
Чего же ждать иного от расстриги!

Б а с м а н о в *(занося бердыш)*
Не изрыгай своих ругательств скверных,
А то убью!

Б е л ь с к и й *(занося бердыш)*
Молчи! Ни слова больше!

О с и п о в
Я смерти жду. Постом и покаяньем
Я оградил себя от страха смерти
И, причастясь святых Христовых тайн,
Пришел к тебе из божьей церкви прямо
Принять из рук твоих венец страдальца,
С которым я на небеса предстану.

Басманов и Бельский опускают бердыши.

Придет пора, то время недалеко,
И смерть моя тебе завидна будет.

Дмитрий

Увесть его! *(Идет к двери.)*

Басманов

Пытать его прикажешь?

Дмитрий

Казнить его! Остановись, Басманов!
Простить иль нет? *(Молчание.)* Жестокий, непреклонный,
Бесчувственный и твердый, как железо,
Безжалостен к себе народ московский;
Он милостей не ценит и не стоит.
(Указывая на Осипова.)
Стеречь его до моего приказа!
Свести в тюрьму! *(Быстро уходит.)*

Басманов

Исполню, государь. *(Уходит.)*

Василий Шуйский *(Голицыну)*

Вот мученик святой! Идя на смерть,
Он вымолвил пророческое слово:
«Завидовать моей ты будешь смерти».
(Уходит.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

ЛИЦА:

ДМИТРИЙ.

ПАН ЮРИЙ МНИШЕК,
воевода Сендомирский.

МАРИНА ЮРЬЕВНА,
его дочь.

КАМЕРИСТКА.

Деревянная келья в Москве.
(5 мая 1606 года)
Входят Мнишек и Марина.

Марина

Скажи, отец, зачем меня, как птичку,
Здесь заперли?

Мнишек

Чтоб ты не улетела
От сокола, московского царя.

М а р и н а
Ты знаешь сам, какой тяжелой цепью
Взаимных клятв, обетов, вздохов нежных
Мы связаны с державным женихом.
Как верны мы, и я и он, друг другу!
И вот за то должна я в заключеньи
Сидеть и ждать, когда угодно будет
Великому царю с собою вместе
Меня на трон московский посадить.
Смешной народ, обычаев старинных
Он изменить не может.

М н и ш е к
Если хочешь
Любимой быть, старайся сохранять
Обычаи и даже предрассудки
Земли, теперь родной тебе.

М а р и н а
Стараюсь,
Хоть трудно мне и скучно привыкать
К поклонам их тяжелым, к дикой речи
И поступи размеренной и тихой...
А мой жених рядиться очень любит:
На дню пять раз переменяет платье.

М н и ш е к
Понравиться естественно желанье
В таком живом и страстном человеке.

М а р и н а
Мне нравится царицей быть московской,
А царь Москвы и неуклюж и груб.
Ты на царя похож гораздо больше,
Чем Дмитрий мой, великий император.

М н и ш е к
Учить тебя не стану; ты сумеешь
И Польши честь и гонор родовитых
Панов ее достойно поддержать
В Московии; но, кажется мне, слишком
Ты холодна с царем. Он обезумел,
Он все забыл, одной любовью бредит,
То шлет тебе подарок за подарком,
То рядится и только что не плачет.

М а р и н а
А если так, ну, значит, не напрасно
Я холодна к нему. Отец! ты знаешь,
Что, слабые и робкие созданья,

Мы, женщины, всю жизнь у вас под властью.
И только раз, когда страстей горячка
Безумная кипит в душе мужчины,
Холодностью и строгостью притворной
Имеем мы и власть над ним и силу.
В земле чужой нам золото и жемчуг
Не лишние, алмазы — те же деньги.
Он нам с тобой полцарства обещает,
Короновать меня царицей хочет;
Но я боюсь, что сам-то он недолго
Процарствует. Бояре Сигизмунду
Уж кланялись, просили Владислава.
А если он усядется и крепко
В Московии, кто знает, после свадьбы
Каков он будет! Грубая природа
В нем скажется. Отец, ты знаешь, z chama
Nie będzie pana [1].

М н и ш е к

Брось свои тревоги
О будущем! Живи и наслаждайся
Величием и баснословным блеском,
Дарованным тебе любовью царской
И неисчетной царскою казной!
Доверимся герою молодому:
Он ловко взял державу самовластья
И удержать ее сумеет крепко
В своих руках; а ты царя-героя
Великий дух любовью оковала
И удержать в цепях любви сумеешь.

Музыка за сценой. Входит камеристка.

К а м е р и с т к а

Его величество войти изволил.

Входит Дмитрий в венгерском платье.

М н и ш е к

Ясновельможной панне, цесаревне
Марине Юрьевне всея России,
Отец ее, пан Мнишек, бьет челом
И милостям ее себя вручает.
Между двоих влюбленных — третий лишний.
(Кланяется Дмитрию и уходит.)

---

[1] Из хама не будет пана *(польск.)*.

Марина

Его величество мне извинит
Невольное смущенье; мы так рано
Не ждали вас...

Дмитрий

Холодное смиренье
В речах твоих, почтительная гордость
Навстречу ласк горячих и объятий.
Когда же я, у ног твоих, Марина,
Дождусь любви?

Марина

Величие героя
В челе твоем, высоко поднятом;
Все то, чем я гордилась издалека,
Вблизи меня пугает. Робкой деве
Слепят глаза блестящие наряды,
Толпы вельмож кругом тебя, и роскошь
Даров твоих, и раболепство слуг...
Почтительно сгибаются колена
Перед лицом твоим.

Дмитрий

Любви, Марина!
Одной любви! Одной любовью беден
На троне я. Всё то, чем я владею,
Всё взято с бою, силой, отнятое.

Марина

Любовь лишь там, где равенство́.

Дмитрий

Забудем
Различие! Не царь, а шляхтич вольный
Перед тобой.

Марина

Вам забываться можно,
А мне нельзя.

Дмитрий

Перенесися в Польшу
Мечтой своей! Забудь, что ты в Москве!
Глухая ночь, гремит и воет буря,
Перед окном красавица тоскует
О рыцаре. Чрез горы и потоки
На бешеном, покрытом белой пеной
Аргамаке он мчится, чтоб украдкой
Обнять свою любовницу.
(Обнимает Марину.)

Марина *(освобождаясь)*

Довольно!
Велик простор тебе для самовольства
По всей Москве, а здесь мое владенье!
Царица я убогой этой кельи,
И здесь, за этой дверью, безопасной
Желаю быть.

Дмитрий

Глаза твои, Марина,
Презрением блеснули; эти взгляды
Ужасны мне. Не повторяй их боле,
Молю тебя. Они напоминают
Дни жалкие холопства моего,
Когда немой, трепещущий от страсти,
Земли и ног не чуя под собой,
Из-за угла следил я жадным взглядом
Шаги твои, и ты, проникнув дерзость
Надежд моих, с улыбкою змеиной
Глядела на меня и обдавала
Презрением от головы до ног.
Обиды нет обиднее тех взглядов:
Их вынести не мог я никогда;
Железная природа уступала
Их жгучести — и я, в слезах, без пищи,
В горячечном бреду, больной, метался
И день и ночь! Я болен и теперь:
Дай руку мне, до головы дотронься!
Вся кровь горит, дрожит и холодеет
Рука моя,— мой голос рвется, слезы
Сжимают горло и готовы хлынуть,
Свинцом лежит в груди тяжелым сердце!
Скажи, Марина, чем, какою жертвой
Мне заслужить любовь твою и ласку?

Марина

Московский царь, я лаской не торгую.

Дмитрий

Но если ты не хочешь оценить
Даров моих, позволь же мне, Марина,
Слезами и коленопреклоненьем
Молить любви твоей.

Марина

Ни унижаться,
Ни унижать меня я не позволю.
Сравнять меня с собой у вас есть средство —

Короновать меня. Перед царицей
Вы можете тогда склонять колена,
Не унижаясь,— я тогда без страха
Могу обнять, как равного, тебя.

Дмитрий

Короновать? Да разве ты не будешь
Царицею, со мною повенчавшись?

Марина

Нет! Русские царицы только жены
Мужей-царей, по мужу лишь царицы;
Затворницы, пока мужья их живы,
По смерти их — живые мертвецы,
Монахини без власти и значенья.
А я хочу теперь короноваться,
Девицею, и мне твои бояре
И воинство пусть так же крест целуют
На подданство, как и тебе.

Дмитрий

Не знаю,
Не слыхано в Руси такое дело.

Марина

А где ж любовь твоя?

Дмитрий

А где ж награда
За все мои бесчисленные жертвы?

Марина

Последнюю мою исполни волю,
И жди себе награды — я твоя;
А без того назад уеду в Польшу.

Дмитрий

Приказывай! Назначь нам день и час,
Я прикажу собраться духовенству,
И нынче же напишут чин венчанья.

Марина

Я завтра перееду во дворец,
А послезавтра день коронованья.

Дмитрий

Исполню всё.

Марина

Спешить приготовленьем
Мне надобно. Прощай, до новой встречи
В дворце твоем!

Д м и т р и й

Хоть руку на прощанье
Облобызать позволь.

М а р и н а

В твоем желаньи
Не в силах отказать тебе. Изволь!
Прощай, мой царь.

Д м и т р и й *(целуя руку)*

Прощай, моя царица.

М а р и н а *(обнимая его)*

Иди! Иди! Безвременною лаской
Не уменьшай бесспорных наслаждений!
Ты видишь ли, я берегу себя
Лишь для тебя, мой царь и повелитель!

Д м и т р и й

Владычица моя, я власть слагаю
У ног твоих; повелевай отныне
И мной самим, и целым государством.

М а р и н а

Да будет так! Я принимаю! Amen.
(Кланяется и уходит.)

Д м и т р и й быстро убегает.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

ЛИЦА:

ВАСИЛИЙ ШУЙСКИЙ.

ДМИТРИЙ ШУЙСКИЙ.

ГОЛИЦЫН.

КУРАКИН.

ТАТИЩЕВ.

КАЛАЧНИК.

ДВОРЕЦКИЙ.

ДВОРЯНЕ. БОЯРСКИЕ ДЕТИ. ГОЛОВЫ. СОТНИКИ И СТРЕЛЬЦЫ НОВГОРОДСКИЕ И ПСКОВСКИЕ. КУПЦЫ И ПРОСТОЙ НАРОД.

Верхние сени в доме Шуйского. Темно.
(11 мая 1606 года)

Выходят из освещенной комнаты В а с и л и й Ш у й с к и й, к а л а ч н и к с восковой свечой в руке и д в о р е ц к и й.

Василий Шуйский

А крепко ль мы живем, Иван? В кольчуге,
Я вижу, ты; меня-то бережете ль?

Калачник

И красные и задние ворота
С дубинами робята берегут;
По улице, в проулках, перекрестках
И по концам поставлены рогатки —
Ни конному, ни пешему нет ходу,
Кроме своих. На страже у рогаток,
Для случая, готовы верховые.
Я ставил сам и обходил дозором —
Я для того кольчугу и надел.

Василий Шуйский

Что бережно, то цело.

Калачник

Мы кольчуги
По твоему приказу отобрали
Из кладовой. Кому раздать, я знаю.
Кого не жаль, кому и жизнь копейка,
И голова не стоит ничего,
На них-то я кольчуги и надену.
Я рать сберу из вольницы московской;
Мы выпустим сидельцев бражных тюрем,
Цепных воров с Варварского крестца.
И эту рать удалую навстречу
Пищального огня я поведу.
Мы вашу грудь своею загородим,
За головы разумные бояр
Мы головы дешевые положим...
Зажечь огня?

Василий Шуйский

Одной свечи довольно.
Держи в руках! Не свадьбу мы пируем...
(Дворецкому.)
Сбираются?

Дворецкий

Понабралось довольно,
Внизу полно. В сенях стрельцов поставил,
Торговый люд в поварне, в черных избах.

Василий Шуйский

А лишних нет?

Дворецкий

Кажись, что не бывало.

В а с и л и й   Ш у й с к и й
Осматривай по одному! Чужого
Опрашивай — зачем пришел, откуда
И кто привел? Когда позвать прикажем,
Пускай наверх без шуму, с береженьем!
Теперь ступай!

Д в о р е ц к и й уходит вниз.

Бояре, выходите!

Выходят Д м и т р и й   Ш у й с к и й, Г о л и ц ы н, К у р а к и н, Т а т и щ е в, д в о р я н е, д е т и   б о я р с к и е и   г о л о в ы   с т р е л е ц к и е.

Г о л и ц ы н
Довольно с нас обид и униженья
От гордости поляков, нестерпима
Их пьяная хвастливость.
К у р а к и н
То и дело
Мы слушаем от них, что нам, холопам,
Приятеля паны на царство дали;
Что служим мы холопски, что с панами
Вельможными мы честью не равны.
Потешились над нами наши гости,
И будет с них; пришел конец их панству,
Конец царьку и нашему холопству.
Г о л и ц ы н
Пора уж нам почет, боярам, видеть!
Мы выберем себе царя меж нами,
Боярского царя.
Д м и т р и й   Ш у й с к и й
Опасный шаг!
Храни господь!
Г о л и ц ы н
Не всё ж играть в игрушки!
Пора боярам послужить земле.
Т а т и щ е в
Боярами земля стоит от века,
Не выдать же чужим родную землю.
В а с и л и й   Ш у й с к и й
Народ слепой, мы зрячие, мы видим,
Куда идти, чего хотеть народу.
Боярство — Русь великая, а земство
Идет туда, куда ведут бояре.

Народ возьмет, что мы ему дадим,
И будет знать, что мы ему велим.
Для наших дней и для потомков наших
Покроем мы все замыслы и думы
Глубокою и вековечной тайной.
Пусть люди нас не судят, судит бог!

Дмитрий Шуйский

А страшно, брат!

Василий Шуйский

Кого же нам бояться?
И царь слепой, и так же слеп и прост
Бесовозлюбленный его советник.
Басманову ли править государством!
Он пóд носом не видит ничего.
Борисовы ученики, мы Грозным
Воспитаны, и нас не проведешь!
Не им чета! Вот мы умеем править
Землей своей, вести народ умеем.
По выбору и ложь и правда служат
У нас в руках орудием для блага
Народного. Нужна народу правда —
И мы даем ее; мы правду прячем,
Когда обман народу во спасенье.
Мы лжем ему: и мрут и оживают
По нашей воле люди; по базарам
Молва пройдет о знаменьях чудесных;
Убогие, блаженные пророчат,
Застонет камень, дерево заплачет,
Из недр земли послышатся глаголы,
И наша ложь в народе будет правдой,—
В хронографы за правду перейдет...

Татищев

Великая боярская опора,
Василий, княж Иваныч; за тобою
Как стадо мы. Не закрывай уста!

Василий Шуйский

Была пора, нам ложь была нужна,
Мы ею Русь спасали от Бориса;
Но выросла та ложь трехглавым змеем,
Свила гнездо себе в чертогах царских
И ересью дохнула на Россию,
Детенышей развесть грозится, хочет
Облапить Русь погаными когтями.
Пришла пора покаяться, бояре,

Пришла пора виниться в воровстве.
Мы про себя и про царя народу
Всю правду скажем. Эй! Зови народ!

Калачник у лестницы свищет. Д в о р е ц к и й *показывается.*

К а л а ч н и к

Веди народ!

В а с и л и й Ш у й с к и й

Бояре, честь и место!

Усаживаются. Н а р о д *всходит по лестницам.*

Вошли?

Д в о р е ц к и й

Вошли.

В а с и л и й Ш у й с к и й

Закройте западни!

Г о л о с а

Челом тебе, боярин.

К а л а ч н и к

Тише, тише!

О д и н и з т о л п ы

Бояре всё, князья да воеводы,
И кланяться кому, не разберешь.

К а л а ч н и к

Один поклон отвесь на всех, и будет.

В а с и л и й Ш у й с к и й

Честной народ, господним попущеньем
Мы нажили беду себе на плечи,
Великую и земскую беду.
Нам жить нельзя. А если б можно было,
Не стали б мы — бояре — собираться,
Совет держать украдкой, по ночам,
Не стали б мы и люд честной тревожить.

Г о л о с а

Само собой! Известно, что не стали б.

В а с и л и й Ш у й с к и й

Диавольской мечтой, и омраченьем,
И нашим воровством у нас на царстве
Не царь, а вор, расстрига утвердился.
За воровство простите нас? Я первый
Прошу у вас прощенья.
(Кланяется.)
Мне царевич
Известен был,— я хоронил его.

Голоса

Ну, как тебе не знать! Известно, страхом
Заставили расстриге поклониться.

Василий Шуйский

Когда Борис холопам за доносы
Стал вотчины боярские давать,
Давил, как мух, боярство, половину
Извел его, а черного народу
И счету нет,— терпенья нам не стало.
Щадя себя, мы думали, гадали
Избыть его, и нам господь помог.
Явился вор в Украйне, объявился
Димитрием, Литва заликовала,
Вся Сивера без бою отдалась,
За ней Рязань, казачество толпами
Пошло к нему,— войска и воеводы
Борисовы служили неохотно,
И скоро все передались за вора,
Винясь ему в измене небывалой.
Вздохнула Русь. Греха таить не стану,
Заведомо мы вору покорились;
Кто волей шел к нему, а кто от страха...

Голицын

И воля нам невольная была.
Небось своя рубашка к телу ближе.
Мы ведали, что волей, что неволей
Бесчестною, с веревкою на шее,
А быть за ним; так лучше волей с честью
Служить ему, и шли к нему охотой.

Василий Шуйский

Разумен он и молод; мы гадали
И чаяли, что будет он боярский
Совет любить и нас держать в почете,
Блюсти закон и чтить святую церковь,
Обычаев отеческих держаться.
Ошиблись мы! Вы видите и сами,
Таков ли он! Среди церквей соборных
Поставил он костелы езовитам,
Навел орду гостей разноязычных,
Еретиками Кремль заполонил,
Священников и нас, бояр, повыгнал,
Забрал дворы и отдал их полякам.
Из Польши взял латинской веры девку
И, не крестя ее, венчался с нею

Под пятницу, под праздник годовой!
В монастыре держал ее до свадьбы;
Суреньщиков с гудками, трубачеев
Водил туда и всяких скоморохов.
Толпы бродяг с ругательством и шумом,
Оружием звеня, по храмам бродят,
Бесчинствуя над нашею святыней.
Так вот дела! Как знаете, судите,
Друзья мои!

Голоса

Не нам судить! Не наша —
Боярская забота думу думать.
Судите вы, бояре, мы за вами.

Василий Шуйский

Ограбил всю и промотал дотла
Копленую казну царей московских.
То в Польшу шлет, то здесь дарит полякам
Без разума, без счета — точно ворог
Земле своей и царству разоритель.
Сплотили мы, скрепили государство,
А он его опять разносит врозь.
Всю Сиверу за дочь сулит он тестю,
А королю за сватовство — Смоленск.
А вас, друзья мои, новогородцы,
Со всей землей и Псков еще впридачу —
Жене своей, Марине отдает,
И вольно ей латинские костелы
По городам новогородским ставить.

Новгородские стрельцы

О, господи! Вот грех какой! Боярин,
Вступись за нас! Василий, княж Иваныч,
Твой род служил новогородской воле
До самого конца ее.

Псковские стрельцы

Твой братец
Двоюродный, Иван Петрович, Пскову
Защитник был от страшного Батуры.

Василий Шуйский

Терпеть ли нам и ждать, сложивши руки,
Пока бояр поляки изведут
И волости московские поделят,
Погонят вас, как стадо на убой,
Латинские обедни слушать силой?
Терпеть ли нам? Судите как хотите!

Голоса

Нельзя терпеть! — Нельзя терпеть, боярин!
Избыть беды! — Избыть! Чего тут думать?
Немало нас — мы встанем за один.

Василий Шуйский

Я раз лежал под топором на плахе,
Народ молчал, никто не шелохнулся.

Голоса

Прости ты нас, боярин! Нам расстригу
Доподлинным царевичем казали.
Мы верили боярам.

Василий Шуйский

Виноватых
Я не ищу. Меня небесный промысл
Помиловал и сохранил для мести.
Я смерти ждал: мальчишка вздумал шутки
Шутить со мной — я шуток не люблю,
Для шуток стар я. Вывесть на потеху
Народную седого старика,
Боярина, опору государства,
Под топором держать его на плахе,
Потом дарить непрошеным прощеньем!
Я осужден соборным приговором:
Казни меня, но не шути со мной!
С врагом шутить и глупо, и опасно!
Врагов губи! Будь он в моих руках,
Я с ним шутить и нянчиться не стану.
Я видел смерть и, если будет нужно,
Готов опять идти навстречу смерти;
Но головы терять на стану даром.
Уж умирать, так всем; мы смертью купим
Живот себе.

Голоса

Мы все умрем, боярин!
Какая жизнь у нехристей под властью!
Душа нужней — без бога не прожить!
Антихристу служить тяжеле смерти!
Ордой идти не страшно! Грянем разом,
Так дым столбом — сыра земля застонет.
Кажите нам дорогу, мы за вами!
Мы шапками поляков забросаем!
Давайте нам работу!

Калачник

Тише, тише!

Василий Шуйский

Ну, если так, и ладно. Вы, покуда
Пора придет, товарищей сбирайте:
Вы, головы и сотники, по сотням,
А вы, купцы-торговцы, по рядам!

Татищев

Вы кучами, толпами не сходитесь!
По одному, тихонько, с глазу на глаз
Ведите речь толково: что, мол, время
За веру стать, что больше православным
Терпеть нельзя.

Голоса

Да ладно, ладно! Знаем,
Кому и как сказать. Святое дело
Без разума и толка не начнем.

Василий Шуйский

Так по рукам?

Голоса

Ударимся, бояре!

Бояре встают и подходят к народу.

Василий Шуйский

Давай друг другу! Помните: где руки —
Там головы. Рука божбы дороже!

Голоса

Моя рука! Еще рука! За братьев!
За всех своих товарищей!

Сотник

За сотню!

Голоса

За тысячу!

Купец

За весь иконный ряд!

Василий Шуйский

Ну, слушайте, робята!

Калачник

Тише, тише.

Василий Шуйский

Неделю вам я сроку дам; в субботу
Зарю встречай и поджидай работу!

Татищев

Готовь мечи, ножи точи булатны!

Василий Шуйский

И разом в сход, как загудёт набатный.

Голоса

В набат! В набат!

Голицын

Готовься, жди набата!

Калачник

Всю ночь не спать, набата ждать!

Василий Шуйский

Робята!
Заслыша звон, со всех сторон московских
Сбирайся в сход вблизи ворот Фроловских
И в Кремль за мной вались толпой!

Голицын

Укажем,
Кого искать, с кого начать.

Татищев

Намажем
Дворы чужих, кресты на них напишем.

Калачник

Всю ночь сиди, набата жди!

Голоса

Услышим!
Глухие, что ль! — Нивесть отколь нагрянем!

Голицын

Поможет бог, врагов врасплох застанем!

Голоса

Зачем сбирать большую рать и силу?
Один с копьем, другой с дубьем под силу!
Ведите нас! — Идем сейчас на драку!
Зачем терпеть, чего жалеть собаку!
Робята — в Кремль!

Василий Шуйский

Потише!

Калачник

Тише, тише!

Василий Шуйский

Смирней, друзья! Не бунт мы затеваем!
О чем шуметь! Святое наше дело.
Придет пора и время; мы за веру
Иконами, крестами ополчимся,
Помолимся и скажем: «С нами бог!»

Голоса

Ты всем глава,— что скажешь, то и будет.

Василий Шуйский *(кланяясь)*
Спасибо вам за ласку и раденье!
Бог помочь вам и нам! Ступайте с богом,
По одному, без шума, не спеша!

Голоса
Челом тебе, боярин, за науку!
Челом тебе за ласковое слово!
За всё челом, и вдвое за любовь.

Кланяются и сходят с лестницы.

Василий Шуйский *(боярам)*
Пойдем, друзья, досиживать до свету!
В Кремле сидят,— а мы не хуже их!

Уходят все, кроме Голицына и Куракина.

Голицын
Толкуй себе: «Не бунт мы начинаем!»
Чего ж еще, коль это уж не бунт!

Куракин
Какой же бунт! Василий-свет Иваныч,
Что ни начни, всё свято у него!
Заведомо мошенничать сберется
Иль видимую пакость норовит,
А сам, гляди, вздыхает с постной рожей
И говорит: «Святое дело, братцы!»

Уходят.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

ЛИЦА:

КАЛАЧНИК.

ЮРОДИВЫЙ.

ИВАНУШКО-ДУРАК.

ПОВАР ДВОРЦОВЫЙ.

СТАРИК СТОЛЕТНИЙ
из Углича.

КУПЦЫ. СТРЕЛЬЦЫ. РАЗНЫЕ МЕЛКИЕ ТОРГОВЦЫ, МАЛЬЧИШКИ, ПРОСТОЙ НАРОД И СТРАННИКИ. РОТА НЕМЕЦКИХ АЛЕБАРДЩИКОВ С КАПИТАНОМ, ДЕСЯТСКИЕ.

Улица в Китай-городе.
(12 мая 1606 года)

Проходит толпа разного народу. Четверо купцов; кругом разговаривающих постепенно собирается толпа.

1-й купец

Чего нам ждать! Час от часу не легче!
Приехали на свадьбу, а возами
Оружия с собою навезли...
И понимай как знаешь!

2-й купец

Понимать-то
Тут нечего! Яснее свету дело:
Пришел конец, забрались волки в стадо.

1-й купец

Большой наряд за Деревянный город
Поволокли и ставят на лужку,
У Сретенских ворот, полево Красных
Слобóд.

3-й купец

Зачем?

1-й купец

А разве ты не знаешь?
Бояр губить — своих поляков тешить.
Назначен бой примерный в воскресенье,
И перебьют бояр до одного.

4-й купец

Не может быть! А волости царевы
Кому держать?

1-й купец

Поделят их полякам,
По городам латинство заведут.

3-й купец

Беда-бедой, живой ложись в могилу!

1-й купец

Велик господь! Ты бойся, да не очень!
Вы помните, что прежде воскресенья
Субботний день бывает.

4-й купец

Это верно.

1-й купец

Сиди да жди субботы! *(Уходит.)*

2-й купец

Не мешает
Дубинки нам, робята, заготовить,
Чтоб было чем подчас оборониться.

Выходит толпа поляков, слуг Вишневецкого.

П о л я к и

Эй, хлопы! Прочь с дороги!

Г о л о с а

Разойдемся!

Простор велик в Москве, гуляй, где хочешь!
А тесно вам у нас — гуляйте в Польшу!

П о л я к и

Стрелять по вас, холопская порода!

М а л ь ч и ш к и *(прыгая)*

Ну, застрели! Ну, застрели! Не смеешь!
Поляки! У! Безмозглые поляки!
Пучки, глаголи, лысые затылки!

Поляки бросаются с саблями на мальчишек.

Г о л о с а

У нас не так; по нашему-то вот как!
Валяйте их каменьями, робята.

Бросают камнями в поляков, те скрываются в ворота дома, занимаемого Вишневецким; выходят п я т е р о н е б о г а т ы х п о с а д с к и х.

1 - й п о с а д с к и й

Его с двора прогнали, а поляков
Поставили.

2 - й к у п е ц

Кого его?

1 - й п о с а д с к и й

Попа
Чертольского, от Знаменья. Строптивый
Старик такой.

2 - й п о с а д с к и й

Ну что же?

1 - й п о с а д с к и й

Ну и слушай!
Обедню он как надо отслужил;
Ектению проговорил честь честью;
«Благочестивого» сказал порядком,
А после в алтаре тихонько проклял.

3 - й п о с а д с к и й

Анафемой?

1 - й п о с а д с к и й

Анафемой!

4 - й п о с а д с к и й

Да правда ль?

1-й посадский

Все слышали.

2-й посадский

Зачем бы гнать попов?
Помимо их других дворов довольно.

1-й посадский

Монастыри хотят теперь очистить,
Прогнать из них монахов и монахинь.

3-й посадский

А где ж им жить? В миру соблазна много.

1-й посадский

Монахам жен дадут, монахинь замуж
Повыдадут. А кто не пожелает,
Тому конец.

5-й посадский

Ни в жизнь я не поверю.

1-й посадский

Ты верь, не верь, а деньги отбирают
В монастырях,— не проживешь без денег.

2-й посадский

И деньги-то святые: на строенье
Да за́ душу миряне подавали;
А их возьмут, полякам раздадут.

Десятский

Чего вы тут! Зачем собрались кучей?
Петр Федорыч толпиться не велел
По улицам.

1-й посадский

Иди своей дорогой,
Покамест цел. Не трогают тебя,
Не приставай и ты, дружок!

Входит калачник и уставляет лоток.

Калачник

Торгую!
Вались народ со всех ворот. Горячи!
Горяченьки калачики.

Входит дворцовый повар, пьяный.

Повар *(сам с собою)*

Утя ли
Верчёное... кострец лосин... осердье
Крошёное... рожновое куря...
Иль рябь под сливами... я всё умею!

К а л а ч н и к

Один подшел, почин пошел. Горячих!
Не обожгись, смотри!

Т о р г о в к а *(с грешневиками)*

Напек, нажарил
Кривой хозяин, скриву не видал,
Больших давал. Подуйте, да и жуйте!

П о в а р

Опять же гусь, и лебедь, и журав...
Как хочешь их... и потрохи, и крылья...
В рассол могу инбирный с огурцы...

Выходят странник и молодой стрелец; окружает всякий народ.

С т р а н н и к

Он вор прямой! Я лгать тебе не стану;
Убей меня господь на этом месте!
Какая стать природному царю
Закон менять,— а он его меняет.
Не то что царь, а мы, простые люди...
Примерно ты — пойдешь ли ты венчаться
Под пятницу, под вешнего Николу?

С т р е л е ц

Болтай еще! Какая мне неволя!

С т р а н н и к

А кто его неволил!.. Это раз!
Другой тебе: венчался с некрещёной.

С т р е л е ц

А патриарх?

С т р а н н и к

Игнатий-то? Потатчик,
И пьяница, и еретик известный...
А вот тебе и третий: в бане не был
До сей поры, не мывшись в церковь ходит.

С т р е л е ц

Да правда ль, друг?

С т р а н н и к

Спроси других. С царицей
По пятницам телятину едят.

П о в а р *(прислушиваясь)*

Телячьих мяс я жарить не согласен
По пятницам... и что за сласть такая!
Показана тебе в писаньи пища...

Стрелец
Ты кто такой, приятель?
Повар
Царский повар.
Странник
Ну вот, спроси!
Стрелец
Скажи, дружок, по чести,
Телят у вас к столу цареву носят?
Повар
Неужто ж нет! Нарядят, изукрасят
Всего, как есть, с рогами, постановят,
Да так и жрут. Поганая Маринка
И поваров из Польши привезла,
А нас прогнали, друг,— мы не умеем...
Гуляй теперь по всей Москве — где знаешь.

Входит старик.

Калачник *(старику)*
А, дедушко! Отколь господь несет?
Старик
Из Углича, родимый, поклониться
Угодникам московским.
Калачник
Дело вздумал!
Честной народ, подвиньтесь-ко поближе!
Нам дедушко про Углич порасскажет.

Народ окружает старика.

Ты в Угличе Димитрия видал ли
Царевичем? А буде не случалось,
Так погляди его царем у нас!
Старик
Сто лет живу, из Углича ни шагу
Не выходя: царя Ивана помню.
Назад тому лет будет полусотня
Он был у нас в гостях, у брата Юрья
Василича, и с ним на богомолье
В обители окрестные ходили.
А Дмитрия царевича не то что
Я видывал, и нянчить приходилось.
Кораблики ему, бывало, строил
Лубочные — потешиться: по Волге
Любил пускать...

Голос из толпы

Ступай к нему; он вспомнит,
Пожалует тебя.

Старик

Кривить душою
В мои лета какая мне неволя!
Царевич жил и рос в моих глазах.
Я, в самый день безбожного убойства,
Его живого видел у обедни;
К убитому всех прежде прибежал,
Стоял над ним, зарезанным, и плакал.
При мне его в могилку опустили.
И с той поры наш Углич запустел;
Унес с собой царевич наше счастье.

Голоса в толпе

Болтай еще! В застенке побываешь! —
Пойдемте прочь; мы глухи, не слыхали.

Старик

Ни в милостях его я не нуждаюсь,
Ни гнева не боюсь! Сто лет я прожил,
Еще ста лет не проживу; о лишнем
Десятке дней и спорить нет расчета.

Десятский

Вязать его! Робята, помогите!
Десятские!

Калачник

Кричи, сбирай десятских!
Помогут ли они тебе, посмотрим!
Ты лет не чтишь, ты сдуру поднял руки
На старика седого! Ну, так стой же!
Учтивости я выучу тебя. *(Хватает его за ворот.)*

Десятский

Ты что шумишь? Ты сам-то что за птица?

Калачник

Что я-то?! Я — не сыщик, не доносчик;
Я — весь народ московский; вот кто я!
Ты радуйся, что мы покуда тихи.
Берись за ум, одну с народом песню
Затягивай! А то беды дождешься;
Возьмем дубье, и вам, с панами вместе,
Достанется, басмановские псы!

Десятский

Тебя, дружок, вязать-то! Эй, робята,
Держи его!

Калачник

Убью тебя на месте,
Анафема! Зубами загрызу! *(Роняет десятского.)*
Давайте нож! Берите, братцы, колья!
Убьем его до смерти! Жил собакой,
И умирать ему собачьей смертью!

Десятский

Да смилуйся! И сам не стану трогать
Честной народ, и закажу другим.

Голоса

Убей его! Туда ему дорога!
Кончай его скорей!

Десятский

Пустите душу
Покаяться!

Калачник

Ну, черт с тобой! Смотри же,
Держи язык на привязи! Своруешь —
Везде найду, и не проси пощады!
Не жить тебе!

Входит юродивый в польской шапке.

Голос из толпы

Афоня, ты отколе?

Юродивый

На свадьбе был и мед и пиво пил.
Невесело!

Голос

Зачем ты в польской шапке?

Юродивый

Наденем все. Митрополит казанский
Не захотел надеть, его сослали —
Сослали, да! В цепях и заключеньи
Томят его.

Калачник

Садись со мной, убогий!
Сыграем в зернь! Покажем православным,
Какой игрой своих поляков тешит
Московский царь, чтоб им не скучно было.

На тебе шапка кру́гла,
На четыре у́гла;
Ты будешь поляк,
А я русак —
И будет дело так.

Мы наперво на Новгород сыграем!

Играют вместо костей камешками.

Ну, Новгород тебе я проиграл.
Теперь на Псков... *(Народу.)*
Да что же это, братцы!
Никак, ему и Псков я проиграл!
Куда ни шло, на Северскую землю!..
Ахти, беда! Совсем я проигрался.
Осталось мне московские соборы
Проигрывать полякам.

Вбегает купец.

Купец

Защитите,
Родимые! Напали полячишки
Проклятые, отбили силой дочку.

Калачник

А где они?

Купец

Да вон бегут! Родную
К себе тащат.

Поляки с девушкой у ворот дома, где стоит Вишневецкий.

Калачник

Денной разбой, робята!
На выручку! Работай чем попало.

Разбивают разножки, на которые ставят лотки, и обломками дерутся с поляками. Отбивают девушку. Из ворот выходят люди Вишневецкого с ружьями.

Калачник

С пищалями?! Скликай народ, робята!

Голос

Вались, народ! Обидели поляки!

Прибегают несколько человек и Иван-дурак.

Мальчишки

Иванушко! Иванушко-дурак!

Калачник

Иванушко! Кричи что силы хватит,
Сзывай народ! Кричи: «Поляки бьют!»

Иван

Поляки бьют! Поляки наших бьют!

Сбегается народ; слуги Вишневецкого стреляют холостыми зарядами, уходят в ворота и запирают их.

Калачник

Давай сюда камней, поленьев, бревен!

Несут бревно.

Берись дружней, высаживай ворота!
Раскачивай! Затягивай дубинку!

Несколько человек запевают песню: «Ах ты, дубинушка, ухни!», раскачивают бревно и бьют в ворота; дурак кричит. Показывается рота немцев с капитаном и начинает напирать на народ.

Капитан *(народу)*

Пошел домой! Ходи домой! Ihr, Schurken! [1]

Калачник *(прячась за дурака)*

Иванушко, сучи кулак на немцев!

Иван *(засучив рукав)*

Ну, выходи!

Калачник

Ругни их хорошенько!

Иван

Проклятые, с своим царем проклятым!

Капитан

Бери его! Вяжи! Das ist ihr Hauptmann! [2]

Весь народ разбегается. Дурака уводят немцы.

---

[1] Вы, бездельники! *(нем.)*.
[2] Это их командир! *(нем.)*.

СЦЕНА ПЯТАЯ

ЛИЦА:

ДМИТРИЙ.

МАРИНА.

ОЛЕСНИЦКИЙ,
каштелян мологоский, посол Сигизмунда.

ШУЙСКИЙ.

ГОЛИЦЫН.

ЮРИЙ МНИШЕК.

ВИШНЕВЕЦКИЙ КОНСТАНТИН.

БУЧИНСКИЙ.

ИВАН-ДУРАК.

МУЗЫКАНТЫ, ПЕСЕЛЬНИКИ, СТРАЖА, ПОЛЯКИ И ПОЛЬКИ, РОДСТВЕННИКИ МАРИНЫ, И ГОСТИ.

Зала в новом дворце.
(13 мая 1606 года)

Выходят Дмитрий *и* Олесницкий; *за ними бояре:* Шуйский, Голицын; *паны:* Мнишек, Вишневецкий *и другие;* Марина *с своей свитой.*

Дмитрий

Пан мологоский! брата Сигизмунда
Сомнительно ко мне расположенье.
Не вижу я любви его. Скитальцем
Я в Кракове почету больше видел,
Чем здесь теперь, когда я сел на царства
Великие, когда страны полночной
Единым обладателем я стал.
По-братски ли не признавать титу́лов
Наследственных, от бога нашим предкам
Дарованных? Титу́лы много значат,
Когда они действительны: не словом,
А делом я коронами владею
Великих царств. Мы брата Сигизмунда
Наследственных титу́лов не лишаем
И королем наследным свейским пишем,
А он король — лишь только на бумаге.
Дивлюсь ему! Иметь в своем титу́ле
Наследные права и спать спокойно!
Имей-ка я хоть тень такого права,
Я б свейскую корону с боя отнял.

Олесницкий

У нас земля свободная: не могут
Для личных прав и выгод короли
Покой страны и подданных нарушить.

Дмитрий

А если так, я б вашу Польшу бросил,
Без вас бы отнял свейскую корону,
Потом бы стал и Польшу доставать...
А впрочем, пан. оставим разговоры.
Мы вечер посвящаем на забавы.
Я утром — царь, а вечером — любовник,
Вздыхающий у ног своей богини.

Марина

Мы танцевать хотим!

Дмитрий

Здесь ваша воля —
Закон для нас. Эй! Музыку и песен!

Музыка. Царь с царицей и поляки танцуют польский.

Олесницкий *(Василию Шуйскому)*

Москва шумит, поляков обижают.

Василий Шуйский

Вельможный пан боится хлопов глупых?

Олесницкий

Вельможный пан боится или нет,
Он знает сам про то; а Шуйский знает,
Что чернь в Москве недаром зашумела.

Василий Шуйский

Послов не бьют.

Олесницкий

Пока страна покойна.

Василий Шуйский

Скажи царю, просите для защиты
Стрельцов себе!

Олесницкий

Царю мы говорили;
Не верит нам.

Василий Шуйский

Басманову скажите!

Олесницкий

Покойней нам, вернее, если Шуйский
Поручится за нашу безопасность.
Дай руку, пан!

Василий Шуйский

Изволь! Ручаюсь богом,
Что волосом тебя никто не тронет.

Олесницкий

(показывая на Юрия Мнишка)
Без шапки воевода Сендомирский
И спину гнет на старости кольцом.

Василий Шуйский

Тебе пример дает.

Олесницкий

Я понимаю.

Проходят.

Вишневецкий *(Мнишку)*

Случись еще подобная тревога,
Я жолнерам стрелять велю.

Мнишек

Потише!
Мы гости здесь.

Вишневецкий

Тем хуже! Царь Московский,
Не выдавай гостей своих в обиду!
Кацапов глупых тысячи четыре
Вчера сошлось с дубьем к моим воротам.
Аль царь забыл,— так я ему напомню
И подданным его, что Вишневецким
Он сам служил холопом при конюшне.
Он должен бы беречь моих холопов,
Они ему товарищами были.

Мнишек

Не обижай меня и дочь-царицу,
Прошу тебя! Мы после, Вишневецкий,
Поговорим с царем наедине
И выпросим охраны понадежней.

Подходят Шуйский и Голицын.

Голицын

У вас паны мазурку лихо пляшут,
Глядеть на вас потешно.

Василий Шуйский

Не мешает
И нам себе завесть такую пляску,
Особенно на свадьбах.

Вишневецкий

Мы, поляки,
Когда у нас нет дела иль войны,
Хоть каждый день плясать готовы.

Голицын

То же
И мужики у нас: как пьян, так праздник,
И заплясал.

Вишневецкий

Вам надо поучиться
У рыцарей и делу, и забавам.

Голицын

Ну, дело-то мы знаем без ученья,
А пляскам вот не худо поучиться.
Да только мы, паны, не будем сами
Боярских ног ломать другим в потеху:
Холопов мы по-польски изнарядим
И забавлять себя велим мазуркой.

Вишневецкий *(Мнишку)*

Moskiewskie barbarzyństwo [1].

Отходят.

Голицын

Так-то лучше!

Басманов *(Шуйскому)*

Скажи мне, князь Василий, ты московский
Простой народ как на ладони видишь,
Откуда в нем такая перемена?

Василий Шуйский

А как мне знать! С утра до поздней ночи
Я во дворце толкусь, у государя;
Сегодня пьян, а завтра сплю с похмелья —
Я ничего не вижу и не слышу.

Басманов

Мятеж в Москве.

Василий Шуйский

Ты что ж не унимаешь!

Басманов

Унять народ легко — добраться нужно,
Кто возмутил, кто вести распускает.

Голицын

Разыскивай!

---

[1] Московское варварство *(польск.)*.

Басманов

Сказать ли государю,
Иль подождать?

Василий Шуйский

Скажи, правее будешь.

Басманов тихо говорит с Дмитрием.

Голицын *(Мнишку)*

Вельможный пан, ты видишь, мы хлопочем
О тишине и вашем успокое.

Мнишек

Dziękuję [1], пан Голицын; мы за ласку
Заплатим вам.

Вишневецкий

Мы вас за то похвалим
Перед царем, которого из Польши
Мы дали вам.

Голицын

А из чего ж мы бьемся!

Дмитрий и Басманов подходят.

Дмитрий *(Мнишку и Вишневецкому)*

Мой глаз везде, мне тотчас всё известно;
Без ведома и воли нашей царской
Ничто в Москве не может совершиться.
Вам можно спать спокойно. Мы за это
Поручимся. Разведайте, бояре,
О чем шумит народ, чего он хочет?

Василий Шуйский

Признаться, я большой беды не вижу
От драки пьяных панских челядинцев
С торговцами московскими. Однако ж
И разыскать виновных не мешает.

Вишневецкий

Вдвоем, втроем дерутся — будет драка;
А в тысячах — не драка уж, а бунт.

Василий Шуйский

Пословица такая есть: «У страха
Глаза велики»,— пан ясновельможный!

Дмитрий

Народный шум гостей моих пугает;
Уверьте их, бояре, что я принял
Свою державу крепкою рукой.

---

[1] Благодарим *(польск.)*.

Василий Шуйский
Бог дал, у нас народ не то, что в Польше.
Земля царю, а царь народу верит.
У вас мятеж и рокош каждый день.
А если вам и тут всё рокош снится,—
Для верности прикажем днем и ночью
По улицам стрельцам ходить дозором.
Не разберешь, кто прав, кто виноват!
Вчера, в ночи, поляки на Никитской
Боярыню насильно из повозки
Уволокли.

Дмитрий
Вы слышите, паны!
Всё разыскать и наказать виновных!
Потачки нет ни русским, ни полякам.

Бучинский входит.

Ты, Ян, зачем?

Бучинский
От немцев с донесеньем.

Дмитрий
О чем еще?

Бучинский
Они уведомляют
О мятеже в Москве.

Дмитрий
Вы надоели
Мне с мятежом.

Бучинский
Мятежников прогнали,
Разбили в пух. Зачинщик-предводитель
Попался в плен и приведен сюда.
Он поносил тебя позорной бранью.

Василий Шуйский
Диковина! Откуда только смелость
Доносчики берут царя тревожить
В такие дни! У государя гости,
Он целый год царицу ждал в Москву;
Привел господь, соединил их браком;
На первых днях медовых друг на друга
Глядеть бы им да любоваться только,
А немцы тут с доносами. Басманов,
И ты туда ж! Да разве нет боярства!
Иль думы нет у цесаря! Не хуже

Басманова мы бережем его!
Скажите нам, мы разберем, в чем дело,
Не доводя напрасно до кручины
Державную чету.

Д м и т р и й

Скажите немцам,
Что верности их верю и доволен
Их службою, за преданность хвалю;
Но если преданность еще покажут
Такую же, велю их батогами.
Пойдем, паны, и снова отдадимся
Веселию — тяжелые заботы
Правления на верных слуг возложим.
Бояре, вы сейчас же допросите
Изменника и разберите дело!

Ш у й с к и й и Г о л и ц ы н уходят.

Б а с м а н о в *(Дмитрию)*

Темна вода во облацех небесных!
Не Шуйский ли затейник этой смуты?

Д м и т р и й

Подозревать бояр своих ближайших
И каждый час беречься их измены —
Так жить нельзя. Ты выведи мне ясно
Изменников, я их не пожалею,—
Не только Шуйских, половину думы
Казнить велю сейчас; а без улики
Они — друзья мои, и я им верю...
Басманов! нам с тобой бояре нужны.
Правители плохие мы: не знаем
Цены казне, цены своим речам —
Мы воины. Сноровка вековая,
Боярская, за нас управит землю,
Поддержит честь ее в делах посольских;
А мы с тобой — всё лето воевать,
А зиму всю гулять да пировать. *(Жмет ему руку.)*

М а р и н а *(Дмитрию)*

Какой-то бунт, я слышала, бояре
Затеяли. О чем они бунтуют,
Вели спросить да запереть их крепче,
И танцевать начнем с тобою снова.

Д м и т р и й

Иду, иду! Живее нам мазурку!

Музыка. Танцы и песни. Ш у й с к и й и Г о л и ц ы н входят.

Василий Шуйский *(Дмитрию)*

Великий царь, мятежника я видел
И опросил. И смех и горе с ним:
Дурак и пьян!

Голицын

Мотает головою
И языком лепечет, как спросонков;
Не разберешь. Глядеть и слушать дивно.

Василий Шуйский

И трезвый он умней того не будет,
Каков теперь. Вели его покликать,
Изволь взглянуть! Увидишь, что не стоит
И гнева он.

Дмитрий

Позвать его сюда!

Бучинский уходит.

Марина

Зови гостей ко мне, в мои покои,
Я приказала маски приготовить.

Стража вводит дурака Ивана; он хохочет, мотает головой и показывает на всех пальцами.

Прогнать его!

Дмитрий

Освободить!

Дурака выводят.

А немцам,
За глупость их, построже пригрозить!
Так вот чего, паны, вы испугались!..
Пойдемте все в царицыны покои;
Она своих гостей потешить хочет
Невиданной еще в Москве утехой.
(Марине.)
Краса моя, я счастлив бесконечно!
Моя любовь достигла торжества.
Она меня звездою путеводной
К величию и трону привела;
Безумную, кипучую отвагу
Вливала в грудь. И стала мне знакома
Безмерная та сила Александра
И Цезаря, которая героям
Владычество над миром даровала!
Ты, гордая красавица, просила

У бедного, бездомного скитальца
Венца себе. Тебя короновал я
И посадил царицей стран полночных.
Я сам сковал себе свое блаженство,
И тем оно дороже для меня!
Героем я рожден! Великой доле
И доблести завидовать лишь можно,
Отнять нельзя — отнимет только смерть!

Все уходят за царицей, кроме Дмитрия и Басманова.

(Басманову.)
Голицына и Шуйского без шуму,
Когда пиры мы кончим, посадить
За-приставы, всю их родню, знакомых
И близких им! Не подавай и виду:
Пусть думают, что мы не бережемся.
У них в глазах недоброе!

Басманов

Исполню.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

ЛИЦА:

ДМИТРИЙ.

БАСМАНОВ.

ШУЙСКИЕ, ВАСИЛИЙ И ДМИТРИЙ.

ГОЛИЦЫН.

КУРАКИН.

ТАТИЩЕВ.

МОЛЧАНОВ.

ВАЛУЕВ И ВОЕЙКОВ,
дворяне.

КАЛАЧНИК.

СОТНИК СТРЕЛЕЦКИЙ.
СТРЕЛЬЦЫ; НЕМЕЦКАЯ СТРАЖА; НАРОД.

Передняя зала с выходом на галерею в новом дворце.
(17 мая 1606 года)

Выходит Басманов.

Басманов
А солнце уж высоко поднялось!
Со свадьбой мы всё время перебили,

Смотали с ног дворцовую прислугу;
Коморники встают позднее нас —
Ни одного в покоях!

Набат.

Ударяют!
Что рано так? Аль праздник где? Сегодня
Андроника, Стефана... Где-то близко...
Никак, набат? И то набат! Вот горе!
Пожар теперь — беда! Перепугает
Гостей у нас; Москва гореть горазда:
Как примется — и не уймешь, покуда
Не выгорит поболе половины.

Повсеместный набат.

По всем церквам! Ужасен звон набата,
Отрывистый и частый! За ударом
Гудит удар и обливает сердце
Томительной тоской перед бедою
Неведомой!

Дмитрий входит.

Дмитрий
Басманов, что такое?

Басманов
Должно, пожар.

Дмитрий
Поди, узнай скорее.

Басманов уходит на галерею.

Басманов *(с галереи)*
Бояре! Эй! Бояре!.. За набатом
Речей не слышно... Ась!.. Зачем в набат
Ударили?

Голос *(за сценой)*
Горит неподалеку.

Басманов
Кричат: «Горит!» — а дыму не видать.
(Дмитрию.)
Никак, в Кремле! Чу! Слышишь, зашумели,
Валят толпы народные.

Дмитрий *(у окна)*

Разведай,
Куда бегут они, зачем, откуда?

Басманов уходит.

Не шум, а вопль несется. Нет, со страха
Не так шумят. Оружие! Угрозы!
Ужель мятеж? Ужель Басманов прав?
Ужели смерть и страшный суд так близко!
Застыла кровь, и каждый волос дыбом
Становится. Не страх ли то? О нет,
Не робок я; зачем же, против воли,
Прошедшее толпой теснится в грудь?
И юности моей бродячей годы
Встают теперь в моем воспоминаньи,
Самборский пир и киевская келья,
Московский Кремль, народа ликованье,
И битвы шум, и звон колоколов,
Венчание и, наконец, победа
Над гордостью красавицы любимой!

Входят Басманов, десятка три немцев с алебардами. Звон оружия и крики.

Басманов

Ахти, беда! Спасайся, государь!
Я говорил не раз; ты мне не верил.

Дмитрий

Изменники, бояре, вы согнали
Во львиное гнездо овечье стадо!
Крамольники! Своими головами
Заплатите за кровь невинной черни.
Я с виселиц высоких вас заставлю
Пересчитать все жертвы мятежа!

Басманов

Беги скорей! Внизу дерутся немцы,
А этих здесь поставим у дверей.

Вбегает Молчанов.

Молчанов

Мятеж! Мятеж! Я кое-как пробился.
Москва идет на нас, купцы, бояре.

Дмитрий

Собрать скорей всех немцев и поляков
И верных нам стрельцов. Микулин где?

Молчанов

Пройти нельзя: все заняты вороты.

Дмитрий

Кто занял их? Басманов, не робей!

Молчанов

Мятежников, стрельцов новогородских,
Впустили в город ночью. Много их.

Дмитрий

Проклятые! Басманов, будем тверды!

Молчанов

И видимо-невидимо народу
Московского сошлось со всех сторон.

Дмитрий

А предводитель кто?

Молчанов

Василий Шуйский,
С крестом в одной руке, с мечом в другой.

Дмитрий

Коварный плут святыней прикрывает
Свой замысел, достойный сатаны.
Подайте меч! *(Берет меч.)*

Басманов

Мятеж во всем разгаре:
Там ад кипит! Куда ты, государь?
Остановись!

Дмитрий

Пусти меня, Басманов!
Я умереть хочу с мечом в руках.
(Выбегает на галерею.)
Зачем вы здесь? Крамольники! Злодеи!
Изменники! Я вам не Годунов!
Поклонами холопскими, слезами
Укланяли его да умолили
На царство сесть — и сами же спихнули!
Не вы меня на царство посадили,
Я с бою взял его и вас, холопов.

Голоса

Руби его! Стреляй! Да бейте немцев!

Выстрелы.

Что их жалеть! Чего они мешают!

Дмитрий входит в комнату. Врывается Осипов.

Осипов

Проспался ль ты, безвременный царек!
Поди сюда! Покайся пред народом!

Басманов бросается на него и убивает. На галерее показываются Василий Шуйский и народ.

Дмитрий *(бросается с мечом)*

Тебя-то мне и нужно!

Василий Шуйский

Я не прячусь,
Я сам тебя ищу.

Дмитрий

Вам нужен Грозный!
Так знай же ты, что я сумею быть
Грозней его.

Василий Шуйский

Про то мы сами знаем,
Кто нужен нам, да только лишь не вор.

Дмитрий бросается на Шуйского, народ загораживает его. Басманов насильно уводит Дмитрия, немцы загораживают собою дверь, запирают ее и заваливают мебелью.

Дмитрий *(с отчаянием)*

Не вор! Не вор! О! wszyscy djabli! [1] Знали
И прежде вы... Зачем же я на троне!
Зачем меня вы прежде не убили,
Пока я был ничтожен, как и вы!
Зачем меня на царство допустили
И дали мне изведать сладость власти,
Начать дела геройские и славу
Побед своих заране предвкушать,
И накануне подвигов всемирных
Пришли в глаза мне бросить слово: «Вор!»
Вы дали мне забыться на престоле,
Вы опьянили раболепством вашим,
Ласкательством, и лестью, и земными
Поклонами! Вы дали львиной силе
Уснуть у ног небесной красоты!

Голоса *(за дверями)*

Ломайте дверь! Рубите топорами!

Басманов

Беги! Беги!

---

[1] О! тысяча чертей! *(польск.)*.

Д м и т р и й

Марина! Ах, Марина! *(Убегает.)*

Разламывают двери. Немцы отбиваются. За дверями видны бояре: В а с и л и й *и* Д м и т р и й Ш у й с к и е, Г о л и ц ы н, К у р а к и н, Т а т и щ е в *и другие, все в кольчугах.* К а л а ч н и к *предводительствует толпой.*

Б а с м а н о в

Опомнитесь, бояре! Что вам нужно?
Зачем народ вы подняли?
(Немцам.)
Держитесь, друзья мои!
(Боярам.)
Просите государя,
Он вас простит и всё, чего хотите,
Пожалует, лишь чернь остановите!

Толпа опрокидывает немцев. Бояре входят в комнату.

Г о л о с а

Показывай, где царь твой самозванный!
Давай его! Веди его к народу!

Т а т и щ е в

Сначала пса убьем сторожевого,
К хозяину тогда добраться легче!
(Ударяет Басманова ножом, тот падает.)
Бросай его с крыльца долой, на копья
Стрелецкие!

Б а с м а н о в а *уносят. Толпа бросается в царские покои.*

В а с и л и й Ш у й с к и й

Проворнее, робята!
Не забывать, зачем пришли! Пограбить
Успеете. Ищите нам расстригу!
Уйти нельзя. Тащите к нам живого
Иль мертвого! Обезоружьте немцев!
Не трогать их, они вперед годятся.
Спасайте баб! Возьми, Татищев, стражу,
Поставь при них; царицыны покои
Оберегай! Не с бабами воюем!

К у р а к и н

Побережет!.. Пусти козла в капусту.

Т а т и щ е в

Ин сам бы шел! *(Уходит.)*

К а л а ч н и к *(вбегая)*

Беда! Нигде не сыщем
Еретика!

В а с и л и й Ш у й с к и й

Ищите, как иголку.
Уйдет от нас, тогда не ждать пощады,
Огнем спалит, живых зароет в землю.

Г о л о с а *(на галерее)*

Он там, внизу, на Житном.— Оступили
Его стрельцы московские; народу
Пищалями грозятся.— Чу! Стреляют!
Народ бежит.

В а с и л и й Ш у й с к и й *(хватаясь за Голицына)*

Земля заколебалась
Под нашими ногами. Ну, Голицын,
Пропали мы! Давно живу на свете,
А в первый раз колени задрожали...
Народ, за мной! Робята, выручайте!

К а л а ч н и к

Пусти меня вперед! За мной, робята!
До нас дошло; пришла к рукам работа.
Не страшны нам пищальные орехи:
За ними шли!

Ш у й с к и й и к а л а ч н и к с т о л п о й н а р о д а уходят.

К у р а к и н *(у окна)*

Народу прибывает!
Как вкопаны стрельцы, не подаются,
Стеной стоят. Вот наши подоспели
С калачником и Шуйским, пошатнули,
Попятили стрельцов, к крыльцу прижали,
На лестницу их гонят. Отбиваясь,
Стрельцы царька несут с собой в покои.

Входят с т р е л ь ц ы; одни вносят Д м и т р и я, другие удерживают народ.

Д м и т р и й *(подает руку обезоруженным немцам)*

Благодарю, друзья!.. В очах темнеет!
(В обмороке; его кладут на скамью.)

С т р е л ь ц ы *(окружающие Дмитрия)*

Осаживай.

Д р у г и е с т р е л ь ц ы

Не подходите близко!
Стрелять начнем не разбирая. Право,

Хорошего не много: брат на брата!..
Крещеные! Заставите неволей,
Так на себя пеняйте! Отойдите!
Начнем стрелять: пожалуй, и боярам
Достанется.

Калачник

Ну, выстрели! живому
Не быть тебе! Положим всех на месте.

Сотник стрелецкий

Грозить еще задумал! Целовали
Мы крест ему, не побоимся смерти,
На то стрельцы; такая наша служба,
Что умирать.

Василий Шуйский

Да было б за кого!
Чего же вам! С царицей говорили;
Голицын к ней ходил Иван Василич;
Не признает своим, сказать велела:
«Не сын он мне»! Пожалуй, умирайте;
И мы не прочь! А что угодней богу:
За веру умереть иль за расстригу,
Еретика? Москвы не удержать мне!
На чьей душе кроворазлитье будет?

Сотник

Да как-то всё, боярин... Нет, ты лучше
Посторонись!

Стрельцы

Убьем, не лезьте близко!

Калачник

Да что ж вы, псы!.. Вались гурьбой, робята,
В стрелецкую! Душите их отродье!
(Стрельцам.)
Вы стойте здесь, расстригу берегите!
А мы детей и жен изгубим ваших
И на ветер подымем ваши домы!

Сотник

Постой, постой! Боярин, мы поверим
Словам твоим; а на душу возьмешь ли
Ты грех за нас?

Василий Шуйский

Возьму.

Сотник

Теперь в ответе
Пред господом не мы. За мной, робята!

Уходят.

Дмитрий *(очнувшись)*
Зачем я здесь! Ах, ногу! Грудь!.. Бояре,
Крамольники!

Дмитрий Шуйский
Очнулся? Говори же,
Ты кто таков?

Дмитрий
Я сын царя Ивана
Василича, твой царь и повелитель.
Ты не узнал меня, холоп! *(Василию Шуйскому.)*
Ты, Шуйский,
Мятежников собрал! Пойдем к народу,
На Лобное к мятежникам твоим!..
Я не боюсь, я прав; пускай рассудят
Меня с тобой! Я отдаюсь на волю
Народную... Боишься ты, не смеешь
Своей души народу обнажить?
Я все скажу! И пусть народ узнает,
Что я честней тебя, неблагодарный
Клятвопреступник!

Василий Шуйский
Нам судиться поздно!
Ты осужден!.. Кончайте с ним, робята!
(Нагибаясь к Дмитрию Самозванцу.)
У нас народ для зверя ямы роет
И в яме бьет, а выпусти — уйдет!
(Дмитрию Шуйскому.)
Ты, Дмитрий, здесь побудь и пригляди. *(Уходит.)*

Один из мятежников замахивается на Дмитрия.

Дмитрий
Остановись! Ты видишь, безоружен
И ранен я... *(В бреду.)* Подайте меч!.. Шварцгоф!
Мой меч, Шварцгоф!.. За мной, за мной, казаки!..
Вы видите, вдали белеют стены!
Возьмите их.

Все окружают его и смотрят с изумлением. Входит Татищев и ведет за собою дворян: Валуева и Воейкова.

Т а т и щ е в *(народу)*

Чего же вы стоите!
Народу тьма сошлась, невесть отколе,
Спасать царя бегут. Сболтнул им кто-то,
Что бьют его поляки.

Д м и т р и й Ш у й с к и й *(в окно народу)*

Эй! Винится!
Во всем, во всем расстрига повинился.

Г о л и ц ы н *(отворачиваясь)*

Кровавый день!

Д м и т р и й *(в бреду)*

Несись, мой конь ретивый,
Несись быстрей! До цели недалеко.
Труба гремит...

Т а т и щ е в *(Валуеву и Воейкову)*

Вы что ж остановились?
Зачем пришли? Кончай его скорее!

Д м и т р и й *(в бреду)*

Смелей, в пролом! К стенам давайте лестниц!
Ворота сбить!..

В а л у е в

Благословить уж разве
По-своему тебя, свистун!

Д м и т р и й

Ворота!..
Олегов щит!.. Ворота Цареграда...

Валуев стреляет. Дмитрий падает ниц.

Д м и т р и й Ш у й с к и й *(в окно)*

Покончили!

Т о л п а

(окружает Дмитрия)

Тащи его, робята,
К народу вниз!

Г о л и ц ы н

Я слышу крик народный!

Н е с к о л ь к о г о л о с о в *(за сценой)*

Храни тебя господь на многи лета,
Великий князь и государь Василий
Иванович!

Г о л о с к а л а ч н и к а

Кричите: многи лета
Великому царю и государю!

Голицын

Не рано ли?

Куракин

Пораньше-то вернее,
Пока с умом собраться не успели.

Голицын

Крамольник он от головы до пяток!
Бояриной ему б и оставаться,
Крамольнику не след короноваться.
Крамолой сел Борис, а Дмитрий силой:
Обоим трон московский был могилой.
Для Шуйского примеров не довольно;
Он хочет сесть на царство самовольно,—
Не царствовать ему! На трон свободный
Садится лишь избранник всенародный.

Драматическая хроника в стихах

ТУШИНО

(Сентябрь и октябрь 1608 г.)

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ЛИЦА:

КНЯЗЬ ТРЕТЬЯК ФЕДОРОВИЧ СЕИТОВ,
ростовский воевода.

ЛЮДМИЛА,
дочь его.

ДЕМЕНТИЙ РЕДРИКОВ,
московский дворянин.

СТАРУХА,
жена его.

МАКСИМ
НИКОЛАЙ } *их дети.*

САВЛУКОВ,
переяславский дворянин.

ХОЗЯИН
постоялой избы.

ДВОРЕЦКИЙ
Сеитова.

НЯНЬКА
Людмилы.

СЛУГИ И СЕННЫЕ ДЕВКИ.

Сени постоялой избы на владимирской дороге. Деревянный стол, скамья, разная домашняя утварь.

Входят С а в л у к о в, Д е м е н т и й Р е д р и к о в, ж е н а е г о и х о з я и н.

С а в л у к о в *(хозяину)*
Вина давай!

Х о з я и н
Да где же взять, родимый!

С а в л у к о в
Далёко ты от Тушина, а то бы
Тотчас нашел; а коль и вправду нету,
Так затереть и выкурить заставят
И самому отведать не дадут.
А брага есть?

Х о з я и н
И браги нет.

С а в л у к о в
Ты, видно,
Гостей не ждешь?

Хозяин

Бог милостив, не слышно
Воров у нас.

Савлуков

Не слышно, так услышишь.

Хозяин

Не приведи господь.

Савлуков

А ты слыхал ли
Когда-нибудь, что есть Лисовский пан?
Тому везде дорога.

Д. Редриков

Под Коломной,
Мы слышали, его побили больно.
Дивимся мы не мало, что за время
Пришло на нас. Не диво бы, чужие,
А то своя же братья, нашей веры;
Крещеные,— идут с Лисовским паном:
Не то что сброд, голодные холопья,
В них бога нет и с них взыскать нельзя,
А свой же брат — дворяне.

Савлуков

Разве тоже
Ты дворянин?

Д. Редриков

По милости господней.

Савлуков

А что же ты одет не по-дворянски?
Аль не с чего?

Д. Редриков

Достатки не велики.
А ты-то кто?

Савлуков

Я тоже дворянин.

Д. Редриков

Челом тебе!

Савлуков

Ну, здравствуй!

Д. Редриков

Благодарствуй!
Вот видишь, друг, детей везу царю,
Робят одел, а сам во что попало.
Кому меня смотреть!

Савлуков

Что правда — правда.

Д. Редриков

Москва кругом обложена ворами,
Украйны все мятутся, в людях шатость!
Теперь царю народ служилый нужен.
Ну, сам я стар и в битвах изувечен,
Не в силах стал; так детки подросли —
Пора служить; а царь за то поместья
Прибавит нам и жалованье даст.
Поправимся житьем.

Савлуков

В Москву собрались?

Д. Редриков

По списку я московскому считаюсь.
Коль приведет господь царя увидеть,
Скажу ему: надёжа государь,
Я вырастил из крох своих последних
И снарядил конями, ратной сбруей —
Богатырей тебе для царской службы.
Освободи меня домой, на пашню,
На сенную косьбу; прибавь землицы,
Чтоб было чем кормиться со старухой
И молодцов кормить и одевать.

Савлуков

А где ж твои богатыри?

Д. Редриков

С конями

Замешкались. Один-то весь в меня:
И драться зол, и ростом, и дородством
Как вылитый. Себя не пожалеет,
Да и другим не спустит,— с ним столкнешься,
Так ты его уж лучше обходи.
Я смолоду такой же был разбойник;
В меня дался. Другого-то и рано б,
Он матушкин сынок,— за печкой вырос,
На калачах да сырниках вскормлен;
Да кстати уж везти обоих вместе.

Старуха

Ох, жалко мне Николушку, он смирный,
Как девушка, и мухи не обидит.

Савлуков

Ты что же, мать, детей-то, как баранов,
Без жалости пускаешь на убой?

Война не та, что прежде, брат на брата
С ножом идет, пощады не проси.
Озлобились сердца, один другого
Зубами ест, с живых сдирают кожу,
На воротах гвоздями прибивают,
Огнем палят.

С т а р у х а

О господи, помилуй!
Не рада я, да воля не моя,
Что ж делать-то, родимый!

Д. Р е д р и к о в

Что ты, дура!
За что же нас и хлебом-то кормить!
Мы царское едим за нашу службу,
На царское добро детей вскормили,
Его они, не наши.

С а в л у к о в

Ты толкуешь,
Что царские мы слуги, да царя-то
Которого?

Д. Р е д р и к о в

Один у нас, Василий
Иванович.

С а в л у к о в

А у других Димитрий
Иванович. Вот у тебя один
И у других один, и стало двое.

Д. Р е д р и к о в

Мне дела нет, я знаю одного.
Таких царей, что в Тушине, десяток
У казаков найдется.

Входят М а к с и м и Н и к о л а й Р е д р и к о в ы.

Вот и дети!
Поужинать теперь да спать.

С т а р у х а

Садитесь!
Покормимся, чем бог послал.

С а в л у к о в

Меньшого
Кормите вы послаще! Вы не девку ль
На службу-то ведете вместо сына?
Народ хитер, оденут девку парнем,
Чтоб выпросить поместного впридачу.

Старуха
Николушка, ты кушай. *(Савлукову.)* Будет время,
Оправится.

М. Редриков
Такой же воин будет,
Ничем тебя не хуже.

Савлуков
Ну, робята!
Ты мать пусти на службу вместе с ними,
Чтоб утирать им губы после каши.

М. Редриков
Ты губы-то свои поберегал бы!

Савлуков
Обрубишь, что ль?

М. Редриков
Руками оторву.
(Встает из-за стола.)

Д. Редриков
(останавливая сына)
Потише ты! Пущай его смеется!

М. Редриков
Ты, батюшко, не трожь! Ему в обиду
Не отдавай. Я спесь ему собью.
По-своему, под ножку, да и оземь.

Савлуков
Деревня ты! И склад-то деревенский
Весь у тебя. Пока ты обрусеешь,
Тебя семь лет в котле варить придется.

М. Редриков
Начну ломать, так кости загремят! *(Отцу.)*
Посторонись!

Д. Редриков
Не заводить же драку
Из малости с проезжим человеком!
Остынь, остынь!

М. Редриков
А пòчто пристает!

Савлуков
Ты к Шуйскому своих молокососов
В Москву вези; я в Тушино поеду
К Димитрию, природному царю,
А с молодцом не раз еще сойдемся
На берегах Ходынки под Москвой,—
Увидим мы, чьи губы будут целы. *(Уходит.)*

Д. Редриков

Гляди-ка ты, среди большой дороги
На тушинца наткнулись! Не боится,
А хвалится еще, как добрым делом,
Изменою.

М. Редриков

Ему бы не доехать
До Тушина,— переломал бы ноги
И руки я — и не было б ответу.
Зачем держал? За что сносить бесчестье
От всякого? Такие ж мы дворяне;
Хоть бедные, да честь нам дорога.
Я, батюшко, скажу тебе заране
(стучит кулаком по столу)
И напрямик отрежу: — я не баба,
Не маленький робенок,— я не стану
Сносить обид ни от кого на свете.
Ты выкормил, ты выхолил меня
И вырастил на всей дворянской воле,
Великое тебе спасибо, земно *(кланяется в ноги)*
Я кланяюсь! Теперь меня оставь!
Я сам большой, я сам себе хозяин!
Я, батюшко, неволи не люблю,
Моя душа давно на волю рвется!
Ни равному не дам себя обидеть,
Ни старшему, хоть он боярин будь,
На нож пойду за честь свою и вашу,
Уж разве сил не хватит.

Д. Редриков

(вставая) Знатно!
Твердо знаешь
Пословицу, что честь свою беречь
Мы смолоду должны. Пойдем к повозке,
Повыберем мы рухлядь, что помягче,
Постелем здесь,— соснемте до зари,
А там и в путь.
(Уходит. М. Редриков за ним.)

Старуха

Сынок ты мой, любимый,
Победная головушка твоя!
Ты прошеный у господа, молёный!
На старость лет старухе в утешенье,
За много слез, послал тебя господь!
Но уберечь тебя я не умела.

Не слушай ты отца, не слушай брата!
И без тебя удалых ратных много,
Пускай их бьют; поберегай себя
От смертных ран, от лютого железа!
Не рвись вперед! Ты помни, мой родимый,
Что боль твоя мне в сердце отзовется.
Не погонись за почестью воинской!
На что она! Одно проси у бога,
Чтоб к матери под крылушко вернуться.
Сама тебе я выберу невесту,
Красавицу, и буду ждать внучат.
(Стелет одежду на лавке.)
Ложись, сынок! Усни до белой зорьки,
А я тихонько буду в изголовьи
Молить тебе у господа здоровья
И шепотом старушечьим навею
Покой тебе и ангельские сны.

Н. Редриков
(ложась на скамью)
Мне, матушка, хотелось бы увидеть
Красавицу во сне.

Старуха
(садясь подле него)
Ну, что ж, увидишь.

Н. Редриков
Ты помнишь ли, мы видели в Ростове,
Когда с тобой на богомолье были,
Боярышню.

Старуха
Ну, как же, помню, помню.

Н. Редриков
Ее бы мне во сне теперь увидеть,
А наяву уж не придется.

Старуха
Полно!
Гора с горой не сходится...

Н. Редриков
В соборе
Молились мы с тобой одни у гроба
Угодника.

Старуха
Ну да, молились.

Н. Редриков

Слышим
Мы шум в дверях. Боярышня в повозке
Подъехала; за ней такие злые
И все верхом наехали старухи
И стали гнать меня.

Старуха

Тебя погнали?

Н. Редриков

Погнали бы, да не велела.

Старуха

Помню.
Он млад и глуп, боярышня сказала,
От матери его не оторвешь.

Н. Редриков

И на меня все время проглядела,
На выходе тронула по плечу
И за щеку меня щипнула.

Старуха

Знамо,
Без матери балуется. Отец-то
Не чает в ней души.

Н. Редриков

Он воевода?

Старуха

Не он, она в Ростове воевода.

Н. Редриков

Я, матушка, когда ее увижу,
Я ей скажу...

Старуха

А что, сынок родимый?

Н. Редриков

Что не было еще в роду боярском,
Ни в княжеском, красавицы такой,
Что не видал никто, и нет на свете
Белей ее, румяней, точно цветик
Махровенький, цветет она.

Старуха

Чай знает
Сама про то, и сказывать не надо.

Н. Редриков

(в полусне)

Что полюбил ее я больше жизни
И матери родной.

Старуха

Да что ты, что ты!
Не бредишь ли?

Н. Редриков

Я умереть готов,
Чтоб только раз еще тебя увидеть!

Старуха

И то во сне. Ну спи, Христос с тобою!
Пускай тебе во сне хоть счастье снится;
Придет пора, натерпишься всего
И сладких снов уж больше не увидишь.

Входят Д. и М. Редриковы и хозяин.

Д. Редриков

Куда же нам, не в хлев же убираться?
Ну, сам в избе, для дочери светелка,
А мы в сенях,— на всех достанет места.

М. Редриков

Скажи ему, что не пойдем отсюда.

Хозяин

Да смилуйтесь! Холопы изувечат,
Замучают, захлещут кнутьем.

Старуха

Кто же
Наехал-то?

Хозяин

Ростовский воевода
Третьяк Сеитов с дочерью, проездом
Из вотчины.

Старуха

Сынок мой бедный! Горе!
И отдохнуть с дороги не придется.
Ужли же нам в овраге ночевать!

М. Редриков

Не выдем мы отсюда. Убирайся!
Скажи ему, что старого отца
И мать свою я трогать не позволю,
Что им самим покой и отдых нужен.

Хозяин
(идет к двери)
Беда моей головушке!

Входят дворецкий *и* несколько слуг.

Дворецкий
Проворней!
Не ждать же вас боярину в повозке!
(Хозяину.)
Мечи на двор весь хлам чужой! Очисти
И вымети избу.

М. Редриков
С тобой, холопом,
Я говорить не стану долго. Слышишь!
Довольно места здесь; избу, светелку
Пусть их займут; а мы в сенях семьею
Останемся.

Дворецкий
Чего ты захотел!
С боярином стоять в одних покоях!
Велика честь!

Хозяин
Боярин сам идет.

Входит Сеитов, *все кланяются.*

Сеитов
(слугам)
Дождусь ли я! Чего же вы стоите!

Дворецкий
(кланяясь в ноги)
Противятся, нейдут.

Д. Редриков
Здесь места много
И про тебя, боярин, и про нас.

Сеитов
(дворецкому)
Ты чей холоп? Кому слуга?

Дворецкий
Боярин,
Навеки твой слуга и раб до гроба.

Сеитов
Я что велел?

Д. Редриков

Куда же деваться ночью!
Мы старые с женой.

Сеитов
(дворецкому)

Я слова дважды
Не говорю.

Д. Редриков

Он гнать меня не смеет,
Дворяне мы.

М. Редриков

Вы честью попросите.

Сеитов
(дворецкому)
Чтоб духу их не пахло! Слышал!

Н. Редриков прячется за дверь.

Дворецкий

Слышал.
(Редриковым.)
Подите вон! *(Слугам.)* Тащи на двор хоббтье
Дворянское, бросай куда попало!
Да в шею их. *(Хватает старика и старуху.)*

М. Редриков

Не трогайте, убью!

Сеитов
Связать его! Держите руки крепче!
Гоните их плетьми!

Максима схватывают за руки.

М. Редриков

Ужли ж на свете
Перевелись и суд, и правда вовсе?
Ну, батюшка и матушка, терпите!
Клянуся вам я головой своею
И вашими седыми головами,
Придет пора, я вымещу за вас. *(Сеитову.)*
Не оставляй меня живого! Лучше
Тебе и мне! Убейте вы меня!

Д. Редриков
Терплю, сынок, позор за гордость нашу,
Забыли мы, что с сильным не борись,
С богатым не тянись.
(Уходит, отбиваясь и защищая старуху.)

Сеитов

С двора гоните
И выбейте на улицу его.

М. Редриков

Ну, знай же ты, ростовский воевода!
Что я твоей обиды не забуду!
Для памяти и днем, и ночью буду
Я руки грызть свои, пока по локоть
(отталкивает холопов, вынимает саблю; те окружают Сеитова)
Не отгрызу. И если уж придется
Нам встретиться, я старое припомню.
Прощай теперь! Ходи по богомольям,
Молебны пой, проси в слезах у бога,
Чтоб не пришлось мне свидеться с тобой!
(Уходит.)

Сеитов

С двора долой плетьми, да не жалейте
Плетей моих, в Ростове новых купим.
Пугните так, чтоб за версту бежал.

Несколько слуг уходят.

Дворецкий

Боярышня идет.

Хозяин

(кланяясь) В светлице чисто,
Простор, прохлад для милости боярской.

Входит Людмила, за ней няньки и сенные девки.

Сеитов

Людмилушка, тяжелая дорога
Умаяла тебя и укачала,—
Я сам устал; ложись, господь с тобою,
В светелочке, подушку под ушкò,
И почивай, пока сама проснешься. *(Нянькам.)*
Вы, чучелы, боярышню покойте!
Помягче ей перины постелите
Пуховые, лебяжье изголовье,
Одеть ее, окутать соболями.

Людмила

Ты, батюшка родименький, себя-то
Поберегай, ты старенький старик.
Ты спи поди, а мы побалагурим

Часок-другой, пока не зазеваем
И глазыньки смыкаться не начнут.
Поди, поди, сердитый.

Сеитов

Не сердиться
Нельзя никак, не слушают.

Людмила

Ты злой!

Сеитов

С другими зол, перед тобою кроток.

Нянька

Боярышня, ты не жури отца —
Родителя! Ты гневайся уж лучше
На нас, рабынь твоих и слуг покорных.

Людмила

Молчи, раба! Между отцом и мною
Ты не судья. Ты старая старуха,
За старость лет тебя я чту, но все же
Я государыня твоя. Ты помни
И не гневи меня.

Нянька *(низко кланяясь)*

Не прогневлю.
Смири тебя, господь! Твой гнев боярский
Грознее мне грозы на небесах.

Сеитов

Прощай, дитя мое.

Людмила

Прощай, родитель!

Сеитов уходит в избу, за ним идет дворецкий с фонарем и затворяет дверь, за которой спрятался Н. Редриков.

Нянька

(с фонарем)
Пойдемте! *(Хочет идти в светелку и встречается с Н. Редриковым.)*
Ах!
Чтоб гром тебя расшиб!
Перепугал до смерти, окаянный!

Людмила

Откуда ты взялся?

Нянька

Гоните, девки,
Его скорей! Беда, коли увидят!

Людмила

Потише вы, отца не потревожьте!
Зачем ты здесь?

Н. Редриков

Отца и мать прогнали.
А я за дверь от страха схоронился.
Хотел бежать, да увидал тебя,
На красоту твою я загляделся
И простоял как вкопанный!

Нянька

Пошел!
Пошел скорей! Беды с тобой дождешься!
Увидит сам, тогда хоть в гроб ложись.

Людмила

Некстати ты разговорилась много.
Задуй фонарь, и не увидят.

Нянька

(задувает)

Дело.
И то задуть.

Н. Редриков

Постойте, не гоните!
Позволь сказать тебе одно лишь слово!

Людмила

Ну говори скорее!

Н. Редриков

Вот что горе:
Сказал бы я, да слов таких не знаю,—
Не приберу по красоте твоей.
Что ни скажи тебе, все будет мало.
Да и сказать всего тебе не смею.

Людмила

Ты глуп еще и молод. Ты не знаешь
Цены себе. Уж если ты не смеешь
Сказать девице ласковое слово,
Кому ж и сметь! Вот я не побоюся
Сказать тебе: ты писаный красавец,
Неслыханный! Всю ночку мне не спать,
Все о тебе гадать и думать буду,
Твои сокольи очи вспоминать.
Беги скорей! Нам больше не видаться.

Н. Редриков

А свидимся?

Л ю д м и л а

Дай бог не разлучаться.

Н я н ь к а

Ступай, ступай! В потемках не заметят.

Н. Р е д р и к о в уходит.

Л ю д м и л а

Вы, нянюшки и девушки сенные,
Ищите вы потешных слов и сказок
И присказок,— утешьте вы меня!
Теперь всю ночь до бела дня мне плакать,
А вам всю ночь сидеть да утешать!

Уходят в светелку.

СЦЕНА ВТОРАЯ

ЛИЦА:

ЦАРЬ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ ШУЙСКИЙ.

КНЯЗЬ ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ ШУЙСКИЙ.

КНЯЗЬ МИХАЙЛО ВАСИЛЬЕВИЧ СКОПИН-ШУЙСКИЙ, *воевода Большого полка на Ходынском поле.*

СПАЛЬНИК.

Д. РЕДРИКОВ.

М. РЕДРИКОВ.

Н. РЕДРИКОВ.

БОЯРЕ, ВОЕВОДЫ И ВОЙСКО.

Царская палатка в стану, на берегу Пресни.
Входят царь В а с и л и й И в а н о в и ч и с п а л ь н и к.

С п а л ь н и к

Сегодня в ночь приехала корела
Поморская, ведунью привезли.

Ц а р ь

Грядущее темно, его загадки
Отгадывать не нам. Святые люди
Имеют дар пророчества,— мы грешны.
Служители подземных сил к нам ближе;
И в этой темной богоборной силе
Есть знание. В глухих лесах поморья,
Среди корел, где идольские требы
Свершаются тайком, под кровом ночи,
Мудреные таятся ведуны.

Подчинены им страшные виденья
Ночных часов. И грешный царь Василий,
Как царь Саул к колдунье аэндорской,
К волхвам идет за спросом и советом.
(Спальнику.)
Привесть ко мне сегодня ночью ведьму,
Ту старую, что привезли корелы.

Спальник

Князь Михаил Васильевич Скопин
Пожаловал. Пришел и князь Димитрий
Иванович.

Царь

Ну, пусть они войдут.

Спальник уходит. Входят князья Скопин-Шуйский и Дмитрий Шуйский.

(Скопину.)
Бегут?

Скопин-Шуйский

Бегут. Что день, то убывает
В моем Большом полку детей боярских.

Царь

А что за сласть им в Тушине?

Скопин-Шуйский

Свобода,
Гульба, разбой. А тем, кто познатней,
Боярский сан.

Царь

От беглого дьячка!
Велика честь! Рожинский и Сапега
В своей земле от виселиц бежали,
А наши к ним с поклоном за боярством!
Хоть лыком шит, а все-таки боярин.
(Д. Шуйскому.)
А что Москва?

Д. Шуйский

Пустеет. Из Приказов
Подьячие бегут, купцы из лавок,
Бегут князья, бояре, воеводы
И ратники.

Царь

И как не разбежаться
От воевод таких.

Д. Шуйский

А чем мы плохи?

Царь

Чем плохи-то? А тем, что воеводы.
Вот если б вам с Голицыным Васильем
Коров пасти, на это дело хватит
Ума у вас; а вас судьба в бояре
Поставила, вам войска подавай!
Нарядится, всего себя обвесит
Доспехами, саженные набаты
Везут за ним, стотысячное войско
Кругом его; и шум, и звон оружий;
Гроза грозой идет на супостата,
А только лишь сойдется с горстью ляхов,
И побежит в одном лишь зипунишке
Для легкости. Наряд тяжелый бросит
И рать свою,— домой и прямо на печь,
И там дрожит, боится, что догонят.
А царь не смей его и пальцем тронуть,
Боярин он большой, особь статья.
Вот мне господь каких послал стратигов!
Одна у нас надежда ты, Михайло.

Д. Шуйский

Я плох тебе, ну есть Иван Никитич,
Иван Куракин, Лыков-Оболенский!
А ты коришь мальчишкой белогубым
В его глазах.

Царь

Мальчишка белогубый
И в воеводах, и в совете ратном
Таких голов, как ваши, стоит сотни.
Я в Новгород его пошлю, помòги
У Свейского просить. С ученым войском
Он разом Русь очистит от воров.

Скопин-Шуйский

(кланяясь)
Ты, дядюшко и государь, в остуду
Введешь меня с дядьми,— кого постарше
Отправь туда.

Д. Шуйский

Ему господь послал,
По глупости и молодости, счастье,
А ты его к большим делам приставил.

Посмотрим мы, каков-то твой Михайло!
Возьми его себе, целуйся с ним! *(Уходит.)*

Скопин-Шуйский
Нам пуще бы всего беречь от вора
Владимирский и ярославский путь.

Царь
Там Сергиев стоит оплотом твердым.

Скопин-Шуйский
А Сергиев и запереть легко,
И обойти с Калязина не долго.
Чуть держатся Ростов с Переяславлем,
Осыпались валы, и городьба
От ветхости едва стоит. Владимир
Не крепок нам с Иваном Годуновым.
Нельзя ему в такое время верить,
Того гляди сворует.

Царь
Годунова
Отправлю я на воеводство в Нижний,
И стены там и люди крепче. Князя
Сеитова пошлем ему на смену,
Велим ему собрать детей боярских
Из городов: оберегать Владимир,
Ростов и Суздаль, Шую, Юрьев, Муром
И Переславль. И грамота готова. *(Молчание.)*
Поди, вели собрать у нашей ставки
Со всех полков голов и воевод,
Я буду речь держать.

Скопин-Шуйский
Исполню тотчас. *(Уходит.)*

Царь *(один)*
Моя судьба — мудреная загадка,
От плахи я перешагнул на трон;
На грозном троне я сижу без власти!
Без власти царь московский! Это дело
Не слыханно! Орлу парить высоко
Без крыл нельзя! А я орел без крыльев,
Для мира я желал венца; покоя
Земле родной, своей душе усталой
Хотелось мне; и только я на царство
Ступить успел, вся Русь заволновалась,—
По городам украинским измена,
В самом дворце боярская крамола,
По всей земле свободно воры ходят.

Одна беда уляжется, другая,
Как вал морской, встает за ней и пухнет,
Растет горой, пугает потопленьем!
Без недругов и царство не стоит.
Не страшен враг! Пошли, творец небесный,
Мне равного и честного врага!
Ведут цари войну с царями, идут
На честный бой пытать и гнев, и милость
Твою, господь! И ты даешь победу
Достойному, а гордого смиряешь.
А я борюсь, а я воюю, боже!
С холопами, с ворами, с беглецами!
Обругано твое святое имя,
Обругано помазанье твое.
Заведомо берут цепного вора,
Порфирою со смехом облачат,
Зовут меня на суд с шутом потешным,
Его царем законным величают,—
Изменником помазанника божья.
Ты, господи, во гневе рек народам:
Пошлю на вас язык лицем бесстыдный,
Пошлю на вас ругателей толпу!
Уж если ты казнишь за грех народа
Меня, царя, иль за меня народ,
Пошли нам мор и голод иль проказу!
Но от воров, ругателей помилуй!

Входит с п а л ь н и к.

Открыть шатер.

Шатер открывается. Входят в о е в о д ы, г о л о в ы, другие стоят у входа.

В моем благочестивом
И благоверном воинстве измена.
Изменники! Я с вами говорю! *(Обращаясь к войску и указывая на воевод.)*
Их много здесь. Не помня крестной клятвы
И не щадя души, сегодня к вору
Бежать хотят, украдкой, воровски,
Таясь людей, боясь дневного света
Ночной порой, ползком, как Каин!
Жалеючи их душ, я объявляю,
Что если кто служить захочет вору,
Пускай идет открыто, днем, не станем

Удерживать. Господь дает на волю
Добро и зло, на выбор — рай и муку.
Кто в Тушино? Ну, что же вы нейдете?
Вам совестно? Ну, я смотреть не буду,
Отворочусь!.. Идите! Ночью хуже,
Бесчестнее тайком ползти в крапиве.
Не нужно мне рабов лукавых! Лучше
С немногими, да верными останусь.
Я все сказал. Кто хочет оставаться,
Целуйте крест; а кто идти — иди!

Войско

Мы все с тобой! Священников ведите!
Несите крест честной! Мы все целуем
Служить тебе и, не жалея жизни,
Идти войной на тушинского вора.

Скопин-Шуйский

Великий царь и государь, Василий
Иванович, тебе слуга твой старый
Дементий Редриков челом ударить
И сыновей отдать желает. Можно ль
Поставить их перед тобой?

Царь

Поставь!

Входят Д., М. и Н. Редриковы и кланяются в землю.

Д. Редриков

Челом тебе, великий государь!
За старостью, недугами, увечьем
Я не слуга на жалованьи царском,
Я вырастил детей тебе на службу.
Возьми двоих за старого меня.
За старшего оставь ты мне поместье,
А младшего, что милость будет, дай!
Я их учил закон господень помнить,
Царю прямить, служить ему со страхом
И заповедь отцовскую блюсти,
Послушают,— навеки нерушимо
Над ними будь мое благословенье!
На зло пойдут,— в твоих глазах царевых
Я им сулю проклятье вековое
Из рода в род, на чады их и внуки.
Учил добру,— а жить своя им воля.
За чем пойдешь, то и найдешь.

Ц а р ь

Спасибо
Тебе, старик! Детей твоих устрою,
В жильцы возьму. Большой на ратном поле
Покажет нам и удаль, и дородство,
А младшему найдем работу легче,
Он юн еще. Вот с грамотой поедет
К Сеитову, в Ростов, по силам служба.
Да кстати уж свезет от патриарха
Он грамоту к ростовскому владыке.
Пусть бегает покуда на посылках.

Редриковы кланяются в землю.

С к о п и н - Ш у й с к и й

Великий царь, священство в облаченьи:
Кресты несут, поставлены налои.
От воинов тебе сказать я послан,
Что поголовно, все без принужденья,
Целуют крест тебе своею волей.

Ц а р ь

Пойдем смотреть, как лгут царю и богу.

Уходят.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

ЛИЦА:

М. РЕДРИКОВ.
Н. РЕДРИКОВ.
САВЛУКОВ.
ПОДЬЯЧИЙ ВАСИЛИЙ СКУРЫГИН.
БОЯРСКИЙ СЫН.
ПОСАДСКИЙ.
ТОРГОВЫЕ И ВСЯКИЕ ЛЮДИ.

У Никольских ворот, в Москве.

Входит С к у р ы г и н, к нему подходят: б о я р с к и й с ы н, п о с а д с к и й, потом п р о х о д я щ и е и т о р г о в ц ы из лавок.

С к у р ы г и н

Ай, воры! Ну! Хорош народ московский!

П о с а д с к и й

Ты что кричишь?

Скурыгин

А то кричу: мы воры!
Мы воры все. Я вас не обижаю.
Чего еще, какого нам царя!
Благочестивый царь и богомольный.
Когда бы мы царю служили правдой,
Давно бы вор из Тушина бежал,
А воры мы. Ну, да! Не обижайтесь!
И про себя я то же говорю.

Посадский

Ни бога в нас, ни совести, ни правды!
Вчера клялись и целовали крест,
А нынче в ночь бежали.

Боярский сын

Стыдно людям
В глаза смотреть. Обманщиками стали
Перед царем мы все. Один сворует,
А стыд и срам на всех.

Первый из толпы

А кто ж бежал?

Скурыгин

Бежали те, кто больше всех божился
Царю служить.

Боярский сын

Из стольников бежали:
Князь Трубецкой, князья Черкасский, Сицкий,
Засекиных два брата, Бутурлин,
Дворян, детей боярских нет и счету.

Посадский

Бегут дьяки, бежит и ваша братья,
Подьячие.

Скурыгин

И ваша братья тоже,
Где есть барыш, так душу продадут.
Такой базар, такая-то торговля
Под Тушином, в подметки не годится
Московский наш гостиный двор.

Посадский

Ты, видно,
Из Тушина недавно сам?

Первый из толпы

Скурыгин?
Он только что вернулся.

Скурыгин

Это правда.
Я не сержусь за правду. Точно, бегал
Я в Тушино,— да я уж повинился
Великому царю и государю,
И он меня простил за то.

Посадский

Напрасно!
В мешок зашить да с камнем в воду. Грех
Таких воров прощать: тебя простили,
А ты опять уйдешь.

Первый из толпы

Уж это верно!
И ворожить не надо.

Скурыгин

Ну, навряд ли.

Второй из толпы

Повадился кувшин...

Скурыгин

Зачем бежать-то?
Сулили мне и горы золотые,
И почести, и думное дворянство.

Посадский

Не жирно ли?

Скурыгин

На месте провалиться!
Вот прихожу я в Тушино. Явился
Где следует: мол, вышел из Москвы
На государево царево имя
Димитрия Иваныча, желаю
Служить ему; а сам держу на мысли,
Чтоб поглядеть его в глаза. Наутро
Поехал вор жену встречать Маринку.
Как я взглянул!.. Как я взглянул! Потеха!
Мужик простой, нетесаный, нескладный...
Такой-то царь у вас! Такой-то!
Я говорю. Да разве глаз-то нету
Во лбу у вас?

Первый из толпы

Ведь, может, ты и врешь?

Скурыгин

Вот разрази господь на этом месте!
И тушинским царьком, и диким вором

Уж я его ругал, ругал... Ну, в шею
И выгнали из Тушина меня.

Входит Савлуков, одетый посадским.

Посадский
Ты говоришь Маринку,— да когда же
Она к нему бежала? В Ярославле
Держали их с отцом на заперти.

Первый из толпы
Удержишь их!

Второй
Да вовсе в Ярославле
И не было ее. Она сорокой
На родину тогда же улетела.
Все видели.

Первый
Все дело волшебство.

Второй
Расстрига был и сам-то чернокнижник,
Так писано и в грамоте царевой.
Когда его убили, объявились
Его дела. Один из наших видел
И книгу-то, вся черная.

Первый
Один!
Все видели, и доски по сажени,
И пятеро поднять ее не могут.
Вот дело-то какое!

Савлуков
Полно, так ли?
Убили-то его ли, не другого ль?

Посадский
Толкуй еще! Москву-то не обманешь,
У всех в глазах лежал убитый.

Савлуков
Точно,
Не спорю я. Молчанова Михайла
Не знал ли кто?

Первый
Ну, как его не знать!
Его кнутом за волшебство стегали!

Савлуков
Стегали-то его при Годунове.
В долгу за то он не остался, Федор

Борисович удавлен им. А после
Он близким был приятелем расстриги.

Первый

И вместе с ним по книгам ворожили.

Савлуков

Хитрей того, они лицом менялись
С расстригою. Когда беда случилась,
Расстрига с ним лицом и поменялся,
А сам бежать. Молчанова убили,
А он-то жив и в Тушине теперь.

Боярский сын

Напрасно ты мутишь народ, пугаешь!
И без того не тверды!

Савлуков

Что пугать-то!
Я правдою служу царю Василью;
А говорю, что знаю. Я за вора
Не постою, царем не называю,
Он вор и есть, да только вор мудреный.
С ним воевать хитро, бесовской силой
Он держится. Поди-ко повоюй!
Он знает все: и что, и как творилось
Здесь без него, и что у нас на мысли,
Кто хорошо о нем, кто дурно думал.
Из ведунов — ведун.

Первый

Вот времечко-то!

Второй

Эх, страшно как, уж лучше отойти. *(Отходит.)*

Третий

Меня мороз вот так и пробирает.

Посадский

Пойдемте прочь; некстати разговор
Затеяли!

Первый

(другому)

Вот ты теперь и думай.

Савлуков

(посадскому)

Не обессудь, без умысла сказалось.

Посадский

Да бог с тобой. Ты думаешь, мы сами
Не знаем, что ль, того же? Да молчим. *(Отходит.)*

Входит М. Редриков и оглядывает проходящих.

М. Редриков

Кажись, что здесь велел он дожидаться.

Савлуков

Ты что глядишь? Аль потерял кого?
Аль узнаешь?

М. Редриков

Я брата дожидаюсь.
Проститься с ним пришел.

Савлуков

А разве едет?
Далеко ли?

М. Редриков

В Ростов. Пошел по лавкам
Купить себе съестного на дорогу.
Вот я и жду. Постой-ко, мне знакомо
Лицо твое, а где встречал, не помню.
Уж не тебя ль я встретил на дороге.
Кажись, что ты! Да нет...

Савлуков

Узнаешь после.
Я сам скажусь. Поговорим покуда.
Без брата, чай, тебе скучненько будет.
Тоска возьмет.

М. Редриков

О чем мне тосковать-то?
Не маленький.

Савлуков

Я вижу, ты скучаешь,
В лице сейчас заметно. Сердце ноет,
Тоска сосет, уж ты не говори.

М. Редриков

Сказать тебе по правде: сердце ноет,
Сосет тоска, да только не от скуки.

Савлуков

С зазнобы, что ль, сердечной?

М. Редриков

Нет, со зла.
Обижен я. Ни перенесть обиды,
Ни позабыть ее я не могу.
Грызет она как лютый зверь и гложет
Всю нутренность. Хоть руки наложить,—
Вот каково мне сладко.

Савлуков

Эко дело!
А кто ж тебя обидел?

М. Редриков

Он далеко.

Савлуков

Чай, близко был, как обижал. Зачем же
Ты снес тогда?

М. Редриков

Да руки коротки.
Неровня мы.

Савлуков

Ну, если за обиду
Считаешь ты, что старший поколотит,
Так много ты обид таких увидишь,
Притерпишься. У нас такой порядок.

М. Редриков

Да что тебе за дело до меня?
Поди ты прочь! Иди своей дорогой!

Садится на камень у ворот и тихонько напевает. Скурыгин и Савлуков подходят близко к нему и стараются говорить так, чтоб он слышал.

Скурыгин

А разве где другие есть порядки?

Савлуков

Каб не было, так жить нельзя на свете.

Скурыгин

А где же есть?

Савлуков

Да в Тушине.

Скурыгин

Ну, полно!

Савлуков

Там все равны; живут по божью слову,
Боярину большому, дворянину
И ратнику простому честь одна.
Обидел кто тебя,— убей до смерти,
Ответа нет.

Скурыгин

Вот это хорошо.

Савлуков

А если ты давнишнюю обиду,
Хоть за десять годов, желаешь вспомнить
И выместить,— охотники сберутся,
Товарищи, и вольною толпою

Пойдут с тобой обидчика искать,
На дне морском, лишь покажи дорогу.

М. Редриков
И что ж потом?

Савлуков
И дом его сожгут,
И самого на угольях изжарят,
Разграбят всё.

Скурыгин
А где туда дорога?

Савлуков
Я покажу.

Скурыгин
Отец и благодетель!
Дурак ли я, чтоб оставаться здесь.

Савлуков
(Скурыгину, тихо)
Еще один попался.

Скурыгин
Ой, уйдет!
Глядеть за ним.

Савлуков
Нет, этот не сорвется.

Входит Н. Редриков.

М. Редриков
Ты, брат, совсем?

Н. Редриков
Лишь сесть да и поехать.
(Кланяясь.)
Приказывай, учи меня, ты старший,
Родименький, ты мне в отцово место,
Я глуп еще и молод.

М. Редриков
Эх, Никола!
Живи себе, как знаешь. Ты в Ростове
Останешься надолго?

Н. Редриков
Нет, я разом.
Прощай, Максим.

М. Редриков
(обнимает)
Прощай, Никола.
Н. Редриков
Скоро
Увидимся.
М. Редриков
Ну, вряд ли!
Н. Редриков
Ты на Пресню?
М. Редриков
Я в Тушино.
Н. Редриков
Господь с тобою, братец!
Давно ль клялись служить мы государю,
Давно ль отец проклятием грозил?
Аль ты забыл? Подумай, образумься,
Родимый мой.
М. Редриков
Недавно мы клялися,
Недавно мне отец грозил проклятьем,
А я-то, брат, давно поклялся прежде.
Н. Редриков
Ты в чем же, брат, поклялся? Что за клятва
Твоя была?
М. Редриков
Что в Тушино уйду.
Зачем уйду, про то узнаешь после.
Н. Редриков
Ну, как же быть-то, если по дороге
Заеду я отца и мать проведать?
Что я скажу? С каким лицом явиться
Мне к матери, отцу? И ложь, и правду
Я вымолвить боюсь. Солгать грешно,
А правда их сведет в могилу.
М. Редриков
Вот что
Скажи отцу: что я благословил
Тебя служить царю Василью правдой,
А сам пошел искать душе отрады,
Свободушки плечам своим, простора
И сердцу ретивому успокоя,
Тоску свою, печаль по белу свету
Размыкивать и вымещать обиды

И старые, и новые,— большие
И малые,— свои и стариковы.

Н. Редриков

А если мы с тобой на ратном поле
Лицом к лицу сойдемся, как же руку
Я подниму на кровного, родного!
Родименький, подумай! Милый братец,
Ты враг царю, ты враг земле родной.
Щадить тебя грешно, убить — так вдвое.

М. Редриков

Да полно ты!

Н. Редриков

Уж лучше ты при встрече
Убей меня вперед.

М. Редриков

Изволь, убью.
Теперь прощай! И с богом в путь-дорогу.
(Уходит.)

Н. Редриков

Остановись! Послушай! Братец, братец!
Родимый мой! Меня-то на кого же
Покинул ты?
(Становится на колени перед воротами.)
О господи! За брата
Молю тебя! Наставь его на разум!
От гибели, от дьявольского кова
Освободи заблудшую овцу!
А если он злодейства не покинет,
То не введи меня во искушенье,
Ты разведи нас в разные концы
И встретиться не дай на ратном поле! *(Встает.)*
В Ростов теперь! Пошлет господь, увижу
Красавицу боярышню! Тоскует
Душа по ней! Запрыгает сердечко
От радости, когда из теремочка
Хоть раз она приветно поглядит
На бедного мальчишку-сиротинку.
(Уходит в ворота.)

Входят с разных сторон М. Редриков и Савлуков.

М. Редриков

Скажи ты мне, какой ты человек?

Савлуков
А помнишь ли, в дороге побранились
И чуть с тобой не подрались?

М. Редриков
Ну, помню.
Считаться мы с тобой теперь не станем,
А вот что, друг,— ты будь мне вместо брата
И всей семьи. Ты в Тушино когда же?

Савлуков
Пойдем теперь. Мои коротки сборы.
А ты готов?

М. Редриков
Готов хоть в преисподнюю,
Хоть в Тушино, лишь только б не на Пресню!

Уходят.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

ЛИЦА:

ЕПИФАНЕЦ, *атаман донской*	*предводители шаек под начальством пана Лисовского.*
ЧИКА, *прозванием «Четыре здоровья», атаман терский*	
БЕСПУТА, *боярский сын*	
АСАН УРАЗ, *романовский мурза*	

САВЛУКОВ.

М. РЕДРИКОВ.

Н. РЕДРИКОВ.

СКУРЫГИН.

СТАРИК СВЯЩЕННИК.

Часть тушинского стана. Плетневые сараи, землянки, избы, позади высокий вал.
Несколько тушинцев сидят в кружке, посередине скоморох.

Скоморох *(поет)*
Напала пороша

На талую землю,
По той по пороше
Что семеро саней,
По семеро в санях.
Как первые сани
  Ларька на Карьке.
Вторые-то сани
  Гришка на Рыжке.

Входят двое тушинцев.

Первый тушинец
С добычею вернулся Епифанец.
Запас везут и полону́ пригнали.

Второй тушинец
Хорош полон! крестьянишек голодных,
Пяток старух да старого попа.

Тушинцы расходятся. Входят Епифанец, Ураз, шайка разного сброда, связанные пленные крестьяне и старый священник.

Епифанец
Беспуту вы не троньте, не будите!

Казак
Проснулся он, ругается, что связан.

Епифанец
Так развязать скорее.

Казак
Развязали.

Входит Беспута.

Беспута
Жить не мило кому-то! Как посмели
Связать меня?

Епифанец
А ты скажи спасибо.
Я приказал, а то б не жить тебе,
Болтаться бы на дереве, иль кожу
Крестьянишки содрали. Ты, Беспута,
Не бражничай! Сначала кончи дело,
Потом гуляй!

Беспута
Велико дело грабить!
Что пьянство, что грабеж — одно и то же.

Ураз

Не так сказал! Украл, когда не надо,
Не хорошо! А нечего кусать,
Воруй баран! Не грех!

Беспута

Тебе ль, татарин,
Учить меня: какое дело грех
И что не грех! Ты что мне за указчик!
Собака ты, а я крещеной веры!

Ураз

Не надо так! Наш бог один!

Епифанец

Беспута,
Ты сам себя и сотню всю погубишь;
Коль хочешь пить, не пропивай ума.

Ураз

Ума кончáл и голова кончáл.

Епифанец

А ты вчера и ум, и память пропил.
Мы далеко зашли, кругом чужие.
Тут некогда копаться! Взял, что надо,
Беги домой, покуда не догнали,
А ты резню и буйство затеваешь,
Ненужное кроворазлитье деешь!
Губил детей грудных, рубил на части,
Как бешеный из дома в дом кидался.
Избу зажег. Уж мы тебя связали
Да увезли; а надо бы на муку
Отдать тебя отцам и матерям.
Ты берегись, дойдет до государя
Димитрия Иваныча твое
Дурачество, спасиба он не скажет.

Беспута

Не говори! В меня посажен дьявол,
Да не один, а может, много их.
В своем нутре я слышу разговоры,
Я сам молчу, а он во мне хохочет.
И в те поры зальется сердце кровью,
По телу дрожь, а волос станет дыбом,
В глазах круги зеленые и искры,
И бесенята маленькие скачут;
Мне кровь тогда, что пьяному похмелье;
Готов пролить я реки алой крови.
И чем слабей, чем ворог мой бессильней,

Тем слаще мне губить его и мучить.
Что ж делать мне?

Епифанец

Я сам врагов гублю,
Да только тех, кто борется со мною.
На то война! А безоружных мучить
Лишь только грех один. Ведь мы не волки
Голодные, не псы!

Ураз

Бирюк — не батырь.

Беспута

Я есть хочу.

Казак

Барана облупили
И на рожон воткнули.

Беспута

Епифанец,
Садись за стол. *(Уразу.)* Садись, кочан капустный!

Ураз

Не надо так! Такой не надо шутка!
Я убивал за то!

Беспута

Вина бочонок
Кати сюда! Налей в мою братину
И ковш пусти!

Епифанец

Не пей вина, Беспута!
Ты во хмелю нескладен.

Беспута

Ну, свяжите
Опять меня! Давай полон разделим.
Плакучих баб не надо мне. На долю
Я мужиков возьму, к коням приставлю.

Епифанец

А я возьму товар дешевый — баб;
Придут мужья, дадут хоть по копейке.

Ураз

А мне старик отдай!

Беспута

Тебе на что же?

Ураз

Ходи-гуляй пущу. Он богу служит.

Входит Скурыгин, за ним Чика и Н. Редриков связанный.

Скурыгин

Товариство почтенное! Грозится
Убить меня!

Беспута

За что? Коли за дело,
Пускай убьет.

Епифанец

Ты, атаман, не трогай
Скурыгина. Он нам вперед годится
В шишах служить.

Чика

Ему нужна наука!
Ты к лыцарству казацкому ни шагу!
Ходи вокруг да около. *(Садится, пьет и ест.)*

Скурыгин

Судите,
Вы головы и атаманы, чем же
Я лыцарей обидел? Говорю я,
Что плохо мы царю и государю
Димитрию Иванычу радеем!
Пошли ему господь в делах удачи,
И счастия, и всякого талану,
И дай ему господь свой стол московский
И родовые царства доступить,
И дай ему победу-одоленье,
Создай ему...

Чика

Ты полно распинаться!
Приказная, продажная душа!
Не смеешь ты казакам-атаманам
Указывать ни в чем.

Скурыгин

Мое раденье
Великое известно государю.
Судите нас! Казаки изловили
На троицкой дороге молодца.
(Указывая на Н. Редрикова.)
А я божусь, сквозь землю провалиться,
Что он гонец царев,— его поймали,
А грамоты царевой не нашли;
А я его в Москве недавно видел,
Сбирался он в Ростов, и верно знаю,
Что грамоты он вез.

Чика

Куда ж им деться?
Где грамоты?

Н. Редриков

Не знаю. Я боярин,
К родным бежал от службы из Москвы.
Ты, дяденька, не обижай сиротку!
Ты добренькой!

Скурыгин

Ты сказочник, я вижу.
Пытать его.

Н. Редриков

Пытайте, коль хотите,
Невинного. Теперь я в вашей воле;
В чужом стану, один, защиты нет,
Одна защита — матушки молитва
Перед творцом. Хоть до смерти замучьте,
Родимые, а не в чем повиниться.
Не стану лгать. За правду мне не страшно
И умереть.

Епифанец

Вот молодец какой!
А сколько лет тебе?

Н. Редриков

Годков осьмнадцать.

Чика

Ну, из тебя иль добрый парень выдет,
Иль уж такой разбойник, что на диво.

Скурыгин

Он вор прямой.

Беспута

А вот мы завтра к князю
Рожинскому сведем его. На дыбе
Он скажет все.

Н. Редриков

Ведите, ваше дело.

Епифанец

Теперь пока в землянку запереть.

Н. Редрикова уводят казаки.

Скурыгин

(Чике)
Ты на слова мои не обижайся,
Не про тебя я говорю, про всех.

Зачем мы здесь стоим,— давно пора бы
В Москве нам быть. Я сам вчера оттуда.
В народе рознь, а мы сидим, зеваем.
Стараюсь я один; уж я не мало
По площадям московским надрывался,
Уму учил и в чувство приводил.
Хотят идти с повинной к государю
Димитрию Иванычу. За службу
Пожалуют иль нет, не знаю. Яну
Петр Павлычу Сапеге, нынче утром
Докладывал, какие атаманы
Нам Красное село сдадут, какие
Провесть хотят за деревянный город.
Лазейка есть, лазейку мы сыскали.
И кланялся я гетману и князю
Явить мое раденье государю,
Чтоб ведомо ему старанье было
И неусыпный труд.

Чика

Тебе бы встряску
Хорошую задать, ты больше скажешь.

Епифанец

Ну, на́ тебе за службу ковш вина.

Беспута

(Уразу)
Давай играть, татарин.

Ураз

Де́ньга мало.

Беспута

А денег нет, отдашь живым товаром,
Возьму полон.

Ураз

Якши! Давай играем!

Беспута

(Вынимает деньги, играют в зернь.)
Ведь знаю я, что некрещеным счастье.
Талан во всем, а все с тобой играю,
С татарином. Бери! *(Подвигает деньги.)*

Ураз

Играй еще!

Беспута

(играет)
Тащи опять! *(Подвигает деньги.)*

Ураз

Играй еще!

Беспута

Сыграем!

В последний раз.

Играют.

Подай сюда!

Ураз

Еще!

Беспута

Опять мое. *(Берет деньги.)*

Ураз

Играй еще!

Беспута

Да с чем же
Играть тебе? На старика сыграем?

Ураз

Играй, играй!

Беспута

Поди сюда, старик,
Мы на тебя играем. Что, татарин!
Он мой теперь.

Старик кланяется.

Ураз

Пожалуста, играй!
После́ отдам.

Беспута

Без денег не играю.

Ураз

Пожалуста.

Беспута

Пошел! Гулять хочу! *(Пьет.)*
А ты, старик, нам песни пой, да громче!
Плясать горазд, найдем тебе плясунью,—
И тешьте нас.

Священник

Мирских не знаю песен.
Мои уста поют господню славу
В святых церквах; в разбойничьем вертепе
Не осквернюсь я срамным празднословьем.

Епифанец

Пусти его,

Б е с п у т а

Он будет петь, увидишь!
Он мой теперь, я выиграл его!
И что хочу, то и заставлю делать.
Ну пой, старик, а то убью! *(Вынимает пистолет.)*

С в я щ е н н и к

Ты глупый
И жалости достойный человек!
Я господа боюсь, а ты не страшен.
Я для тебя губить души не стану.
А что мне смерть! Давно прошу у бога
От бренных уз, от старческого тела
Освободить тоскующую душу,
О житии небесном.

Б е с п у т а

Если просишь,
Так ты давно б сказал.

Е п и ф а н е ц

Беги, спасайся!

С в я щ е н н и к

Куда бежать! От смерти не уйдешь.

Беспута стреляет. Старик падает.

У р а з

Зачем убил? Зачем убил? Не надо
Убил его.

Б е с п у т а

И ты того ж дождешься.

У р а з

(Чике)
Хватай его!

Е п и ф а н е ц

Вяжите кушаками.

Б е с п у т а

Татарин, прочь! Убью тебя, собаку!

Ч и к а

Не вырвешься из наших рук железных.
С татарином мы двое черта свяжем,
Недаром мне прозвание: «Четыре
Здоровья». Так скрутим его, что любо.

Б е с п у т а

Дождусь же я, не все же буду связан.
Из-за угла перестреляю всех.

Ч и к а

Доводишь сам. Проспишься, позабудешь.

Б е с п у т а

(лежит связанный)
Проклятые! Чтоб провалиться вам
Со всем гнездом разбойничьим! Разверзнись,
Сыра земля, до самой преисподней
И поглоти воров проклятых стаю
И первого меня!

Ч и к а

Вот это ладно,
Что не забыл себя.

Б е с п у т а

Я околеть-то
Давно бы рад, да только вместе с вами.
Я рад кипеть в смоле, в горячей сере,
Да только б знать, что ты сидишь со мною
В одном котле. Я боль свою забуду
И дьяволов-мучителей потешу
Я хохотом над мукою твоей.

Входят С а в л у к о в и М. Р е д р и к о в. Беспута скоро засыпает.

С а в л у к о в

Товарищи, о чем шумите? (*Осматривается.*) Мертвый
И связанный! Не можем мы без драки
И смертного убийства выпить чарку.
(Редрикову.)
Теперь и ты с волками вой по-волчьи.
И сам дерись, и пей, и нашу волю
Не осуждай.

М. Р е д р и к о в

Мне это ничего!
Я зарожден на зло. На свет с зубами
Родился я, меня не испугаешь.

С а в л у к о в

Вы, головы и атаманы, братья!
Вот новый наш товарищ — молодец!
Покинул он изменнический город
И целовал сегодня крест на службу
Природному царю и государю
Димитрию Иванычу.

Чика

Откуда

И кто таков ты?

М. Редриков

Редриков Максим.

Савлуков

Он дворянин московский.

Чика

Ну и ладно.

Епифанец

Вот мы его пригоним в нашу веру
И окрестим. Давайте ковш вина! *(Наливает.)*
Ну, пей, да только весь, смотри! О здравьи
Царя Димитрия всея Руссии.

М. Редриков

О здравии царя и государя
Димитрия всея Руссии.

Савлуков

Верой
И правдою служи царю и нам,
Товарищам! Отца и мать покинуть
И всю родню забыть, а доведется,
Губить и их, как недругов царевых,
Клянись!

М. Редриков

Клянусь!

Чика

Ну, бог тебе на помочь!
Ты наш теперь!

Ураз

Ни бачка нет, ни мачка.
Твой бачка царь, а мачка нож-булат.

Епифанец

Мы наберем холопов беглых сотню,
И в сотники тебя тотчас поставим.
А вот тебе на первый раз и служба —
Стеречь полон, всю ночь ходить дозором
По куреням, чтоб стража не дремала.
А молодца в землянке пуще глазу
Ты береги, он завтра нужен нам.
Ну, спать пора, пойдемте, атаманы.

Уходят.

М. Редриков

Эх, волюшка! Кому ты не мила?
Удалых ты до Тушина доводишь.
По сердцу мне веселое житье! *(Поет.)*
Прикажи-ка нам, хозяин,
Поскакать, поплясать,
Поскакать, поплясать,
Про все городы сказать!
И про верхни городки,
И про ни́зовые.

Н. Редриков

(из землянки)
Максим! Максим!

М. Редриков

(оборачиваясь) Чего? Знакомый голос,
А никого не видно.

Н. Редриков Я в землянке,
Поди ко мне!

М. Редриков

(подходя) Ты как сюда попал?

Н. Редриков

Пусти, скажу.

М. Редриков Тебя беречь велели.

Н. Редриков

Запрешь опять.

М. Редриков Ну, выходи на волю.
(Отворяет землянку.)

Н. Редриков выходит.

Рассказывай, потом опять в землянку
Запру тебя, сиди да утра жди.

Н. Редриков

Попался я казакам на дороге.

М. Редриков

А грамоты?

Н. Редриков

У Троицы теперь.
Я отдал их старухам богомолкам,
Зачуявши погоню. Завтра утром
О грамотах сведут меня к допросу
И накрепко пытать хотят.

М. Редриков

Что ж делать!
Не будь дурак, вперед не попадайся!

Садись опять в землянку, дожидайся
Судьбы своей.
(Садится к столу, берет кости, в которые играли.)
Постой, я погадаю.

Н. Редриков.
О чем, Максим?

М. Редриков
Пустить тебя аль нет?

Н. Редриков
Да как пустить! А крестно целованье!

М. Редриков
Толкуй еще! Уж за одно грешить.
Я утверждался крестным целованьем
Двоим царям служить: в Москве Василью,
А в Тушине Димитрию. Василья
Я обманул, а этот чем же лучше?
Тебя-то жаль, ты больно молод, парень,
И отпустить беда, спина в ответе,
А неравно и голову долой.
Поди, садись в землянку, я опосле
Поворожу, пустить тебя аль нет.
(Запирает землянку и уходит.)

СЦЕНА ПЯТАЯ

ЛИЦА:

ДМИТРИЙ,
тушинский вор.

КНЯЗЬ РОЖИНСКИЙ,
великий гетман.

ЯН ПЕТР ПАВЛОВИЧ САПЕГА,
начальник особого отряда.

КНЯЗЬ ТРУБЕЦКОЙ.

КНЯЗЬ МАСАЛЬСКИЙ.

М. РЕДРИКОВ.

САФОНОВ,
дьяк.

КОМОРНИК.

СВИТА САМОЗВАНЦА ИЗ МОСКОВСКИХ ВЫХОДЦЕВ И ПОЛЯКОВ.

Передний покой в тушинском дворце.

Входят Рожинский, Сапега *и* Коморник.

Коморник

Нельзя входить! Не велено!

Рожинский

Холоп.

С дороги прочь!

Коморник

Не выходил из бани

Великий царь.

Рожинский

(толкая его)

Пошел! Я царский гетман,

Когда входить к нему, я знаю сам. *(Сапеге.)*

Пришли мы рано, в бане царь московский.

Сапега

Трудов ему довольно по утрам,
То молится, то в бане кости парит.
Вот мы с тобой всю ночь гуляли-пили.
А на ногах давно.

Рожинский

Ты, пан Сапега,

Не позабыл вчерашних разговоров?

Сапега

Не позабыл.

Рожинский

Хоть мы и побратались

И саблями с тобою поменялись,
А в Тушине двоим героям тесно.
Соперников я не люблю, ты знаешь.
Ходынское и Пресненское поле
Прославлю я своим геройством; ты же
Ищи себе урочища другие
Для подвигов; Россия велика.

Сапега

Уж я нашел. Не бойся, пан Рожинский,
Друг другу мы с тобой не помешаем.
Бери Москву, сажай царя на трон
И управляй московским государством!
А я для вас возьму другие за́мки,
Восточные, и путь к богатой Волге
Очищу вам.

Рожинский

Великою помехой

Стоит гнездо монахов на дороге,

Как вороны из каменного гроба,
Они и днем, и ночью стерегут
И разбивают царские разъезды,
И Шуйского обозы прикрывают.
Под рясами седые старики
Страшнее нам всей рати. Этот замок
Должны мы взять.

Сапега

Не замок, а лукошко
Лубочное: я разорю его
И выгоню ворон. Мы, князь Рожинский,
Творим дела великие: мы царства
Обширные берем, на трон сажаем
Кого хотим, nostra armata manu
Id facimus [1]. Мы римляне, Рожинский.
Romani sumus [2].

Рожинский

Что, Romani! Дрянь!
Мы лучше их! Однако, пан Сапега,
Вчерашний хмель гуляет в голове.
То у тебя, то у меня пиры,
Ты уезжай скорей, а то сопьемся.

Сапега

Пируем мы сегодня у царицы,
Красавицы, моей богини.

Рожинский

Что-то
Не по нутру твоя богиня мне
И льстивая родня ее.

Сапега

Сегодня
Последний пир, а завтра и в поход.
Насмотримся, как Юрий Мнишек будет
Перед царем хитрить и унижаться,
И дочери кивать, и знаки делать,
Чтобы была поласковее с мужем.
Ведь ласки дочери царю он продал
За триста тысяч,— выгодная сделка!
Послушаем, как царь устав церковный

---

[1] Своею вооруженною рукою мы это делаем *(латин.)*.
[2] Мы римляне *(латин.)*.

И весь псалтырь читает наизусть,
И величает братом Сигизмунда.

Р о ж и н с к и й

Мне мочи нет, я слышать не могу!
Какой он брат ему! Такие речи
На господа хула. У Сигизмунда
И конюхи его такого братства
Не захотят.

С а п е г а

Тихонько! Здесь бояре!

Входят князь Т р у б е ц к о й и М а с а л ь с к и й и прочие в ы х о д ц ы, подают Сапеге руки. Рожинский руки не дает, а слегка кивает головою. Входит Д м и т р и й, его ведут под руки д в о е московских в ы х о д ц е в из стольников.

Д м и т р и й

(садясь на трон)

Нам сказывал наш гетман, князь Рожинский,
Что Ян Сапега, староста Усвятский,
Покинуть нас желает?

Р о ж и н с к и й

Он для пользы
Твоей идет, великий государь,
Врагов твоих разить, громить твердыню
Противников твоих.

Д м и т р и й

Ты, князь Рожинский,
Не так сказал. Идет громить Сапега
Великую святыню православных,
Святой оплот поборников Христовых,
Воздвигнутый отцом моим Иваном.
Мы, русские, святыню почитаем.

Р о ж и н с к и й

Изменникам святыня не защита.

Д м и т р и й

Желаю я в таком великом деле
Своих бояр, природных русских, слышать
Совет прямой! Скажите мне, бояре,
Достойно ли московскому царю,
Блюстителю единой, православной,
Незыблемой и непорочной церкви,
Отдать свою святыню вековую
В разор и поруганье иноземцам?

Князь Масальский

Не видано у нас такое дело
Спокон веков.

Дмитрий

Ты слышишь, князь Рожинский?

Трубецкой

Не трогай Троицы Живоначальной
Монастыря святого! Не минует
Господень гнев за то. Побойся бога,
Великий царь и государь Димитрий
Иванович.

Дмитрий

Я слышу глас народа
В речах бояр моих. Народ московский
Заговорит, что я не чту святыни.

Рожинский

(с нетерпением)
Сапега ждет приказа твоего.

Сапега

Не двинусь я без воли государя.

Дмитрий

Вы слышали. Какого вам приказа?
И что еще сказать могу?

Рожинский

Ты скажешь,
Чтоб собрался, не мешкая, Сапега
К монастырю; своим боярам новым
Молчать велишь иль я молчать заставлю
По-своему.

Дмитрий

(обидевшись, боярам)
Мой гетман лучше знает,
Что делать мне и говорить.

Рожинский

Еще бы!
Я знаю все. Ты царь благочестивый,
И Троицкий старинный монастырь
Ты уберечь и сохранить желаешь.
Да твой ли он? Он Шуйского покуда.
И в нем враги твои сидят. Ты хочешь,
Чтоб у тебя была святыня эта,
Так надо взять ее — и мы возьмем.
Вот мысль твоя. Ну, с богом, пан Сапега.
Сбирайся в путь.

Д м и т р и й

С тобой пойдут поляки?

С а п е г а

И русские.

Д м и т р и й

Не верю.

С а п е г а

Пан Лисовский
Идет со мной и с ним шесть тысяч русских.
Да я возьму с собой людей охочих.

Д м и т р и й

(с важностью)
Ну, если так, иди! Мы, царь Димитрий
Иванович, московский и всей Руси,
Всех царств и княжеств наших самодержец,
Единый, богом данный и хранимый,
Помазанный и вознесенный богом
Над прочими царями и, подобно
Израилю, ведомый высшей силой,
Единый христианский царь с востока
До запада, и многих государств
Самодержавный повелитель, ныне
Тебе, Ян Петр Сапега, указали
Идти войной на царских супостатов,
Сидельцев Троицы Живоначальной
Монастыря, и промышлять над ними.
Поди к руке моей.

Сапега кланяется.

Повелеваем
Тебе, наш думный дьяк Денис Сафонов,
И написать, и в войске объявить
Охочим людям, буде пожелают,
Идти с Петром Сапегою на наших
Изменников, которые доселе
Челом мне, государю, не добили
И вин своих не принесли; пусть идут,
Надежные на милости господни
И богородицы его пречистой,
Великого Николы чудотворца,
И жалованье царско неисчетно
Великое мое. *(Рожинскому.)* Великий гетман,
В моем стану и войске все ль спокойно?

Р о ж и н с к и й

Великий царь, давно пора тебе
Сидеть в Москве на дедовских престолах,
А здесь пока во временном стояньи,
Под Тушином селом, и день вчерашний,
И ночь прошли, бог дал, благополучно.
Нельзя сказать, чтоб вовсе без греха,
А не было беды большой. Казаки
Московского гонца вчера поймали
И отдали его на береженье
Из выходцев московских дворянину,
А тот его не устерег.

Д м и т р и й

Повесить!

Р о ж и н с к и й

Поссорился вчера Буявский ротмистр
С товарищем за дружеской попойкой
И во хмелю убил до смерти.

Д м и т р и й

На кол!

Р о ж и н с к и й

Мы строгостью такою всех разгоним.
Буявского, я думаю, простить.
Поляки нам за жалованье служат,
Они пришли на помощь — наши гости,
А не рабы,— мы жалованье прежде
Должны отдать.

Д м и т р и й

И отдадим в Москве.

Р о ж и н с к и й

О деньгах речь, так жди; а за провинность
Казнить сейчас,— какая ж будет правда?
И кто ж служить поедет к нам из Польши?

Д м и т р и й

А кто ж из русских в Тушино пойдет,
Когда казнить мы будем только русских
И миловать поляков виноватых.
Полякам ты заступник, а за русских
Не вымолвишь и слова. Виноваты
Равно они,— равно достойны казни;
Коль миловать, так надобно обоих.

С а п е г а

Рожинский князь, проси за поляка,
А я челом за русского ударю.

Мне русские нужней; я в сердце Руси
Веду войну,— разведать путь-дорогу
И корм найти свои скорее могут,
И лишнему я рад. Не сотню тысяч
Веду с собой,— мне каждый ратник дорог.
Великий царь, пусти его со мною
Под Троицу!

Рожинский

Ждут милости иль казни
Буявский пан и Редриков Максим
У твоего крыльца.

Дмитрий

Привесть виновных.

Вводят М. Редрикова и поляка.

Хоть оба вы, за ваши воровства,
И довелись до лютой смертной казни,
Для радости свидания с женой,
Мариной Юрьевной всея России,
Прощаю вас.

Кланяются.

Спроси его, Сафонов,
Пойдет ли он под Троицу с Сапегой
Охотно?

Сафонов

По царскому указу
Петр Павлович Сапега, царский рохмистр,
Войной идет на недругов, сидельцев
У Троицы в обители святой,
И вольно звать ему людей охочих.
Ты, Редриков, желаешь ли идти
Под Троицу и крепко, нерушимо
Стоять против врага, и всякий поиск,
И тесноту чинить по силе-мочи?

М. Редриков

А что ж нейти?

Сафонов

Святыни не боишься?

М. Редриков

Уж заодно мне богу отвечать.
Коль в Тушино пошел, так, значит, бога
Не побоюсь.

Сафонов

Молчи ты, смерд! Ты служишь
Здесь, в Тушине, природному царю.

М. Редриков

А разве я его не величаю
Димитрием Иванычем, природным
И подлинным царем! К нему на службу
Я из Москвы пришел. Такая служба
Мне по сердцу. Служа ему, мы грабить
И разорять в московском государстве
Все гброды у Шуйского должны.
А Сергиев, иной ли город грабить,
Уж все одно.

Дмитрий

Гоните вон его!
Повесить бы его вернее было
И господу угодней! Вот разбойник!

Сапега

Таких-то мне и нужно, государь!

Дмитрий

(вставая)
Мне, право, жаль, что я его простил.

Все уходят.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

ЛИЦА:

ТРЕТЬЯК СЕИТОВ,
воевода.

ЛЮДМИЛА.

Н. РЕДРИКОВ.

НЯНЬКА И СЕННЫЕ ДЕВКИ.

В Ростове. Светлица в тереме воеводы.
Входят Людмила, нянька и две сенные девушки.

Людмила

Нашелся он, мой суженый, желанный,
Нашла его душа моя. По нем-то
В глухой тиши полночной снов горячка
Томит меня, а днем грызет тоска.

Придет пора, и девушке не плакать
Никак нельзя! Защемит ретивое,
Тоски и слез любовных не минуешь.
Я девушка, и плакать мне не диво;
Но долго я не стану убиваться.
Поплакала, и будет. Я на горе
Связать себя с немилым не позволю.
Ужли же мне в одних забавах воля,
А в муже нет! Кого отец укажет,
За тем и жить! Отдать красу девичью
Немилому, постылому! Потешить
Родителя и погубить себя!
Потешь меня, старик, свое ты отжил
И молодого счастья не губи!
Вы, девки, что стоите?

Девки

Ждем приказу.

Нянька

Все дело их, что за тобой ходить.

Людмила

Приказу ждете? Мой приказ короткий!
Подите вон!

Девки уходят.

А ты, старушка божья,
Поближе стань, поговори со мной.

Нянька

Что, матушка-боярышня, прикажешь
Рабе твоей?

Людмила

Утешь меня, старуха!

Нянька

Тебе, кажись, о чем бы тосковать!

Людмила

Ты видела мальчишку молодого,
Московского гонца?

Нянька

Не раз видала.
Пригоженький мальчишка, вот и все.

Людмила

Мальчишка, да! Ребенок-недоросток,
А высушил и вызнобил он сердце
Боярышни твоей.

Нянька

Ах, он разбойник!

Людмила

Рассказывай! Ты видела, ты знаешь,
Пригож ли он, и вьются ль русы кудри,
И ясны ли его сокольи очи,
И весело ль глядят, или кручинны,
И любит ли меня?

Нянька

Ахти! Не знаю,
Какую речь вести, боюсь тебя.

Людмила

Не бойся, няня! Сядь со мной.

Нянька

Не смею.

Людмила

Садись, садись! Прилягу я легонько
На грудь твою. Меня ты приголубишь.

Садятся.

Тоскую я! Будь матушкой родимой,
Утешь меня, девицу-сиротинку. *(Прилегает к ней.)*
Рассказывай про молодца-детинку,
Зазнобушку.

Нянька

Не знаю, что и молвить.

Людмила

(вставая)
Да говори же, старая карга!

Нянька

(с испугом)
Хорош... пригож... да только молод больно.

Людмила

Ну, вот беда! Состариться успеет.
За молодым-то веселее жить.
Уж так-то люб, уж так-то люб он, няня...

Нянька

А люб, так люб. Не по-хорошу мил,
А по-милу хорош, моя голубка!
Да где ж его ты видела?

Людмила

Забыла
Ты, старая! А помнишь, на дороге
Мы съехались... А здесь в сенях отцовых

Два раза я тихонько поджидала,
Когда пойдет, и будто не нарочно
Встречалась с ним, и речи говорила,
И как зовут узнала: — Николаем!

Нянька

Никак, идет наш батюшка-боярин! *(Встает.)*

Входит Сеитов. Нянька уходит.

Людмила

(Кланяется низко отцу, он ее целует.)
Хорош отец! О дочке и не вспомнит,
Совсем забыл.

Сеитов

(садясь)
Заботы одолели
Великие. По царскому указу
Мне велено беречься от воров,
К Владимиру идти, крепить осаду
И воеводой быть во всем краю,
По городам сбирать детей боярских,
Из Суздали, из Юрьева, из Шуи,
А скоро ль их сберешь! Сидят в поместьях.
Не двинутся, как пни, покуда силой
Не выбьют их на службу батожьем.
Кругом мятеж, остроги наши плохи,
Запасов нет и отсидеться не в чем.

Людмила

Я дел твоих не знаю воеводских
И знать-то не хочу. Ужли ты часу
Не выберешь для дочери-сиротки?
На возрасте, на выданьи теперь
Я, девушка, со скуки пропадаю,
Одна, как перст, я у тебя.

Сеитов

Родная,
Прости меня! До солнышка проснулся
Сегодня я. Все утро собирался
Зайти к тебе, да не поспел; с делами
Замешкался в избе приказной. Надо
Московского гонца к царю отправить
С отпискою о нашем утесненьи,
И скудости, и ветхости острогов,
И осыпе валов по городам,
Что зелья нет...

Людмила

Я вижу, ты, родимый,
Состарился и выжил из ума.
Ну, можно ли мальчишку с царским делом,
С отписками, послать в такую пору
Немирную? Пошли к царю другого,
Постарше кто; его оставь.

Сеитов

Не смею
Держать его, он прислан с оборотом.

Людмила

А если он отписки потеряет
Иль воры их отнимут у него,
Тогда-то что? При старости почтенной,
Ты в грамоте царевой прочитаешь,
Чтоб так тебе не дуровать вперед,
Иль хуже что. И самого-то вором,
Изменником перед царем поставят,
Нашепчут в уши злые шептуны,
Безбожные.

Сеитов

Ну что ты мне толкуешь!
Перед царем в ответе я не буду.
С кем прислано, я с тем и отпускаю.

Людмила

Ты, батюшка родименький, не любишь
Меня ничуть. Пойдешь ты на воров,
Подумай сам, меня-то на кого же
Покинешь ты!

Сеитов

Тебе не привыкать,
Не первый раз одна ты остаешься.

Людмила

Тогда не то, теперь другое время:
Я в Тушино попасться не желаю
К мятежникам.

Сеитов

Храни тебя господь!
Оставлю я охрану понадежней.

Людмила

Не верю я твоей охране.

Сеитов

Кто же
Убережет тебя?

Людмила

Гонец московский.
Его оставь.

Сеитов

В уме ли ты, Людмила!
Не ты ль сама сейчас же говорила,
Что молод он и грамоты поверить
Нельзя ему? А как же я поверю
Тебя беречь!

Людмила

Ты вот что, мой родимый,
Послушайся меня хоть в жизни раз,
Не отпускай его в Москву.

Сеитов

Людмила,
Не говори таких речей безумных,
Ты дочь моя — Сеитова княжна.

Людмила

И он не смерд, слуга царю такой же.
Ты погоди, не называй безумной,
Я в разуме покуда. Если ж хочешь,
Чтоб вправду я осталась без ума,
Так отпусти его.

Сеитов

Молчи, Людмила!
Не заставляй отца седого слушать
Пустых речей твоих! Молчи, покуда
Не понял я бесстыдного их смысла.

Людмила

Ты любишь дочь иль нет? Моя погибель
Нужна тебе иль ты желаешь счастья
И радости для дочери твоей?

Сеитов встает.

Уходишь ты?

Сеитов

Прощай!

Людмила

Скажи мне толком,
Отпустишь ты гонца иль нет?

Сеитов

Не стоит
И говорить с тобою, полоумной!
Ты не стыди себя!

Людмила

И это слово

Последнее?

Сеитов

Последнее. Прощай! *(Уходит.)*

Входят нянька и девушки.

Людмила

Так вот она, неволя теремна́я!
Так вот когда высокий, чистый терем
Мне тесен стал и жизнь моя девичья
Наскучила. Душа на волю рвется,
Хочу любить, любить... Ты, злой старик,
Ты баловал меня и тешил прежде!
Ты вырастил на волюшке меня,
И дай ты мне ту волю дорогую
За милого пойти. Ты дашь мне волю!
Не дашь ее, так я сама возьму.
Ну, нянюшка, старушка, поживее
Веди ко мне любезного дружка
Николушку!

Нянька

Ах, батюшки! Да в чью же
Ты голову...

Людмила

Ступай без разговору!
Приказано и кончено.

Девки

Пропали
Мы, бедные, несчастные...

Людмила

Завыли!
На лестницу ступайте, стерегите,
Чтоб не вошел боярин невзначай!

Девушки уходят.

Пускай себе другие девки плачут,
По теремам высоким взаперти,
И ждут в слезах себе неволи злее:
С немилым жить, с неровней вековать
И девичьи коротенькие слезы
Сменять на бабьи слезы без конца;
Не стану я томить себя слезами,

Ретивому сердечку волю дам
И девичий обычай свой потешу!

Входят нянька и Н. Редриков.

Нянька
Побережней иди! Вот видишь, глупый,
Какая честь тебе! Ты не болтай,
Не сказывай, что я тебя водила
К боярышне, а то себя погубишь,
Ее и нас.

Н. Редриков
Да ладно.

Людмила
Ты не бойся!
Поди ко мне, мой писаный красавчик!
Бывал ли ты в девичьем терему?
Ну, сказывай!

Н. Редриков
Ни разу не случалось.
А хорошо у вас, как словно в сказке,
Не вышел бы.

Людмила
Ты любишь ли кого?

Н. Редриков
Я всех люблю. У матушки учился
С издетства я речам ее любовным
И ласковым словам; она велела
Мне всех любить и миленькими звать.

Людмила
А кто учил любить красу девичью?

Н. Редриков
Своим умом дошел.

Людмила
Меня ты любишь?

Н. Редриков
Любить люблю, сказать боюсь; погонишь
Из терема.

Людмила
Не погоню, не бойся.

Н. Редриков
Так я скажу.

Людмила

Ты говори, да больше!
Любовных слов не слышим мы совсем,
А сердце их желает.

Н. Редриков

Мне на свете
Одна лишь ты и жизнь, и радость. Знаю,
Что ты неровня мне, а все тоскую
И плачу по тебе. Со мной ты шутишь
И посмеешься после надо мной,
А мне в тоске сидеть да убиваться
В своем углу.

Людмила

Постой! Постой! Неправда!

Н. Редриков

Тебе игра, а мне навеки мука,
И все-таки люблю тебя.

Людмила

Постой! *(Протягивает руку.)*
Возьми себе на память перстенечек!
Бери любой!

Н. Редриков

Вот этот дай!

Людмила

Изволь!

Редриков берет перстень.

Ну, что же ты стоишь? Иль не умеешь
Благодарить?

Н. Редриков

Умею, да не смею.

Людмила

Благодари.

Н. Редриков

(целует ее)

Спасибо! Мой возьми!
Серебряный и плохонький, а дорог:
Он матушкин подарок.

Людмила

Вот спасибо!

Нянька

Боярышня, беда! Отец идет!

Л ю д м и л а

(Редрикову)

Беги скорей ко мне в опочивальню
И спрячься там! Не выходи, покуда
Не позову сама.

Н. Р е д р и к о в уходит. Входит С е и т о в.

С е и т о в

Послушай, дочка!
Немного мне на свете жить осталось.
Последних дней срамить я не хочу.
Давал тебе я волю и поблажку,
Но с той поры, когда в девичий терем,
Забывши стыд, водить ты парней стала,
Запру тебя и сторожей поставлю
С дубинами у окон и дверей.
И всякого, кто в терем твой заглянет,
В тюрьме сгною, тебя в монастыре.

Л ю д м и л а

Мне поздно в монастырь, теперь я замуж
Задумала, ты раньше бы хватился.

С е и т о в

Где Редриков?

Л ю д м и л а

В моей опочивальне.
И выйдет он со мной оттуда в церковь
Иль в озеро.

С е и т о в

Не выйдете вы вовсе
Из терема; кругом законопатить
Все выходы велю, и умирайте
С любовником голодной смертью оба.
Мне вас не жаль.

Л ю д м и л а

Тебе меня не жаль?
Ты что сказал? Морить голодной смертью
Родную дочь? Спасибо! Вот спасибо!
Любовь твою я вижу. Эка дура!
За что же я любила старика!
За что же я его любила столько!
(Отворяет опочивальню.)
Поди сюда, благодари отца!

Р е д р и к о в выходит.

Скорей ко мне бегите, няньки, мамки.

Входят нянька и сенные девушки.

Боярина благодарить за милость!
Челом ему! Валитесь в ноги все!
Послушайте, как дочь свою он любит!
Прошу его: родитель-государь,
Дозволь ты мне, девице-сиротинке,
За рабскую мою тебе покорность,
За скучное сиденье теремное,
За слезные молитвы по тебе,
Позволь ты мне пойти, девице, замуж
За милого,— мне бог его послал;
Отдай ты мне, рабе твоей, на выбор:
Иль с милым жить тебе и нам на радость,
Иль умереть с моим желанным вместе!
И батюшка пожаловал меня:
Он, государь, на милость тароватый,
Родную дочь и зятя запереть
И уморить сулит голодной смертью,
И закопать в одну могилу вместе.
Ну, кланяйтесь ему, благодарите.
Я говорить не стану с ним. Не долго
На свете жить, наговориться с милым
Потороплюсь. *(Редрикову.)* Ты смерти
не боишься?

Н. Редриков

Чего же мне бояться! Я с тобою
Увидел рай — еще такой отрады
Мне в жизни не видать, зачем и жить!
Умрем с тобой, друг другу в очи глядя,
Целуяся, милуяся любовно.

Сеитов

Упряма ты! Упряма, как железо.
Лукавая лиса!

Людмила

Послушай, милый!
Не верит он, что мы друг друга любим,
А то бы нас жалел он погубить.
А видит бог,— тебя я полюбила.
Я так любила только одного,
Один лишь был на белом свете дорог
И так же мил — седой старик, отец,
Пока моим он не был душегубом.

С е и т о в

Ну, бог с тобой! Забудь мою обиду,
Поди ко мне.

Л ю д м и л а

Мы неразлучны стали!
Я не пойду одна.

С е и т о в

Подите оба!
Не жаль тебя мне, девки полоумной,
А жаль любви твоей. Пускай же дочка
Сеитова смеется над отцом,
Да только бы не назвала злодеем.
Благословлю и обвенчаю вас
И на воров пойду. Живите с богом.
Пойдемте вниз, пошлемте за попом.

Л ю д м и л а

Теперь опять тебя я полюбила,
Упрямого и злого старика.

С е и т о в

(Редрикову)
А ты горазд на девок! Как сошелся
И видел где ты дочь мою?

Л ю д м и л а

Расскажем
Мы после все.

Н. Р е д р и к о в

Я, батюшка-боярин,
Давно люблю ее. Не погнушайся
И прикажи, боярин, мне, холопу,
Любить тебя.

С е и т о в

Люби и почитай,
Отцом родным зови меня, разбойник,
И всякого приказу слушай!

Н. Р е д р и к о в

Ладно!

Уходят.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

(12 октября 1608 г.)

ЛИЦА:

ЕПИФАНЕЦ.

ЧИКА.

АСАН УРАЗ.

БЕСПУТА.

М. РЕДРИКОВ.

САВЛУКОВ.

КАЗАКИ.

Окопы Лисовского под Троицким монастырем. Земляной вал; за валом вдали видны стены монастыря. Ненастные осенние сумерки; дождь и сильный ветер.

Епифанец лежит у костра. Есаул и несколько казаков поддерживают огонь. Вдали музыка и пальба из пушек и ружей. На валу казаки.

Епифанец
(громко)
Смотреть с валов, не видно ли чего
В монастыре!

Казак
(с валу)
Покуда не видали.
Светлеет что-то!

Епифанец
Господи, помилуй
Рабов твоих!

Казак
Сиянье по стенам.

Епифанец
Смотри верней да с верою, со страхом,
А после нам скажи, коль что увидишь.

Входит Чика с казаками.

Присядь к огню, погрейся, обсушись.

Чика
И холодно, и вьюга-непогода
Слепит глаза, и угощают знатно
Калеными орехами со стен.

С добра-ума убрался с казаками
Целехонек от келаревой башни,
Из-под огня, и больше не пойду.

Есаул

Помилуй бог! Помилуй бог! Охота ль
На драку лезть ни с чем.

Чика

Поляки бойки,
Ну, пусть они и бьются в стены лбом!
Не прошибить — и крепки, да и толсты:
Сажён пяти от низу до зубцов,
А в толщину — где три, а где и больше;
Попрыгают поляки на бахматях,
Полаются на каменные стены,
Как пес на месяц — съел бы, да высоко,—
И с тем уйдут.

Есаул

Не мало их поляжет!
Монахи им живые не дадутся.

Епифанец

Монахи что! Угодники господни
Монастырю дают святую помощь.
Мы с музыкой идем, с гуденьем, с вопом,
Пьянехоньки,— а там святые старцы
Молитвою укреплены, постом,
И ратники с благословеньем божьим
Отпор дают под звоном колокольным.
Я сунулся, да тоже взял назад,
Бежал, как вор, дрожа, как лист, как Каин
От господа. Повел свои я сотни,
Когда совсем стемнело. Вот идем,
Потупившись,— глаза поднять боимся
На темную ограду,— что-то давит,
Гнетет тебя. Я раз взглянул и два —
И помертвел: в сиянии небесном
Угодники со стен на нас грозятся
И от врагов обитель ограждают
Каждением и крестным осененьем,
Святой водой кропят. Великий трепет
Объял меня! Махнул своим казакам
Скорей назад, назад, давай бог ноги.
Да вот и здесь еще лежу, трясусь
И думаю: да что мы, черти, что ли,
Что воевать пришли святое место?

Немного тут возьмешь! Сбираться на Дон,
Домой идти, покаяться скорее,
Замаливать свой грех, покуда жив.
Ведь есть одно у нас святое дело —
Крушить татар ногайских,— мало нам!
Епитимью возьму себе на сотню,—
Ты думаешь поклонов? Нет, голов
Татар поганых,— может, бог простит.

Входит Ураз с татарами, за ним раненый Беспута.

Ну, что, Асан, не много взял?

Ураз

Молчи!
Аллах! Аллах! Такой война не нада!

Беспута

(грозит кулаком монастырю)
Дождетесь вы! Молитвы не помогут
И не спасут колокола. Беспута
Заплатит вам за раны и увечье
Сторицею! Пробьем до вас дорогу,
Не пушками, так саблями продолбим,
Натешится душа моя.

Чика

Беспута,
Ты о каком увечье говоришь?

Беспута

Нога болит, рукою не владею,
Я в ров упал; стрелою угодили
Под левое плечо.

Чика

А, видно, ловко
Попал тебе: кольчугу продавило,
И хмель прошел.

Беспута

Мы двигали тарасы
И лестницы, вдруг свистнуло в ушах,
И я, как сноп, лечу.

Епифанец

Щиты, тарасы
К монастырю свезли, а сами прочь
Ни с чем ушли. Спасибо завтра скажут
Монахи вам,— им топки на две будет,
На братский хлеб, на монастырский квас.

К монастырю тарасы! Пан Лисовский
С Сапегою и на небо полезут
По лестницам.

Беспута

До неба нам высоко,
А монастырь возьмем. Не отсидятся
Монахи в нем, хотя бы на защиту
К ним ангелы явились.

Епифанец

Ошибетесь.

Беспута

Спалим огнем его, порубим ратных,
Мучительски монахов перемучим
И поживем награбленным добром
До сытости и до отвалу.

Епифанец

Будто?
Поди-ко ты, какой проворный стал.

Беспута

А вы зачем бежали?

Епифанец

Надо было.
Не твоему уму про это ведать.
Без нужды я не побегу.

Беспута

Вы трусы!

Ураз

Болтай, болтай! Бежал, боялся бога.
А ты пошел, рука-нога болит,
Еще пошел, совсем кончал.

Епифанец

Робятки!
Давайте нам поесть чего-нибудь.

Входит М. Редриков.

М. Редриков

Хвастливое-то слово гнило. Утром
Хвалились нам паны, что монастырь
Возьмут они взятьем; что мы недолго
Под Троицей в окопах простоим
И двинемся к Переяславлю ратью,
Потом в Ростов и дальше.

Епифанец

Не поверить
Панам нельзя, поверишь — ошибешься.

М. Редриков

Придется нам зазимовать.

Епифанец

Пробьемся
И год, и два, и больше. Хорошенько
Насмотримся на каменные стены
Издалека, а близко не подпустят,
И прочь пойдем.

М. Редриков

Утеха не велика.
Тоска возьмет и совесть одолеет.
Я по себе скажу: по воле царской
Стоим мы здесь; да, ви́дно, бог не хочет
В разор отдать святыни монастырской.
За раз бы взять, и разговор короткий,
Покаялся б уж после заодно
За все грехи. А год бороться с богом
И каждый день, вставая и ложась,
На те ж кресты молиться, по которым
Из пушек бьем; сшибать колокола
И с музыкой ходить против святыни,
Разбойником быть мало,— окаянным
Быть надобно.

Епифанец

Что правда, друг, то правда.
Они поют молебны, по стенам
С иконами, с крестами, с водосвятьем,
А мы по них стреляем из наряда.

М. Редриков

Ползи к стене в потемках, не защита
Железная кольчуга от пищалей.
Убьют тебя — не страшно; умирать же
Когда-нибудь, от смерти не уйдешь;
А вот беда: господь-то запятнает,
Да жизнь продлит; всего поискалечит,
Сведет дугой, отнимет ноги-руки
И знаменье положит на челе.
Живи потом на свете людям насмех
Калекою, детям на поруганье,
Отмеченный, что ты боролся с богом.
Готов служить царю я, государю

Димитрию Иванычу, и буду
Изменников его и жечь, и грабить;
Да только укажи другое место.
Хоть свой же дом спалю, а здесь неволей
Опустишь руки, голову повесишь.

Входит Савлуков.

Несколько голосов
Здорово, брат! Откуда?

Савлуков
В Переславле
Замешкался. Работы много было.
Да труд зато недаром: переславцы
Взялись за ум, в измене повинились
И в Тушино отправили гонца
С повинною. Сбираются к Ростову
Отплачивать старинные обиды
И приводить ростовцев ко кресту
Природному царю и государю
Димитрию. Мне гетман пан Лисовский
Приказывал собрать людей немногих,
Кому стоять под Троицею скучно,
В Ростов вести, на помощь переславцам.
Пожива есть; кто хочет, собирайся
В Ростов идти.

М. Редриков
На свадьбу, на веселье
Зови меня, так, может, не пойду;
А вот в Ростов, так полечу на крыльях.
Давно я жду отрады, добираюсь
До города Ростова. Ну, Беспута,
Ты жечь и грабить лют; тебя беру я
В товарищи. Ростовским воеводой
Обижен я; пойдем считаться с ним!
Я головы жалеть не буду, только б
Сойтиться с ним лицом к лицу,— напомнить
Про старое. Недаром я божился,
Зарок давал: его обиды кровной
Не забывать.

Савлуков
Ты мне скажи спасибо,
Что я тебя и в Тушино привел,
И указал в Ростов дорогу.

М. Редриков

После.

Душа горит теперь, и сплю и вижу
В Ростове быть, в гостях у воеводы
Сеитова, незваным и нежданным,
И задушить хозяина руками,
И на ветер пустить его хоромы;
Тогда тебе я в ножки поклонюсь.

Савлуков

Соснем часок и, чуть забрезжит утро,
Сбираться в путь, в Ростов.

Ураз

Айда в Ростов!

М. Редриков

Идем! Идем! За мной не станет дело!

Беспута и Чика

И мы пойдем, товарищу поможем.

Все уходят.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

ЛИЦА:

СЕИТОВ.

Д. РЕДРИКОВ.

Н. РЕДРИКОВ.

ЛЮДМИЛА,
жена его.

М. РЕДРИКОВ.

БЕСПУТА.

УРАЗ.

СКУРЫГИН.

СТРЕЛЕЦКИЙ СОТНИК.

БОЯРСКИЙ СЫН.

НЯНЬКА.

ЛИСОВСКИЙ.

СЛУГИ ВОЕВОДСКИЕ.

СТРЕЛЬЦЫ.

Терем в доме Сеитова, в Ростове.
Входят Д. Редриков, Н. Редриков и Людмила.

Людмила

Вот, батюшка, ты радости дождался:
Сынка женил и дочку взял.

Н. Редриков

Родимый,
По сердцу ли тебе моя женитьба?

Д. Редриков

Чего ж еще? По сыну мне почет,
По дочери защита, от приказных
Ее отец, мой сват, оборонит.
Домой приехать да сказать старухе —
Не вспомнится от радости.

Людмила

Мы вместе
Поехали б; сбираемся в Москву,
Дорог-то нет, заложены ворами.

Д. Редриков

Проселками поедем. Все дорожки
Мне ведомы лесные. Ты старуху
Полюбишь ли? Она простая баба,
А ты княжна и дочка воеводы,
Богатая и знатная.

Людмила

Да если
Ее сынка любимого люблю я,
Так как же мать не полюбить!

Д. Редриков

Ну, то-то.
Люби ее, хорошая старуха!
Добра, кротка и терпелива. Сына
Ты любишь ли?

Людмила
(обнимая Н. Редрикова)

Его-то не любить,
Он жизнь моя, одна отрада, душу
Я за него отдам.

Д. Редриков

Ну, так и надо,
Закон велит. Он тоже парень тихий,
Незлобивый, он матушкин сынок
И весь в нее. А ты, Никола, любишь
Жену свою?

Н. Редриков

Спроси у вольной птички,
Мила ли ей свобода в поднебесье;
Потом спроси, мила ли мне жена!

Д. Редриков

Не гневайтесь на старика. Привязчив,
Пытлив старик и любит приказать;
Хоть дети уж давно его умнее,
А все ж нельзя, такой порядок. Право,
Не гневайтесь.

Н. Редриков

Помилуй бог! За что же?

Людмила

Приказывай!

Д. Редриков

Да только и приказу
Услышите: любите нас с старухой,
И меж собой живите поладней!
Ты думала, какой приказ мудреный,
А вот и все.

Людмила

Послушаем приказу.
Друг друга нам любить и так уж сладко,
А по приказу слаще будет.

Д. Редриков

Ну-ко,
Невестушка! Я не видал покуда,
Ты как его целуешь?

Людмила

Ох, уж стыдно;
А для тебя изволь. *(Целует мужа.)*

Д. Редриков

А ты, Никола,
Целуешь ли жену когда?

Н. Редриков

Бывает,
Что изредка, для вида, поцелую.

Д. Редриков

Не постыдись отца, целуй.

Н. Редриков

Из воли
Не выходить отцовской. Что же делать!
Уж как ни горько,— надо целовать!

Д. Редриков
Веселые вы, детки. Утешайтесь!
Пошли господь вам горя не видать!

Входит Сеитов.

Сеитов
Дурная весть пришла. Переяславцы,
Забыв господень гнев, заворовали
И таборскому вору отдались.
Идут в Ростов.
Д. Редриков
Крепить осаду надо
И расписать людей по башням.
Сеитов
Сват,
Родня ты мне, а все же погодил бы
Указывать! В Ростове воеводой
Покамест я, а ты припека с боку.
Д. Редриков
Не обессудь! Тебе я не указчик,
Ни по родству, ни по чему. Сказалось
От жалости: мне дороги родные
Ростовские, и сын, и дочка.
Сеитов
Знаю.
И мне они родные. Что с тобою
И толковать! Крепить осаду нечем;
Не слушают, нейдет никто. Навстречу
Ворам пойду я в поле.
Людмила
Ты давно уж
Сбираешься, а все нейдешь; дождешься,
Что нас они врасплох застанут.
Сеитов
Дочка,
Уж не тебя ль поставить воеводой!
Ты разом бы вскочила на коня
И прямо в бой.
Людмила
Мне жаль, что я не парень!
Не завелись бы воры вкруг Ростова,
Когда б не ты, а я на воеводстве
Сидела здесь.

Сеитов

Отцу митрополиту
Я сказывал, что здесь сиденье плохо,
И в Ярославль с собою звал, нейдет.
Посадские туда бегут.

Людмила

А мы-то
Чего же ждем?

Сеитов

Бегите в Ярославль!
А я сберусь, пойду не нынче-завтра
Воров громить.

Входит стрелецкий сотник.

Сотник

Поймали перелета;
Мутит народ. Его было связали
И в озеро хотели с камнем бросить,
Да не дал я. Кричит, чтоб к воеводе
Вели его; желает повиниться
И замыслы воров, переяславцев,
Открыть тебе. Он здесь.

Сеитов

Сюда ведите.

Сотник отворяет дверь; двое стрельцов вводят Скурыгина.

Ты кто таков?

Скурыгин

Подьячий из Москвы.

Сеитов

Зачем в Ростов попал?

Скурыгин

На богомолье
К Леонтию угоднику.

Сеитов

За что же
Топить тебя, святого человека,
Народ хотел, не скажешь ли?

Скурыгин

Не знаю,
Народ такой нескладный.

Сеитов

Ты не знаешь?
Ну, жаль тебя; пришел на богомолье,
А попадешь в застенок.

Скурыгин

Ой! Что нужно,
Я так скажу.

Сеитов

Далеко ль переславцы?

Скурыгин

Сбираются. Гляди, на той неделе
Пожалуют к Ростову. Берегитесь,
Не мало их, и с ними воры, Дон
Иванович Крузатов.

Сеитов

Вот спасибо!
А все-таки в застенок отведите.

Скурыгин

Постой, не всё! Я полагаю так,
Что неравно они и раньше придут.
Вы ждите их! Оплошно вы живете.
Крепить острог скорее.

Сеитов

Эй! В застенок!
Пытать его, да крепче.

Скурыгин

Ой! Всю правду
Скажу сейчас! Сегодня дожидайтесь!
Круг озера идут, лесами.

Вбегает боярский сын, за ним нянька и несколько прислуги.

Боярский сын

Воры
Со всех сторон.

Сеитов

И близко?

Боярский сын

Близко.

Сеитов

(боярскому сыну)

На конь
Садитесь все! Сбирай детей боярских! *(Сотнику.)*
Стрельцов скорей расставить по острогу!

С посаду всех, от мала до велика,
Сбивайте в город: пусть с дубьем иль с вилой
По городу становятся порядком,
Кто с чем попало. Ну, прощайте, дети.
(Обнимает детей.)

Н. Редриков
И я с тобой!

Сеитов
(сотнику)
Подьячего повесить!

Стрельцы уводят Скурыгина.

Посад зажечь! Кольчугу мне! Коня! *(Уходит.)*

Н. Редриков
(обнимая Людмилу)
Прощай, жена!

Людмила
Прощай!

Н. Редриков
Не лей напрасно
Горючих слез, меня ты не удержишь.

Людмила
Я не держу тебя.

Н. Редриков
Теперь я воин,
Я лютый зверь. Гнездо мое родное!
Гнездо мое! Жена моя! Отец!
Иду за вас! Иду! В огонь пойду,
Доколе силы хватит буду биться.
На тысячу смертей пойду без страха!
Мне умереть легко: я умираю
За родину, за милую жену!

Людмила
Мой милый друг, ты жизни не жалей
И за жену не бойся! Я живая
Врагам моим не дамся в руки! Помни!
Иди скорей!

Н. Редриков
Прощай же! *(Отцу.)* Сколько силы
В твоей руке осталось, защищай
Жену мою и дочь свою; не сможешь —
Убей ее! *(Убегает.)*

Нянька

Боярыня, куда бы
Укрыться нам?

Людмила

Куда укрыться? Ножик
Подай сюда, другой себе возьми.

Нянька

Не можем мы оборониться.

Людмила

Сможем
Себя убить,— вот бабья оборона,
Надежная и верная.

Нянька

И вправду. *(Уходит.)*

Людмила

Какой-то шум! Не слышишь ты?

Д. Редриков

Не слышу.

Людмила

Разбей окно, послушаем.

Д. Редриков

(выбивает раму)

Набаты,
Стрельба кругом и крик, народ толпится,
Сюда бегут.

Людмила

Свои или чужие?

Д. Редриков

Не разберу. Никак, чужие! Воры!
Ну, дочушка, они и есть!

Людмила

(ломая руки)

Где ж наши?
Где муж, отец?

Д. Редриков

Не знаю, воля божья.
Бог милостив! Не плачь! За дело взяться!
(Снимает бердыш со стены.)
Мне, старому, остался старый бердыш,
Заржавленный, изрубленный, как я.
Пришел к рукам. *(К бердышу.)* Давай, сослужим службу
Последнюю.

Людмила

Вперед меня убей.

Д. Редриков

Постой-ко ты! Тебя убить поспею,
Ты дай царю немного послужить,
Воров его убавить.

Слышны шаги.

Ну-ко, первый!
Благослови господь!
(Замахивается.)

Вбегает Максим Редриков *и несколько времени отражает удары.*

М. Редриков

Отец!

Д. Редриков

Максим!

М. Редриков

Зачем ты здесь?

Д. Редриков

Ростов, святое место,
Не Тушино.

М. Редриков

Не вовремя приехал
Молиться ты; с ростовским воеводой
Я счет веду за старую обиду
И головы его ищу.

Д. Редриков

Обижен
Не ты один, я тоже; только скоро
Простил ему; мы сваты с ним. Коль хочешь
Ты зло сорвать свое, убей уж вместе:
Его, меня и братнину жену.

М. Редриков

Ах, батюшка, зачем ты породнился
С врагом моим!

Д. Редриков

Мы все твои враги:
Ты тушинец, мы слуги государя
Василия Иваныча; ты вору,
А мы царю-помазаннику служим.
Скажи ты мне: неволей иль охотой
Ты к тушинцам пристал?

М. Редриков

Своей охотой.

Д. Редриков

Да будет же...

М. Редриков

Постой! Не проклинай!
Я пригожусь! Ничем не виноваты
Ни ты, ни дочь Сеитова, ни брат.
Я вас спасу.

Нянька

(выбегает из опочивальни)

Горим, горим! Спасайтесь!
Боярыня, твою опочивальню
И девичью зажгли со всех углов.

Людмила уходит в опочивальню, нянька — к выходу.

М. Редриков

Приставлю к вам десяток молодцов
Оберегать тебя с сестрой! Скорее!
Пожар в дому.

Д. Редриков

(оглядываясь)

А где ж она?

М. Редриков

Я после
Найду ее и приведу.

Д. Редриков

(громко)

Людмила!

М. Редриков

Скорей иди, а то сгоришь.

Д. Редриков

(громко)

Людмила!

М. Редриков насильно уводит его. Людмила выбегает из опочивальни, преследуемая Уразом.

Ураз

Ты, девка, мой!

Людмила

Не тронь меня!

Ураз

Послушай,
Не бойсь мене, я добрый!

Входит Беспута с награбленной парчою.

Б е с п у т а
(бросая парчу)
Стой, татарин!
Она моя! Твоей ли образине
Красавица такая! *(Отнимает Людмилу.)*
У р а з
Девка мой!
Б е с п у т а
Уйди добром!
У р а з
(бросается на него с саблею)
Башка долой!
Б е с п у т а
Далеко
До головы моей тебе, татарин!
Твоя скорей слетит!

Дерутся. Ураз падает.

Лежи, собака!
Сгореть тебе в хоромах воеводских!
Не сжалюсь я, ты лучше не проси,
Не вытащу.
Л ю д м и л а
Спасите, бога ради!
В огонь! В огонь меня!
Б е с п у т а
Я не расстанусь
С тобой теперь! Уж только разве руки
Мне по локоть отрубят. Ты утешься,
Красавицу такую не обижу.
Я в бархаты, в парчу тебя одену;
Награблено в монастырях довольно.

Вбегает М. Р е д р и к о в, за ним Д. Р е д р и к о в.

М. Р е д р и к о в
Остановись! Она сестра моя!
Б е с п у т а
Ну, вот беда! С тобою породниться
За честь сочту!
М. Р е д р и к о в
Не спорь со мной, Беспута!
В последний раз прошу, оставь ее!
Сказал — оставь, я не шучу с тобой.
Оставишь ты? А то возьму насильно!

Беспута

Пугай других, а мне тебя не страшно!
Асан убит, с тобою будет то же.

Н. Редриков с ножом показывается в окне.

М. Редриков

Я породню тебя с моею саблей,
Разбойника! *(Убивает Беспуту.)*

Беспута

Будь проклят!

М. Редриков

Издыхай же!
Она моя!

Н. Редриков

(ударяя его ножом)
И не твоя, а божья!

М. Редриков падает.

Д. Редриков

Кого убил ты, погляди! Максима!
Родной тебе!

Н. Редриков

Туда ему дорога,
Изменнику!

Д. Редриков

От божьего суда
Ты не ушел, Максим! Отцову руку
Отвел господь; рукой родного брата
Отмстил тебе за крестопреступленье.

Людмила

Отец? Отец?

Н. Редриков

В плену с митрополитом.

Людмила

Спасенья нет?

Н. Редриков

Все улицы ворами
Наполнились. Куда бежать с тобой?
Разлучат нас, разлука хуже смерти.

Людмила

(подходит к Д. Редрикову)
Благослови, отец, на жизнь иную,
На вечное житье твоих детей! *(Показывает на огонь.)*

Спасенье там! Туда я с милым мужем
Без трепета пойду. *(Подходит к горящим покоям.)*

Д. Редриков

И я за вами.
Зачем мне жить? Что видеть? Святотатство,
Грабеж церквей! Мученье беззащитных!
Девиц и жен позор! И поруганье
Святынею и иноческим чином!
Детей, убийц своих отцов седых!
Все лютости ужасной той годины,
Предсказанной пророками издревле,
Когда идет с ножом на брата брат!

Н. Редриков и Людмила становятся на колени.

Да будет вам мое благословенье!

Драма
в пяти
действиях

ВАСИЛИСА МЕЛЕНТЬЕВА [1]

[1] При жизни Островского пьеса печаталась за подписью: «А. Островский и Г***» *(см. комментарий к пьесе)*.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА:

ЦАРЬ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ ГРОЗНЫЙ.

ЦАРИЦА АННА ВАСИЛЬЧИКОВА.

КНЯЗЬ МИХАИЛ ИВАНОВИЧ ВОРОТЫНСКИЙ.

КНЯЗЬ ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ СИЦКИЙ.

КНЯЗЬ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ ШУЙСКИЙ.

КНЯЗЬ РЯПОЛОВСКИЙ.

КНЯЗЬ РЕПНИН.

БОРИС ФЕДОРОВИЧ ГОДУНОВ.

ГРИГОРИЙ ЛУКЬЯНЫЧ МАЛЮТА-СКУРАТОВ.

БОЯРИН МИХАИЛ ЯКОВЛЕВИЧ МОРОЗОВ.

ДВОРЯНИН АНДРЕЙ КОЛЫЧЕВ.

ШУТ.

СЛУГА ВОРОТЫНСКОГО.

ВАСИЛИСА ИГНАТЬЕВНА МЕЛЕНТЬЕВА,
вдова из терема царицы.

МАРЬЯ,
девица из терема царицы.

БОЯРЕ, ДВОРЯНЕ, СТРЕЛЬЦЫ, ЖЕНСКАЯ СВИТА ЦАРИЦЫ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Дворцовое крыльцо в Кремле.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Бояре стоят кучками: в одной — Морозов и князь Сицкий, потом к ним подходит князь Ряполовский; в другой — Годунов, князь Шуйский, князь Репнин, далее еще несколько бояр вместе. По переходам изредка пробегают взад и вперед дворцовые слуги и царицыны прислужницы. Боярские слуги стоят на ступенях крыльца и держат в руках боярские трости.

Морозов

Ну полно, князь Василий, не дурачься!
Негоже прати противу рожна.

Кн. Сицкий

Негоже-то негоже,— а с Борисом
В товарищах мне быть не вместно.

Морозов

Знаю.

А все ж терпи! Сам царь рядил.

Кн. Сицкий

Сам царь!

А вот случись с тобой такая притча...

Морозов

Избави бог! Что ж делать, князь Василий
Андреевич! От дедовских порядков
Отстанем мы не скоро. Наши деды
Собрали Русь; мы помогли великим
Князьям московским Тверь, Рязань и Суздаль,
Как шапкою, накрыть Москвою: в том
И гордость наша! Мы князьям московским
Не слугами, советчиками были;
Боярами князья держали землю,
Боярами творили суд и правду,
С боярами судили о делах.
Мы в думе у князей как дома были
И не боялись говорить им встречу.
Не рабски мы служили, доброхотно,
И отъезжать была нам вольным воля —
Вот старые порядки наши! Царь
Не любит их, ну, значит, не по нраву
Ему и мы. Ему холопы нужны.
(Указывая на Годунова и князя Шуйского.)
Вон, молодые слуги лучше знают,
Что надобно царю; при нем взросли,
К нему они умели приглядеться.
Вон — Шуйский! Он не старая лисица,
Не выкунел еще, не опушился,
А молодой лисенок, годовалый,—
Так по земле хвостом и расстилает:
Туда вильнул, сюда вильнул, и цел.

Кн. Сицкий

А лучше, что ль, мурза недокрещенный?

Морозов

А погляди на старых! Воротынский
И родовит зело...

Кн. Сицкий

И мы с тобою
Не из жидов.

Морозов

Да не к тому я речи
Веду теперь. Он спас царя и царство!

При Молодях, на берегах Лопасни,
Побил татар, стяжал такую славу,
Что загремела по чужим землям,
А у царя чуть-чуть что не в опале.

К ним подходит Р я п о л о в с к и й.

Кн. Р я п о л о в с к и й
(Морозову)
Ты в отчине позагостился долго,
Привольно там; а здесь, что в поле ратном:
И льется кровь, и головы валятся.
Кажись, измен и смуты не слыхать,
А поглядишь, и дума всё пустеет,
И в головах боярских недочет.

М о р о з о в
Тяжелые переживаем годы.

Кн. С и ц к и й
Не нам судить. Великий царь казнит
И жалует; его святая воля!
Мы все рабы его! Но чести нашей
Не властен он умалить. Нет! У бога
Ведется счет родам боярским. На кол
Сажай меня, а ниже Годунова
Не сяду я,— мне честь дороже жизни.

М о р о з о в
Не накликай себе напрасно казни,—
У нас как раз,— и не тянись с Борисом:
Ты не забудь одно — он зять Малюты
Скуратова... А вот и князь Михайло!

Входит к н я з ь В о р о т ы н с к и й.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Т е ж е и к н я з ь В о р о т ы н с к и й.

Кн. В о р о т ы н с к и й
Здорово ль, тезка, поживаешь? Редко
Мы видимся с тобой.

М о р о з о в
Челом тебе,
Князь Михаил Иванович! Откуда?
Где побывал?

Кн. Воротынский

У матушки царицы.

Поклон принес тебе.

Морозов

Спасибо ей,
Что не забыла старого. Давно ли
Мы на руках с тобой ее носили,
Лелеяли красавицу сиротку,
И говорили: «В девке будет прок!»
По-нашему сбылось, за словом дело.

Кн. Воротынский

Я вырастил ее, как дочь. С Володей,
С сынком моим, они погодки были
И в отчине росли в моих глазах.
Бог не судил мне сыном красоваться,
В честном бою он голову сложил.
Я не ропщу, на то господня воля,
Бог дал и взял. Зато в почете дочка
Названая — она женою стала
Великому царю.

Кн. Ряполовский

Пошли здоровья
Ей, господи, и милости царевой,
И радости на многие года!

Кн. Воротынский

Не ты один, и мы того же просим
У господа! Ее душе смиренной
Послал господь такую благодать
И счастие, что только водворилась
Она в хоромах царских — унялся
Гневливый дух владыки; в царский терем
Царица мир забытый принесла,
Опричнина поганая исчезла,
С своей земли опалу царь сложил,
И стала Русь не земщиной, а царством.
Но... грозный царь с летами стал изменчив;
Своих цариц ласкает он недолго;
И... все пошло по-прежнему.

Кн. Ряполовский

Охота
И вспоминать тебе! Как раз накличешь
Себе и нам беду.

Морозов
(вполголоса)

Поберегись!
Перенесут, Михайло свет-Иваныч!

Кн. Воротынский
Пускай себе, кто хочет, переносит.

Кн. Шуйский
Нас позвали к совету, а чего для —
Неведомо! Сего дня слышал я,
Царь что-то гневен.

Кн. Ряполовский
Господи помилуй!

Кн. Шуйский
За утреней земных поклонов двести,
Не то и больше положил.

Кн. Сицкий
Не ладно!
Не добрый знак!

Годунов
Неволей будешь гневен,
Коль всюду ложь, измена, самовольство!
Что день — то горе. И мужик — хозяин
В своей избе; а православный царь —
Что мученик на дедовском престоле.

Кн. Воротынский
Да кто ж изменник? Укажи!

Годунов
Их много.
Да хоть бы Курбский, князь Андрей! Вечорась,
Поганый пес, служитель сатаны,
Прислал опять безбожное писанье:
Корит царя в убийствах и разврате,
Адашева, Сильвестра поминает;
Свои дела и подвиги возносит,
А на царя законного дерзает
Лесфимию и эллинскую брань!

Кн. Шуйский
Ох, Курбский князь! Покойно не сидится
Ему в Литве на Ковлю! Лучше б сам
Пожаловал, и мы б целее были.
Оттоле шиш показывать не диво;
Он лается, а мы в ответе!

К н. Воротынский

Курбский —
Великий вор! Он ради живота
Испродал нас и сотворил измену.
Не мог стерпеть он гнева от царя!
Иль он забыл, что божий гнев страшнее?
Он взял Казань, громил в Лифлянтах немцев,
За ним заслуг довольно. Если будут
Такие слуги бегать к иноземцам,
Так на кого ж надеяться царю?
Изменник он, его мы проклинаем
Из рода в род.

К н. Ряполовский

Да легче ль от того!

К н. Воротынский

Наш государь, царь правды, не захочет
Из-за него казнить невинных. Братья,
Не Курбский враг боярам, есть другой
Свирепый враг, что демонским глаголом
Царя на гнев и казни разжигает...
Малюта — враг боярский.

Общее смятение. При последних словах князя входит Шут.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Шут.

Шут

(обнимая Воротынского)

Здравствуй, дядя!

К н. Воротынский

(отталкивая его)
Пошел, дурак!

Шут

За что же ты дерешься?
Привык татар лупить! Ишь, разгулялся
И на своих,— я русский, не татарин.
Коль хочешь ты былую удаль-силу
Попробовать, татарина побить,
Так вот тебе мурза!
(Толкает Годунова.)

Общий смех.

Годунов

Ты, шут, потише!
Татарин тот, кто плохо служит. Я же
Крещен давно, служу царю исправно
И бью врагов его, не разбирая —
Татарин ли, иль русский он изменник
И больно бью!
(Замахиваясь на Шута.)

Шут

Ни, ни! Башка царева!
Не тронь, мурза, я пригожусь вперед!

Снова смеются.

Морозов
(вполголоса Шуту)
Ты не дразни, и то он зол на князя.

Шут
(Морозову)
Боишься ты! У! У! Смотри, Малюта
Живого съест.

Кн. Сицкий
(смеясь)

Потешил ты, потешник!
Держи пригоршни шире!
(Достает деньги.)

Шут

Ах ты, олух!
Дарить меня задумал, будто царь!
Аль я тебе не ровня, али хуже?

Кн. Сицкий
Бери, когда дают.

Шут

Добро, возьму я;
А вот ужо-тка дедушке Ивану
Я на ушко шепну, что князь-де Сицкий
Дарил меня серебряным рублем,
Знать, подкупал меня на государя.

Кн. Сицкий
(в испуге)
Молчи, дурак!

Шут

Тебя сведут на площадь,
На сковродах пожарят, после в пузо
Гвоздей набьют.

Кн. Сицкий

Ну, полно, перестань!
Умей шутить! О голове не шутят.

Шут

О голове? А у тебя на плечах
Уж будто голова? Пустая тыква!

Общий смех.

Кн. Воротынский

(Морозову)
Вот до чего мы дожили: Малюта
И шут его бояр исконных судят.

Морозов

(тихо, Воротынскому)
Молчать бы нам!

Кн. Воротынский

Молчи, а я не стану,
Ведь брань моя не новость для Малюты.

Шут

(в сторону)
Сам в петлю так и лезет!
(Вслух.)
Эх, бояре!
На вас на всех никак не угодишь!
Иному люб Малюта, а другому
Не по душе,— ему не разорваться!
(Указывая на Шуйского.)
Вот князь Василий, например, с поклоном
Ранешенько был нынче у Григорья
Лукьяныча; проведал о здоровьи.

Кн. Шуйский

Я видел, как пришел к нему Репнин,
И я за ним.

Кн. Репнин

Я с Сицким заходил!

Кн. Сицкий

А до меня зашел князь Ряполовский.

Кн. Воротынский

Похвальное смирение, бояре!
Ну что ж, здоров? Вы заходите чаще!
С медведями он водится цепными,
Того гляди — сломают.

Кн. Шуйский — А ведь правда:
Медведь его чуть-чуть не изломал,
Да подвернулся парень.

Кн. Ряполовский — Вот детина!
Медведя так и положил на месте.

Кн. Сицкий
А кто он родом? Из какого званья?
Его, кажись, мы прежде не видали.

Кн. Шуйский
Он дворянин, из рода Колычевых.

Кн. Воротынский
Он у меня служил; я за родного
Держал его, и в вотчине нередко
На Костроме живал со мной. Он храбрый
И грамотный, и я любил его;
Да что-то сам ему не полюбился,
Он от меня пошел служить к Малюте.
Насильно мил не будешь.

Шут — Князь-надёжа,
Коль слуги от тебя бегут, так плохо;
Перед пожаром, говорят, из дома
Все тараканы выползают вон.

Входят Малюта, Колычев и несколько стрельцов. Малюта молча кланяется боярам; все, кроме Воротынского, отвечают на его поклон.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, Малюта и Колычев.

Малюта
(Колычеву)
Ты здесь побудь покуда до приказу!
Я скоро выду.

Шут
(Малюте)
Али на медведя
Собрался, кум?

Малюта
(Шуту, взглянув на Воротынского)
На старого медведя.
(Входит к царю.)

Стрельцы становятся у двери в царский терем.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, кроме Малюты.

Шут
(Воротынскому)
Ай, батюшки! Как он глядит-то косо,
Всё в сторону, и всё в твою, Михайло.

Годунов
(вполголоса, Воротынскому)
Побереги себя, князь Михаил,
Ты дорог нам и родом и делами;
Такие слуги — честь родной земле,
Краса царям.

Кн. Шуйский
(тихо)
Твой княжий род и служба —
Заступники твои пред государем,
Заступимся и мы, что хватит сил.

Морозов
Ты пожалей себя и нас.

Кн. Воротынский
Довольно
Терпели мы; пора обороняться!
Коль чести вы не цените боярской,
Коль нет стыда у вас, князей природных,
Перед Малютой рабски унижаться,
Коль вам ума, и слов недостает,
И смелости заговорить в защиту
Голов своих и чести,— Воротынский
На царский суд Малюту позовет;
И перед троном грозного владыки
Тягаться станут о боярской чести:
Седой старик, израненный врагами,
В броне стальной и княжеском шеломе,
И злой бесоугодник, в черной рясе,
С боярской кровью на руках! Пойдемте!
(Хочет идти в палату.)

Малюта, выйдя из царских покоев, идет прямо на Воротынского со стрельцами.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Малюта.

Малюта

Остановись! По царскому приказу
Поиман ты! Ты обвинен в измене
И волшебстве! Не бойся проволочки,
Мы волочить тебя не будем долго:
Сегодня же на царский суд поставим.

Общее молчание.

Кн. Воротынский

Я знаю, ты проворен, расторопный
Слуга царев. Ты забежал вперед!
Да будет воля божья и царева!
Пойдем, Малюта! Бью челом, бояре.
(Останавливается перед Колычевым.)
Ты чуток, друг, ты скоро догадался,
Что старый князь тебе не господин.
Ну, бог с тобой! Иди своей дорогой,
Иди прямей, смотри, не спотыкнись!

Колычев

(низко кланяясь)
Я не волён! Иду, куда прикажут,
Кому велят, тому служу. Я молод —
Ослушаться не смею я. На плечах
Головушка одна, и та царева.

Воротынский уходит в сопровождении Малюты и стрельцов; за ними все бояре, кроме Шуйского и Годунова. Шут и Колычев также остаются на своих местах.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Годунов, кн. Шуйский, Колычев и Шут.

Годунов

Что скажешь, князь Василий?

Кн. Шуйский

Что сказать-то?
Ни голым лбом, ни в княжеском шеломе
Не прошибить стены. Зачем же биться?

Г о д у н о в
А князя жаль!

К н. Ш у й с к и й
Да как не пожалеешь!
А если вправду рассудить, так...

Г о д у н о в
Что же?

К н. Ш у й с к и й
Старенек стал.

Г о д у н о в
Пора его и в сломку,
Чтоб молодым была дорога чище!

К н. Ш у й с к и й
Уж что за конь, коль начал спотыкаться!
Пора идти.

Г о д у н о в
Пойдем.

Уходят.

Ш у т
(про себя)
Какой я шут!
Мне дураков лишь тешить. Эти двое
Шутить умеют,— не чета шутам!
И царь у нас смеется зло, и шутки
Такие любит он, что волос дыбом
Становится; так надо поучиться,
За Годуновым с Шуйским походить.
(Бежит за Годуновым и Шуйским.)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

К о л ы ч е в, потом В а с и л и с а М е л е н т ь е в а.

К о л ы ч е в
Никак, Мелентьева бежит? И то,
Дождусь ее, словечко перекину,
Все на душе полегче. Эка баба!
От сна меня, от хлеба ты отбила,
Пустила сухоту по животу
И по плечам рассыпала печаль.
Я простоват, а ты тому и рада.
Попал тебе я в руки.

В а с и л и с а подходит к нему, он кланяется.

Василиса
Игнатьевна.

В а с и л и с а

Царица приказала
Проведать мне, о чем шумят бояре?
Всего-то мы боимся, дело бабье,
Трясемся мы и день и ночь. Царицу
И малый шорох стал пугать.

К о л ы ч е в

Недаром
Пугается царица.

В а с и л и с а

Уж не слышно ль
Войны какой, храни господь, измены?
Иль гневен царь великий?

К о л ы ч е в

Воротынский
Князь Михаил Иваныч изобидел
Григория Лукьяныча.

В а с и л и с а

Напрасно:
С Лукьянычем бороться нелегко.

К о л ы ч е в

И государь на князя опалился;
Назначен суд над ним в большой палате,
Доносчики винят его в измене
И волшебстве. Беги скорей к царице,
Он был у ней вторым отцом.

В а с и л и с а

Хоть жалко
Мне старого, да сам он виноват:
С Лукьянычем не спорь. И ты, Андрюша,
Держись Малюты, будет крепче дело.

К о л ы ч е в

Тяжелую ты службу заставляешь
Меня служить. Я молод, не по силе,
Не пó мочи.

В а с и л и с а

Зато ко мне ты близко,
Зато меня ты видишь каждый день.
Не хочешь ли, я попрошу Григорья
Лукьяныча, чтоб на город послали
Тебя служить иль к войску на Украйну?
А будет жаль! Нашла себе красавца
Я по сердцу, убогая вдовица;

Утешно мне, в моей сиротской скуке,
Ласкать тебя, а ты бежать задумал.

Колычев

Куда бежать! Уж, видно, не минуешь
Судьбы своей.

Василиса

Аль гордость обуяла,
Что я тебе не по плечу, не ровня,
Что я вдова?

Колычев

Да нет же, Василиса
Игнатьевна!

Василиса

Аль девка приглянулась
Пригожая? Белей девичье тело,
Змеей лежит шелковая коса
И треплется по плечам лентой алой;
А на моей беспутной голове
Тяжелый шлык да вдовье покрывало!

Колычев

Ей-ей же нет! Ты полно языком-то
Язвить меня. В котле горючей серы
Готов кипеть, лишь только бы с тобою
Не разлучаться мне! Уж не Малюте,
Я рад служить медведю, костолому,
Весь день людей ломать, весь день точить
Потоки крови неповинной, только б...

Василиса

Что только б? Только б отдыхать тебе
От службы той немилой на груди
У вдовушки? Не так ли?

Колычев

Так.

Василиса

Ну, ладно!

Колычев

Мы шутим здесь, а князя Михаила
На казнь ведут, быть может.

Василиса

Что ж тебе?
Служа царю Ивану да Малюте,
Ты береги себя! С тебя довольно

И тех хлопот, чтоб голова своя-то
Была цела на плечах; ты заботу
О головах чужих оставь.

Колычев

У князя
Я был слугой, и он меня любил.

Василиса

Что было, то прошло. Ты государев
Теперь слуга и мой.

Колычев

Я раб покорный
Тебе во всем.

Василиса

Ну, то-то же, смотри!
Царице я скажу: пускай, коль хочет,
Идет просить за князя Михаила,
Гневить царя своим лицом плаксивым;
Да только вряд ли князю будет помощь
От слез ее! Не умолить царя
Жене постылой! Ну, прощай, Андрюша!
(Уходит.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Грановитая палата. На левой стороне трон: по обеим сторонам — скамьи, крытые красным сукном.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Входит Царь. За ним князь Шуйский, Годунов, князь Репнин, князь Ряполовский, Малюта и другие. Царь всходит на трон, бояре садятся на скамьях.
Малюта становится у порога.

Царь

(встав с места)
С молитвою приступимте! Во имя
Отца и сына и святого духа!
Князьям, боярам и дворянам мир!

Все кланяются.

Из Польши возвратился наш гонец,
Григорий Ельчанинов. От поляков
Нежданные до нас доходят вести:

Король бежал тайком, боясь погони,
Во Францию: девятый Карлус помер,
И Генрих там нужней теперь, чем в Польше.
Счастливый путь! Он лишний у поляков,
Во Франции на что-нибудь годится.
Покойник был, не тем он будь помянут,
Мучительством лютее всех владык;
Без разума он много крови пролил,
На скорбь хрестьянским государям. Польша
Без короля теперь, а государству
Без короля стоять нельзя, что телу
Без головы. Хотя в короне польской
И княжестве голов у них довольно,
Да доброй нет одной, чтоб к ней, как к морю,
Стекалися потоки и ручьи.
Брат цесаря и сын его Эрнест
И свейский королевич уже прежде
Литовского престола домогались
И снова шлют своих послов на раду.
Салтан, наш враг исконный, короля
Иного прочит Польше — Обатуру,
Что Седьмиградское княженье держит
Под турскою рукой, холоп и данник!
Прискорбно нам, что нашим несогласьем
Неверная возносится рука,
Что злобный пес, губитель христианства,
Престолами хрестьянскими торгует.
Мы за чужим не гонимся, господь
Благословил меня полночным царством;
На свете нет славнее нас владык,
От Августа мы род ведем. Извечный
Я государь — произволеньем божьим,
Не человеческой, мятежной волей!
Но кто ж не знает, что Литва и Русь
Должны служить единому владыке?
Кто разлучит с Москвою Киев древний?
Скорбя душой о многом нестроеньи,
Паны хотят просить на королевство
Царевича от нашей царской крови,
Феодора, и ждут от нас послов
И грамоты. По многом рассужденьи
И помолясь, мы положили тако:
Феодора не отпускать: он слаб
И несвершен летами, он не может

Противустать врагам своим и нашим
И обуздать многомятежный дух
Панов и рыцарства. Мы хощем сами
Принять во власть и польскую корону
И княжество Литовское: да будет
Едино стадо и единый пастырь,
Един господь на вышних небесах,
Единый царь на всех землях славянских!

Б о я р е

(встав с своих мест)
Пошли господь! Пошли тебе господь
Из рода в род и честь, и одоленье,
Великому царю и государю!

Ц а р ь

Заутра быть собранью ближней думы,
Обсудим мы, кого послать послом.
Наказ писать Щелкалову Андрею!
(С сердцем.)
Сказать панам, что я хочу быть избран.
А если выберут они другого,
То я над ними буду промышлять!
Они меня злодеем называют,
Мучителем. Я каюсь перед всеми:
Я зол, гневлив! Да на кого я зол?
Я зол на злых — для доброго не жаль
И цепь отдать с себя, и это платье.
Изменникам нигде пощады нет,
А я — сызмальства окружен изменой,
Крамолою. На жизнь злоумышляют
Мою и чад моих; а я не смей
Казнить своих злодеев! У престола,
В моем дворце, советники и слуги
Лукавствуют обычаем бесовским;
А мне молчать и по головке гладить
Воров таких! Давно бы вы на части
И мой престол, и царство разнесли,
Сплоченное толикими трудами
Родителя и деда моего,
Когда бы вы опалы не боялись,
И грозного суда и грозной казни!
Вот и теперь!.. Поведай им, Малюта!

М а л ю т а

Велением царя и государя
Изыман, связан и на суд поставлен

Великий вор и ворог государев,
Князь Михаил Иванов Воротынский,
В измене, чародействе, в умышленьи
Царя известь. О чем царю являет
И послухом становится его же
Михайлов раб, Кулибин Ванька. В очи
Михайлу он желает уличить,
В глазах царя.

Царь

Вы слышите, бояре!
Иль глухи вы, иль верится вам плохо?
Признаться вам, я сам не больно верю,
Чтоб мой слуга, мой первый воевода
И милостник, бесовским волхвованьем
На жизнь мою задумал посягать,
Да послух есть. Позвать сюда обоих!

По знаку Малюты стража вводит князя Воротынского, связанного, и останавливается у дверей; он низко кланяется сперва Царю, потом боярам; бояре отвечают на поклон. Слуга Воротынского, выведенный Малютою на средину палаты, кланяется земно государю и, по знаку Малюты, встает.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же, Воротынский и слуга.

Царь

(слуге)
Рассказывай, что знаешь, без боязни:
Я сам судья тебе, бояр не бойся!

Слуга

Царь-батюшка, греха таить не смею!
Лихой злодей, боярин Воротынский
Великое твое позорит имя
И непотребной лаей обзывает,
В ектению, за царским поминаньем,
Не крестится при имени твоем
И не кладет поклона, а воротит
Он в сторону лицо свое.

Царь

Бояре,
Вы слышите? Что дальше?

Слуга

Государь,

В Иванов день, о царских именинах,
Пришел к нему во двор с поклоном поп
И подносил пирог для поздравленья;
А он ему, на ласковое слово,
Позорить стал тебя, что ты убивец,
Что крови-то людской ты не жалеешь,
И в бога-то не веруешь, и срамно
Живешь-то ты. И вспоминал еще
Боярина большого... не припомню...
Прозванье позабыл...

Малюта

(вполголоса)

Адашев.

Слуга

Точно,

Одашев, да! Что якобы безвинно
Ты уморил его.

Царь

(Воротынскому)

Ты долго помнишь
Приятелей. Вам недруги царевы
Всегда друзья. С собакою Алешкой
Одна душа в тебе.
(Слуге.)
А что еще?

Слуга

Своим худым, холопским разуменьем
Я говорил ему: «Мол, не пригоже
Тебе, рабу, порочить государя
Великого! Он, батюшко, слугою
Пожаловал тебя своим». Боярин
Ответил мне: «Какой-де я слуга!
Я родом-де ничем царя не хуже!»
И на меня за слово опалился
И бить велел ослопами и кнутьем!
Отец ты наш и государь, безвинно
Я за тебя побои принимаю.

Ропот между боярами. Царь бросает на них гневный взгляд, все утихают.

Царь

А что еще он говорил?

С л у г а

(оробев)

И помнил,
Да позабыл со страха, государь,
Помилуй!

М а л ю т а

Ты про колдовство и чары
Рассказывал.

С л у г а

Да, было. С колдунами
Водился он. За бабою-шептуньей
В Микольское посылывал не раз,
И выходили вместе на дорогу
Московскую, бросали прах по ветру.
Да слух идет, что будто не впервые
Пускать им порчу.

Ц а р ь

(слуге)

Ну, ступай, довольно!
(Воротынскому.)
Ты слышал все? Теперь черед тебе.

К н. В о р о т ы н с к и й

Великий царь, я научен от дедов
Царю служить, а господу молиться.
Зачем искать мне помощи бесовской,
Коль я господней милостью богат!
Единому ему я поклонялся,
Единого его благодарил,
Единый он давал мне одоленье
И крепость мышц, когда я с силой ратной
Гонял татар поганых за Оку,
Спасал Москву, спасал тебя от страха!
Казни меня! Я говорить не стану:
Негоже мне. Природный русский князь
Не судится с холопом.

Ц а р ь

Дерзкий пес!
Я говорить тебя заставлю. Что же
Молчите вы, бояре! Говорите!

Короткое молчание.

М о р о з о в

(вставая с своего места, становится на колени)
Великий царь, мы все твои рабы,

Ты наш отец, не прикажи казнить,
Вели мне слово молвить.

Царь
Говори!

Морозов
(встает)
Иуда сей, холоп и лжец бесстыдный,
Боярина окравши, убежал
И на него, по вражьему навету,
Идет теперь с бесовской клеветой.
Великий царь, тебе не подобает
Таких воров доносы слушать.

Царь
Только?

Морозов
Великий царь, бояре — честь державы!
Твой славный дед их кровью дорожил,
Он верил нам, он знал, что мы годимся
На что-нибудь получше плахи. Нужен
Оплот земле,— готовы наши брони
И головы. Великий царь, поверь,
Что головы бояр нужнее в думе
И на войне, чем на шесте железном
У палача в руках. Мы не боимся
И умереть, да только честной смертью —
Не от царя, а за царя. И ныне
Молю тебя, побереги бояр,
Не изгубляй стратигов, богом данных,
И лучшего меж ними не казни!

Царь
Молчи, холоп! Я знаю вас давно,
Адашевцы! Вам не любо, что воли
Я не даю вам прежней. Вы хотите,
По старому, связать мне руки. Знаю
Боярское раденье ваше, помню!
Я с детских лет у вас в долгу и долго
Не расплачусь! Моей не станет жизни,—
Я понесу всевышнему владыке
Долги мои и счеты с вами... Помню,
Как Шуйские с ногами на постелю
Отцовскую садились. Помню
И Кубенских и Курбских! Эй, Малюта,
Бери обоих!

По знаку Малюты стража берет Морозова и ставит вместе с Воротынским.

Бояре

Государь, помилуй!
Не погуби! Не верь клеветникам!
Мы головой тебе за них ответим!

Царь

(привстав)
Вам головы предателей дороже
Боговенчанной царской головы?!
Я не хищеньем сел на государство,—
На дедовском престоле я сижу.
Царей законных жизнь оберегают,
Их волю чтут, бояре и народ
Поручены в работу им! Кого же
Вам больше жаль, рабов или меня?
Иль лучше есть у вас, меня достойней,
На царстве быть? Скажите мне, я брошу
(бросает посох на средину палаты)
И скипетр свой, и шапку Мономаха,
И царский крест. Берите, отдавайте
Тому, кто люб.

Бояре

Помилуй, государь!
Казни, кого желаешь! Мы слагаем
Все головы у ног твоих. Отказом
От царского престола не губи
Рабов твоих, сирот безвинных!

Все бросаются на колени.

Царь

Встаньте!

Встают.

Я головы вам жалую обратно
И милую на этот раз!

Голоса

Царица!

Царица вбегает и молча падает к ногам Царя; за ней входят Василиса Мелентьева, Марья и несколько женщин.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же, Царица, Василиса Мелентьева, Марья и прислуга.

Царь

(гневно)

Как смела ты, без нашего веленья,
Войти сюда? Кто звал тебя? Для бабы
Не место здесь.

Царица

Великий государь,
Прости меня! С мольбою и слезами
Иду к тебе! Коль я своей любовью
Тебе еще не вовсе опостыла,
Когда меня, моло́денькой жены,
Ты милостью своею не оставил,
Прости его!
(Указывает на князя.)
Он за отца родного
Взрастил меня и воспитал.

Царь

Нельзя!
Не я один, бояре осудили;
Изменникам и чародеям милость
Грешно давать, мы их прощать не властны.
Закон велит огнем их жечь. Ступай!
В мои дела вперед не смей мешаться,
Свой угол знай! И помни: бабий разум
Не так велик, чтоб можно было людям
Показывать его. Для вас довольно
Запечных дел. И то проси у бога,
Чтоб в пяльцах шить рассудку доставало.

Царица

(на коленях)

Ах, государь!
(Молча плачет.)

Царь пристально смотрит на Василису Мелентьеву.

Марья

(тихо, Василисе)

Смотри-ко, Василиса,
Как царь глядит сюда! Он на тебя
Уставился. Беда нам!

В а с и л и с а

Что за дело,
Пускай глядит, авось меня не сглазит.
Убытку нет, а прибыль будет.

Ц а р ь

(взглянув на Царицу)

Прочь!

К н. В о р о т ы н с к и й

Ты, матушка царица, успокойся
И не гневи царя, иди к себе!
Противиться так долго не годится
Его приказу. Государь великий!
Измены нет за мной! Я в оно время
Врагам твоим был грозен, государству
Я нужен был для вражьих одолений.
Тогда бы я с клеветниками крепко
Судиться стал перед тобой,— тягаться
За жизнь мою,— теперь на что я годен!
Великих служб я сослужить не в силах,
И жизнь мою я отдаю без спора
Доносчикам. Прости мне, государь.

По знаку Малюты стража уводит В о р о т ы н с к о г о и М о р о з о в а. Ц а р и ц а, тихо плача, уходит, за ней ее п р и с л у г а. Мелентьева оглядывается на Царя. Царь встает с трона, берет Малюту за руку и отводит в сторону; бояре встают.

Ц а р ь

(Малюте, вполголоса)

Красивая та баба, кто такая
В царицыной прислуге?

М а л ю т а

Василиса
Мелентьева, вдова; она недавно
К царице в верх взята, а прежде с мужем
Жила в Москве. Как помер муж у ней,
Так и взяла ее к себе царица.

Ц а р ь

Ну, счастлив он, что умер — догадался!
Красавица, не то что Анна-плакса:
От слез ее я стал скучать, Малюта.

Медленно уходит; все молча следуют за ним.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА:

ЦАРЬ.

ЦАРИЦА.

ВАСИЛИСА.

МАРЬЯ.

МАМКА ЦАРИЦЫ.

МАЛЮТА.

СТРЕЛЬЦЫ.

Сад во дворце на Неглинной.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Царица и Мамка.

Мамка
Ты, матушка царица, не горюй!
Побереги свои сокольи очи!
От горьких слез завянет красота,
Что с непогоды цветик.

Царица
Как не плакать!
Умучен князь Михайло...

Мамка
Видно, доля,
Судьба ему такая!

Царица Я молилась
И плакалась царю, он только в очи,
Передо всем боярством, мне смеялся
И с глаз прогнал. Я точно не царица
И не жена ему... Какой он лютый,
Безжалостный! Глядеть-то сердце мрет!
Трясутся все, а он на царском месте
Сидит и злобствует.

Мамка
Побойся бога!
Грешно тебе! Ох, видит бог, грешно!
Ну, кто ж ему, царю, казнить закажет
Рабов своих! На то господня воля
Да царская...

Ц а р и ц а

Какая ж я царица,
Когда ни в чем мне воли нет! Ни просьбой
Не упрошу, не умолю слезами
Я мужа-государя! Я — царица,
А за родню просить не смей! Зачем же
И брал меня он в жены?

М а м к а

Что ты ропщешь
И господа гневишь грехом!

Ц а р и ц а

Молчи,
Не говори ты мне! Одна и радость,
За стариком живя, что род и племя
В богатство, в честь введешь с собой. Другие
Родных своих царицы выводили
В почет, в боярство; а моих казнят
Без милости и без вины.

М а м к а

В народе
Молва идет, что будто князь Михайло
Волшбой царя известь хотел.

Ц а р и ц а

Не верь!
Малютины всё выдумки, безвинно
Умучен князь!
(Плачет.)

М а м к а

А без вины казнен,—
Ему же легче, в божий рай пойдет,
За батюшку царя молиться будет
У господа. Слезами не поможешь,
А разгневить царя недолго. Полно!
Потешила б тебя, да чем, не знаю;
Коль ты велишь, покличу я слепого
Пахомушку: про храброго Егорья
Споет тебе. Сам царь изволит слушать
И жаловать его.

Ц а р и ц а

Не надо. Вот что
Скажи ты мне! Ты все-таки на воле
Хоть изредка бываешь, не видала ль
Кого-нибудь из наших ты, из близких,
Из костромских?

М а м к а

Андрея Колычева.

Ц а р и ц а

Когда его ты видела?

М а м к а

Вечорась
У Василисы.

Ц а р и ц а

Как он к ней зашел?

М а м к а

Не ведаю. Не родственник ли дальний,
А может быть, приятель с мужем, что ли,
Не разберешь, а близки.

Ц а р и ц а

Говорила
С Андреем ты о чем-нибудь?

М а м к а

Ну, как же!
Немало мы про старое болтали.

Ц а р и ц а

А про меня он спрашивал?

М а м к а

Еще бы
Не спрашивать про царское здоровье!

Ц а р и ц а

Он спрашивал тебя лишь о здоровьи
Царицыном?

М а м к а

А то еще про что же?
Теперь не то, что прежде, не в деревне,
Не в Костроме живешь. Какое дело
Спросить он смеет? До бога высоко,
А до царя далёко.

Ц а р и ц а

Вот судьба-то!
Ни угадать, ни миновать ее!
Я в девушках себе другого счастья
Не прочила, как за Андреем быть.
Я суженым его звала, о святках
Гадала я об нем, а по ночам
И плакала, случалось.

М а м к а

Что ты! Что ты!

Царица
A вот — царица я.

Мамка
Никто как бог!

Царица
А знаешь ли, мне в ум приходит часто,
Что с ним была бы я счастливей.

Мамка
Боже
Оборони тебя!

Царица
Тогда б я знала,
Что за любовь на свете. Молода я,
Без ласки жить легко ли, посуди.

Мамка
Ахти, грехи!

Царица
Царь милостью оставил
Совсем меня.
(Помолчав.)
Пошли мне Василису!

Мамка
Ты, матушка царица, с Василисой
Не говори таких речей. Помилуй
Тебя господь, узнает царь, беда
Головушке: Андрея и себя
Загубишь ты, и нам не сдобровать.

Мамка уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Царица
(задумчиво)
Мне страшно здесь, мне душно, неприветно
Душе моей; и царь со мной неласков,
И слуги смотрят исподлобья. Слышны
Издалека мне царские потехи,
Веселья шум,— на миг дворец унылый
И песнями и смехом огласится;
Потом опять глухая тишь, как будто
Все вымерло, лишь только по углам,
По терему о казнях шепчут. Нечем
Души согреть. Жена царю по плоти,

По сердцу я чужая. Он мне страшен!
Он страшен мне и гневный, и веселый,
В кругу своих потешников развратных,
За срамными речами и делами.
Любви его не знаю я, ни разу
Не подарил он часом дорогим
Жену свою, про горе или радость
Ни разу он не спрашивал. Как зверь,
Ласкается ко мне, без слов любовных,
А что в душе моей, того не спросит.
Придешь к царю с слезами и любовью:
От царских рук людскою пахнет кровью.

Входит Василиса.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Царица и Василиса.

Царица

Мелентьева, ты здесь?

Василиса

Тебе, царица,
За мной послать угодно было?

Царица

Да.

Василиса

Приказывай, царица!

Царица

Я скучаю;
Сегодня так мне тяжко, так грустится...
Хоть ты мою тоску развей.

Василиса

С чего бы
Кручиниться тебе! Живешь ты в радость,
Мы все тебя и чествуем, и холим;
Забав тебе довольно,— пожелает
Душа твоя, и все тебе готово,
Чего во сне другая не увидит.

Царица

Каких забав! Не девка я — невеста,
Чтоб целый день нарядом любоваться
Да в стеклушко глядеть, черно ли брови
Подведены, румянено ль лицо.

Василиса

Чего ж тебе недостает, не знаю.
Царь любит...

Царица

Так ли любят, Василиса!
Ты замужем была, тебя любили,
А может, любят и теперь...

Василиса

Кому же
Любить меня!.. сиротку!

Царица

Как, скажи мне,
Тебя любил дружок?

Василиса

Почем я знаю.
За стариком жила, потом он умер;
Я сиротой осталась.

Царица

Не любила
Ты мужа своего?

Василиса

Кому что надо:
Один любви желает, а другой
Покорности...

Царица

Послушай, Василиса,
Вот третьи сутки я царя не вижу.
Он прежде без меня скучал. Намедни
Зашел ко мне, угрюмый, не надолго;
Прощаясь, мне сказал: «Ты с тела спала,
Я не люблю худых». Моя ль вина!
Не потолстеешь с горя. Мне завидно
На полноту твою глядеть.

Василиса

Царица,
Смеешься ты над бедною вдовой.
Грешно тебе!

Царица

Мне вовсе не до смеха.

Василиса

Тебе не мнится ль, что великий царь
На вдовушку убогую польстится?

Царица

Мудреного тут нет.

Василиса

Да на кого же
Твою красу он променяет?

Царица

Полно!
Не любит он меня.

Василиса

Смотри, качели
В твоем саду он выстроить велел.
Вон погляди!

Царица

Качели! Так ли любят?
Кого полюбишь, в чем тому откажешь?
А мне во всем отказ от государя.

Василиса

Уж право, я не знаю, что сказать?
Чего ж тебе? Заморскую собачку
От немца он принять тебе дозволил.

Царица

Не верю я тебе, чтоб ты не знала,
Чего желает женская душа
От милого.

Василиса

Скажи, так буду знать.

Царица

Такая ли любовь нам греет сердце!
Я знаю, помню, я сама любила.

Василиса

(про себя)
Обмолвилась.

Царица

Любили и меня...
Кого полюбишь, все за тем и ходишь;
На миг один расстаться жаль...

Василиса

Ужли?

Царица

Все в очи бы глядел да ждал приказу,
Чтоб поскорей исполнить. Вот как любят
Хорошие мужья хороших жен.

Василиса
Уж этого, кажись, и не бывает!
И не дождаться бабам от мужьев
Такой любви.

Царица
Да, если б он был мужем,
Да он бы все на свете сделал, только б
Утешить чем-нибудь меня.

Василиса
Кто он-то?

Царица
(испугавшись)
Зачем тебе! Он умер. Я шутила,
Я в шутку речь вела. Забудь про это!

Василиса
Забуду я,— какая мне нужда?
Да и тебе то помнить не годится.

Входит Марья.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Марья.

Марья
Царица матушка, к тебе Григорий
Лукьянович Малюта! Приказал
Спросить тебя, дозволишь ли явиться
Ему пред очи царские твои.

Царица
Добро пожаловать. Зови!

Марья уходит.

Давно ли
Он позволенья стал просить! Бывало,
Ходил ко мне без спроса!

Мелентьева хочет уйти.

Ты останься.

Входит Малюта.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Малюта.

Малюта
Я, матушка, великая царица,
Пришел к тебе с повинной головою!
Ты гневаться изволишь на меня

За то, что я, холоп царя негодный,
Крамольникам потачки не даю.

Молчание.

Я государев пес, чутьем я слышу,
Кто друг ему, кто недруг; ты напрасно
За ворогов царя вступаться хочешь.

Царица

Я слышала, намедни ты в бояре
Просился у царя.

Малюта

Так что ж, царица?

Царица

А он тебе ответил, что не хочет
Сажать тебя в бояре, что не стоишь
Ты этой чести.

Малюта

Хоть и так, пожалуй.

Царица

Вот отчего ты на бояр и зол,
Что самому тебе попасть в бояре
Не удалось.

Малюта

Что делать? Не по нраву
Пришлось тебе мое усердье, вижу.
На царской службе всем не угодишь.

Царица

Завистлив ты, твоим глазам завистны
Боярские заслуги. В поле ратном
За кровь свою и в думе за совет
Они почету добыли недаром;
Твоя — какая служба? Стыдно молвить!
Как тать ночной, как придорожный вор,
С ножом, с дубьем ты ходишь. По заслуге
Тебе и честь. Их славные дела,
Их лики светлые тебе противны,
Что светлый день сове ночной.

Малюта

Царица!..

Царица

Молчи, холоп! Не смеешь ты царицу,
Не выслушав, перебивать. Не в силах
За кровь князей, боярства и народа
Я мстить тебе — сам царь твоя защита;

Так выслушай ты от меня хоть брань
С горючими слезами вместе. Помни,
Что не всегда царь гневен, отдыхает
От казней он,— я часу подожду
Счастливого и ласками осыплю
Я батюшку царя, я угожденьем
Суровое в нем сердце размягчу
И на тебя тогда челом ударю.
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Малюта и Василиса.

Василиса

Откуда прыть! Смотри-ко ты, пожалуй!
Была такая скромница, водою
Не замутит.

Малюта

Гордыня обуяла;
Она спесива, а господь спесивым
Противится.

Василиса

Обидно-то обидно,
А делать нечего, терпи, Григорий
Лукьянович, тебе не спорить с ней!
Она царица!

Малюта

Знаем, что царица,
Покуда мне с тобою так угодно!

Василиса

А я-то что, убогая вдова?
Уж вот во сне не снилось.

Малюта

Василиса
Игнатьевна, ты не хитри со мною!
Царю, ты знаешь, Анна надоела,
Ему теперь другая приглянулась.

Василиса

Другая? Кто ж?

Малюта

Да хоть бы ты!

Василиса

Помилуй!
Господь с тобой! Великий царь не слеп.

Малюта

Ну, как же делу быть?

Василиса

Она моложе,
Она меня красивей.

Малюта

Ты красивей!
Не спорь со мной! Красе я цену знаю.
В совете царь тобою любовался,
Не мог отвесть очей; и разговора
Другого нет, лишь о тебе.

Василиса

Вдова
Не царская корысть! Тебя, Григорий
Лукьянович, я попрошу оставить,
Не говорить таких речей; я честно
Жила до сей поры,— я обещалась,
По смерти мужа, век вдовой остаться —
И если ты еще хоть заикнешься,
Я в монастырь уйду. Наш царь женатый;
Невестой быть я не могу,— к тому же
Не девушка, вдова я. Хоть и скажешь,
Что честная вдова — честнее девки,
Которая до свадьбы полюбила
Сердечного дружка...

Малюта

Ужели Анна
Кого-нибудь до свадьбы...

Василиса

Похвалялась
Сама сейчас.

Малюта

Кого? Кого?

Василиса

Не знаю.
Перед тобой мы с нею говорили,
Ты вдруг вошел и помешал.

Малюта

Ты слово
Такое мне сказала, что не купишь
И золотом. Я вижу, надоела
Царю она; хоть малую вину
Сказать ему, и он ее прогонит
И в монастырь запрет. Мне имя нужно.

Василиса

Мекаю я, кажись, не ошибаюсь...
Жила она у князя Михаила,
А у него был сын и, говорят,
Собою молодец. Она сказала,
Что умер тот, кого она любила,—
И этот был убит.

Малюта

Ну, значит, он!
Твоя звезда восходит, Василиса
Игнатьевна. Царицей можешь быть;
Не позабудь и нас, своих холопей!
По гроб твой!

Василиса

Уж я тебя просила:
Не искушай меня, вдову, Григорий
Лукьянович. Тому нельзя и статься,
Чтоб я была царицей; ты напрасно,
Не обольщай меня.

Малюта

Я рад служить,
И случай есть.

Василиса

Не говори! Помимо
Меня невест найдете,— у бояр
Немало девок-дочерей.

Малюта

Как хочешь.

Василиса

А кто пойдет к царю с доносом?

Малюта

Ты.

Василиса

Убей меня, а не пойду.

Малюта

Так кто же?
Постой, Андрей пойдет; он жил у князя
И в Костроме бывал, царицу Анну
С младенчества он знает.

Василиса

Ты ко мне
Вели ему зайти, мы потолкуем.
Я научу его.

Малюта

Ну, ладно! Мамка
Не знает ли? Не скажет ли она?
Тогда верней.

Василиса

И правда. Мы догадкой
На князя Воротынского напали.

Малюта

Покликать бы ее! Да вот она.

Мамка выходит из терема.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Мамка.

Малюта

Сюда скорее, старая колдунья!

Мамка

Колдунья! Я? Царицына-то мамка?
В своем ли ты уме? Проснись, кормилец!
Меня и царь Егоровной зовет.
Ужо тебе от матушки царицы
Достанется.
(Хочет идти. Малюта грубо поворачивает ее к себе.)

Малюта

Аль ты меня не знаешь?

Мамка

Ах! Батюшко!

Малюта

Ну, сказывай скорее!
Мне некогда с тобою прохлаждаться,—
Кого царица до венца любила?

Мамка

Помилуй ты, кормилец...

Малюта

Говори!
Кто знал ее? С кем чаще всех видалась?
Кто ближе был? Володька Воротынский?

Мамка

(бросаясь в ноги Малюте)
Отец ро...одной... не погуби...

Малюта

Старуха!
Всю истину сейчас же говори!
Не скажешь правды, вытяну из тела
Все жилья старые твои.

Мамка

Григорий
Лукьянович!

Малюта

Кого она любила?

Мамка

Ей-богу, нет! Ты отпу...сти меня.
(Василисе.)
Покланяйся ты за меня! Спасите!
Денной разбой в царицыных хоромах!

Малюта

Ты погоди кричать, еще не время.
(Зажимает ей рот руками.)
Проклятая, молчи! *(Свистит.)*

Входят двое стрельцов.

Ребята, живо!
(Уходит с ними и с Мамкою.)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Василиса

(одна)
Хитер ты, пес, а не хитрее бабы!
Царю по нраву я пришлась! Спасибо,
Что объявил. Челом тебе, Григорий
Лукьянович! Ты хочешь подслужиться
Царю нетрудной службою — посватать
Пригожую бабенку. За услугу
И за красу чужую хочешь милость
Добыть себе и на чужом добре
Барыш нажить. Так нет же, старый грешник!
Уж если мне судьба и доля вышла
Царицей быть, я сяду и сама.
Потом подумаю, не лучше ль будет
Держать тебя подальше. Два медведя
В одной берлоге не живут, им тесно.

Входит Царь.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Василиса и Царь.

Василиса
(с притворным испугом)
Ахти, грехи! Куда теперь мне деться!
Пожаловал наш сокол ясный, царь,
Наш батюшко.

Царь
Чего ты испугалась?
Поди ко мне поближе, я не зверь,
Я человек, я раб греха и плоти.
Ты, грешница с лукавыми глазами,
С манящим смехом на устах открытых,
Чего боишься? Я тебя не на́-дух
Зову к себе! За блудное житье
Эпитимьи не положу тяжелой.
Не постник я! Подвижников смиренных
Постом и бденьем испитые лица
Вам, грешным бабам, видеть тяжело;
Я также слаб своей греховной волей
И ежечасно помыслом нечист,
И разговором срамным согрешаю,
Как вы же, бабы молодые,— значит,
Тебе бояться нечего меня.

Василиса
Царица здесь была перед тобою,
Она из саду только что ушла,
Я упредить ее пойду.

Царь
Поспеешь.
Тебя я в думе видел, ты давно·ли
В царицыных покоях?

Василиса
Я недавно,
Недели с две.

Царь
Тебе мои хоромы
По нраву ли?

Василиса
С младенчества молилась
И грезила, чтоб царские палаты
Привел господь увидеть, послужить

Тебе, царю. Какой же больше чести
Рабе твоей покорной?

Царь

Ты вдова?

Василиса

Вдовею с год.

Царь

Я, чай, без мужа скучно?

Василиса

О чем скучать, я мужа не любила.

Царь

За что, про что? Иль дурно жил с тобою,
Иль зол он был, иль стар и дряхл, как я?

Василиса

Не то что стар, а сердце не лежало.

Царь

Ты с норовом, тебе не угодишь!
Я знаю вас, вы, бабы молодые,
На молодость и красоту завистны.

Василиса

Что молодость! Кто силен, тот и молод;
Красавец тот, кто славен и могуч.

Царь

Меня бы ты могла любить?

Василиса

(закрывается)

Мне стыдно!

Не говори! Ай, стыдно!

Царь

Что за стыд?

Василиса

Сказать, что не люблю — тебя обидеть,
Да и неправда; а сказать люблю,
Сказать тебе всю правду — грех большой:
И ты женат, и я вдова; так лучше
Не спрашивай.

Царь

(подозрительно)

Ты видела Малюту?

Василиса

Малюту? Нет: на что мне твой Малюта!
Я утром в думе видела твой взгляд,
И этот взгляд прожег насквозь мне сердце.

Ц а р ь

Со мною бабы так не говорили;
Я полюбил тебя, ты мне по нраву.

Обнимает Василису, она его целует с жаром, но, как бы испугавшись, вырывается и закрывает лицо.

В а с и л и с а

Меня во грех ты ввел. Не спохватилась!
Вот грех какой.
(Толкает царя в плечо.)
Поди, поди к царице!

Царь с удивлением смотрит на нее, она продолжает его толкать.

Поди, поди! Она жена твоя,
Она красивей, лучше нас, нарядней,
Поди, поди!

Ц а р ь

С тобой мне веселее!
Ты смелая!

В а с и л и с а

Какая уродилась,
Уж не взыщи. Великий государь,
Ты грамотник: мне имя — Василиса;
А что такое Василиса, знаешь?

Ц а р ь

Царица!

В а с и л и с а

Да? Ишь, как меня назвали!
Какая я царица, я раба!
Да что я, дура, так разговорилась,—
Поди к жене!

Ц а р ь

Я не пойду к царице.
А ты сама царицей хочешь быть?

В а с и л и с а

(становясь на колени)
Не искушай меня, великий царь,
Молю тебя!

Ц а р ь

Захочешь, так и будешь.
(Уходит.)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА:

ЦАРЬ.

АННА,
царица.

МАЛЮТА.

ВАСИЛИСА.

КОЛЫЧЕВ.

ШУТ.

Решетчатые сени в деревянном дворце.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Василиса
(у окна)
Красна Москва широкая! Далёко
Раскинулись концы ее! На солнце
Огнем горят кресты церквей, в Кремле
Красуются палаты золотые
Московского великого царя!
Ты, думушка, лети в высокий терем
Расписанный! Войду ли я в тебя
Не рабскою ногою, а хозяйкой,
На зависть всем боярыням московским,
Нарядами цветными красоваться?
Поблекнет их краса перед моею;
Красавиц-жен мужья свои разлюбят,
Как поглядят на красоту царицы!
Отдай ты мне свое цветное платье,
Отдай добром, не спорь со мной, царица!
И не к лицу тебе кокошник царский,
Да и носить его ты не умеешь.

Входят Малюта и Колычев.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Василиса, Малюта и Колычев.

Малюта
(Василисе)
Опочивает царь. Скучать стал больно,

Утехи нет ему. Жена постыла.
Свой царский век царица доживает,
На смену ей жену другую нужно
Великому царю. Спасибо, случай
Помог беде; сама себя царица
Нам выдала, сама вину такую
На голову свою наговорила,
Что лучше не придумаешь. И любо!
А то поди придумывай вину
Да послухов ищи!
(Колычеву.)
Андрей, послушай!
Ты помни все, что я тебе скажу,
И толком говори царю: у Мишки
Ты в Костроме служил, в девицах Анну
Ты видывал и слышал не однажды,
Что промеж них с Володькой Воротынским
Любовь была.

К о л ы ч е в Освободи, Григорий
Лукьянович, заставь другую службу
Служить тебе!

М а л ю т а

Недаром говорили,
Что ты такой-сякой, что ты, бывало,
С крамольниками знался зачастую!
Смотри, Андрей!

К о л ы ч е в Ты сам мне говоришь,
Что полюбил меня, за что ж ты хочешь
Мне на душу взвалить такую тягость —
Безвинную царицу загубить!
Ее душа-то чище голубиной
Пред господом!

М а л ю т а

Да ты в уме аль нет?
Опомнись, смерд! Кому ты говоришь!
Тебя к Малюте в службу не тянули;
Ты сам пришел ко мне, своей охотой,
А первой службы сослужить не хочешь!
И без тебя найдем, коль ты негоден.
Охотники найдутся! Только помни:
Кто служит мне, тот мой душой и телом;
Негодных слуг я не держу; иль режь,
Иль самого зарежут.

К о л ы ч е в

Я зарезать
Скорей возьмусь. Вели ты мне, Григорий
Лукьянович, повыточить острее
Булатный нож, пойти в ее покои
И, как овечку, приколоть ее.
Мне будет легче видеть, как трепещет
Под воровским ножом лебяжья грудь,
Чем клеветать и срамными речами
Безвинную позорить перед мужем.
Я рад служить, да только б не бесчестить
Иудинским предательством свой род.

М а л ю т а

Бесчестья нет на службе! Так ты мал
Перед царем великим, что какую б
Позорную и срамную послугу
Ты ни служил в утеху государю,
Всё в честь тебе холопу!

В а с и л и с а

Ты, Григорий
Лукьянович, не гневайся! Он молод
И глуп еще. Постой-ко, я два слова
Скажу ему, послушает, не бойся!

М а л ю т а

Наставь его на разум, Василиса
Игнатьевна! Он бабьего ума
Послушает, авось умнее будет.
Смотри же! Я теперь пойду к царю,
А ты в сенях пообожди. Покличу,
Так подходи к царю смелей, без страха,
И объяви, что сказано.
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

К о л ы ч е в и В а с и л и с а.

К о л ы ч е в

За что же
Вы губите царицу?

В а с и л и с а

Вот за что:
Царю она, ты знаешь, надоела,
А царь еще не стар. На нас порою,

На слуг царицыных, на баб и девок,
Он смотрит так, что кто греха боится,
Так со стыда хоть провались сквозь землю
И каждый миг дрожи.

Колычев

И на тебя?

Василиса

А на меня всех чаще.

Колычев

Неужели?

Василиса

Чему же ты дивишься? Во дворце
Я никого не хуже; что ж за диво,
Что на меня заглядываться стал
Великий царь!

Колычев

О господи!

Василиса

Что, видно,
Не по сердцу тебе? Что делать, парень,
С царем не спорить.

Колычев

Ты сама нарочно
В глаза ему без совести глядишь,
Сама к нему навстречу забегаешь,
Бесстыдная.

Василиса

А разве худо дело?

Колычев

Так бог с тобой!

Василиса

Постой! Послушай прежде!
Хоть стоило б тебя за эти речи
С очей прогнать, да бог тебя простит,—
Сердиться-то не хочется. Я лучше
На ум тебя наставлю. Мы царицу
Развесть хотим с царем. Он будет рад
Хоть малую вину найти за нею,
Запрет ее, как Анну Колтовскую,
В монастыре и, не промедлив часу,
Возьмет себе жену шестую. Мало ль
Боярышень красавиц на Москве!
Утешится, как новою игрушкой,
Женой своей; от нас же, недостойных

Рабынь своих, взор царский отвратит.
Минуется мой страх, и на свободе
Могу тогда любить тебя. Ну, понял?
Ну, понял ты?

Колычев

Всё понял; всё, что хочешь,
Исполню. Прости мне, Василиса
Игнатьевна, безумные слова!
Я обомлел от страха, обезумел.
Почудилось мне, бедному, что старый
Тебя из рук моих, голубку, вырвал.

Василиса

На первый раз вину тебе прощаю,
Уж так и быть; но берегись вперед
Гневить меня! Не ты ли мне божился,
Что мой приказ — закон. Ты не гордись!
Ты возмечтал, что красен ты, молодчик,
Разбойник, соблазнитель глупых баб!
Так знай, найдутся, если поискать,
Хоть не тебе чета,— поплоше будут,—
Да где уж нам, сиротам, бедным вдовам,
За красотой гоняться,— лишь бы только
Любил меня да слушал: вот что надо
Мне, сироте. Прощай, Андрей, голубчик!
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Колычев

(один)
О господи! Как тяжко, непривычно
Бесовскую личину надевать!
Несчастна ты, Васильчикова Анна!
Я знал тебя, у князя Михаила,
В его дому большом, девицей кроткой.
Дивились мы тогда твоей красе,
И тихому обычью, и глазам
Потупленным. Мне часто тихомолком
Болтали сенные девицы, будто
Вздыхаешь ты и слезы льешь по мне;
Но ты сама не только что словечком,
И взглядом ласковым не подарила
Меня ни разу. Смолоду мы глупы —
Несбыточному верим: я, бывало,

Подумывал у князя Михаила
Посватать Анну, да, спасибо, скоро
За ум взялся. Не нам, мизинным людям,
По княжеским домам невест искать,
Коль царь Иван берет невест оттуда ж;
То царский кус, не наш. Да не на радость
Попала Анна в царские палаты!
Пока любил тебя твой государь —
И слуги земно кланялись; минулась
Любовь царя — и слуги стали грубы,
И служат нехотя, и смотрят косо;
Не в радость им служить жене постылой,
Избыть тебя хотят. И скоротаешь
Ты дни свои в монастыре далеком.
Ты не жалей о царской доле! Лучше
В уютной келье. От любви и гнева,
От милостей и казней укрываясь,
Ты помолись за землю, за царя
И помяни меня в своих молитвах!
Не я твоей погибели желаю,
Твоя погибель прежде суждена.
Мой грех невольный. Я слуга царев:
Его беречь и тешить наше дело.
Чем грозному царю ты провинилась,
Не нам судить, но ты ему помеха,
И мы тебя не смеем пожалеть!
Не я, другой найдется и погубит
Тебя верней, чем я. Прости меня!
(Уходит.)

Входят Царь и Малюта.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Царь и Малюта.

Царь
Мелентьевой она призналась?

Малюта
Да,
Великий государь, и похвалялась...

Царь
Притворщица! Со мной и разговору
Не вдруг найдет, сидит, потупясь в землю,
Смиренницей такою смотрит, точно
Она овца, а я мясник.

Малюта

Лишь имя
Не назвала; но верный твой слуга,
Андрюшка Колычев, нас надоумил.
Он жил у князя в Костроме и слышал,
И сам видал кой-что. И по приметам
Выходит так. Царица говорила,
Что милый друг был суженый ее,
Что за тобой она лишь горе терпит
И слезы льет. Что если б жить за милым,
За суженым, иную б жизнь узнала,
Советную,— что он ее любил
Не так, как ты, и что она любила
Сама его, и до сего дня любит;
Что умер он, а быть бы ей за ним!..
Не кто иной — Володька Воротынский,
Он в ту пору был под Москвой убит.

Царь

А жалко мне, что бабы не воюют,—
Послал бы я свою женишку Анну
На веретенный бой, чтоб с милым другом
Ей умереть одною смертью.

Молчание.

Нет,
Ошибся я в самом себе — я думал:
Пора моих греховных помышлений
Совсем прошла, что старческое око
Не соблазнит моей греховной плоти,
Что время мне в посте и покаяньи
Замаливать грехи минувших лет
И в черной ризе постника, в молитве
И день и ночь стоять на послушаньи
И слезы лить. Ошибся я, Малюта;
Еще грехов во мне гнездится много,
К духовной скорби сердце не готово.
Я увидал Мелентьеву, и вновь
Былым грехом мечта моя смутилась,
Былая страсть зажглась в моей груди!

Малюта

От нас тафья и ряса не уйдут!
В монахи из царей попасть нетрудно.
Греха не бойся: мудрый Соломон
Набрал себе не шесть, а сотни жен.

Царь

Молчи! Я, трезвый, не люблю кощунства!
Последний грех, последний, а потом
Покаемся; ведь не сейчас над нами
Господень суд, покаяться успею.
Последний грех, я выкуплю его
Тяжелым послушаньем; я сего дня ж
Поклоны класть начну земные. Эй!
Позвать сюда царицу.

Слуга уходит.

(Малюте.)

Колычева
Пошли ко мне!

Малюта идет к дверям и делает знак рукою. Колычев входит и кланяется.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Колычев.

Царь

Ты из каких людей?

Колычев

Я дворянин
Из рода Колычевых, государь.

Царь

Ты в девках знал царицу Анну? Правда ль,
Что до венца Володька Воротынский
Был суженым ее?

Колычев

Царица Анна
У Воротынских в вотчине жила,
Я раза два видал ее. Холопы
Несли молву, что молодого князя
Она к себе приворожила так,
Что в ней души не чаял, что, пожалуй,
Мол, женится на ней.

Царь

А что потом?

Колычев

Великий царь, мы — маленькие люди;
Увидишь ли, что в княжеских светлицах,
Что в девичьих высоких теремах,
В широких сенях деялось?

Царь

И правда!

Малюта

Не видишь глазом, так ушами слышишь.

Колычев

Да я, что слышал, то и молвил. Знамо,
Что про бояр хорошего не скажут
Холопы их, а что случись дурного,
Так зазвонят, что в колокол. Негоже
И сказывать, что люди говорили
Про молодого князя.

Царь

Кликнуть мамку,
Она жила при ней, она расскажет
Про все дела, про девичьи забавы
Царицыны.

Малюта

Я спрашивать пытался.

Царь

Ну, что ж она?

Малюта

Да старая колдунья
Со страху, что ли, вовсе онемела;
Я попытал ее, кажись, легонько:
На дыбу вздел да раза два ударил,—
Она сквозь зубы что-то бормотала
И околела, не сказав ни слова.

Царь

Ни слова не сказала! Уж и ты
Пытаешь так, что старой не под силу;
В старухе еле держится душа,
А он ее на дыбу! Ты б поджарил
Легонечко, так все бы рассказала.

Входит Царица.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Царица.

Царица

Ты повелеть изволишь, государь...

Царь

(Малюте)
Смотри, Малюта! Кто бы мог подумать,

Что под таким смиреньем зло таится
И ненависть к царю и мужу.

Царица

Боже!
Великий царь, о чем ты говоришь?
Я слов твоих не разумею.

Царь

То-то!
Не разумеешь! Подними глаза!
Гляди на нас!

Царица

Могу глядеть я смело!
Смотри в мои глаза, ты в них увидишь,
Что я чиста перед тобой и богом.

Царь

Обманщица! Ты лжешь теперь глазами
И языком.

Царица

Великий государь,
Не мучь меня, скажи мне, в чем виновна
Перед тобой жена твоя...

Царь

Во всем!
Произнося обет перед налоем,
Ты солгала попу лукавым, женским,
Обманчивым, болтливым языком,
А сердцем лживым бога обманула!
Ты мне лгала своим лицом веселым
И детской радостью, что из девчонки
Заброшенной ты сделалась царицей;
Притворствуя, в своем холопском сердце
Ты о другом скучала в то же время!
Лукавствуя, ты ласк моих дичилась —
Ты мужа государя отдаляла
Стыдом своим притворным; а холопу
Без совести в девицах позволяла
Ласкать тебя.

Царица

Кому, кому? Когда?

Царь

Мне ложь гадка, притворство ваше бабье
Наскучило: потешь меня хоть раз,
Скажи всю правду в очи мне; послушать
Мне хочется, как будешь ты крушиться

И горевать, подпершись локотком,
На горькую судьбу свою — злодейку,
На долю разнесчастную свою,
На мужа-старика, на ворчуна
Беззубого; как будешь вспоминать
Касатика, сердечного дружка,
Что долги-то, осенни вечера
И темны зимни ночи вы сидели
И миловались, крепко целовались,
Да разлучили злые люди вас.
(Смеется.)

Царица
(плачет)
Какой дружок? Я никого не знаю.
Какой, скажи!

Царь
Володька Воротынский!

Царица
Володю я ребенком только знала:
Родными мы росли, потом на службу
Уехал он.

Царь
Ты лжешь! Эй, Колычев!
Скажи ты ей в глаза, что лжет она.

Колычев подходит.

Царица
(удивленная)
Андрей! Андрей! Ты, князя Михаила
Слуга и милостник,— и ты посмеешь
Оклеветать его родного сына,
За родину страдальца,— и меня,
Безвинную.

Колычев
(потупясь)
Что люди, то и я!

Царица
Великий царь, мне, бедненькой сиротке,
Когда была в девицах я, могло ли
И в ум взойти, чтоб светлый князь, природный,
И знатного отца любимый сын
Польститься мог на девушку-сиротку
Безродную! Обычаем девичьим
Гадала я о женихах, как все.

Я суженым назвать не смела князя
В своих девичьих думах. Я гадала,
Я думала, что суженым мне будет
Не князь Владимир Воротынский. Где уж!
А разве вот Андрюшка Колычев.

Царь

Долой с очей моих! Ступай! Довольно!
Наслушался я вдоволь слов позорных
Для царского величья своего,
Для мужней гордости и чести. Прочь!
Очей моих ты больше не увидишь,
Теперь тюрьмой тебе твой терем будет;
Молись, сиди, замаливай грехи,
Пока другого места не найдется
Для грешницы. Я не хочу быть мужем
Тебе, жене развратной и бесстыдной,
За то, что ты сменять царя готова
На первого холопа! Прочь поди!

Царица

Прости меня, великий государь!
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Царь, Малюта и Колычев. После долгого молчания Царь идет прямо на Колычева и, поставив ему на ногу остроконечный свой посох, хочет опереться.

Царь

Что значат эти речи, Колычев,
Что Анна говорила: «Не Володька
Был суженым, был женихом желанным,
А Колычев Андрюшка». Говори!

Колычев

Не знаю, что царица говорила;
В ее душе я не был, государь.
Не мало вин на мне перед тобою
И перед господом грехов великих,—
За те казни; а этой нет вины.

Царь

(отнимая посох)
Вели ему поместного прибавить
Из вотчин Воротынского удельных
Да шубу дай.

К о л ы ч е в

(кланяется)
Челом тебе за милость
Великую, великий государь!

М а л ю т а

Твой раб служить тебе, твоим веленьям
И праведному гневу твоему
Готов всегда. Я строгий твой приказ
Не побоюсь исполнить, если б даже
Касался он жены твоей виновной.

Ц а р ь

(задумчиво)
Виновной! Да! Она виновна, знаю.
Державный Генрих, аглицкий король,
Отец сестры моей Елизаветы,
Двух королев казнил. У нас другие
Обычаи. Заговорят в народе,
Митрополит что скажет! Агличане
Почета больше к королям имеют,
Чем вы к царям своим. Не только волю,
Они намек умеют понимать
И королевский взгляд — и так ведется
Во всех иных великих государствах.
Шута ко мне!

Ш у т вбегает из двери.

Ш у т

Я, дедушко Иван,
Давно тебя ищу по всем покоям.

Ц а р ь

Пляши и пой, вертись передо мною
И тешь меня сегодня!

Ш у т

Наше дело!
(Поет.)
Кабы бабе молока, молока,
Была б баба молода, молода!
Кабы бабе киселя, киселя,
Была б баба весела, весела!

Ц а р ь

По всей Москве собрать пропойных пьяниц,
Приятелей, потешников моих!
С женой теперь я, с плаксой, развязался:

Былое надо вспомнить, надо встретить
Повеселее холостую жизнь!

Ш у т

(идет к дверям и пляшет)
Кабы бабе сапоги, сапоги,
Пошла б баба в три ноги, в три ноги!

Ц а р ь, М а л ю т а, Ш у т уходят. Из другой двери выходит В а с и л и с а.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

К о л ы ч е в и В а с и л и с а.

В а с и л и с а

Зайди ко мне сегодня после звона
Вечернего. Я буду дожидаться,
И выбегу тебя встречать далеко,
И поведу за ручки в свой терём,
Хороший, милый мой дружок Андрюша!

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЛИЦА:

ЦАРИЦА.

ВАСИЛИСА.

КОЛЫЧЕВ.

МАРЬЯ.

ЖЕНЩИНЫ И ДЕВУШКИ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Небольшая комната Василисы Мелентьевой.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

В а с и л и с а

(одна)
Задумала я думушку, запала

На сердце мне заветная мечта —
Царицей быть. Дурное ль это место —
Да занято, другая не пускает,
Сидит на нем. Ошиблись мы с Григорьем
Лукьянычем; гневился царь не очень,
И пожалел он пятую жену,
Плаксивую царицу Анну; не дал
Своим рукам он воли, костылем
Не уходил, не растоптал ногами,
Не захотел мне места опростать.
А мы было, признаться, так и ждали!
Стареет царь, и пылкость в нем проходит,
Отходчив стал; не так бывало прежде;
Не проходил гнев царский без убойства.
А что теперь! Потопал, покричал,
Деньков пяток посердится на Анну
И на других, кто подвернется; с месяц
Коситься будет на нее, а все же
Она останется моей помехой,
Хоть брошенной, постылой, но женою,
Царицею, а я ее рабою.
Я не слепа, я вижу, что царю
По нраву я; старик на Василису,
Как кот на мышь, глядит; но Василисе
Наложницей быть мало. Пробиралась,
Ползла ползком я ко двору царицы,
За сиротство и бедность натерпелась
Позору я и брани от боярынь,
От толстых дур, унизанных серьгами
И кольцами. Как козы в сарафанах —
Кичатся тем, что аксамит тяжелый
Коробится лубком на их плечах!
Умней меня они иль краше, что ли?
Одна краса у них, что растолстеют
Копна-копной — от вечного лежанья
Да от питья хмельного втихомолку,
Под страхом мужней плети. Злые бабы!
Им есть, да спать, да хохотать весь день
Речам бесстыдным сказочниц дворовых!
Лишь по мужьям и честь им,— я обиды
Сумела бы им выместить сторицей.
Я краше их и в смирном вдовьем платье.
Надень-ко я наряды дорогие —
Ну пусть тогда покажут, кто в Москве

С Мелентьевой красой сравниться может.
(Идет к поставцу.)
Хоть полюбуюсь на себя немного,
Венчальный свой наряд надену. Вот он!
(Вынимает кокошник и ферязь.)
Поставлю здесь я зеркальце стальное.
(Одевается и смотрится в зеркало.)
Ах, как давно себя я не видала
Красавицей такой! И оставаться
Рабою мне! Так нет же! Нет! Цареву
Я видела любовь и ласку,— быть
Хочу царицей я — и буду! Маша!

Входит М а ш а.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

В а с и л и с а и М а р ь я.

М а р ь я
(вдруг взглянув на Василису)
Ах!

В а с и л и с а
Что же ты? Чего ты испугалась?

М а р ь я
Ни разу мне в таком богатом платье
Видать тебя не приходилось. Больно
Пригожа ты, на загляденье, право!
И властный вид такой, как у царицы.
На радости какой же нарядилась
Так цветно ты?

В а с и л и с а Покуда нет, а будет
И радость у меня. Увидишь скоро
И не в таком наряде! Побогаче
И епанчу, и летник я надену,
И жемчугом осыплюсь с головы
До самых пят.

М а р ь я
Пошли господь на долю
Сиротскую твою!

В а с и л и с а
Скажи мне, Маша,
Такая ли походка у царицы?
Умеет ли она, как лебедь, плавно,
Неслышными шагами выступать,
Не колыхаясь?

Марья

Нет! С развальцем ходит,
Качается по сторонам она
Легонечко. Ты лучше ходишь.

Василиса

То-то!
Так прямо стать, так гордо поклониться
На земные боярские поклоны,
Так, нехотя — им кланяться, чтоб знали,
Чтоб чуяли они, лежа во прахе,
Ничком, у ног твоих, что этой чести
Они не стоят?

Марья

Я не понимаю,
Мне в толк не взять, к чему такие речи!

Василиса

Умеет ли царица Анна бровью,
Без слов, сказать тебе и гнев, и ласку?

Марья

Да где же! Нет! Она у нас такая
Смиренница. Пошли ей бог здоровья
И всякого добра...

Василиса

А я умею!

Марья

На то и взять тебя!

Василиса

Так ты пойми же,
Как горько мне, что я, с такой красою,
С такой осанкой царской, я — раба,
Раба — тогда как ей моей рабою
Пристойней быть! Зачем в хоромах царских
Она сидит — сидит и не пускает
(топает ногой)
Меня с царем Иваном рядом сесть!

Марья

Господь с тобой! Мне страшно, Василиса
Игнатьевна! Молчи, молчи! Услышат
И донесут царю, беда моей
Головушке!

Василиса

Пускай сам царь услышит!

М а р ь я
Здорова ль ты, в тебя недуг не вшел ли?
Тебе не враг ли эти речи шепчет?
Прости меня, с тобою оставаться
Мне боязно, я в сенях постою,
Разок-другой передохну на воле.

В а с и л и с а
Счастлива ты на свете родилась!
И проживешь на свете, не узнаешь
Ни радости большой, ни адской муки!
Когда царицей буду на Москве,
Приди ко мне за милостью, я вспомню
И награжу тебя по-царски.

М а р ь я
Полно!
Не надо мне. О, господи помилуй!
С тобой того гляди, что пропадешь.
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

В а с и л и с а
(одна)
О, как я зла на Анну! Если б можно,
Прикинулась бы я змеей шипучей,
Медяницей, в холодной пестрой шкурке,
Я поползла б по частым переходам
Решетчатым, по кленовым сеням
До терема ее, и обвилась бы
Вокруг ее лебяжьей белой груди,
И жалила, и жалила ее!
Не дожила б она до завтра, только б
До вечера ей жить, да не привычны
К такому делу наши, бабьи, руки! —
Так есть в запасе молодец у нас!
За то мы их ласкаем и голубим,
Чтоб вывести из разума, чтоб парень,
Как верный пес, по твоему приказу
В огонь и в воду шел! Глупа ты, баба,
Коль молодого парня не заставишь
На всякий грех с охотою пойти.

Входит М а р ь я.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Василиса, Марья, потом Колычев.

Марья
Да есть ли стыд в твоих глазах?
Василиса
А что?
Марья
В покои к нам не ходят холостые.
Василиса
А кто ж пришел?
Марья
К тебе Андрей Петрович,
По зову, говорит.
Василиса
Ну, пусть идет,
Большой беды не вижу.
Марья
Аль ты хочешь
Дурной молвы? Хоть нас-то пожалей.
(Уходит.)
Василиса
Пришел Андрей. Уж то-то рад, сердечный!
Награды ждет, а чует ли он духом,
Что я ему еще работу дам!

Входит Колычев.

Колычев
(кланяется)
Челом тебе! *(Взглянув.)* Ах, что ты, Василиса
Игнатьевна? Зачем ты нарядилась?
Не гостя ли ждала?
Василиса
Тебя!
Колычев
Спасибо!
(Целует ее.)
Василиса
(обнимая его)
Кого ж мне ждать, один ты у меня,
Одна моя отрада ты, Андрюша!
Не веришь ты?
Колычев
Не верить, как не верить!
Да только все, мне кажется, что шутишь

Со мною ты! Вот я один с тобою,
Держу в руках тебя, целую крепко —
А в голове такая дума бродит,
Что выскользнешь из рук моих ты змейкой
И спрячешься.

Василиса

Напрасно обижаешь!
Ну, видишь ты, что я твоя! Чего же
Тебе еще!

Колычев обнимает ее.

Постой! Такое счастье
Уж на роду написано тебе,
Что баба я простая,— что на сердце,
То на устах, без хитрости.

Колычев ее обнимает, она освобождается.

Постой-ко!
Подумай ты, когда полюбит парень
Замужнюю, вдову или девицу,
Кому трудней на свете жить? Чего же
Для милого дружка мы пожалеем!
Да вот хоть я,— и женский стыд забыт,
И не боюсь, что люди скажут.— Могут
Прогнать меня с позором от двора
И запереть в монастыре. А парню
Ни горя нет, ни страха, ни хлопот.
Ты только слов для бабы не жалей
Да уговаривать не поленися!
И в том труда большого нет, мы глупы,
Что ни скажи, всё верим: ты вот мигом
Уговорил меня.

Колычев

(обнимает ее)

Родная! Жизни
Я для тебя не пожалею.

Василиса

Правда ль?
Вот на уме я и держу, что только б
Мне увидать на деле, как ты любишь,
Увериться глазами, ну потом уж
И спорить я не буду.

Колычев

Всё на свете,
Что хочешь ты!..

Василиса
(лаская его)
Ужли, ах, мой родной!

Колычев
(обнимает ее)
Голубка ты!

Василиса
(освобождаясь)
Ох! Перестань!

Колычев

Да что же
Из рук моих ты рвешься?

Василиса
(стыдливо)
С непривычки!
От ласки-то давно отстала, парень!
Да что тебе смотреть на робость бабью,—
Стыда боишься, не пускай милова!
Моя вина, что я тебя пустила.
А коль пришел, так ты хозяин здесь;
Я гостю отказать ни в чем не смею.
Глупехонька я, баба; ну, а ты
Исполнишь все, что попрошу?

Колычев

Исполню!
Приказывай.

Василиса

Боюсь, обманешь.

Колычев

Богом
Клянусь тебе!

Василиса

Ах, милый, мой сердечный!

Колычев
Проси скорей, во мне душа кипит,
На всякую готов идти послугу,
Чтоб знала ты, как я люблю тебя.

Василиса
(ласкаясь)
Голубчик белый! Отрави царицу!

К о л ы ч е в

Безумная! Побойся бога! Что ты!
Возьми назад слова! Проси у бога,
Чтоб он простил тебя, что дерзким словом
И помышлением ты согрешила!
Говей, постись!

В а с и л и с а

Куда мне торопиться!
Успею поговеть и в пост великий,
Во всех грехах тогда покаюсь кстати.

К о л ы ч е в

Что сделала тебе царица Анна?
За все добро ее убить ты хочешь.

В а с и л и с а

Не я хочу! За что такой злодейкой
Считаешь ты меня! Могу ль желать я
Царице зла! Она вдове несчастной
Приют дала, была мне госпожою
И матерью, и милостью дарила
И ласками. По царскому приказу,
Малюта мне велел убить ее.

К о л ы ч е в

Он говорил, я помню, да! Сгубили
Царицу вы!

В а с и л и с а

И я об ней жалею,
Да как же быть! Подумай ты, Андрюша,
Что делать мне! Поднимутся ли руки
Невинную убить!

К о л ы ч е в

Греха боишься?
С души своей ты хочешь на мою
Тяжелый грех свалить? Да разве хуже
Во всей царевой дворне не нашлось,
Что за меня взялась ты?

В а с и л и с а

Да кому же
Поверю я цареву тайну? Разве
Довериться могу я нашим бабам!
А больше я не знаю никого.
Коль любишь ты меня, так выручай!

Колычев

Любить-то я люблю тебя, да грех-то
Не замолим. Ужель тебе не жалко
Души моей?

Василиса

От царского стола,
От ужина, ты понесешь царице,
Как будто царь прислал,— в царевом кубке,
Сыченый мед. Тебе отдаст Малюта,
И ты придешь...

Колычев

Освободи! Послушай,
Великий грех!

Василиса

И слушать не хочу!
Я проведу тебя, и ты заставишь
Испить до дна серебряную стопу
За здравие...

Колычев

(берет ее за руку)

Так знай же, Василиса
Игнатьевна! Тебе, для ради женской
Красы твоей, души я не жалею!
Но ты смотри, в последний это раз
Я твой слуга.

Василиса

Ну да, Андрей, в последний!

Колычев

Запомни ты! Свершивши это дело
Греховное, я буду господином,
А ты моей рабой. Заставлю я
Не ласкою, а грозным словом тешить
Любовь мою и норов молодецкий —
Женой возьму к себе, в свой дом.

Василиса

Согласна.

Колычев

И будешь ты любить меня и холить,
И пуще грома божьего бояться.
(Берет ее за руку.)

Василиса

Ой! Больно, больно.

К о л ы ч е в   Ну, уж не взыщи!
А ты спроси, легко ли мне! Прощай.
(Уходит.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Передний покой в тереме Царицы.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Входит Ц а р и ц а, *за нею* В а с и л и с а М е л е н т ь е в а.

Ц а р и ц а
Оставь меня! К чему за мной ты ходишь?
Тебя мне видеть страшно.

В а с и л и с а
Что же делать!
Как быть, мой свет! Мне и самой не любо,
Да царь велел.

Ц а р и ц а
Бесстыжая ты баба!
Ты горькою обидой отплатила
За милости и ласку, и смеешься,
И тешишься мученьями моими!
О, господи!

В а с и л и с а
А кто же виноват?

Ц а р и ц а
Не знаю я, но я не виновата.
Не думаешь ли ты, что я запла́чу,
Перед тобой оправдываться стану,
Перед холопкой! Я на суд боярский,
На суд митрополита позову
Доносчиков своих. Святая правда
Возьмет свое.

В а с и л и с а
Боярам не придется
Судить тебя. Великий государь
Не отдает себя на суд холопов,
Он сам судья над женами.

Ц а р и ц а
Я вижу,
Вы продали меня, вы сторговались

С Малютою. Кто деньги вам платил?
Кому нужна моя погибель? Вижу,
Царю жену другую прочат. Нужно
Ей место опростать. Нельзя двум женам
Под крышей жить одной. Скажи, кому
Я уступлю и терем златоверхий
И батюшку царя?

Василиса

Почем я знаю!

Царица

Нет, видно, я пред господом грешна,
Великий грех какой-нибудь за мною!
За гордость ли господь меня казнит
Своим судом, за Анну ль Колтовскую?
Она жива, ее зовут царицей;
А я чужое место заняла
И радуюсь. Легко ли ей теперь!
Вот так и мне,— отплата злом за зло!
Когда была я в счастье и почете,
Не думала о ней, а над собою
Увидела грозу и вспоминаю
Несчастную. Вот так-то мы всегда!
Поехать к ней да попросить прощенья,
Упасть в слезах к ногам; авось господь
И надо мною сжалится.

Василиса

Не поздно ль
Хватилась ты?

Царица

А разве решена
Судьба моя? О господи, как страшно!
Скажи ты мне: убьют меня?

Василиса

Не знаю!
Почем мне знать, что на душу положит
Царю господь.

Царица

Недужится мне что-то,
И голова горит; того гляжу,
Забрежу я. Ты ничего не слышишь?
Мне кажется, что где-то ударяют
Ко всенощной, да только редко что-то.
(Прислушивается.)
Ну вот! Ужель не слышишь?

Василиса

Нет, не слышу.

Царица

А где шумят?

Василиса

Пирушка у царя
Веселая идет.

Царица

У них веселье;
Пирует он, обидчик мой, а я
С тоски мечусь и умираю.

Василиса

Полно
Кручиниться. Быть может, царь простит.

Царица

Нет, не жилица я на этом свете!
Коль царь простит, так вы меня убьете!

Входит Марья.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Марья.

Марья

Пожалуй нас, рабынь своих, царица,
Поужинать изволь на сон грядущий,
Покушай, матушка!

Царица

Пойдем, пойдем.
Ты, Маша, сядь за стол со мною вместе,
Не отходи, не оставляй меня!
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Василиса, потом Колычев.

Василиса

У ней кружится голова, у бедной,
И у меня кружится; подкосились,
Не держат ноги — мне б заснуть теперь,
Заснуть бы крепко, и потом проснуться
Царицею. Что ж Колычев нейдет,
Теперь пора.
(Заглядывает в дверь.)
Она за стол садится.

Вот молится! Скорей бы шел Андрей!
Бомелий говорит, что без мучений,
Что сразу, мучиться она не будет.
Готово зелье...
(Вынимает стклянку, спрятанную у ней на груди.)
Вот и я готова...
А он нейдет... Еще лишь миг один,
Один лишь миг, я кинусь пред царицей
С повинною...

Колычев входит с кубком в руках.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Василиса и Колычев.

Василиса

Ну, что же ты так долго.
(Дрожащими руками выливает стклянку в кубок, потом подходит к двери в царицын покой.)
Царица матушка, к тебе с присылом
От батюшки царя. Иди скорее!
Он кубок меду шлет тебе, откушай
За царское его здоровье!

Царица

(за дверью)

Где он,
Посол царев?
(Выходит.)

Василиса уходит в ту дверь, в которую Царица вышла, и затворяет ее.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Царица и Колычев.

Царица

За что такая милость
К жене своей опальной от царя?
(Берет кубок.)
Покланяйся на жалованье царском
Да хорошенько поклонись! Постой,
Чем одарить тебя, посла, не знаю, —
Возьми кольцо.

К о л ы ч е в

Не надо мне, царица.

(Хочет уйти.)

Ц а р и ц а

Постой! Сказать тебе хотела что-то,
Хоть словом приласкать. *(Тихо.)* Андрей, ты помнишь,
Когда в деревне ты у князя жил,—
Раз в сумерки прошел ты под окошком,
Из терема упал к тебе венок
Из васильков? Ты думал, что шутили
Сенные девушки, а это я...

К о л ы ч е в

Царица!

Ц а р и ц а

А зимой еще, ты помнишь...

К о л ы ч е в

Царица, отпусти меня!

Ц а р и ц а

Послушай!
Мне кажется, что в этот кубок зелье
Положено.

К о л ы ч е в

Положено, царица;
Не пей его!

Хочет взять кубок. Царица не отдает.

Ц а р и ц а

Я выпью, надо выпить!
Не все ль равно; не той, другою смертью
Они убьют меня. Мне хуже смерти,
Коль надо мной они ругаться будут,
Коль заживо другой царице место
Заставят уступить. Каков он ни был,
Мой государь и муж, а страшно будет
Жену другую видеть у него!
И вздумать не могу! Нет, страшно, страшно!
Поди скажи, мол, выпила до дна
Царица Анна жалованный кубок.
(Пьет.)
Пошли, господь, царю и государю
Веселия, и радости, и счастья
На многие, на многие года!

Уходит. Колычев плачет. За дверью слышен голос Царицы.

Царица

Ой, больно, больно! Жжет меня огонь!
О господи, помилуй! Умираю!

Выбегает Василиса.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Колычев, Василиса, потом Марья и женщины Царицы.

Василиса

Спасите! Эй! Бегите за царем,
Боярыни, прислужницы сенные!
Скажите вы, царица угорела!
Скажите вы, царица от угара
Скончалася. Скорее!

Марья

(выбегает из двери) Плачьте, войте!
Скончалася, скончалася царица!

Несколько женщин пробегают из наружной двери в покои Царицы.

Василиса

(Колычеву)
А ты о чем расплакался?

Колычев

Да как же
Не плакать мне о матушке царице!

Василиса

Не плачь, Андрей! Недолго сиротами
Останетесь! У вас на государстве
Чрез день иль два царицей буду я.
Ты место мне очистил. За услугу
Мы наградим тебя по-царски. Только
Ты от двора подальше убирайся,
А то с тобою будет то же.

Колычев

Горе
Головушке! Кому поверил я!

Василиса

Ступай скорей, тебе не место здесь!

Марья

Ступай отсюда, царь идет.

К о л ы ч е в

О боже!
Убей меня твоим небесным громом!
Зачем ты терпишь на сырой земле
Таких злодеев окаянных! Мало
Мне лютой смерти за мои грехи!
(Василисе.)
Мы встретимся с тобой! Гора с горой
Не сходятся, а мы с тобой сойдемся.
(Убегает.)

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЛИЦА:

ЦАРЬ.

ВАСИЛИСА,
жена его.

МАЛЮТА.

БОМЕЛИЙ.

КОЛЫЧЕВ.

1-Й, 2-Й и 3-Й МОЛОДЫЕ ДВОРЯНЕ.

Решетчатые сени в деревянном дворце. Ночь. Сени освещены одной лампадой, стоящей на столе.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Несколько молодых дворян.

1-й спальник
Несчастлив царь на жен! Уж как здорова
Мелентьева была.

2-й спальник А что ж?

1-й спальник Хворает.

2-й спальник
А что за хворь?

1-й спальник
Не знаю; слышал мельком,
Прислужницы ее болтали, будто
Пугается.

2-й спальник

Чего бы ей пугаться?

1-й спальник

Чего? Грехи! Сказать-то страшно к ночи.

2-й спальник

Ну, сказывай, коль начал.

1-й спальник

Я, пожалуй,
Сказать не прочь, да только вы молчите,
Чтоб никому... пожалуй, головою
Поплатишься за новость.

2-й спальник

Мы не скажем.

1-й спальник

Ну, слушайте! Покойная царица
По терему ночной порою ходит.

2-й спальник

О господи! Кто ж видел?

1-й спальник

Я не знаю,
А говорят, что ходит.

2-й спальник

Эко дело
Мудреное!

1-й спальник

А разве не бывает.
Да сплошь и в ряд.

2-й спальник

К чему ж: к добру иль к худу?

1-й спальник

Какого ждать добра!.. Толкуют люди
Бывалые, что если где увидят
Покойника, так, значит, быть другому.
Не утаишь греха: еще не вышло
Шести недель, как Анна померла,
А царь уж взял себе жену другую.
До сорочин душа еще блуждает
По тем местам, где заживо грешила;
Ей до шести недель покоя нет.
Знать, новую царицу выживает
Покойница. Да лучше помолчать!

2-й спальник

И то молчать! Не наше дело, братцы.

-й спальник

Что не видать Андрея Колычева,
Малютина любимца, аль услали
Куда гонцом его?

2-й спальник

Он послан в Суздаль
Усопшую царицу хоронить,
В монастыре девичьем.

1-й спальник

Уж пора бы
Назад ему вернуться.

2-й спальник

За недугом
Замешкался он, видно. Что-то хворость
Одолевать Андрея больно стала;
Он с тела спал, в лице переменился,
Не пьет, не ест и бродит словно тень.
Того гляди, уйдет в монахи.

1-й спальник

Полно!
Не так глядит, чтоб в монастырь идти,
Скучает он, что одинок на свете.
Женить его, так он скучать забудет.

3-й спальник

Потише вы! Сюда идет Григорий
Лукьянович, а с ним и Колычев.

Входят Малюта и Колычев.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Малюта и Колычев.

Малюта

Ты с похорон на свадьбу угодил;
Да только жаль, что не попал к началу,
Замешкался. Мы без тебя попойку
Отправили, а ты попал к похмелью.
Покончил все?

Колычев

Покончил, схоронили.
Над сиротой поплакала родня,

Поплакала игуменья, черницы,
Да братия убогая, да я.
За упокой и на помин царицы
Я жалованьем царским, хлебной дачей
Сестер и причт церковный оделил;
И корм давал, как водится, убогим
И всякому, кто с теплою молитвой
Пролить слезу ко гробу приходил.

Малюта

Покончили, и ладно! Перестань же
Печалиться, всех мертвых не оплачешь!
Повеселей гляди, печальных лиц
Не любим мы, когда у нас веселье.

Колычев

Не обессудь, я скоморохом не был
И не гожусь в потешники.

Малюта

Плясать
И песни петь — тебя мы не заставим.

Колычев

А я тебе, мой государь, Григорий
Лукьянович, покланяться хотел
И милости просить твоей, великой,
Чтоб за меня царю челом ударил.
Прошусь в монахи к Евфимию в Суздаль.
Отец родной, покланяйся, пожалуй,
За сироту.

Малюта

Да ты в уме иль нет?
Покланяться царю и государю,
Сказать, что раб его служить не хочет,
Что жалованье царское и милость
Великую он ни во что не ставит!
Одумайся! Ты что? Червяк ползучий!
Кто вздумал, тот и растоптал ногой,—
И пропадешь без вести и помину!
По милости царя ты человек.
Великий царь своим орлиным оком
Призрел на нас, и мы живем, и дышим,
И движемся. И то велика милость,
Что живы мы; а если божья воля
И царская — пошлет тебе на долю
Близ трона стать, царевы очи видеть,
Тогда забудь себя и стань собакой

Послушною, и принимай равно
И царский гнев и ласку с умиленьем!
Напрасно с нас собачьи харп сняли,
Мы псы царя.— По младости твоей
Я отдаю вину твою, но боле
И думать не моги о том, иль будешь
Ты выкинут, как неключимый раб,
Из царского чертога, и повержен
В злосмрадную тюрьму, и будешь отдан
Мучителям. Ты в спальники поставлен,
Не всякому из княжеских детей
Такая честь. Ты скоро выйдешь в люди!
Ты близок был царице новой?

Колычев

Близок.

Малюта

Ну, что-нибудь да ждет тебя; ты знаешь,
Что близ царя...

Колычев

Близ смерти.

Малюта

Или чести.

(Спальникам.)
Из спальников останься здесь один,
Хоть ты! А ты, Андрей, и остальные
В сенях стоять, беречь крыльцо. За мной!
(Уходит.)

1-й спальник

(Колычеву)
Здорово, брат!

Колычев

Ты мне скажи: царицу
Вы видите?

1-й спальник

Нередко.

Колычев

Что ж она?
Приветлива?

1-й спальник

Властна превыше меры.
В ней кротости не видно; нам, сиротам,
Заступницей она не будет.

К о л ы ч е в

Где уж!

А любит царь ее?

1-й с п а л ь н и к

По всем приметам
Она ему милей всех жен; по нраву,
Что поперек ему не молвит слова,
Не плачется за горьких, беззащитных,
Не тушит гнев его, а разжигает.
Поверишь ли ты чуду, сам Григорий
Лукьянович ее боится.

К о л ы ч е в

Будто!

1-й с п а л ь н и к

Сам царь ее и нежит, и ласкает,
И ластится, как парень неумелый
На пóседках, за девкою упрямой,
Что закрывает очи рукавом
И локтем прочь толкает.

К о л ы ч е в

Эко диво!

Входят Ц а р ь и Б о м е л и й. Спальники, поклонившись, становятся у дверей.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Ц а р ь, Б о м е л и й и т е ж е.

Ц а р ь

Вот погляди, быть может, и сегодня
Случится с ней. Всего шестые сутки,
Как я хожу в ее опочивальню,
Как мы живем, как муж с женой, и диво!
Одну лишь ночь она спала спокойно,
А со второй во сне мятется духом,
Кричит, слова невнятные бормочет,
Пугается и, пробудясь внезапно,
Без памяти, с открытыми глазами,
Из терема сбирается бежать,
И говорит бессмысленные речи,
И все по чем-то жалится, и видит...
Такое видит, что сказать негоже...
Покойную царицу Анну видит.
Не порча ль то?

Б о м е л и й

Не порча, а болезнь.

Ц а р ь

А как она зовется?

Б о м е л и й

Paramirum
Зовут ее ночное прохожденье,—
Noctambulatio [1], иль недуг лунный.

Ц а р ь

А вылечить ты можешь?

Б о м е л и й

Лунный камень
Врачи дают в такой болезни; если ж
Нечистый дух войдет...

Ц а р ь

Так в Василису
Ты думаешь, что лунный бес посажен?

Б о м е л и й

Луна чиста, но в области луны
Витает бес...

Ц а р ь

А может он из гроба
Усопших вызвать?

Б о м е л и й

Бес не может,
А может волхв, по-нашему волшебник,
Пифия тоже, сиречь Пифонисса.
Эндорская пифия Самуила
Царю Саулу вызвала из гроба.

Ц а р ь

Но кто же мог вселить в нее недуг,
Чьим волшебством в ней бес посажен? Страшно
На свете жить, Бомелий! В час раздумья,
Ночной порой, мне душу страх объемлет.
Мерещатся мне замыслы и ковы
Боярские. В глубоких подземельях,
В глухих норах, в лесах непроходимых
Чаровники и вещуны гнездятся,
Несутся к нам их чары, злые порчи.
То умысел и злой навет бояр-
Крамольников.

---

[1] Лунатизм *(латин.)*.

Бомелий

Лихих людей, злодеев
Немало у тебя. Щадить не надо
Того, кто сам другого не щадит.
Кто милостей не ценит, тех не надо
И миловать, казни их, государь!

Вбегает Василиса в испуге.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Царь, Бомелий и Василиса.

Царь

Смотри, смотри! Она идет. Спаси нас,
Заступница!

Василиса

(обратясь к двери)

Поди ты прочь, поди!
Зачем за мной ты ходишь?

Царь

Слышишь, слышишь?

Василиса

Зачем глядишь ты мертвыми глазами,
Закрытыми, мне прямо в сердце? Сгинь!
Исчезни ты! Исчезни! Да воскреснет!..
Тяжелый сон какой! Да расточатся...
(Стоит задумавшись, никого не видя.)
Врази его...

Царь

Ну, видишь ты, Бомелий!

Бомелий

В ней раздражен тяжелой думой мозг.

Василиса

(вскрикивает)
Спасите! Ай! Она ко мне подходит!
Она стояла у моей постели
И за руки меня брала, она хотела
Увесть меня... а руки не успели
Похолодеть еще! Она, она!

Царь

Ну, слышишь ты! Тут видимая порча.
Я знаю их! Кого б ни полюбил я,
Сейчас они отнимут иль испортят:
И первую мою жену сгубили,

Испортили мою невесту, Марфу,
Испортили и эту. Их работа!

Б о м е л и й

Великий царь, покличь ее к себе,
Ты назови по имени — очнется!

В а с и л и с а

О, как мне страшно, страшно!

Ц а р ь

Василиса!

В а с и л и с а

Ах, что со мной! Куда зашла я? Царь!
(Падает на колени перед царем.)

Ц а р ь

Вставай! Поди в свою опочивальню!

В а с и л и с а

Царь-государь, я умираю, ходит
Она за мной, все ходит, защити!
Защиты у тебя прошу.

Б о м е л и й

Царица!
Поди усни, я дам тебе лекарство.

В а с и л и с а

Нет, я не буду пить, отравишь, немец!
Какие зелья ты варишь, я знаю.
Спасибо! Нет! Не надо.

Ц а р ь

Выдь, Бомелий.

Б о м е л и й уходит.

Опомнись ты! О ком ты говоришь?
Кто гонится, кто ходит за тобою,
Безумная?

В а с и л и с а

Она, царица Анна.
Она за мной приходит по ночам,
Манит меня к могиле. Государь,
Пусти меня, я съезжу помолиться
На гроб ее. Быть может, умолю
Слезами я и щедрым подаяньем
Усопшую, и, грешная, во гробе
Уляжется она покойно.

Ц а р ь

С богом!
Я не держу тебя. Пустому страху

Не очень ты вдавайся,— малодушен
Ваш женский род. Вот то-то, коротка
Душа у баб.

Василиса

Нет, я не малодушна;
Недаром я жена твоя. Мне совесть
И память дел прошедших и грехов
Ни жить, ни веселиться не мешает;
Я весела весь день, а только ночью...
Вольно же ей в полночный час являться!
Уж это мне, помилуй, не под силу,
Тут женских сил не хватит! Ты скажи мне,
К тебе *они* приходят ночью?

Царь

Кто?

Василиса

Убитые тобой: князь Володимир,
Михайло Воротынский, Евдокия.

Царь

(встает в испуге, оглядывается по сторонам)
Молчи! Язык тебе я вырву. К ночи
Заводишь ты такую речь. Накличешь!
Храни господь! Над нами крестна сила
Великая! Чур! Наше место свято!
Безумная! Да разве я убийца?
Я судия; по данной богом власти,
Караю злых, крамольных, лиходеев
И жалую покорных, верных слуг.

Василиса

Всегда ль и ты караешь за вину?
Не гибнут ли, по вражьему навету,
Безвинные?

Царь

Поверь мне, Василиса,
Что я казню недаром, но ответа
Я никому не дам, а только богу.
Я милостив сегодня, но вперед
Гневить меня ты бойся! Это дело
Не бабьего ума.

Василиса

Ну вот, и ладно!
Казни, кого ты хочешь, лишь с женою
В любви живи, люби меня и тешь,
Мой государь, Иван Васильич!

Царь

Время

И на покой! Поди в опочивальню
И спи себе.

Василиса

Боюсь!

Царь

Чего бояться?
Немало баб с тобой.

Василиса

От них защиты
Не будет мне, она придет опять!
Мы посидим с тобою здесь до свету!
Я женщина, мне страшно, пожалей!
Какой ты злой!

Царь

Я для тебя не мальчик,
Сидеть с тобой и забавлять тебя.

Василиса

А коли стар, зачем же ты женился?
Молился бы по четкам.

Царь

Василиса!

Василиса

Завистливы на молодое тело
Глаза твои, а угождать не хочешь
Жене своей! Так помни ж!

Царь

Василиса!

Василиса

Ты что кричишь! Меня не испугаешь!
Мне выходцы из гроба только страшны,
А грозного царя я не боюсь.

Царь

(хватаясь за нож)
Увижу я, как ты не побоишься!

Василиса

(становится перед ним)
Ужли убьешь?

Царь

Убью, не пожалею.

Василиса

Убить убьешь, а лучше не найдешь.

Ц а р ь

Ты не шути со мною, Василиса!
Неровен час,— я на руку тяжел.

В а с и л и с а

Я спать хочу.

Ц а р ь

Иди в опочивальню!

В а с и л и с а

Я здесь усну. Покрой мне ноги.

Ц а р ь

Чем?

В а с и л и с а

Сними кафтан с плеча.

Ц а р ь

Да ты в уме ли?
Иль хочешь ты, чтоб свет переменился:
Чтоб к ястребу, стервятнику, под крылья
Без страха жалась кроткая голубка?
Чтоб он своим кривым кровавым клювом
Ей перушки любовно разбирал?

В а с и л и с а

А отчего б не так!

Ц а р ь

Эх, дура баба!
(Снимает кафтан и покрывает ее.)

В а с и л и с а

Не больно дура, не глупей тебя.
Иль для жены ты соболя жалеешь!
Эх, старенький, поди ко мне, присядь!
(Ласкает его.)
Не спорь со мной! За красоту и младость
Утешь меня, зови меня царицей!
Царица я?

Ц а р ь

Какая ты царица!
Невенчанной царица не бывает!
И не жена ты мне, жена шестая —
Полу-жена. Да разве мало чести
Тебе, рабе моей, что царской волей
Ты выбрана из тысячи, что взгляд мой,
Властительский, тебя из низкой доли
Достойной сделал ложа моего;
Что, вместо рабской службы царским женам,
Ты самому царю забавой служишь.

Василиса

Раба твоя и божья, Василиса,
От радости, с такой великой чести,
С ума сошла и вовсе одурела.
Прости меня! Ты царь, я баба дура,
Что маленький ребенок я болтлива,
Моих речей хоть слушать ты не слушай,
А не гневись — хочу я быть царицей;
Почета я хочу и поклоненья,
Поцарствовать хочу, повеличаться.
Хоть день, да мой, а там хоть умереть,—
И умереть-то хорошо царицей.
И что тебе, царю и государю,
Терять слова, трудить себя напрасно!
Не сговоришь ты с бабой бестолковой!
Плюнь на нее и сделай по ее!
Потешь жену, что малого ребенка!
Потешишь, что ль?

Царь

(смеясь)

Да ладно.

Василиса

(приподнимается, тянется, целует царя, потом руку его)

Ну, прощай!
Я сплю совсем.
(Скоро засыпает.)

Царь

Ну, спи, господь с тобою!
Красавица заснула сладким сном;
Прошел испуг, легко ее дыханье.
Ты, глупая от сонного мечтанья,
От темноты пустой, от мертвецов,
Незлобивых, бескровных, бестелесных,
Ко мне бежишь искать защиты, к зверю,
К мучителю! Кругом меня трепещут
Все близкие, все ненавистью дышат,
Злорадно ждут и крестятся тихонько
В моем дворце, в углах, моим иконам,
Чтоб старые, дрожащие, больные,
Державные окостенели руки,
Которые держали в смертном страхе
Злодейские, крамольные их души.
Я одинок на дедовском престоле:
Ни родственной, ни дружней теплой ласки

Душа моя не знает, только совесть
Нечистая да страх суда господня
И день и ночь грызут меня. С тобою
Узнаю я покой души и ласку.
Люби меня и лаской молодою
Напомни мне жену мою Настасью!
Люби меня, и в сердце оскотелом,
Бог даст, опять откликнется былое,
Забытое и изжитое счастье.
(Осторожно подходит к двери и знаком призывает из сеней Малюту.)

Входят М а л ю т а и К о л ы ч е в.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Ц а р ь, В а с и л и с а, М а л ю т а, К о л ы ч е в.

Ц а р ь

Покличь-ко баб царицыных и девок,
Перенести ее в опочивальню
Побережней.

Малюта хочет идти.

Постой! Я полюбуюсь
На красоту ее. Какая кротость!
Какой покойный, безмятежный сон!
Ужель меня лицо твое обманет?
Ужель под этой тишиной таится
Змеиное лукавство? Ложь и грех
Привыкли мы по лицам загрубелым
Угадывать. Под этим белым телом,
Под кроткою и ясною улыбкой
Ужель душа черна? Не дай, о боже,
Чтоб грех тебя попутал предо мной!
Мне будет жаль своей рукой окончить
Такую жизнь цветущую! Не верю,
Не может быть! Твоя душа чиста,
Как ясный день, как камень самоцветный.
Так нежно, свято улыбаться могут
Лишь ангелы небесные да дети!
Уста твои, как маков цвет, раскрылись
И шевелятся, точно поцелуем
Дарить меня ты хочешь, прошептать
Мне ласку. Ну, шепчи скорее.
(Наклоняется к ее лицу.)

В а с и л и с а
(во сне)

Андрюша!

Голубчик мой! Прости меня, сгубила
Я молодость твою.

Царь, пораженный, прислушивается.

Хотелось мне
Царицей быть, но я не разлюбила
Тебя, дружок... А старого, седого,
Нет!.. Я любить не в силах...
Ах, Андрюша!
Ах, милый мой! Люблю, люблю...

Ц а р ь
(вскрикивает)

Малюта!

М а л ю т а

Я здесь.

Ц а р ь

Проснись, царица Василиса!

Василиса просыпается.

Где милый твой? Указывай!

В а с и л и с а
(с испугом)

Во сне я
Не назвала ль кого?

Ц а р ь

Живую в землю
Зарыть ее!

К о л ы ч е в
(берет ее за руку и ставит на колени)

Ну, кайся перед смертью!
Ну, сказывай дела свои, винися
Перед царем, что ты царицу Анну
Невинную оболгала!

В а с и л и с а

Винюсь.

К о л ы ч е в

Что извела ее...

В а с и л и с а

Во всем винюсь.

К о л ы ч е в

Ты повинись и в том, что обещала
Любить меня и быть рабой навек —
И разом ты слугу и государя
В обман ввела. Великий царь, я мало
Служил тебе, вели мне сослужить,
От рабского тебе усердья, службу!
Вели убить мне бабу-лиходейку,
Что заползла змеею подколодной,
Украдучись, в твой терем златоверхий!
(Ударяет ножом в грудь Василису.)
Коль говоришь, что любишь, так люби,—
А не вертись; забудь обычай женский
Обманывать!

Ц а р ь

Вот славно, вот спасибо!
Андрюшка, ты слуга хороший! Только
Ты старому, мне, в слуги не годишься:
Недаром же тобою бабы бредят.
Мне, старому, в своем дворе, при женах
Молоденьких, держать тебя не след!
Румян, кудряв, лицом ты красен больно,
А женский род по-заячьи труслив,
По-кошачьи блудлив. *(Малюте.)* Возьми, Малюта,
И прибери Андрюшку Колычева
От наших глаз куда-нибудь подальше...
Хоть в тот же гроб, где Василиса будет!

КОМИК XVII СТОЛЕТИЯ

Комедия
в стихах,
в трех
действиях
с эпилогом

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА:

ТАТЬЯНА МАКАРЬЕВНА ПЕРЕПЕЧИНА,
старая вдова из городового дворянства, золотная мастерица царицыной мастерской палаты.

НАТАЛЬЯ,
ее дочь, такая же мастерица.

КИРИЛЛ ПАНКРАТЬИЧ КОЧЕТОВ,
подьячий приказа Галицкой чети.

АНИСЬЯ ПАТРИКЕВНА,
жена его.

ЯКОВ,
их сын, писец Посольского приказа.

ВАСИЛИЙ ФАЛАЛЕИЧ КЛУШИН,
подьячий приказа царицыной мастерской палаты.

ЮРИЙ МИХАЙЛОВ,
режиссер в труппе Грегори, учитель Якова немецкому языку.

Действие происходит в 1672 году. Три действия — в воскресенье, в Петровское заговенье, 2 июня; эпилог — 4 июня.

Небольшая, чистая брусяная светличка, без печи, в доме Перепечиной, на Кисловке. В глубине дверь в чистые сенцы полурастворена. В левом (от зрителей) углу светлицы, в виде чулана, отгорожена тесовой филенчатой перегородкой спаленка Натальи; дверь в нее сбоку, близ входной двери. По обе стороны окна: с той стороны, где спальня,— одно, а с другой — два. Под окнами широкие лавки с полавочниками и изголовьем. С правой (от зрителей) стороны, близ авансцены, у конца лавки, стол на точеных ножках; у стола скамьи. У перегородки, с лица, сундучок.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Наталья накрывает стол браной скатертью и ставит, на оловянном блюде, пряники, коврижки и другие сласти того времени.
Из сеней впопыхах выбегает Яков.

Наталья
Откуда ты? Не с цепи ли сорвался?

Яков
Наташа, спрячь меня!

Наталья
Да ты в уме ли,
Сердечный друг? Куда я спрячу? Яков

Кириллович, опомнись! Тотчас придут
Сюда твои родители.

Я к о в

Гляди,
Гляди в окно!

Н а т а л ь я

Чего?

Я к о в

Погони нет ли?

Н а т а л ь я

Придумывай еще! Кому-то нужно
Погоню гнать! Беда твоя известна:
Без времени сбежал с приказу,— дело
На ум нейдет, сегодня праздник. Завтра
Придешь в приказ, присадят плотно, снимут
Кафтан с тебя; не бойся, не повесят.
(Отворяя дверь своей спальни.)
Смотри сюда! Нарядно, хорошо?
И пяльчики, и зеркальце, кроватка
Тесовая и шитый положок.
А лучше-то всего, что никому-то
В уютный мой покойчик ходу нет.
(Кладет руку на плечо Якову и смотрит ему в глаза.)
Да здравствуй, что ль! Ах, глупый, и не видишь
Со страха-то, что ты один с девицей!
Стоит как пень; другой бы не зевал,
Целуй, пока помехи нет! Эх, парень!
(Целует его, убегает за перегородку и запирает дверь.)

Я к о в

(отшатнувшись, переводя дух)
Огнем ожгла. Ну, девушка! Да что уж
О девушках и думать, до того ли!
Досталось мне одно на долю: выть.
(Заслышав шаги, становится у самой притолоки.)

Входят К о ч е т о в, А н и с ь я и Т а т ь я н а.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

К о ч е т о в, А н и с ь я, Т а т ь я н а и Я к о в

Т а т ь я н а

Пожалуйте, в светелочку войдите,
Прохладно в ней в полуденное время.

К о ч е т о в

И Яков здесь.

Я к о в

(с низким поклоном)

Со службы отпустили!

Т а т ь я н а

Да ел ли ты? Чай, голоден?

Я к о в

(кланяясь)

Маленько

Перехватил. Покорно благодарствуй!

Т а т ь я н а

Не полный стол, а что-нибудь найдется.

Я к о в

Сытехонек по горло.

Т а т ь я н а

Ну, как знаешь.

Неволи нет, отказу и подавно.

(Кочетову и Анисье.)

Не осудить прошу на угощеньи!

Сиротское...

А н и с ь я

Досыта угостила.

Чего еще!

К о ч е т о в

И сыты мы и пьяны

Твоим добром сиротским.

Т а т ь я н а

Ну-ко, полно!

С чего тебе хмелеть-то? Угощала

Чем бог послал.

А н и с ь я

Ну, знать, не от вина,

От твоего раденья захмелели.

К о ч е т о в

Насилу встал от трапезы.

Т а т ь я н а

Присядь

На лавочку, а подремать захочешь,

Привалишься на изголовье.

К о ч е т о в

Сяду.

(Садится.)

Не сглазить бы, счастливый ноне день.

С утра еще я весел; к Артемону
Сергеичу ходил я на поклон,
Поздравствовать. Для радости великой
Окольничим пожалован; Татьяна
Макарьевна, велика честь. Другой бы
С ума сошел, за облаки вознесся,
А он так нет. Подьячим, мелкой сошке,
По-прежнему благоволит; холопы
Не гонят нас с боярского двора,
И за порог к нему ступаешь смело.
Не знаю, чем воздам ему за ласку
И милости его. Суди сама,
Не кто-нибудь — окольничий Матвеев
Пожаловал, за службу похвалил
В глазах других приказных, к окладному
Пообещал придачу.

Татьяна

Ишь ты, право,
Какая честь тебе.

Кочетов

Не всё; послушай!
Про Якова, пожаловал, спросил:
Мол, учится ль он грамоте немецкой?
И похвалил его, и молвил так:
«Учился бы; не всё бродить в потемках;
Ученье свет. Робят разумных мало:
А нужда в них. Отдай-ко ты парнишка
В сынки ко мне!»

Татьяна

Да что ты?!

Кочетов

Право, так.

Татьяна

С руками б я...

Кочетов

А я не спохватился.
Душонка-то холопская давно
Радехонька, а лживый язычишко
Упрямится, нескладное бормочет.
Не справлюсь с ним никак.

Анисья

Грехи-то наши
Великие.

К о ч е т о в

Боярин рассмеялся
На мой испуг: «Не бойся, говорит! —
Для Якова найдется дело лучше
Приказного письма. Дивиться будешь,
Своим глазам не верить».

Т а т ь я н а

Что ж за дело
Мудреное?

К о ч е т о в

Не сказано про то,
А спрашивать не смел.

Т а т ь я н а

Оно вестимо,
Не сунешься, не свой брат.

К о ч е т о в

Заикнися,
Замажут рот как раз.

Т а т ь я н а

Да и замажут.

К о ч е т о в

Поклоны бью земные да молчу.
Махнул рукой боярин, значит: полно,
Не смей, дескать, боярских глаз мозолить
Поклонами холопскими; вставай!
Последний раз отвесил, да и с богом
Бежать домой. От радости без шапки
До Гребенской, никак, бежал.

Т а т ь я н а

Да диво ль!
И думай вот, гадай по пальцам! Дал
Заботу нам боярин.

К о ч е т о в

Он сказал бы,
Застал-то я накоротке; к царю
На званый пир родильный снаряжался.

А н и с ь я

Уж эта мне немецкая наука!
Дождемся с ней беды. Живут же люди
Без грамоты немецкой.

К о ч е т о в

(Якову)

Не слыхать ли,
Не молвят ли чего у нас в Посольском,

Какую вам, робятам, Артемон
Сергеевич служить укажет службу,
На диво всем?

Я к о в

Не знаю, государь
Родитель мой, не чуть в приказе.

К о ч е т о в

Много
Заводится порядков новых?

Я к о в

Много.
Царицына родня веселье любит:
В своем дому окольничий Матвеев
Заводится музы́кой сладкогласной.
И во дворце тому же быть, Фанстаден
По трубачей поехал к иноземцам.

К о ч е т о в

А по́что их?

Я к о в

У прочих потентатов
Ведется так давно, и не пригоже
Дворцу стоять без музыки. Забавы
Великие для матушки-царицы
Готовятся.

К о ч е т о в

А нам-то что за дело!
Ни мы хвалить, ни мы судить.

А н и с ь я

Уж, видно,
Доходчивы мои молитвы: будешь
В такой чести, чего не ожидаешь.

Я к о в

(кланяясь матери)
Молись еще! Молитвами твоими
Авось господь избавит от напасти.

К о ч е т о в

Чего же ты боишься?

Я к о в

Провиниться
Перед тобой, родитель. Не гневись
На глупое, робяческое слово!
Навяжут мне невесть какую службу:
По нраву ли придет тебе?

К о ч е т о в

Не бойся.
Учись, служи и делай, что укажут.
Одно блюди и помни: православным
Родился ты; обычай иноземский
Узнать не грех, перенимать грешно;
А паче их забавы, в них же прелесть
Бесовская сугубая.

Я к о в

Родитель,
Не гневайся! Мизинные мы люди,
Боярские приказы разбирать
Не смеем мы; велят плясать, запляшешь.

К о ч е т о в

Еще б ты смел ослушаться бояр!

Я к о в

А стать плясать, тебе не угодишь.

К о ч е т о в

Еще б ты смел отцу не угодить!
Служи царю, боярам покоряйся
Безропотно, беспрекословно, рабски,
И чти отца да матерь!

Яков кланяется в ноги.

Вот, Татьяна
Макарьевна, родительскому сердцу
Не лестно ли такую зреть покорность
Сыновнюю! Когда тебе взгрустнется
Иль пьян придешь домой, на что утешней
Поклоны их земные? Заставляешь
Поклоны бить и веселишься духом,
Что как-де ты ни мал, ни приобижен
От властных лиц, а детям, домочадцам
В своем дому и ты-де государь.
А что ж твоя красавица Наталья
Не кажется гостям? Диви б чужие!
А Якова стыдиться ей не след,
С робячества знакомы.

Т а т ь я н а

Всё ж зазорно
При людях-то. Видаются, поди,
От матери тихонько; при народе

Не вызовешь ни зá что. Я звала,
Невестится, нейдет.

Кочетов

А приказала б.

Татьяна

Само собой, коль прикажу, придет.
(У двери спальни.)
Поди сюда, Наталья!

Входит Наталья, принаряженная, кланяется и останавливается, потупя глаза.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Кочетов, Анисья, Татьяна, Яков, Наталья.

Татьяна

Хвастай, хвастай
Сынком своим! Я дочкой похвалюсь.
У матушки взращенное дитя
Лелеяно и нежено на воле!
Бесстрашная росла, отцова гнева
Не видела грозы великой,— всё же
Нога моя захочет и поклоны
Дочерние увидит. Поклонися,
Натальюшка, перед гостями земно
И матушку потешь!

Наталья

Изволь, родная,
Покланяюсь; бесчестья мне не будет,
А только честь, что матушке своей
И государыне живу покорна.
(Кланяется.)

Кочетов

Чего еще! За наше умоленье
Послал господь, живем изрядно. Дети
Покорствуют, трудами нажитого
Достаток есть, невпрóжить нам. Ликует
Душа моя, и веселится дух мой.
Чего еще, ведь не рожна же! *(Жене.)* Плачешь?

Анисья

(махнув рукой)
Заплакала, прости... Не утерпела...
От радости...

Татьяна
(*плача*)
Да как и не заплачешь
На деток-то! Свои, а не чужие.

Анисья
Легко отцам...

Татьяна
А нам-то каково!

Анисья
Родили их...

Татьяна
Аль муки не видали?

Анисья
Растили их...

Татьяна
Как око соблюдали.

Кочетов
Да полно вам!

Татьяна
Пылинки обдували.

Анисья
Кормили их...

Татьяна
Куски не доедали.

Анисья
И выросли...

Татьяна
Как яблочки наливны.

Кочетов
(*топнув ногой*)
Да полно вам!

Анисья
Не каменны сердца.

Кочетов
Так что ж бы вам, без дальней волокиты,
Чем плакать-то на них да убиваться
Неведомо о чем, за ум приняться!
Женили б их, покуда сами живы!
Не знатные бояре, с нас не взыщут,
Что наскоро, без сватов и без сборов...

Татьяна
Ах, батюшки!

Кочетов

Чего ты испугалась?
О рядной речь сперва, да по рукам
Ударимся; а после, для порядка,
Пошлем к тебе и свата.

Татьяна

То-то разве...
А то уж я... Да нéлюди мы, что ли?
Нельзя же так... дворяне... не сиротку,
Безродную, отецкое дитя
Хотите взять. Не знатные мы люди,
А все-таки, хоть дрянь, да из дворянь,
Не нищие. Меня бояре знают.
Царицына до нас доходит ласка,
Не крайность мне какая.

Кочетов

Не неволим.
Насильно мил не будешь. Это дело
Любовное: и приказать вольна,
И отказать вольна. За словом стало,
Да рядную покончить.

Татьяна

Я не прочь,
Отказу нет. Хоть дело не корыстно,
Да я-то не завистна.

Кочетов

Вот и ладно,
О рядной бы... Да и покончить разом.

Татьяна

Хмельненька я, пожалуй, прошибешься,
Сулить добро под силу надо.

Анисья

Ну, уж
Не скоро ты расступишься.

Татьяна

Не знаю.
Для дочери жалеть не стану; разве
Заломите, чего невмочь.

Кочетов

Не грабить
Пришли к тебе.

Татьяна

(Якову и Наталье)

Как словно вы чужие,

Глядите врозь да жметесь по углам,
Сойтись рядком боитесь.

Наталья

Как прикажешь?
На всё твоя родительская воля.
(Подходит с поклоном к Якову.)

Татьяна

Хоть пряничком его попотчуй, что ли!

Наталья

(берет со стола пряник и подает Якову в руках на ширинке)
Пожалуй-ко, отведай, не побрезгай!

Яков

Благодарю на угощеньи сладком.

Наталья

Да сладко, что ль?

Яков

Нешто себе.

Наталья

Не надо
Подслащивать? Тебе и пряник сладок?
И слаще ты не знаешь ничего?

Ломают пряник пополам и едят.

Анисья

Вперед всего о божьем милосердьи.

Татьяна

Отцовское у ней благословенье,
Исконное в ее роду.

Кочетов

Добро!
Покончена статья, теперь другая.

Татьяна

А кузнь ее ларешную ты знаешь.

Анисья

Из кузни-то не грех тебе прибавить.
Особенно низанья маловато.

Татьяна

(достает из сундука ларчик)
Ссыпного есть в ларце. Глядите сами —
Огкатистый и чистый.

Кочетов

Покажи-ко!
(Рассматривают жемчуг в ларчике.)

Н а т а л ь я

(Якову)

Торгуются, как лошадь продают.

Я к о в

Аль не́любо?

Н а т а л ь я

Теперь какие спросы!
Возьмешь меня, не все ль тебе равно,
Охотой шла иль силой?

Я к о в

Ой, заспорят,
Поссорятся, боюсь.

Н а т а л ь я

Не обойдется
Без брани-то. На Кисловке недавно,
Из рядной-то, дралися смертным боем,
На улицу из дома выбивались;
Сошлись опять. Нельзя не спорить, дело
Торговое. Твои охочи взять,
А матушка не вдруг отдаст, копейка
Гвоздем у ней прибита.

К о ч е т о в

(отдавая ларец)

Что смотреть-то?
Чего тут взять на поднизь!

Т а т ь я н а

Наберете.
Прибавите из своего.

А н и с ь я

Куда же
Беречь тебе? Дивлюсь. Одна всего-то,
А ты для ней жалеешь. Хотя бы серьги,
Полны ларцы,—а ведь сама не носишь,
Давно уж ты с ушами повязалась.

Т а т ь я н а

Мои они, и воля в них моя:
Хочу — отдам, а то и подождете,
Никто меня заставить не волён.

А н и с ь я

Отдай теперь!

Т а т ь я н а

Не дам.

К о ч е т о в

Упряма больно.

Татьяна

Какая есть; на старости меняться
Не стать для вас. Наталья! Отойди
От Якова!

Наталья отходит к стороне.

Анисья

(Татьяне)

Да что ты, полно! Детки,
Не слушайте, уйдите в уголок!

Наталья подходит к Якову.

Татьяна

Не все ль равно: не чье, ее же будет,
Как мать умрет.

Анисья

Теперь-то и рядиться,
Во младости милей наряды нам;
Пройдет пора, на что они!

Татьяна

Недолго
Прождет она.

Анисья

И в животе, и в смерти
Господь волён. Господь прибавит веку,
Переживешь и дочь свою.

Кочетов

Другая
Обдержится старуха, веку нет,
Как дереву скрипучему.

Татьяна

Да что ты!
Никак, с ума сошел!

Кочетов

Годов полсотни
За срок живет, весь род перехоронит,
Детей, внучат, себе-то надоест.
И взмолится ко господу старуха,
Что позабыл ее.

Татьяна

Беда родниться
С такой семьей завистливой! Охота ль
Себе назло молельщиков нажить!
(Наталье.)

Бесстыдница! Совсем прильнула к парню!
Не муж еще! По их речам безумным,
И не бывать, как вижу. Отойди!

Наталья отходит.

Анисья
Не трогай их! Пущай ведут беседу.
Не их вина.

Делает рукой знак Якову; он подходит к Наталье.

Кочетов
Меня ругать-то надо;
А то прости, пожалуй! Ненароком
Сказалося; на хме́льном не взыщи!

Татьяна
Ну, бог с тобой.

Кочетов
Некстати молвишь слово,
Спохватишься, а воротить нельзя.

Анисья
Вот грех какой ведется в человецех,
Что доброе и праведное дело
Не сладится, чтоб враг не помешал;
Мутит народ крещеный. Тьфу! Чтоб сгинуть
Проклятому.

Кочетов
А мы не поддадимся.

Анисья
Ну, кузнь твою оставим. Ты б казала
Коробьи нам.

Татьяна
Не здесь оне, в избе.
Идите ин, смотрите. Недостачи
Ни в чем у нас не будет, всё с залишком.

Уходят Кочетов, Анисья, Татьяна.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Яков и Наталья.

Яков
Попался я, влетел в беду.

Наталья
В какую?

Я к о в

Робею так, что не найду и слов,
Лишь вздумаю, душа уходит в пятки.

Н а т а л ь я

Рассказывай, полегчает авось.

Я к о в

Такая страсть, такая страсть!

Н а т а л ь я

Да молви
Хоть что-нибудь!

Я к о в

Язык-то прилипает.
Как кол во рту. Куда деваться?

Н а т а л ь я

Яков!
Не мучь меня, скажи!

Я к о в

Тебе известно
Житье мое проклятое: из дома
Ни в праздник мне, ни в будни ходу нет;
Украдкой я, как пес из подворотни,
На вольный свет гляжу. В приказе разве
Обмолвишься веселым словом; дома
Не смею рта разинуть; с постной рожей
Молчальником брожу, повеся нос.
Уж если я веселого лица
Показывать родителю не смею,
Боясь побой и ругани безмерной,
Чего мне ждать, когда узнает он...

Н а т а л ь я

О чем?

Я к о в

Крестись, Наташа! В скоморохи
Поставили меня. Ломают, учат
Скакать, плясать, вертеться, беса тешить.

Н а т а л ь я

Убьет тебя отец.

Я к о в

Убьет — не страшно;
Проклятия боюсь.

Н а т а л ь я

Куда ж деваться
Головушке твоей?

Я к о в

Хочу отбегать,
Спиной отбыть от службы. Оттерплюся,
И кончено. Отдуют батогами,
Все ж легче мне отцовского проклятья,
Душа-то мне нужнее, чем...

Н а т а л ь я

Вестимо,
А в службу взят неволей или волей?

Я к о в

Спросили нас, подьячих молодых,
Не хочет ли который обучаться
В аптекарской палате у Грегори
Какому-то неслыханному действу;
Охотники нашлись, и я за ними,
Да с дуру-то и продал душу черту.

Н а т а л ь я

Куда ж бежать тебе?

Я к о в

Куда придется;
Куда глаза глядят; хоть в омут с камнем.

Н а т а л ь я

Господь с тобой. Скрывайся здесь пока,
Ходи тишком. В моей девичьей спальне
Кому вдомек искать тебя.

Я к о в

А ну-ко
Увидит мать?

Н а т а л ь я

Увидит, только ахнет
И замолчит: находка не корыстна,
Похвастаться нельзя. А мне, хошь срам,
Да так и быть, парнишка молодого
Жалеючи, стыда не побоюсь,
А матушки родимой и подавно.

Я к о в

Дознаются, не быть тебе за мной.

Н а т а л ь я

Возьмусь за ум, так буду, не печалься.
У нас вверху, у мастериц золотных,
Обучишься уму — такая служба,
В котле кипим. Одна другой хитрее,
И все-то мы такие проидохи,
Что ты в Москве со свечкой не найдешь.

Я к о в
Никак, идут.
Н а т а л ь я
Ну, врозь да по углам.

Расходятся.

Я к о в
Ты где?
Н а т а л ь я
В углу. А ты?
Я к о в
В другом.
Н а т а л ь я
(прислушивается)
Не чуть ли?
Я к о в
Почудилось, аминь-аминь, рассыпься!

Сходятся.

Н а т а л ь я
В чем служба-то твоя и как зовется,
Скажи ты мне на милость!
Я к о в
Как зовется,
Не знаю сам покуда. Действом либо
Игрой какой,—мудреное прозванье.
Н а т а л ь я
А весело?
Я к о в
Да так-то хорошо,
Что, кажется, кабы не грех великий,
Не страх отца... Вот так тебя и тянет,
Мерещится и ночью.
Н а т а л ь я
(с участием)
Без крестов
Играете игру-то? Перед действом
Снимаете кресты-то?
Я к о в
Не снимаем.
Н а т а л ь я
Греха-то что!
Я к о в
Греха не оберешься.

Н а т а л ь я

Теперь идут уж вправду. Разойдемся.

Входят К о ч е т о в, А н и с ь я, Т а т ь я н а.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

К о ч е т о в, А н и с ь я, Т а т ь я н а, Я к о в, Н а т а л ь я.

Т а т ь я н а

Довольны вы?

А н и с ь я

Уж так-то мы довольны,
Сказать нельзя, по горло.

Т а т ь я н а

Слава богу.

К о ч е т о в

Запас велик, добра преизобильно.

А н и с ь я

(Якову и Наталье)

А вы опять по сторонам. Сойдитесь,
Беседуйте! Произволеньем божьим
У нас на лад идет.

Т а т ь я н а

Так по рукам?

К о ч е т о в

Ударимся, благословясь. А надо б
С тебя еще черевью шапку взять.

А н и с ь я

На что она, черевья шапка?

К о ч е т о в

Так уж
Задумал я.

Т а т ь я н а

Завистные глаза!
Наталья! Прочь от Якова.

Наталья отходит.

А н и с ь я

Постойте!
Уладимся. Детей-то пожалейте!
Не ссориться ж из шапки. Стойте рядом.

Яков подходит к Наталье.

Греха-то вы, как вижу, не боитесь,
Из пустяков да ссора.

К о ч е т о в

Я от шапки
Не отступлюсь.

Т а т ь я н а

А я не уступлю.

К о ч е т о в

А я упрям.

Т а т ь я н а

А я тебя упрямей.

К о ч е т о в

А мы и прочь.

Т а т ь я н а

А я и очень рада.

К о ч е т о в

Даешь иль нет?

Т а т ь я н а

И думать позабудь.
Наталья, вон! Из спаленки ни шагу
Шагнуть не смей. Иль запереть тебя?

А н и с ь я

Да полно вам! Поговорите толком,
Безумные! Ей-богу, ну!

К о ч е т о в

Не хочет,
И кончено. Какие разговоры!
Чего еще! Пойдем, жена, пойдем!
Простите нас!

Входит Ю р и й М и х а й л о в. Яков заглядывает за перегородку, разговаривает с Натальей.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

К о ч е т о в, А н и с ь я, Т а т ь я н а, Я к о в и Ю р и й М и х а й л о в.

Ю р и й

Челом тебе, Татьяна
Макарьевна. Не обессудь, без зову,
За делом я к тебе. Кирилл Панкратьич,
Здоров ли ты? Анисья Патрикевна!
Не с вами ль сын? Не здесь ли Яков?

К о ч е т о в

(показывая)

Здесь.

Юрий

Так вот где ты? Где мед, и мухи там.
Заметим мы для переду! Отец,
Пугни его, гуляет от ученья,
Задуровал, от рук отбился.

Кочетов

Яков,
Кто бегает, того сажают на цепь
И больно бьют — приказных батогов
Не миновать тому, а ты впридачу
Попробуешь родительских, домашних.

Яков

Родитель мой, уж лучше я...

Юрий

Не слушай!
Иди, иди, не очень прохлаждайся!
Возись с тобой, а делу остановка.
(Уходит, уводя с собой Якова.)

Татьяна

Хорош жених Натальин! На веревке
В приказ тащат.

Анисья

Робячье дело.

Татьяна

Видно,
Соскучился боярин о сынке.

Кочетов

Пойдем, жена!

Анисья

Простите бога ради.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Татьяна, Наталья.

Наталья

(выходя из спальни)
Ушли они?

Татьяна

(смеется)
Ушли, спесивы больно.
Ну, вот у нас и радость. Побранимся
Еще разок, другой и сладим дело.
Не шапка мне черевья дорога,

А уступать нельзя, не мой обычай.
Сначала их повадь, они запросят
Невесть чего. А вот теперь сойдемся
На малости; за малую прибавку
Ухватятся обеими руками.
Подай убрус и опашень, Наталья.

Н а т а л ь я

Куда же ты сбираешься?

Т а т ь я н а

К Абраму
Никитичу.

Н а т а л ь я

А почто?

Т а т ь я н а

Объявить
Про сватанье. Царица обещала
К приданому прибавку, коль найдется
Жених тебе хороший. Нам чего же
Искать еще? Велика милость божья!
За старого не хочется отдать;
А Яков наш из молодых, да ранний,
Матвееву пришел по нраву. Ну, уж
Прибавлено, что взял в сынки, а значит,
Хоть сын — не сын, а всё же на знати!
А по мужу жене почет.

Н а т а л ь я

(у окна)

Гляди-ко,
Счастлива я: один жених с двора,
Другой на двор.

Т а т ь я н а

А кто?

Н а т а л ь я

Василий Клушин.

Т а т ь я н а

Запри скорей!

Н а т а л ь я

Да он в сенях и пьяный.

Т а т ь я н а

Скажи, что мать ушла; а то пристанет,
Рассядется, и кланяйся, и потчуй
Несытую утробу! Наказанье!
(Уходит за перегородку.)

Входит К л у ш и н.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Наталья и Клушин (в сенях).

Наталья
Без матери пустить тебя не смею.
Клушин
А где ж она?
Наталья
В гостях, сегодня праздник.
Куда идешь? Сказала, не пущу.
Клушин
А ты меня попотчуй!
Наталья
Чем прикажешь?
Березовым поленом?
Клушин
Эка девка
Бедовая!
Наталья
Уйди! Девичье дело,
Стыднехонько соседей.
Клушин
Ничего,
Послушай ты...
Наталья
Мое девичье дело...
Уйди путем.
Клушин
Эх, молодость прошла,
Не выгнала б.
Наталья
Мое девичье дело.
Возьму ухват...
Клушин
Ну, бог с тобой! Прощай!
А матери скажи, чтоб ожидала,
Что свата я хорошего найду,
Лопухина, боярина.
Наталья
(смеясь)
Неужто?
Клушин
Ну, вот и все. Прощай покуда!

Наталья

С богом.

Клушин уходит. Выходит Татьяна.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Татьяна и Наталья.

Татьяна

Натальюшка! Беда! Бежать скорее,
С добра ума к боярину с поклоном!
Не опоздать бы; забежит вперед
Подьячишко, наделает хлопот.
(Уходит.)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА:

АРТЕМОН СЕРГЕЕВИЧ МАТВЕЕВ, *окольничий.*

АБРАМ НИКИТИЧ ЛОПУХИН, *царицын дворецкий.*

ИОГАН ГОТФРИД ГРЕГОРИ, *аптекарь.*

ЮРИЙ МИХАЙЛОВ.

ЯКОВ КОЧЕТОВ.

КЛУШИН.

1-й, 2-й, 3-й — *ученики Грегори, комедианты.*

НЕСКОЛЬКО КОМЕДИАНТОВ, ДВА СТОРОЖА — *без речей.*

ЛИЦА В ИНТЕРМЕДИИ:

ЦЫГАН — *Кочетов.*

ЛЕКАРЬ.

СЛУГА ЕГО.

Палата в государевом дворце, над аптекой. В ней три двери: с правой стороны, в заднем углу, входная; с левой, тоже в зад-

нем углу, в другую палату; в глубине — в комнату, назначенную для комедиантов. Посреди палаты невысокие подмостки в виде четырехугольной площадки; сход с подмостков сзади к средней двери. Близ боковых стен скамьи. К задней стене, по обеим сторонам двери, приставлено несколько небольших рам перспективного письма, то есть декораций.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Несколько учеников-комедиантов: одни стоят кучками, другие ходят с тетрадями в руках и читают про себя. У входной двери два сторожа. Входят Юрий Михайлов и Яков Кочетов.

Юрий
(сторожам)
Смотреть за ним! Блюдите хорошенько!
(Якову, который садится на скамью и опускает голову на руку.)
А если ты вдругòрядь и́мешь бегать
И своего безделья не отстанешь,
Сидеть тебе в палате на цепи.

1-й комедиант
Проведает боярин, на орехи
Достанется.

2-й комедиант
За первую провинность
Нигде не бьют.

3-й комедиант
Помилуют небось!

Юрий
Не шутки ведь! По царскому указу
Комедию «Есфирь» готовим на́спех,
Стараемся, из кожи лезем вон,
Чтоб угодить царю, лишь ты, паршивик,
Мешаешь всем.

Яков
И убегу опять.

Юрий
Чего и ждать от дурака! Поучат,
Разок-другой отдуют батожьем,
Прибавится ума в тебе.

Яков
(сердито)
Не знаю,
Не пробовал.

Юрий

Отведаешь, узнаешь.

1-й комедиант

И что тебе неймется? Наша служба
Веселая, работы нет большой.

Яков

Отца боюсь.

Юрий

Ну, вот велика птица!
Проведает боярин Артемон
Сергеевич, что из его приказа
Подьячишко, в поруху воли царской
От дела прочь сынишка отбивает,
Задаст ему.
(Уходит в другую комнату.)

Яков

Когда еще задаст,
А я за всё — про все, и здесь, и дома,
Побоев жди! Хоть в петлю полезай!

2-й комедиант

Житье твое нельзя хвалить.

Яков

Мое-то?
Мое житье, что встал, то за вытье.
Протер глаза, взглянул на солнце красно
И взвыл, как волк на месяц.
(Плачет.)

2-й комедиант

Полно плакать!

Несколько комедиантов

Не стыдно ль? У!!

Яков

Толкуйте! Вам живется
Споло́горя, и отдых есть, и радость
На праздничных гулянках, в песне звонкой,
В ребяческих забавах и во всем,
Чем жизнь робят красна; а мне веселье
Заказано.

2-й комедиант

Слезами не поможешь;
Что плачь, что нет — всё то же будет! Лучше
Махни рукой да покажи нам в лицах
Бытье-житье домашнее!

Я к о в

(сердито отталкивая его)

Отдайся!

1-й комедиант

Оставь его! Зачем мешаешь парню?
Ты видишь, он за дело принялся;
Пущай сидит да воет на досуге.

3-й комедиант

Потешь-ко, брат, приятелей!

Я к о в

Отстаньте!

1-й комедиант

Да ну его! Не хочет — и не надо.

3-й комедиант

А знатно ты рассказывал, бывало,
Животики со смеху надорвешь.
«Сидит отец, а ты стоишь».

Я к о в

Пристали
Как банный лист, от вас не отвязаться.
Ну вот: сидит отец в очках, читает,
А я стою поодаль, и, на грех,
Смутил меня лукавый, рассмеялся.
Отец очки снимает полегоньку.
«Чему ты рад, дурак? Аль что украл?
Не знаешь ты, что мы в грехах родились
И ка́зниться должны, а не смеяться?
Не знаешь ты, так я тебе внушу.
Достань-ко там на гвоздике двухвостку!
Уныние пристойно отрочати,
Уныние, а не дурацкий смех,
Уныние, уныние...». И лупит
От плеч до пят как сидорову козу,
Без устали, пока не надоест.
И взмолишься, причитыванья вспомнишь,
И чешешься потом да унываешь,
Неведомо чему.

1-й комедиант

Ягану Готфридыч.

Входят Грегори и Юрий Михайлов.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Грегори, Юрий, Яков, ученики.

Грегори
(Якову)
Ты для чего убегал, Якоб Кочет?
Нехорошо. Ты думал, dummer Junge[1],
Что грех тут есть? Не думай так! Не надо.
У нас и бог один, и грех один,
Я пастор сам, такой, как поп у русских;
Что я греху учу, сказать лишь может
Кто не учен, совсем не штудирован.
И глупость есть невинные забавы
Грехом считать. Теперь тебя прощаю;
А будешь, мой голубчик, уходить,
Тогда себе достанешь... Что достанешь —
Узнаешь сам. Не будет хорошо. *(Отходит.)*

Яков
(про себя)
Толкуй себе: не грех. Тебе уж кстати
В аду кипеть, а мне так нет охоты.

Комедианты смеются.

Грегори
Ну, вы! Пошел, готовься начинать.

Комедианты уходят. Входят Матвеев и Лопухин.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Матвеев, Лопухин, Грегори и Юрий Михайлов.

Грегори
(с низкими поклонами)
Das ist sehr schön, das Sie gekommen sind[2].

Матвеев
Здоров ли ты, Яган Готфридыч?

Грегори
Очень
Благодарю за милость, понемножку,
И так, и сяк. Herr[3] Лопухин!
(Кланяется Лопухину.)

---

[1] Глупый малый *(нем.)*.
[2] Очень хорошо, что вы пожаловали *(нем.)*.
[3] Господин *(нем.)*.

Л о п у х и н

Здорово!

Ну, что твои робята?

Г р е г о р и

Потихоньку,

Не торопясь, идем подальше.

М а т в е е в

Дело!

А много ль их?

Г р е г о р и

Тридесять человек.

М а т в е е в

И дельные робята есть?

Г р е г о р и

Немножко.

М а т в е е в

А Кочетов? Мне Юрий говорил,
Что больно он к немецкому язы́ку
Старателен и шел к тебе в науку
Охотой сам. Да годен ли парнишко
На что-нибудь?

Г р е г о р и

Талант большой имеет,

М а т в е е в

Чему горазд?

Г р е г о р и

Такой смешной.

М а т в е е в

Покажешь

Сегодня нам?

Г р е г о р и

О да! Сегодня будем
Показывать смешную штуку. Начал
Готовить их для interludium [1].
Что делать, Herr окольничий, покуда
Своих смешных мы не имеем штук,
Из Киева достали. Без смешного
Никак нельзя, мой господин; наскучит
Материя одна без перемены.
Да только жаль, что нет свое; а надо
Свое писать смешное.

---

[1] Интермедия, комическая сценка *(латин.)*.

Лопухин

Нам смешного
Не занимать; и своего напишем,
Лишь волю дай. Гляди да слушай только,
С три короба насыплешь. Что другое,
Уж не взыщи, не вдруг у нас найдется,
А за смешным недалеко ходить.
Идя сюда, подьячего я встретил,
Как водится, для радости царевой,
Изрядно пьян. С великим челобитьем
Как сноп, упал; да, прах его возьми,
Перепугал. Как что его скосило
У самых ног моих. Как боров пегий,
Валяется, являет о бесчестье.
Послушал бы, о чем он просит.

Матвеев

Что же,
Послушаем, вели позвать.

Лопухин
(сторожу)

Эй, малый!
Шатается тут некакий подьячий
Из мастерской царицыной палаты,
Так приведи сюда!

Сторож уходит.

Матвеев
(Грегори)

А скоро ль будет
Комидия «Есфирь» готова?

Грегори

Скоро,
Мой господин.

Матвеев

Для матушки-царицы
Библейская Есфирь по сердцу будет.

Грегори

О да, mein Herr[1], я понимаю. Можно
Показывать сегодня вам немного
Комедию «Есфирь», а только прежде
Proludium[2] покажем небольшое.

---

[1] Мой господин *(нем.)*.
[2] Пролог, вступительная сцена *(латин.)*.

Матвеев

Какое же?

Юрий

(с низким поклоном)

«Цыган и лекарь».

Матвеев

Ладно.

(Отводит Лопухина в сторону.)

Комидию для чести государской
Иметь давно пора, и речи нет.
Недаром же у прочих государей
При всех дворах она заведена.
Что можно взять, возьмем у иноземцев.
Чего нельзя — покуда подождем.
Абрам Никитич! Как ты полагаешь,
Для царской ли забавы лишь годна
Комидия? Для русского народа,
Для всех чинов и званий — от посадских
До нас, бояр,— немало пользы в ней.
Не стыд ли нам, не грех ли потешаться
Калечеством, убожеством людским!
На дураков смеемся; эко диво,
Что глуп дурак! А разве то умнее:
Сберем шутов, сведем их в кучу, дразним,
Как диких псов, пока не раздерутся,
И тешимся руганьем срамословным
И дракою кровавой. То ль забавы
Бояр, думцов, правителей земли?
А наших жен, боярынь, пированья?
Глядеть-то срам! От сытного обеда,
От полных чар медов стоялых встанут
Алёхоньки, как маковы цветочки,
По лавочкам усядутся рядком,
Велят впустить шутих, бабенок скверных
И тешатся бесстыжим их пласаньем,
С вихляньем спин и песнями срамными.
И чем срамней, тем лучше, тем угодней
Боярыням. И сами бы пошли,
Да совестно, а плечи так и ходят,
И каблуки стучат, и громкий хохот
Дебелые колышет телеса.
А дочери, на те потехи глядя,
С младенчества девичий стыд теряют

И с бабами и девками сенными
Без матери изрядно спирю пляшут.
Пора сменить шутов, шутих и дур
Неистовства на действа комидийны.
Подьячего винят за пьянство; разве
Без чарки он, без хмельного питья
Найдет себе веселье? Вековечным
Обычаем указаны ему
По праздникам попойки круговые
С задорными речами, с бранью, с боем
И на три дня тяжелое похмелье.
За что ж винить его? Иных приятств,
Иных бесед, речей и обиходов
Не знает он. А покажи ему
Комидию, где хитрым измышленьем
И мудростью представлены, как въявь,
Царей, вельмож, великих полководцев,
Философов дела и обхожденья;
И дум, и чувств изведав благородство,
Весельем он бесчинства не почтет.
Простой народ, коль верить иноземцам,
В комидии не действо, правду видит,
Живую явь: иного похваляет,
Других корит, и если не унять,
Готов и сам вмешаться в действо. Хочешь
Испробовать? Подьячему прикажем
Остаться здесь, на действо поглядеть.

Л о п у х и н

Ну что ж, изволь. А зашумит, так можно
И в шею гнать, боярин не велик.

Входит К л у ш и н.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

М а т в е е в, Л о п у х и н, Г р е г о р и, Ю р и й, К л у ш и н.

Л о п у х и н

(Клушину)

Поди сюда, и снова без утайки
Рассказывай поряду, кто и как,
И чем тебя обидел.

К л у ш и н

Государь,

Абрам Никитич, милости боярской
Прошу твоей.

Л о п у х и н

Проси.

К л у ш и н

Сиротским делом
Обижен я и, государь, являю
Перед тобой обиду.

Л о п у х и н

На кого?

К л у ш и н

На Якова Матвеева, палаты
Царицыной закройщика.

Л о п у х и н

А чем же
Обидел он тебя?

К л у ш и н

Сидел в палате
Сегодня я на месте, где садятся
Подьячие, а он, Матвеев Яков,
За поставцом сидел, где платье шьют,
И молвил мне: «Хорош бы ты подьячий;
Зачем-де пишешь, высуня язык?
Зайти тебе с затылка да ударить,
И ты себе язык откусишь». В том
И жалоба моя, и челобитье.

Л о п у х и н

И лаял ты его, я чаю.

К л у ш и н

Лаял
Неистово. Ужли ж стерпеть?

М а т в е е в

Обида
Немалая.

Л о п у х и н

Уж это ль не обида!
Какой еще? И как ты перенес?
Диковина, Василий.

К л у ш и н

Государь,
Абрам Никитич, смилуйся, пожалуй!

Л о п у х и н

Еще чего не скажешь ли?

Клушин

Боярин,
Вдовею я без мала пять годов;
Греха боюсь, от скуки упиваюсь.

Лопухин

А мне-то что? Женись!

Клушин

Не раз сбирался,—
Никто нейдет.

Лопухин

Уж я не виноват;
Недобрую себе ты нажил славу
Между невест.

Клушин

Твое велико слово:
Посватаешь, пойдут. В твоем приказе
Невеста есть, из мастериц золотных.

Лопухин

Посватаю, женю тебя, Василий!
Останься здесь, дождись меня в палате;
Смотри туда!
(Указывая на подмостки.)
Гляди смирненько в оба!
Не проглядн, смотри! А что увидишь,
Не сказывай!

Грегори

Начать могу?

Матвеев

Хозяин
Не я, а ты в палате.

Грегори

(в дверь, комедиантам)
Начинаем.

Юрий Михайлов и несколько комедиантов ставят и укрепляют на заднем краю площадки раму, на которой написан домик. Рама ставится несколько отступя от краю, чтобы сзади ее оставался проход, а так как рама у́же площадки, то и по обеим ее сторонам остаются небольшие из-за нее проходы. Перед рамой ставят скамью. Юрий Михайлов остается на площадке с тетрадью в руках. Матвеев и Лопухин садятся на скамью с левой стороны. Грегори сажает Клушина на скамью с правой стороны; тот упирается, он сажает его за плечи насильно и садится с ним рядом.

Юрий

(на площадке)

Ciganus exit [1]. Яшка, выходи!

(Уходит за раму.)

С другой стороны выходит Яков Кочетов, одетый цыганом.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Матвеев, Лопухин, Грегори, Клушин. Proludium (на площадке). Цыган, потом лекарь и слуга.

Цыган

(печально)

Чахбей, чахбей!

Клушин

(хохочет)

Охо, гого!

Грегори

(Клушину)

Молчи!

Цыган

Чахбей, чахбей!

Когда ж люди видали,
Чтоб цыгане с голоду пропадали!
А уж я ныне того дождался,
До самого нельзя — вплоть домотался.
Такая, право, забота:
Работать не берет охота,
А бродишь день до вечера,
А украсть тебе нигде нечего.
Нашла на меня напасть,
Приходит с голоду пропасть,
И стал я без хлеба в тоске,
Как без воды рыба на песке.
Да что ж я сдуру стою да плачу?
Лягу-ко я спать наудачу!
Уж либо голод переспится,
Либо что съестное приснится.

(Ложится на лавку.)

Клушин

Ну, как не так! Приснится, дожидайся!
Ложись, ложись!

---

[1] Цыган выходит *(латин.)*.

Грегори

Не надо говорить.

Молчи, гляди и слушай!

Клушин

Замолчу.

Цыган видит во сне сало, ловит его зубами, понемногу приподнимаясь, и просыпается.

Цыган

Вот кой-что и хорошенькое приснилось,
Около губ ветчинное сало билось.
Я было за ним потянулся,
Да так, ни с чем, и проснулся.
Лягу на счастье сначала,
Не увижу ли опять сала.
А увижу, так хвачу зубами,
Что твой кузнец клещами.
(Ложится опять.)

Клушин хохочет. Грегори зажимает ему рот.

(Опять видит сало и тянется за ним.)
Ну-ко, еще, ну-ко, еще поближе,
Опустись маленько пониже!
(Вскакивает, ловит руками и бежит за раму.)

С другой стороны выходят лекарь и слуга с ящиком медикаментов. Цыган, не поймав сала, возвращается печальный.

Цыган

Распропащая голова моя!

Лекарь

Doles? [1]

Цыган

Да кака́ тут лиха болись.
Не ел никак две недели,
От того все черевья помлели.

Лекарь

Varia sunt mi medicamenta ad manus [2].

Цыган

Знаю, что ты обманешь;
Да уж ты поверь мне, цыгану,
Мало стало проку от обману.
Знать, что обман плохо помогает,

---

[1] Болен? *(латин.)*.
[2] У меня под рукой есть разные лекарства *(латин.)*.

Коли цыган с голоду пропадает.
Мне бы теперь кусок сала,
Вся бы моя боль в животе отстала.

Лекарь

O, quam pulsus est gravis [1].

Цыган

Что ты меня давишь?
Вот чудак, щупает да в сторону плюет,
А что цыган голоден, того не чует.

Лекарь

Hic medicamenta [2].
(Показывает лекарство.)

Цыган

Да не пойдет это в губы.

Слуга

Говорит, что болят у него зубы.

Лекарь

Ubi dolor? [3]

Слуга

(на ухо, громко)
Болят у него денти [4]!

Лекарь

Ubi sunt instrumenta? [5]

Слуга

(цыгану)
Сядь-ко, брат, благо всё готово.

Цыган

Вот мне любезное слово.
Теперь-то я обеда дождался,
Слава богу, добрый человек попался.
Надо мне поплотней усесться,
Чтоб за все голодные дни отъесться.
Привалило счастье цыгану.
(Садится.)

Слуга

Господин лекарь, принимайся! а я держать стану.

Цыган

Зачем держать? Стол подставьте,
Да печеное порося поставьте,

---

[1] О, какой учащенный пульс *(латин.)*.
[2] Здесь лекарства *(латин.)*.
[3] Где болит? *(латин.)*.
[4] Искаженное латинское dentes — зубы.
[5] Где инструменты? *(латин.)*.

Да глядите издали, коли не видали,
Как люди поросят с костями едали.

Слуга

Болтай еще! Пороса ему дать!
(Берет цыгана за голову сзади.)

Цыган

Аль ты меня хочешь, что кобылу, взнуздать?

Лекарь

(раскрывая рот цыгану)
Quam dentes sunt lati! [1]

Цыган

Да что вы, черти прокляти!

Лекарь

(вырывая зуб)
Ecce habes! [2]

Цыган

(вырвавшись, воет)
Ай, ай, ай-ай.
Батюшки мои!

Клушин

(привстает)
Ой, смёртушка! Ой, смерть моя приходит!

Грегори

(берет его за плечи)
Сиди, сиди, молчи!

Клушин

Да мочи нет.

Лопухин

Заткните рот ему тряпицей старой!

Клушин

Ой, замолчу. Ой, смерть! Ой, замолчу!

Слуга

(цыгану)
Присядь-ко, мы еще дернем.

Цыган

Да и так вытянули зуб с корнем.
Я думал, он от голоду полечит;
А он меня же калечит.
Знать, ума у тебя много,
Вздумал ты, жид тонконогой,
Коли зубов не станет,

---

[1] Какие огромные зубы! *(латин.)*.
[2] Вот и готово! *(латин.)*.

Так и голод от человека отстанет.
От таких чертей — лекарей
Бежать было цыгану поскорей.

С л у г а

Беги, благо ты парень вострый,
А то вытащит тебе зубы вдосталь.

Ц ы г а н убегает.

Л е к а р ь

Деньги где? Деньги заплати-ко!

С л у г а

Попробуй, цыгана догони-ко!

Л е к а р ь

(бьет слугу)
Так вот тебе! Вот тебе! Получай!
Без денег больного не отпускай!

С л у г а

Ох! Много мне от тебя передачи!
Нечего делать, давать тебе сдачи.
По-русски вот как! Отведай мою закуску.
У меня и черту не бывает спуску.
(Берет немца поперек, бросает на землю и бьет палкой.)

Л е к а р ь

Heu, heu!

С л у г а

(бьет палкой)
Вот тебе гей! лекаришко!
Некрещеный лоб, паршивый паричишко!

К л у ш и н

Валяй его! Валяй! Вот так! Прибавь!
Прибавь еще!

Г р е г о р и

Сиди!

К л у ш и н

Пусти-ко, немец.
Постой-ко, я пойду ему прибавлю.
(Лезет на подмостки.)

Л о п у х и н

Гоните вон его! Гоните в шею!

С т о р о ж а выталкивают К л у ш и н а.

М а т в е е в

(Грегори)

Изрядно, брат! Зело потешно видеть
Робят твоих.

Л о п у х и н

Смешить горазды!

Г р е г о р и

Очень
Благодарю.

М а т в е е в

Теперь «Есфирь»?

Г р е г о р и

Сейчас.
Пожалуйте, войдите здесь в палату!
В минуту все у нас готово будет.

Провожает М а т в е е в а и Л о п у х и н а в соседнюю комнату. Комедианты и сторожа прибирают на сцене; выходит Я к о в К о ч е т о в, переодевшись в свое платье.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Я к о в, к о м е д и а н т ы и с т о р о ж а.

Я к о в

С добра ума убраться поскорее!
Потешно им, а мне веселья мало.
Смеются все, а у меня мурашки
По коже-то от пяток до затылка,
И волосы вздымает дыбом, словно
С загривка-то кто чешет. Убегу.
Отбегаюсь, хоть на цепь посадите,
Хоть режь меня. Парнишко молодой.
Душонка-то изныла. Мне ли тешить,
Ломать себя, чужую образину,
Цыганскую, жидовскую, чудскую,
Напяливать на облик православный,
Веселым быть и веселить других,
Когда в глазах зияет ад кромешный,
Над головой отцовское проклятье!
Кому Есфирь, а мне душа нужна.
Греха боюсь, уйду. Прощайте, братцы.
(Убегает.)

К о м е д и а н т ы

Ушел, ушел! Держите!

Сторожа подходят к двери. На шум выходят М а т в е е в, Л о п у х и н, Г р е г о р и, Ю р и й М и х а й л о в и о с т а л ь н ы е к о м е д и а н т ы.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Матвеев, Лопухин, Грегори, Юрий Михайлов, комедианты, сторожа.

Сторожа
(у двери)
Не догонишь.
Держи его! Как вихорь полетел.

Юрий
(толкая сторожа)
Ловить его! Ловить его бегите!

Грегори
Что делать нам, mein Gott? [1] Никак не можно
Показывать «Есфирь».

Матвеев
О чем тревога,
И кто ушел?

Юрий
Да Кочетов Яшутко.
Не в первый раз ему. Отца боится,
И бегает от дела.

Матвеев
Разве мимо
Отцовского согласья Яков взят?

Юрий
Охотился и взяли, государь.
Его печаль отца спросить, не наша.
Уж больно лют старик, ему забота
Лишь бражничать да сына теребить,
Как ястребу курчонка. Батогами
Пугнуть бы их обоих — то ли дело!
И Якову наука, и отец
Помягче б стал.

Матвеев
В уме ли ты! Иль мало
Ругают нас бояре, так и ловят
Поймать у нас хоть малую оплошку,
Царю донесть и делу помешать.

---

[1] Мой бог? *(нем.)*.

Г р е г о р и
Без Якоба не можно и не будет
Комидия готова.
М а т в е е в
Постарайся!
Г р е г о р и
Один ушел, другой, и все уйдут,
И я уйду.
М а т в е е в
А ты сердит, я вижу.
Взамен его возьми другого!
Г р е г о р и
Разве
Талент башмак, что можно их менять,
Один долой, другой надел?
М а т в е е в
Ну как же
Помочь беде? Помехи, вижу, много
Со всех сторон: кто с умыслом, кто спросту
Мутит народ, по всей Москве разносит,
Что будто мы готовим государю
Бесовскую потеху. Не уймешь
Народную молву, пока не скажешь
С Постельного крыльца, что действо будет
Из библии — «Есфирь».
(Отводит Лопухина в сторону.)
Да не нажить бы
Себе беду другую, горше первой!
Указывать на Мордохея будут,
Отыскивать Амана меж собой.
(Юрию.)
Парнишка ты сведи к отцу, скажи:
Не надо, мол, не плачьте, пошутили.
Г р е г о р и
Нельзя, никак не можно мне без Якоб.
Другого нет, и нет, и негде брать...
М а т в е е в
Ну как же быть, не знаю, право. Палкой
Медведей лишь к плясанью понуждают,
Людей нельзя.
Ю р и й
Дозволишь молвить слово?
М а т в е е в
Ну, молви, что ль, скорей!

Юрий

Государь,

Затеяно, так надо кончить дело;
Берясь за гуж, не говори: не дюж.
Ужли ж теперь, людей бездельных ради,
Ломать, бросать иль портить початое?
Ужли отстать от Якова? Да я
Возьмусь тебе, что Кочетов Кирило
И сам придет, и сына приведет
В палату к нам.

Матвеев

Схлопочешь, рубль за мною.

Юрий

Рублем на рубль ответить мне не мочно,
А голову кладу свою в поруки,
Что Кочетов старик придет просить
И кланяться, чтоб только взяли сына.

Матвеев

Ну вот, не плачь, Яган.
(Взглянув на часы, Лопухину.)
Приспело время,
Пора идти к царю на званый пир.

Уходят, все с низкими поклонами их провожают.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА:

КИРИЛЛ КОЧЕТОВ.

АНИСЬЯ.

ЯКОВ.

КЛУШИН.

ТАТЬЯНА.

НАТАЛЬЯ.

ЮРИЙ МИХАЙЛОВ.

СЛУГА КОЧЕТОВА — *без речей.*

Чистая изба в доме Кочетова. Посередине входная дверь; налево, у печки, дверь за перегородку, у двери поставец; направо под окнами лавка, у лавки стол, на котором большие и малые книги.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

А н и с ь я и Т а т ь я н а входят.

А н и с ь я

Пожалуй-ко! Тебя господь несет,
А я гляжу в окно да не узна́ю:
Как словно ты,— опять же то мекаю,
Что виделись сейчас, зачем-де ей?
Ну, милости прошу.

Т а т ь я н а

Такое дело
Приспелося; без нужды б не пошла.

А н и с ь я

Само собой. За делом иль без дела,
А всё же я радехонька.

Т а т ь я н а

С Кириллом
Панкратьичем повздорили за роспись
Маленько мы.

А н и с ь я

До брани не дошло?

Т а т ь я н а

А долго ли?

А н и с ь я

Да диво ль побраниться?
Лиха беда заспорить.

Т а т ь я н а

Не святые,
На всякий час не опасешься.

А н и с ь я

Нам бы
И спорить-то не для́ чего. Конечно,
Ведется так: нельзя не торговаться.
Ну, муж глава, при нем и я по нем;
А я тебе перечить бы не стала.
Для матери дитя всего больнее;
Тебе печаль Наташу замуж выдать,
Моя — сынка женить. Хоть поглядела б
На их житье. И радость-то одна
На старости: внучат скорей понянчить,
Коль бог пошлет.

Т а т ь я н а

Я, так и быть, прибавлю
Тафтяную сорочку, рудо-желту.
Да вошвы есть на летник, по атласу

Червчатому шелки и серебро.
Совсем было про них забыла — стала
В коробьях рыть, нашла, так что таить.

А н и с ь я

Скуненька ты, а вот и расступилась
Для дочери. Да что и говорить:
Затеяли, так надо кончить дело.
Убытка нет тебе: такого зятя
С огнем ищи, так не найдешь, поверь.
Не матери б хвалить.

Т а т ь я н а

И не хвалила б.
У нас глаза не слепы — парня видим.
Дурным его не назовешь, из роду
Не выкинешь; а поискать приняться,
Так есть и лучше на Москве; не клином
Сошлась она. Да вот беда какая:
Искать-то мне не время; тороплюся,
Приходится сбывать Наталью с рук.
Послушай-ко! На Кисловке, бок о бок,
Сосед у нас из нашего приказа
Подьячишко,— да, господи прости!
Такой-то пес постылый! Наберется
Угару-то хмельного, колобродит
По всем дворам; а чаще всех ко мне.
И потчую,— нельзя. По разговорам,
Как вижу я, присвататься он хочет.

А н и с ь я

Не Клушин ли?

Т а т ь я н а

Ну, он. А разве знаешь?

А н и с ь я

Кумой зовет,— крестили вместе. Ходит
Частенько к нам и пить, и похмеляться.
Докучлив так-то часом, что не знаешь,
И выжить как. Чего ж его бояться?
Не отдавай! Не кто тебя неволит,
Не оторвет с руками.

Т а т ь я н а

Оторвет;
Сильна рука у плута. Подслужился
Боярину Лопухину и нашим
Боярыням верховым, казначеям.
Боярское для нас велико слово,

Велят отдать, не станешь спорить, выдашь
За пьяницу.

Анисья

Ахти! Беда какая!

Татьяна

Ну, сватьюшка, еще ли ты не видишь
Любви моей? Другая набиваться
Стыдилась бы, а я вас упреждаю:
Не мешкайте!

Анисья

Чего же дожидаться!
Хоть завтра же! Спасибо, что сказала.
Проснется муж, поговорим, да с богом,
Благословясь, и по рукам ударим.
А там честным пирком... Уж так-то рада,
И слов тебе не вдруг найду... Ну, сватья,
В светелочку ко мне! На всей прохладе
Медку испить, пожалуй, за любовь.

Уходят. Из боковой двери, спросонков после полуденного сна, выходит Кочетов, отворяет поставец, достает сулейку и чарку и, оглядываясь, наливает.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Кочетов один.

Кочетов

(со вздохом)
Единую. Жена не увидала б,
Храни господь! Хоть в доме я глава,
А все-таки...
(Пьет.)
Закусочки пошарить.
(Закусывает.)
А все-таки блюдуся шуму. Зво́нок,
Пронзителен их голос бабий.
(Откашливаясь.)
Знатно!
Винца испить любезно скуки ради;
Да только жаль, что чарочка мала;
И потому вторично.
(Пьет.)
Вот и полно.
(Ставит сулейку на место, закрывает поставец и садится к столу.)
Теперь начну прохладно насыщаться

Премудростью чужой.
(Раскрывает рукопись «Домостроя», лежащую на столе.)
Где ни откроешь,
Словесный мед и пища для души.
(Надевает очки и читает.)
«А дети аще небрегомы будут,
В ненаказании отцов живя,
Что согрешат иль злое что содеют,—
Отцам и матерям от бога грех,
А от людей укор и поношенье,
В дому тщета, и скорби, и убыток,
А от судей соромота, продажа».
Премудрые слова отца Сильвестра!
А далее читаем: «Како дети
Спасати страхом». «Не ослабевай,
Бия младенца! Аще бо жезлом
Биешь его, на здравие бывает,
Казни измлада сына своего
И ребра сокрушай, покуда мал;
А вырастет — не дастся». Это правда.
Великий был мудрец отец Сильвестр!
Для сына я не пожалел жезла
И вырастил стыдливее девицы:
Как рыба нем пред старшим пребывает;
Родителя приказы принимает
В молчании, с поклоном исполняет.
На праздничных пирушках у родных,
Склоня главу, сидит, а очи долу
Опущены имеет. Глумотворства,
Веселия бежит. А наипаче
Учил его блюстися скоморохов,
Гудельников, сопельников, глумцов
И песен их бесовских; грех тягчайший
Сие бо есть. Могу хвалиться смело
Перед людьми, что Яков мой не знает
Мирских забав и всяческих соблазнов.

Входит К л у ш и н.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

К о ч е т о в, К л у ш и н.

К л у ш и н

Хозяину и дому благодать
И мир!

Кочетов

(снимая очки)

Добро пожаловать, приятель
Особенный, Василий Фалалеич!
Присядь!

Клушин

Сажусь. Хозяйка поздорову ль,
Кума моя, Анисья Патрикевна?

Кочетов

Старуха-то? Старуха ничего,
Кой-как плетется.

Клушин

Яков понавык ли
Писанию приказному?

Кочетов

Под страхом
Родительским помалу навыкает.
Обучится, не вдруг же.

Клушин

Ну, и ладно.
Всё слава богу, значит?

Кочетов

Слава богу!

Клушин

Ну и восхвалим бога!

Кочетов

И восхвалим
За милости его.

Клушин

Ему во славу
Даров его употребим посильно
От лозного плода.

Кочетов

Да негде взять-то.
Подьячему вкушать не подобает
От гроздия. Копейки трудовые
В моей мошне дырявой шевелятся,
А не рубли, и нам о фряжских винах
И греческих и думать непригоже.
Простое есть.

Клушин

Приказывай!

Кочетов

Поспеешь!
Приятелю душевно рад; понеже
Скудаюся давно беседой умной.
По-дружески прошу тебя, Василий,
Поговорим с тобой, покуда трезвы.
Диковина ль напиться! Мы успеем
Осатанеть. Не прочь и я от чарки,
Лишь не люблю безумного веселья.
Беседовать прохладно я желаю,
От разума и от писаний книжных,
О том, о сем, о суете житейской.
Вопросами друг друга испытуя,
Паришь умом над сей земной юдолью,
Красноглаголиво, преизощренно,
Витийственно свои слагаешь речи,
И мнишься быти новый Златоуст.
Люблю словес извитие и жажду
Его душой. Подьяческих пирушек
Не жалую; в них брань да уреканье,
Да пьяный шум, воистину бесовский.
Не мерзость ли, когда они вприсядку
Пускаются по целому десятку!

Клушин

А я хмельной умнее.

Кочетов

Друг Василий,
Не похвались! Ума-то не теряешь,
Воистину; да на руку-то скор
И дерзостен бываешь в разговоре,—
Частехонько за бороду чужую
Имаешься, как за свою, без спроса
Иль, сохрани господь, чем ни попало
По лысине огреешь.

Клушин

В этом грешен.
Нечто, начнем. Рассыпать разговор
И я не прочь.

Кочетов

Вот мы заговорили,
Что милостив господь до нас; вопрос:
А милостей достойны ль мы господних?

Клушин

Ответ: никак.

Кочетов

А почему? вопрос.

Клушин

Ответ: зане греха и всякой скверны
Содетели; живем скотоподобно
И пьянственно; а грех лихоиманья,
Грабительства, прижимки, волокиты
И всякого томленья православных
Первейший в нас; и мы ничем не лучше
Разбойников, сидящих по оврагам,
В темных лесах, под ветхими мостами.

Кочетов

Разбойников?

Клушин

И татей полунощных...

Кочетов

Постой, постой! Я изловил тебя.
Еще вопрос, и сам ты повинишься.
Не первому ль новозаветный рай
Разбойнику отверзся?

Клушин

Эко дело!
И вправду так. Винюсь. Скажи, пожалуй,
Из памяти ушло.

Кочетов

(со вздохом)

Кому ж и помнить
Разбойника спасенье, как не нам.
Нашлось ему в раю местечко, будет
И нам с тобой. В миру живем, приятель,
Не согрешить нельзя — питаться надо,
Кормить семью. Греха не убежишь,
В грехе рожден. А наше лихоимство
Велико ли? Обычная подачка
От воевод.

Клушин

А те посадских грабят.

Кочетов

Такой черед от века предуставлен,
А то бы как мирская-то копейка
Из дальних стран России неоглядной,
Из Галича, из Вологды иль Перми,
До наших рук сиротских доходила!
(У двери.)

Жена, войди! Василий Фалалеич
В гостях у нас.

Входит А н и с ь я.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

К о ч е т о в, К л у ш и н, А н и с ь я.

А н и с ь я
(целуясь с Клушиным)
Ах, куманек любезный!
Надумался, в кой-то веки. Лёгко ль,
Кажись, уж год тебя я не видала;
А Кисловка-то под боком у нас,
Не за морем. Не грех бы толконуться
Когда-нибудь, куму проведать.

К л у ш и н
Видишь,
Дела у нас; царица молодая
Повеселей живет. Ее дворецкий,
Абрам Никитич Лопухин, покою
Не знает сам, да не дает и нам.
Во всем дворце у всех теперь работы
Прибавилось; то новых нянек, мамок
Готовили, а вот теперь родины,
Так некогда, не обессудь.

А н и с ь я
Да полно
Виниться-то! Я рада, что пришел.

К о ч е т о в
Поди-ко ты да принеси...

А н и с ь я
Уж знаю,
Чем потчевать. Не яства же сахарны
Поставить вам! И хлебом не корми
Да дай винца.

К л у ш и н
Не то, чтоб я любил,
А, видишь ты, у государя радость —
Так веселы и слуги. Погляди-ко!
Пьяна Москва от мала до велика.
Бояре пьют с почетом у царя,
Промеж себя дворяне, духовенство
И всякий чин придворный; а подьячий —
Где потчуют его. И всякий пьет,

Где есть вино и где ему придется.
В такие дни и пьется как-то ходко,
Особенно за умною беседой
С приятелем.

А н и с ь я

Да что греха таить,
Захочешь пить, так радости найдутся.
Не первый год с тобой знакома, знаю
Обычай твой: до чарочки охоч.

К л у ш и н

И не запрусь, кума.

А н и с ь я

Не в осужденье
Слова мои. Пилось бы на здоровье!
Хозяева таким гостям и рады
Податливым; спесивый, право, хуже,
Поклонами замучает. Всю спину
Сведет тебе, не разогнешься после.
А ты не ждешь поклонов, и спасибо.
А, чай, тебе постами тяжело
Без пенного? Повадка-то неволит,
А разрешенья нет. А кто привычен,
Так, слышала, ой-ой непереносно
Говенье-то.

К л у ш и н

Ну, что уж! Умираю.

А н и с ь я

А ведь грешишь, поди?

К л у ш и н

Не потаюсь.
Грешить грешу, да каюсь в окаянстве,
По тысячам поклоны отбиваю
Частехонько, все лестовки ошмыгал.

К о ч е т о в

(жене)
Да ты бы шла.

А н и с ь я

Иду. Затолковалась.
Сейчас велю подать. И у самой-то
В гостях сидит знакомая старушка,
Так у меня припасено. Сидите,
Беседуйте! Я гостью провожу
И к вам приду, присяду.
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Кочетов, Клушин и потом слуга.

Кочетов

Друг любезный,
Про новости, какие есть, скажи!

Клушин

И то хочу сказать тебе из свежих.

Слуга вносит вино и закуску, ставит на стол и с поклоном уходит.

Кочетов

(наливая чарку)
За здравие царя и государя
И матушки-царицы.
(Пьет. Хочет закусывать.)

Клушин

(наливая по другой)
Погоди!
Пожди, постой! Тотчас же по другой
За здравие царевича Петра,
Новорожденного!

Кочетов

На многи лета!

Пьют.

Клушин

И новости теперь. Вдову, Татьяну
Макарьевну, из мастериц золотных,
Знавал ли ты?

Кочетов

Ну, как ее не знать.

Клушин

И дочь ее, Наталью, знаешь?

Кочетов

Знаю.

Клушин

А деньги есть у них?

Кочетов

Еще ль не быть!
Накоплено, и не прожить.

Клушин

Наталья
На возрасте, и люди девку хвалят.

Так вот тебе и новость: я сбираюсь
Присвататься.

К о ч е т о в

Недурно ты задумал.
Да поздно, друг.

К л у ш и н

Ничуть.

К о ч е т о в

Поверь, что поздно.

К л у ш и н

И старше есть, да женятся. Завистно
Приданое. А сватовство ведется
Не женихом, а сватом; плох жених,
Да сват хорош, и ладно. Я Абрама
Никитича посватать попросил.
Я стар и вдов, а скажет только слово
Боярское — и люб, и молод буду.

К о ч е т о в

Да поздно, друг. Ищи себе другую,
Наталью нам оставь; сговорена
За Якова.

К л у ш и н

Я, чай, Василий Клушин,—
Не Яков твой. Его за человека
Не всяк сочтет. Помеха не велика.
В подружье быть ему на нашей свадьбе
И то за честь великую.

К о ч е т о в

За сына
Горой вступлюсь. Не тронь его.

К л у ш и н

Вступайся,
Недороги вы оба.

К о ч е т о в

Ты велик ли?

К л у ш и н

Велик иль мал, а всё ж не скоморох.

К о ч е т о в

Уж врать, так врать, Василий. Ври уж вдосталь!
Когда его видал ты скоморохом?

К л у ш и н

Сегодня, друг.

К о ч е т о в

Кого же Яков тешил?

К л у ш и н

Матвеева.

К о ч е т о в

Не лги! У Артемона
Сергеича холопы есть.

К л у ш и н

Холопы
Холопами, и Якову есть место.

К о ч е т о в

Да с пьяну-то не только скоморохи,
Покажутся тебе и черти.

К л у ш и н

Ладно.
Покажутся, так открещусь!

К о ч е т о в

Василий,
Не пустословь! Облай его как хочешь,
Грабителем казны, церковным татем,
Убийцею, коль бога не боишься,
Коль бес в тебя засел, а скоморохом
Не обзывай!

К л у ш и н

Кричи себе, пожалуй,
Не страшно мне ничуть.

К о ч е т о в

Да где ж ты видел?
Скажи, злодей!

К л у ш и н

В аптекарской палате.
Дворцовую аптеку знаешь?

К о ч е т о в

Знаю.
(С ужасом.)
И там внизу потешная...

К л у ш и н

(таинственно)

Не то.
Над царскою аптекой есть палата
Просторная; с великим береженьем,
Тихонько там, обычаем немецким,
Подьяческих детей и иноземцев
Немецкий поп потехе новой учит,
Комидии.

Кочетов
(с ужасом)
Немецкий поп?
Клушин
Ягап
Готфридович Григорьев.
Кочетов
Боже!
Немецкий поп крещеных, православных
Подьяческих детей потехе учит!
Клушин
Комидии.
Кочетов
О, господи помилуй!
Клушин
Немецкая потеха мудрена,
Не всякому под силу. Яков понял,
На диво всем дался.
Кочетов
Да в чем она,
Потеха-то немецкая?
Клушин
Примерно,
Хоть Якова оденут чертом, лешим
И выпустят ломаться на потеху.
Кочетов
(хватаясь за голову)
Ах, ужас, страсть!
Клушин
Ну, и крутись как знаешь.
Кочетов
Не верю я лжецу. Уйди, исчезни!
Убью тебя, клеветника!
Клушин
(испугавшись)
Я, друже,
Не виноват ни телом, ни душой,
У Якова спроси, не отопрется.
Кочетов
Не вижу я, не помню ничего.
О, господи! Такое испытанье
Тяжелое! Не пережить его.
Тоска и стыд грызут меня. От сына
На голову седую поношенье,

Позор и срам. Змея в моей груди.
Прискорбно мне! Душа горит. Покоя
Не обрету вовек. Жена! Анисья!
(Берет со стола «Домострой».)
Отец Сильвестр! Я прокляну его.
(Садится и закрывает лицо руками.)

Входят Анисья и Татьяна.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Кочетов, Клушин, Анисья и Татьяна.

Анисья
Ну, что у вас? Никак нельзя без крику!
Лишь выпили, и зашумели.

Кочетов
Ох!
Не спьяну я кричал.

Анисья
А мы с Татьяной
Макарьевной и выпили, да тихо,
Не ссоримся, и пьяны, да умны.
Покончили дела, Кирилл Панкратьич.
С чего завял? Не вешай головы!
Сынка женю, Василий Фалалеич!
От радости не чуя ног хожу,
Вставай, отец, молиться богу будем!

Кочетов
Сынка женить? А где сынок?

Анисья
Вернется.
У дела, чай.

Кочетов
У дела? У какого?

Анисья
Приказного.

Кочетов
Ну, вот ему неволя
В приказе быть, тянуть сызмала лямку
Отцовскую. Сынок-то лучше службу
Нашел себе.

Анисья
Какую ж?

Кочетов
Скоморошью.

Анисья и Татьяна

Ай-ай! Ахти, беда!

Входит Юрий Михайлов, за ним Яков. Наталья прокрадывается за ними в угол.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Кочетов, Клушин, Анисья, Татьяна, Юрий Михайлов, Яков и Наталья.

Кочетов

Его ли надо?
Куда зашел, бесоугодник? С нами
Не быть тебе, служитель сатанин!
В покое сем иконы, и куренье
От ладана возносится почасту.
Молитвой я встречаю утро здесь,
Молитвой день мятежный провожаю.
Изыди вон! Изыди, окаянный!
Тебе вольно везде бро́дить; не смей
Вступать под кров родительский! На свете
Простор велик глупцам и скоморохам,
По смерти им одно готово место
С диаволом. И буди про...

Наталья

(выбегает из угла)

Постой!
Молчи, старик! Не то своей рукою
Замкну твой рот, нечистый, богохульный!
Родительским проклятьем не шути!
Легко тебе, у браги пьяной сидя,
Над детищем безвинным потешать
Хмельную блажь свою; а жить на свете *(плача)*
Проклятому, подумай ты, легко ль!
Так знай же ты! Неправое проклятье
От грешных уст, до неба не дойдя,
Воротится назад в уста и свяжет,
Замкнет навек, и будешь нем.
(Со слезами отходит.)

Татьяна

Наталья,
Откуда ты взялась?

Анисья

(со слезами)

Господь послал.

А мы-то! Мы стоим...

Юрий

Кирилл Панкратьич,
Не для того привел к тебе я сына,
Прислал его боярин не за тем.
Возьми его! По царскому веленью
В аптекарской палате обучают
Подьяческих робят библейским действам,
Готовятся с великим поспешеньем,
Чтоб действовать перед царем «Есфирь»
В недолгий срок. Радея государю
И жалуя тебя не по заслугам,
А ради лет преклонных, Артемон
Сергеевич велел, чтоб Яков с теми
Робятами учился вместе. Яков,
Боясь греха и твоего проклятья,
Противен стал и бегает от службы,
Хвали его, а не брани, что волю
Отцовскую поставил выше царской.
Тебя ж, Кирилл, боярин похваляет:
«Что нынче-де таких благочестивых
Подьячих вряд сыскать, чтоб воле царской
Перечили — повиноваться власти
Грехом себе считали. Он-де знатно
Вперед других задумал в рай попасть».

Кочетов

(женщинам)

Уйдите-ко покуда! После кликнем.

Анисья, Татьяна, Наталья уходят.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Кочетов, Клушин, Юрий и Яков.

Кочетов

А боле мне, холопу, нет приказу?

Юрий

(кланяясь)

Приказа нет к тебе, а челобитье,
Чтоб ты простил его да грешных нас
И с Яковом.

К о ч е т о в

Почесть ли за посмех
Слова его, боярские?

Ю р и й

Не знаю.
Клади в мешок, опосле разберешь.
А я сказал боярину: мол, старый,
Одумавшись, и сам придет просить,
Чтоб Якова опять в ученье взяли.

К о ч е т о в

Смеяться ты над старым молоденек
И глуп еще.

Ю р и й

Я воли не снимаю
С тебя, Кирилл Панкратьич; не снимай
И ты с меня! Твори елико хощешь;
А мне сказать никто не запретил.
Прощай!

К о ч е т о в

Постой! Какая же «Есфирь»!
Когда робят чертями рядят?

Ю р и й

Кто же
Сказал тебе?

К о ч е т о в

Василий Фалалеич.
(Сыну.)
Вот я тебе, ужо!

Ю р и й

За что, помилуй?
Прости его!

К о ч е т о в

Простить-то я прощу,
А все же страх внушить.

Ю р и й

(Клушину)

Ты что ж болтаешь?
Каких чертей ты видел? Агасфера
В величии, в парче и багрянице,
Есфирь в слезах, Амана, Мордохея.

К л у ш и н

Цыгана я лохматого...

Ю р и й

Свяжите
Скорей его! Не ты ли к Агасферу
На трон полез? Прибить хотел? И в шею
Велел тебя погнать боярин.

К л у ш и н

Только
Не Агасфер, а лекарь из жидов...

Ю р и й

(перебивая)
Постой, скажи! По шее били?

К л у ш и н

Били.

Ю р и й

(Кочетову)
Ну, вот тебе.
(Клушину.)
Царя на троне видел?

К л у ш и н

Да кто же мне глаза отвел?

Ю р и й

Не знаю.

К л у ш и н

Во все глаза глядел, а не видал,
Не немец ли глаза-то отводил?
Всё в бок меня толкал. Ни Агасфера,
Ни трона я...

Ю р и й

Кому ты говоришь?
Мы трезвые, а ты с утра затмился.
Нет, вы его свяжите!

К о ч е т о в

Ну, Василий,
Запутался, шальная голова.

Ю р и й

Прощай!

К о ч е т о в

Пожди часок! А что такое —
Комидия?

Ю р и й

Видал пещное действо?
Ну, вот, точь-в-точь. Особую палату
Поставят нам в селе Преображенском

И действовать прикажут ежедённо
В глазах царя.

Кочетов Так вот что?

Юрий После действа
К руке пойдем.

Кочетов
А жалованье будет?

Юрий
Великое. И есть за что. Поверишь,
Ночей не спим, забот, хлопот! Любезно
Житье твое, Кирилл Панкратьич! Можно
Сидеть тебе за чаркой, прохлаждаться,
Беседу весть, над Яковом мудрить:
Уму учить иль по головке гладить.
Уж ты его прости скорей!

Кочетов
(грозя пальцем)
Ну, Яков!
(Показывая «Домострой».)
Вот книга-то! Вся жизнь как на ладони
Показана. Читай о скоморохах
И бахарях и ка́знись.

Яков с поклоном принимает книгу и отходит в угол.

Ты сказал,
Что жаловать хотят робят?

Юрий
Нельзя же,
Не даром же трудились.

Кочетов
По полтине?
Аль больше, чай?

Юрий
Толкуй тут! По полтине.

Кочетов
Чего ж еще?

Юрий
Полтина! Соболями!
Не всех равно: по делу, по заслуге,
А больше-то пожалуют отцов.
Прощай пока!

Кочетов Постой!

Выходят Татьяна, Анисья, Наталья.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Кочетов, Клушин, Юрий, Яков, Анисья, Татьяна, Наталья.

Татьяна
Кирилл Панкратьич,
Ты бога-то боишься ли? Затеял
Обманом жить. Сироты мы с Натальей,
А ты сирот выводишь из ума,
Смотри-ко, сплел какую небылицу
На Якова, что Артемон Сергеич
В сынки берет; а мы-то, сдуру, верим.
А вышло-то на деле, в скоморохи,
С холопами ломаться перед ним.
Уж вам бы так и брать ему под пару,
Женить его на дуре неумытой,
В покромошной, суконной телогрее,
С гремушками на кике, а не сватать
У честных вдов отецких дочерей!
Уж нечего, хорош жених!

Клушин
Помилуй,
Какой жених! Молокосос, Татьяна
Макарьевна. Ну, мне ль чета! Примерно,
Как я теперь, в года вошел, как должно,
На степень стал и чертом не ряжусь...

Юрий
А, ты опять заговорил.

Татьяна
Не хвастай!
Хорош и ты; а всё уж лучше. Я-то,
Безумная, сокровище такое,
Красавицу свою, отроковицу,
Смиренницу...

Юрий
Постой-ко ты, Татьяна
Макарьевна, с смиренством-то. Недавно,
И часу нет, как Якова нашли
В твоем дому, у ней в опочивальне,
У дочери смиренницы. Я сам
Волок его у ней из-под кровати.

Татьяна
Ах, батюшки! Да как же ты?

Наталья
Не помню,
Хмельна была.

Т а т ь я н а

Ах, срам! Не верьте ей!
Ни отроду хмельного в рот. Наталья,
Да есть ли стыд в тебе? Опомнись!

К л у ш и н

Парня
Хмельная ты пустила; иль не знаешь:
Хмельная вся чужая!

Т а т ь я н а

Что ж молчишь-то?
Да плюнь ему! Мол, полно завираться!
У матушки в дому живу, что в келье,
Честней, мол, нас на свете нет. Ты вот как
Скажи ему, бесстыжему.

Н а т а л ь я

(отворотясь)

Не знаю,
Хмельна была.

Т а т ь я н а

Да что же ты, срамница,
Куда глядишь? Аль вправду, что ль?

Н а т а л ь я

Не знаю.
Хмельна была.

Т а т ь я н а

Зарезала меня.
Ах, батюшки! Отцы мои родные!
Не мне людей корить, самой приходит
Кориться вам. Простите, бога ради!
Возьмите с рук, избавьте от стыда!

А н и с ь я

Какой же стыд! За честь родня такая.

К о ч е т о в

Ну, то-то же. Вот так-то лучше будет.

Н а т а л ь я

(Якову)

Ну, ловко ли?

Я к о в

(из-за «Домостроя»)

Наташа молодец!
А я-то глуп, теперь лишь догадался.

Н а т а л ь я

Есть заповедь.

Яков

Какая?

Наталья

Не зевай!

Юрий

Прощай теперь. Живите поздорову;
А доброму началу добрый час.
Постой, забыл. Велел тебе боярин
Во вторник быть пораньше на Постельном.
А что сказать боярину, подумай,
Чтоб глупостью людей не насмешить.
(Уходит.)

Анисья

Теперь начнем моленья и поклоны,
Благословясь, ударим по рукам.
Родители, возьмитесь за иконы;
Ну, детушки, валитесь в ноги к нам.

Клушин

Кому жена, да радость, да веселье,
А Клушину в чужом пиру похмелье.

ЭПИЛОГ

(4 июня 1672 года)

ЛИЦА:

БОГДАН МАТВЕЕВИЧ ХИТРОВО,
дворецкий государя.

ВАСИЛИЙ СЕМЕНОВИЧ ВОЛЫНСКИЙ.

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ МИЛОСЛАВСКИЙ.

МАТВЕЕВ.

ДУМНЫЙ ДЬЯК.

ГРЕГОРИ.

КОЧЕТОВ КИРИЛЛ.

ЯКОВ.

ЮРИЙ МИХАЙЛОВ.

КЛУШИН.

КОМЕДИАНТЫ.

БОЯРЕ, ДВОРЯНЕ И ВСЯКИЕ СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ.

Постельное крыльцо.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

На авансцене, перед каменной преградой, стоят дворяне, дети боярские, подьячие и прочие служилые люди, которым вход за каменную преграду был запрещен. Между ними Грегори с своими учениками, Юрий Михайлов, Кирилл и Яков Кочетовы и Клушин.
За преградой несколько бояр.

Клушин *(Кочетову)*
Чего-то ждут. Бояре что-то шепчут
Между собой.

Кочетов
А нам какое дело?
У них свои, у нас свои заботы.
На то оно Постельное крыльцо,
Что всякий тут с своей печалью.

Юрий
Ты-то
С какою же? Проситься в воеводы?

Кочетов
Куда уж нам? Не лезь в чужую душу,
Оставь меня! Я знаю, что мне надо.

1-й комедиант
Беглец пришел, глядите-ко, Яшутко.

2-й комедиант
(Якову)
А нас вчера боярин пирогами
Попотчевал торговыми.

1-й комедиант
На квас
Сычёный дал.

2-й комедиант
И ангельское платье
Пошить велел, чтоб действовать Товита.

Юрий
Да что к нему пристали? Он не наш,
Особь статья. В овчарню возвратилась
Заблудшая овца — на радость дому.

Яков
Уйти бы нам отсюда!

Кочетов
Подождем
Боярина.

Яков
Да страшно показаться.
В глаза ему не взглянешь от стыда.

К о ч е т о в

А ты молчи, за сына я в ответе.

Я к о в

Уж лучше мне сквозь землю провалиться.

Ю р и й

Молчите вы! Идут бояре с верху.

Выходят дьяк, Хитрово, Волынский, Милославский, Матвеев и несколько бояр.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Хитрово, Волынский, Милославский, Матвеев, дьяк, Грегори, Юрий Михайлов, Кочетов, Яков, Клушин, комедианты, бояре и разные люди.

М а т в е е в

Поди сюда, магистр Яган Грегори.

Грегори с поклоном подходит к преграде.

Д ь я к

Великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всея великия, и малыя, и белыя России самодержец, указал тебе, иноземцу Ягану Готфриду, учинити комидию. А на комидии действовать из библии книгу «Есфирь», и для того действа устроить хоромину вновь.

Бояре выходят за преграду.

Х и т р о в о

Яган Готфрид за все дела берется:
Магистр, и поп, и лекарь, и аптекарь,
И скоморох.

Г р е г о р и

Нет, я не скоморох.

Х и т р о в о

Так кто же ты? Потешник, шпильман, что ли,
По-вашему? Всё тот же скоморох,
По-нашему сказать тебе, по-русски.
(Уходит.)

М и л о с л а в с к и й

За что, Яган, шутов-то обижаешь?
Ну, как не грех? Нашел кого обидеть!
Ведь, право, жаль! Тяжелый хлеб у них,
Горбом берут. Побои да увечья

За малую подачку переносят
И кормятся. А ты отнять задумал
Сиротский хлеб!
(Уходит.)

Г р е г о р и

Я хлеб не отнимаю.
Шутов кормить еще вам долго будет.
Какой кто ум имеет, то и смотрит:
Комидии один, другой медведя,
Как пляшет он. Хороший танец! Славно.
(Пляшет медведем.)

В о л ы н с к и й

Покажешь нам Есфирь, Юдифь, Товита,
А что ж потом? Одно ведь надоест,
И примешься неволей за скомрашьи
Потешные погудки.

Г р е г о р и

Нет, mein Herr!
О, много есть написано у тех,
Которые живут от нас подальше.
И будем мы писать,— материй разных
Найдем себе. И всякий там увидит
И жизнь свою, и что тихонько делал,
И что он сам один с подушкой думал.
А совесть кто свою забыл, не знает
Суда ее — он там свой суд найдет.

В о л ы н с к и й

А кто же мне судьею будет?

Г р е г о р и

Комик.

В о л ы н с к и й

Ну, это, брат, в других землях ведется,
У нас не так.
(Уходит.)

Г р е г о р и

А будет и у вас.
Коль есть у всех, и вам уйти не можно
От комика. В душе у человека,
В числе даров господних, есть один
Спасительный: порочное и злое
Смешным казать, давать на посмеянье.
Величия родной земли героев
Восхваливать и честно и похвально;

Но больше честь, достойно большей славы
Учить людей, изображая нравы.
(Кляняется и уходит.)

Матвеев

Комидия в иных землях ведется,
На свете нам не мало образцов,
И стало быть, что недурное дело,
Когда она угодна государям
Таких земель, которым свет ученья
Открыт давно. И в нашем государстве
Комидию заводит царь великий
На пользу нам; народ ее полюбит
И доброго царя добром помянет.

Кочетов кланяется.

Ну, что, старик? Какое челобитье?

Кочетов

Сынка привел; возьми его, боярин!
Да будет он царев комедиант!

СНЕГУРОЧКА

Весенняя сказка в четырех действиях с прологом

Действие происходит в стране берендеев в доисторическое время. Пролог на Красной горке, вблизи Берендеева посада, столицы царя Берендея. Первое действие в заречной слободе Берендеевке. Второе действие во дворце царя Берендея. Третье действие в заповедном лесу. Четвертое действие в Ярилиной долине.

ПРОЛОГ

ЛИЦА:

ВЕСНА-КРАСНА.

ДЕД-МОРОЗ.

ДЕВУШКА-СНЕГУРОЧКА.

ЛЕШИЙ.

МАСЛЕНИЦА —
соломенное чучело.

БОБЫЛЬ БАКУЛА.

БОБЫЛИХА,
его жена.

БЕРЕНДЕИ
обоего пола и всякого возраста.

СВИТА ВЕСНЫ, ПТИЦЫ: ЖУРАВЛИ, ГУСИ, УТКИ, ГРАЧИ, СОРОКИ, СКВОРЦЫ, ЖАВОРОНКИ И ДРУГИЕ.

Начало весны. Полночь. Красная горка, покрытая снегом. Направо кусты и редкий безлистный березник; налево сплошной частый лес больших сосен и елей с сучьями, повисшими от тяжести снега; в глубине, под горой, река; полыньи и проруби обсажены ельником. За рекой Берендеев посад, столица царя Берендея: дворцы, дома, избы — все деревянные, с причудливой раскрашенной резьбой; в окнах огни. Полная луна серебрит всю открытую местность. Вдали кричат петухи.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Л е ш и й сидит на сухом пне. Все небо покрывается прилетевшими из-за моря птицами. В е с н а - К р а с н а на ж у р а в л я х, л е б е д я х и г у с я х спускается на землю, окруженная свитой п т и ц.

е ш и й

Конец зиме пропели петухи,
Весна-Красна спускается на землю.
Полночный час настал, сторожку Леший
Отсторожил,— ныряй в дупло и спи!
(Проваливается в дупло.)

В е с н а - К р а с н а спускается на Красную горку в сопровождении птиц.

Весна-Красна

В урочный час обычной чередою
Являюсь я на землю берендеев,
Нерадостно и холодно встречает
Весну свою угрюмая страна.
Печальный вид: под снежной пеленою
Лишенные живых, веселых красок,
Лишенные плодотворящей силы,
Лежат поля остылые. В оковах
Игривые ручьи,— в тиши полночи
Не слышно их стеклянного журчанья.
Леса стоят безмолвны, под снегами
Опущены густые лапы елей,
Как старые, нахмуренные брови.
В малинниках, под соснами стеснились
Холодные потемки, ледяными
Сосульками янтарная смола
Висит с прямых стволов. А в ясном небе
Как жар горит луна и звезды блещут
Усиленным сиянием. Земля,
Покрытая пуховою порошей,
В ответ на их привет холодный кажет
Такой же блеск, такие же алмазы
С вершин дерёв и гор, с полей пологих,
Из выбоин дороги прилощенной.
И в воздухе повисли те же искры,
Колеблются, не падая, мерцают.
И всё лишь свет, и всё лишь блеск холодный,
И нет тепла. Не так меня встречают
Счастливые долины юга,— там
Ковры лугов, акаций ароматы,
И теплый пар возделанных садов,
И млечное, ленивое сиянье
От матовой луны на минаретах,
На тополях и кипарисах черных.
Но я люблю полунощные страны,
Мне любо их могучую природу
Будить от сна и звать из недр земных
Родящую, таинственную силу,
Несущую беспечным берендеям
Обилье жит неприхотливых. Любо
Обогревать для радостей любви,
Для частых игр и празднеств убирать
Укромные кустарники и рощи

Шелкóвыми коврами трав цветных.
(Обращаясь к птицам, которые дрожат от холода.)
Товарищи: сороки-белобоки,
Веселые болтушки-щекотуньи,
Угрюмые грачи, и жаворóнки,
Певцы полей, глашатаи весны,
И ты, журавль, с своей подругой цаплей,
Красавицы-лебедушки, и гуси
Крикливые, и утки-хлопотуньи,
И мелкие пичужки,— вы озябли?
Хоть стыдно мне, а надо признаваться
Пред птицами. Сама я виновата,
Что холодно и мне, Весне, и вам.
Шестнадцать лет тому, как я для шутки
И теша свой непостоянный нрав,
Изменчивый и прихотливый, стала
Заигрывать с Морозом, старым дедом,
Проказником седым; и с той поры
В неволе я у старого. Мужчина
Всегда таков: немножко воли дай,
А он и всю возьмет, уж так ведется
От древности. Оставить бы седого,
Да вот беда, у нас со старым дочка —
Снегурочка. В глухих лесных трущобах,
В нетающих лядинах возращает
Старик свое дитя. Любя Снегурку,
Жалеючи ее в несчастной доле,
Со старым я поссориться боюсь;
А он и рад тому — знобит, морозит
Меня, Весну, и берендеев. Солнце
Ревнивое на нас сердито смотрит
И хмурится на всех, и вот причина
Жестоких зим и холодов весенних.
Дрожите вы, бедняжки? Попляшите,
Согреетесь! Видала я не раз,
Что пляскою отогревались люди.
Хоть нехотя, хоть с холоду, а пляской
Отпразднуем прилет на новоселье.

Одни птицы принимаются за инструменты, другие запевают, третьи пляшут.

Х о р п т и ц
Сбирались птицы,
Сбирались певчи .

Стадами, стадами.
Садились птицы,
Садились певчи
Рядами, рядами.
А кто у вас, птицы,
А кто у вас, певчи,
Большие, большие?
А кто у вас, птицы,
А кто у вас, певчи,
Меньшие, меньшие?
Орел — воевода,
Перепел — подьячий,
Подьячий, подьячий.
Сова — воеводша,
Желтые сапожки,
Сапожки, сапожки.
Гуси — бояре,
Утята — дворяне,
Дворяне, дворяне.
Чирята — крестьяне,
Воробьи — холопы,
Холопы, холопы.
Журавль у нас — сотник
С долгими ногами,
Ногами, ногами.
Петух — целовальник,
Чечет — гость торговый,
Торговый, торговый.
Ласточки-молодки —
Касатки девицы,
Девицы, девицы.
Дятел у нас — плотник,
Рыбóлов — харчевник,
Харчевник, харчевник.
Блинница цапля,
Кукушка кликуша,
Кликуша, кликуша.
Красная рожа
Ворона пригожа,
Пригожа, пригожа.
Зимой по дорогам,
Летом по застрехам,
Застрехам, застрехам.

Ворона в рогоже,
Нет ее дороже,
Дороже, дороже.

Из лесу на пляшущих птиц начинает сыпаться иней, пото. хлопья снега, подымается ветер,— набегают тучи, закрываю луну, мгла совершенно застилает даль. Птицы с криком жмутся к Весне.

Весна-Красна
(птицам)
В кусты скорей, в кусты! Шутить задумал
Старик Мороз. До утра подождите,
А завтра вам растают на полях
Проталинки, на речке полыньи.
Погреетесь на солнышке немного,
И гнездышки начнете завивать.

Птицы уходят в кусты, из леса выходит Мороз.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Весна-Красна, Дед-Мороз.

Мороз
Весна-Красна, здорово ли вернулась?

Весна
И ты здоров ли, Дед-Мороз?

Мороз
Спасибо,
Живется мне не худо. Берендеи
О нынешней зиме не позабудут,
Веселая была; плясало солнце
От холоду на утренней заре,
А к вечеру вставал с ушами месяц.
Задумаю гулять, возьму дубинку,
Повыясню, повысеребрю ночку,
Уж то-то мне раздолье и простор.
По богатым посадским домам
Колотить по углам,
У ворот вереями скрипеть,
Под полозьями петь
Любо мне,
Любо, любо, любо.

Из леску по дорожке зá возом воз,
На ночлег поспешает скрипучий обоз.
Я обоз стерегу,
Я вперед забегу,
По край-поля, вдали,
На морозной пыли
Лягу маревом,
Средь полночных небес встану заревом.
Разольюсь я, Мороз,
В девяносто полос,
Разбегуся столбами, лучами несметными,
Разноцветными.
И толкутся столбы и спираются,
А под ними снега загораются.
Море свету-огня, яркого,
Жаркого,
Пышного;
Там синё, там красно, а там вишнево.
Любо мне,
Любо, любо, любо.
Еще злей я о ранней поре,
На румяной заре.
Потянуся к жильям из оврагов полянами,
Подкрадусь, подползу я туманами.
Над деревней дымок завивается,
В одну сторону погибается;
Я туманом седым
Заморожу дым.
Как он тянется,
Так останется,
По-над пóлем, по-над лесом,
Перевесом,
Любо мне,
Любо, любо, любо.

Весна

Не дурно ты попировал, пора бы
И в путь тебе, на север.

Мороз

Не гони,
И сам уйду. Не рада старику,
Про старое скоренько забываешь.
Вот я, старик, всегда один и тот же.

Весна

У всякого свой норов и обычай.

Мороз

Уйду, уйду, на утренней заре,
По ветерку, умчусь к сибирским тундрам.
Я соболий треух на уши,
Я оленью доху́ на плечи,
Побрякушками пояс увешаю;
По чу́мам, по юртам кочевников,
По зимовкам зверовщиков
Захожу, заброжу, зашаманствую,
Будут мне в пояс кланяться.
Владычество мое в Сибири вечно,
Конца ему не будет. Здесь Ярило
Мешает мне, и ты меня меняешь
На глупую породу празднолюбцев.
Лишь праздники считать да браги парить
Корчажные, да ва́ри ведер в сорок
Заваривать медовые умеют.
Весеннего тепла у солнца просят.
Зачем — спроси? Не вдруг пахать возьмется,
Не лажена соха. Кануны править
Да бражничать, веснянки петь, кругами
Ходить всю ночь с зари и до зари,—
Одна у них забота.

Весна

На кого же
Снегурочку оставишь?

Мороз

Дочка наша
На возрасте, без нянек обойдется.
Ни пешему, ни конному дороги
И следу нет в ее терём. Медведи
Овсянники и волки матерые
Кругом двора дозором ходят; филин
На маковке сосны столетней ночью,
А днем глухарь вытягивают шеи,
Прохожего, захожего блюдут.

Весна

Тоска возьмет меж филинов и леших
Одной сидеть.

Мороз

А теремная челядь!
В прислужницах у ней на побегушках
Лукавая лисица-сиводушка,
Зайчата ей капустку добывают;

Чем свет бежит на родничок куница
С кувшинчиком; грызут орехи белки,
На корточках усевшись; горностайки
В приспешницах сенных у ней на службе.

Весна

Да все ж тоска, подумай, дед!

Мороз

Работай,
Волну пряди, бобровою опушкой
Тулупчик свой и шапки обшивай.
Строчи пестрей оленьи рукавички.
Грибы суши, бруснику да морошку
Про зимнюю бесхлебицу готовь;
От скуки пой, пляши, коль есть охота,
Чего еще?

Весна

Эх, старый! Девке воля
Милей всего. Ни терем твой точеный,
Ни соболи, бобры, ни рукавички
Строченые не дороги; на мысли
У девушки Снегурочки другое:
С людьми пожить; подружки нужны ей
Веселые да игры до полночи,
Весенние гулянки да горелки
С ребятами, покуда...

Мороз

Что покуда?

Весна

Покуда ей забавно, что ребята
Наперебой за ней до драки рвутся.

Мороз

А там?

Весна

А там полюбится один.

Мороз

Вот то-то мне и нелюбо.

Весна

Безумный
И злой старик! На свете все живое
Должно любить. Снегурочку в неволе
Не даст тебе томить родная мать.

Мороз

Вот то-то ты некстати горяча,
Без разума болтлива. Ты послушай!

Возьми на миг рассудка! Злой Ярило,
Палящий бог ленивых берендеев,
В угоду им поклялся страшной клятвой
Губить меня, где встретит. Топит, плавит
Дворцы мои, киоски, галереи,
Изящную работу украшений,
Подробностей мельчайшую резьбу,
Плоды трудов и замыслов. Поверишь,
Слеза проймет. Трудись, корпи, художник,
Над лепкою едва заметных звезд —
И прахом все пойдет. А вот вчера
Из-за моря вернулась птица-баба,
Уселася на полынье широкой
И плачется на холод диким уткам,
Ругательски бранит меня. А разве
Моя вина, что больно тороплива,
Что с теплых вод, не заглянувши в святцы,
Без времени, пускается на север.
Плела-плела, а утки гоготали,
Ни дать ни взять в торговых банях бабы;
И что же я подслушал! Между сплетень
Такую речь сболтнула птица-баба,—
Что, плавая в заливе Ленкоранском,
В Гилянских ли озерах, уж не помню,
У пьяного оборвыша факира
И солнышка горячий разговор
Услышала о том, что будто Солнце
Сбирается губить Снегурку; только
И ждет того, чтоб заронить ей в сердце
Лучом своим огонь любви; тогда
Спасенья нет Снегурочке, Ярило
Сожжет ее, испепелит, растопит.
Не знаю как, но умертвит. Доколе ж
Младенчески чиста ее душа,
Не властен он вредить Снегурке.

Весна

Полно!
Поверил ты рассказам глупой птицы!
Недаром же ей кличка — баба.

Мороз

Знаю
Без бабы я, что зло Ярило мыслит.

Весна

Отдай мою Снегурочку!

Мороз

Не дам!

С чего взяла, чтоб я такой вертушке
Поверил дочь?

Весна

Да что ж ты, красноносый,
Ругаешься!

Мороз

Послушай, помиримся!
Для девушки присмотр всего нужнее
И строгий глаз, да не один, а десять.
И некогда тебе, и неохота
За дочерью приглядывать, так лучше
Отдать ее в слободку Бобылю
Бездетному, на место дочки. Будет
Заботы ей по горло, да и парням
Корысти нет на бобылеву дочку
Закидывать глаза. Согласна ты?

Весна

Согласна, пусть живет в семье бобыльской;
Лишь только бы на воле.

Мороз

Дочь не знает
Любви совсем, в ее холодном сердце
Ни искры нет губительного чувства;
И знать любви не будет, если ты
Весеннего тепла томящей неги,
Ласкающей, разымчивой...

Весна

Довольно!
Покличь ко мне Снегурочку.

Мороз

Снегурка,
Снегурушка, дитя мое!

Снегурочка
(выглядывая из лесу)

Ау!

(Подходит к отцу.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Весна, Мороз, Снегурочка, потом Леший.

Весна
Ах, бедная Снегурочка, дикарка,
Поди ко мне, тебя я приголублю.
(Ласкает Снегурочку.)
Красавица, не хочешь ли на волю?
С людьми пожить?

Снегурочка Хочу, хочу, пустите!

Мороз
А что манит тебя покинуть терем
Родительский, и что у берендеев
Завидного нашла?

Снегурочка
Людские песни.
Бывало, я, прижавшись за кустами
Колючими, гляжу не нагляжуся
На девичьи забавы. Одинокой
Взгрустнется мне, и плачу. Ах, отец,
С подружками по алую малину,
По черную смородину ходить,
Аукаться; а зорькою вечерней
Круги водить под песни,— вот что мило
Снегурочке. Без песен жизнь не в радость.
Пусти, отец! Когда, зимой холодной,
Вернешься ты в свою лесную глушь,
В сумеречки тебя утешу, песню
Под наигрыш метели запою
Веселую. У Леля перейму
И выучусь скорехонько.

Мороз
А Леля
Узнала ты откуда?

Снегурочка
Из кусточка
Ракитова; пасет в лесу коровок
Да песенки поет.

Мороз
Почем же знаешь,
Что это Лель?

Снегурочка
К нему девицы ходят
Красавицы, и по головке гладят,

В глаза глядят, ласкают и целуют.
И Лелюшком и Лелем называют,
Пригоженьким и миленьким.

Весна

А разве
Пригожий Лель горазд на песни?

Снегурочка

Мама,
Слыхала я и жаворонков пенье,
Дрожащее над нивами, лебяжий
Печальный клич над тихими водами,
И громкие раскаты соловьев,
Певцов твоих любимых; песни Леля
Милее мне. И дни и ночи слушать
Готова я его пастушьи песни.
И слушаешь, и таешь...

Мороз

(Весне)

Слышишь: таешь!
Ужасный смысл таится в этом слове.
Из разных слов, придуманных людьми,
Страшней всего Морозу слово: таять.
Снегурочка, беги от Леля, бойся
Речей его и песен. Ярым солнцем
Пронизан он насквозь. В полдневный зной,
Когда бежит от Солнца всё живое
В тени искать прохлады, гордо, нагло
На при́пеке лежит пастух ленивый,
В истоме чувств дремотной подбирает
Лукавые заманчивые речи,
Коварные обманы замышляет
Для девушек невинных. Песни Леля
И речь его — обман, личина, правды
И чувства нет под ними, то лишь в звуки
Одетые палящие лучи.
Снегурочка, беги от Леля! Солнца
Любимый сын-пастух, и так же ясно,
Во все глаза, бесстыдно, прямо смотрит,
И так же зол, как Солнце.

Снегурочка

Я, отец,
Послушное дитя; но ты уж очень
Сердит на них, на Леля с Солнцем; право,
Ни Леля я, ни Солнца не боюсь.

Весна

Снегурочка, когда тебе взгрустнется,
Иль ну́жда в чем,— девицы прихотливы,
О ленточке, о перстенечке плакать
Серебряном готовы,— ты приди
На озеро, в Ярилину долину,
Покличь меня. Чего б ни попросила,
Отказу нет тебе.

Снегурочка

Спасибо, мама,
Красавица.

Мороз

Вечернею порой
Гуляючи, держися ближе к лесу,
А я отдам приказ тебя беречь.
Ау, дружки! Лешутки, Лесовые!
Заснули, что ль? Проснитесь, отзовитесь
На голос мой!

В лесу голоса леших.

Ау, ау!

Из сухого дупла вылезает Леший, лениво потягиваясь и зевая.

Леший

Ау!

Мороз

Снегурочку блюдите! Слушай, Леший,
Чужой ли кто, иль Лель-пастух пристанет
Без отступа, аль силой взять захочет
Чего умом не может: заступись.
Мани его, толкай его, запутай
В лесную глушь, в чащу́; засунь в чепыжник,
Иль по̀ пояс в болото втисни.

Леший

Ладно.
(Складывает над головой руки и проваливается в дупло.)

Вдали слышны голоса.

Весна

Валит толпа веселых берендеев.
Пойдем, Мороз! Снегурочка, прощай!
Живи, дитя, счастливо!

Снегурочка

Мама, счастья
Найду иль нет, а поищу.

Мороз

Прощай,
Снегурочка, дочурка! Не успеют
С полей убрать снопов, а я вернусь.
Увидимся.

Весна

Пора бы гнев на милость
Переменить. Уйми метель! Народом
Везут ее, толпами провожают
Широкую...
(Уходит.)

Вдали крики: «Честна́я Масленица!» Мороз, уходя, машет рукой; метель унимается, тучи убегают. Ясно, как в начале действия. Толпы берендеев: одни подвигают к лесу сани с чучелой Масленицы, другие стоят поодаль.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Снегурочка, Бобыль, Бобылиха и берендеи.

1-й хор берендеев
(везущих Масленицу)
Раным-рано куры́ запели,
Про весну обвестили.
Прощай, Масленица!
Сладко, во̀ложно нас кормила,
Суслом, бражкой поила.
Прощай, Масленица!
Пито, гуляно было вволю,
Пролито́ того боле.
Прощай, Масленица!
Мы зато тебя обрядили
Рогозиной, рединой.
Прощай, Масленица!
Мы честно̀ тебя проводили,
На дровнях волочили.
Прощай, Масленица!
Завезем тебя в лес подале,
Чтоб глаза не видали.
Прощай, Масленица!
(Подвинув санки в лес, отходят.)

2-й хор
Честна́я Масленица!
Веселенько тебя встречать, привечать,
Трудно-нудно со двора провожать.
Уж и как нам тебя вертать, ворочать?
Воротись, Масленица, воротися!
Честна́я Масленица!
Воротися хоть на три денёчка!
Не воротишься на три денёчка,
Воротися к нам на денёчек!
На денёчек, на малый часочек!
Честна́я Масленица!
1-й хор
Масленица-мокрохвостка!
Поезжай долой с двора,
Отошла твоя пора!
У нас с гор потоки,
Заиграй овражки,
Выверни оглобли,
Налаживай соху!
Весна-Красна́,
Наша ладушка пришла!
Масленица-мокрохвостка!
Поезжай долой с двора,
Отошла твоя пора!
Телеги с повети,
Улья из клети.
На поветь санки!
Запоем веснянки!
Весна-Красна́,
Наша ладушка пришла!
2-й хор
Прощай, честна́я Маслена!
Коль быть живым, увидимся.
Хоть год прождать, да ведать-знать,
Что Маслена придет опять.
Чучело Масленицы
Минует лето красное,
Сгорят огни купальные.
Пройдет и осень желтая
С снопом, с скирдо́м и с бра́тчиной.
Потемки, ночи темные,
Карачуна проводите.
Тогда зима изломится,

Медведь переворотится,
Придет пора морозная,
Морозная-колядная:
Овсéнь-коляду кликати.
Мороз пройдет, метель нашлет.
Во вьюгах с перевеями
Прибудет день, убудет ночь.
Под крышами, застрехами
Воробки зашевелятся.
Из лужицы, из наледи
Напьется кочет с курами.
К пригреву, на завалинки
С ледяными сосульками
Из изб ребята высыпят.
На солнышке, на при́пеке,
Коровий бок нагреется.
Тогда и ждать меня опять.

(Исчезает.)

Бобыль хватается за пустые сани, Бобылиха — за Бобыля.

Бобылиха

Пойдем домой!

Бобыль

Постойте! Как же это?
Неужто вся она? Кажись бы, мало
Погуляно и попито чужого.
Чуть только я маленько разгулялся,
Голодная утробишка чуть-чуть
Заправилась соседскими блинами,
Она и вся — прикончилась. Печаль
Великая, несносная. Как хочешь
Живи теперь да впроголодь и майся
Без Масленой. А можно ль бобылю?
Никак нельзя. Куда тебе деваться,
Бобыльская хмельная голова?
(Поет и пляшет.)
У Бакула бобыля
Ни кола, ни двора,
Ни кола, ни двора,
Ни скота, ни живота.

Бобылиха

Домой пора, бесстыжий, люди смотрят.

Б е р е н д е и

Не тронь его!

Б о б ы л и х а

Шатался всю неделю;
С чужих дворов нейдет,— своя избенка
Нетоплена стоит.

Б о б ы л ь

Аль дров не стало?

Б о б ы л и х а

Да где ж им быть? Они не ходят сами
Из лесу-то.

Б о б ы л ь

Давно бы ты сказала.
Не скажет ведь, такая, право... Я бы...
Топор со мной, охапки две нарубим
Березовых, и ладно. Подожди!
(Идет в лес и видит Снегурочку, кланяется и смотрит несколько времени с удивлением. Потом возвращается к жене и манит ее в лес.)

В это время Снегурочка отходит и из-за куста смотрит на берендеев, на ее место у дупла садится Л е ш и й.

(Бобылихе.)
Смотри, смотри! Боярышня.

Б о б ы л и х а

Да где?
(Увидав Лешего.)
Ах, чтоб тебя! Вот невидаль какая.
(Возвращаясь.)
У! пьяница! Убила бы, кажись.

Снегурочка опять возвращается на свое место. Л е ш и й *уходит в лес.*

О д и н б е р е н д е й

Да что у вас за споры?

Б о б ы л ь

Поглядите!
Диковина, честны́е берендеи.

Все подходят к дуплу.

Б е р е н д е и

(с удивлением)
Боярышня! Живая ли? Живая.
В тулупчике, в сапожках, в рукавичках.

Б о б ы л ь

(Снегурочке)

Дозволь спросить, далёко ль держишь путь
И как зовут тебя и величают?

С н е г у р о ч к а

Снегурочкой. Куда идти, не знаю.
Коль будете добры, с собой возьмите.

Б о б ы л ь

К царю отвесть прикажешь, к Берендею
Премудрому в палаты?

С н е г у р о ч к а

Нет, у вас
В слободке я пожить хочу.

Б о б ы л ь

Спасибо
На милости! А у кого ж?

С н е г у р о ч к а

Кто первый
Нашел меня, тому и буду дочкой.

Б о б ы л ь

Да точно ль так, да вправду ли ко мне?

Снегурочка кивает головою.

Ну, чем же я, Бакула, не боярин!
Вались, народ, на мой широкий двор,
На трех столбах да на семи подпорках!
Пожалуйте, князья, бояре, просим.
Несите мне подарки дорогие
И кланяйтесь, а я ломаться буду.

Б о б ы л и х а

И как это, живешь-живешь на свете,
А всё себе цены не знаешь, право.
Возьмем, Бобыль, Снегурочку, пойдем!
Дорогу нам, народ! Посторонитесь.

С н е г у р о ч к а

Прощай, отец! Прощай и мама! Лес,
И ты прощай!

Г о л о с а и з л е с у

Прощай, прощай, прощай!

Деревья и кусты кланяются Снегурочке. Б е р е н д е и в ужасе убегают, Б о б ы л ь и Б о б ы л и х а уводят С н е г у р о ч к у.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА:

ДЕВУШКА-СНЕГУРОЧКА.

БОБЫЛЬ БАКУЛА.

БОБЫЛИХА.

ЛЕЛЬ,
пастух.

МУРАШ,
богатый слобожанин.

КУПАВА,
молодая девушка, дочь Мураша.

МИЗГИРЬ,
торговый гость из посада Берендеева.

РАДУШКА, МАЛУША } *слободские девушки.*

БРУСИЛО, МАЛЫШ, КУРИЛКА } *парни.*

БИРЮЧ.

СЛУГИ МИЗГИРЯ.

СЛОБОЖАНЕ: СТАРИКИ, СТАРУХИ, ПАРНИ И ДЕВКИ.

Заречная слободка Берендеевка; с правой стороны бедная изба Бобыля с пошатнувшимся крыльцом; перед избой скамья; с левой стороны большая, разукрашенная резьбой изба Мураша; в глубине улица; через улицу хмельник и пчельник Мураша; между ними тропинка к реке.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Снегурочка сидит на скамье перед домом Бобыля и прядет. Из улицы идет Бирюч, надевает шапку на длинный шест и поднимает высоко; со всех сторон сходятся слобожане. Бобыль и Бобылиха выходят из дому.

Бирюч

Слушайте, послушайте,
Государевы люди,
Слободские берендеи!
По царскому наказу,
Государеву приказанью,

Старому, исконному обычью,
Собиратися вам на завтрее
На вечерней на зорюшке,
Теплой, тихой, погодливой,
В государев заповедный лес,
На гульбище, на игрище, на позорище
Венки завивать,
Круги водить, играть-тешиться
До ранней зорьки, до утренней.
Напасены про вас, наготовлены
Пивá-браги ячные,
Старые меды стоялые.
А на ранней заре утренней
Караулить, встречать солнце восхожее,
Кланяться Ярилу светлому.
(Снимает шапку с шеста, кланяется на все четыре стороны и уходит.)

Слобожане расходятся. Бобыль и Бобылиха подходят к Снегурочке и смотрят на нее, качая головами.

Бобыль

Хе-хе, хо-хо!

Бобылиха

Ахти, Бобыль Бакула!

Бобыль

Хохонюшки!

Бобылиха

На радость взяли дочку,
Все ждем-пождем, что счастье поплывет.
Поверил ты чужому разговору,
Что бедному приемыши на счастье,
Да вот и плачь — достался курам насмех
Под старость лет.

Бобыль

Скудаться нам до веку,
Таскать кошель на плечах на роду
Написано. За что Бобыль Бакула
Ни хватится, ничто ему не впрок.
Нашел в лесу девичку — мол, подспорье
В сиротский дом беру,— не тут-то было:
Ни на волос не легче.

Снегурочка

Сам ленив,
Так нечего пенять на бедность. Бродишь

Без дела день-деньской, а я работы
Не бегаю.

Бобыль

Да что твоя работа!
Кому нужна? От ней богат не будешь,
А только сыт; так можно, без работы,
Кусочками мирскими прокормиться.

Бобылиха

Помаялись, нужда потерла плечи,
Пора бы нам пожить и в холе.

Снегурочка

Кто же
Мешает вам? Живите.

Бобыль

Ты мешаешь.

Снегурочка

Так я уйду от вас. Прощайте!

Бобылиха

Полно!
Живи себе! Да помни и об нас,
Родителях названых! Мы не хуже
Соседей бы пожить умели. Дай-ко
Мошну набить потолще, так увидишь:
Такую-то взбодрю с рогами кику,
Что только ах, да прочь поди.

Снегурочка

Откуда ж
Богатству быть у девушки-сиротки?

Бобылиха

Краса твоя девичья то ж богатство.

Бобыль

Богатства нет, за ум возьмись. Недаром
Пословица, что ум дороже денег.
С огнем ищи по свету, не найдешь
Счастливее тебя: от свах и сватов
Отбою нет, пороги отоптали.
Житье-то бы, жена!

Бобылиха

Ну, что уж! Было,
Да мимо рта прошло.

Бобыль

А парни наши
С ума сошли; оравами, стадами
Без памяти кидались за тобой,

Покинули невест, перебранились,
Передрались из-за тебя. Жена,
Житье-то бы!

Б о б ы л и х а

Не говори, Бакула,
Не огорчай! В руках богатство было,
А хва́ть-похва́ть, меж пальцами ушло.

Б о б ы л ь

И всех-то ты отвадила суровым,
Неласковым обычаем своим.

С н е г у р о ч к а

Зачем они гонялись вслед за мною,
За что меня покинули, не знаю.
Напрасно ты зовешь меня суровой.
Стыдлива я, смирна, а не сурова.

Б о б ы л ь

Стыдлива ты? Стыдливость-то к лицу
Богатенькой. Вот так всегда у бедных:
Что надо — нет, чего не надо — много.
Иной богач готов купить за деньги
Для дочери стыдливости хоть малость,
А нам она не ко двору́ пришла.

С н е г у р о ч к а

Чего же вы, завистливые люди,
От девочки Снегурочки хотите?

Б о б ы л ь

Приваживай, ласкай ребят.

С н е г у р о ч к а

А если
Не по́ сердцу придется?

Б о б ы л ь

Поневолься.
Не по́ сердцу, а парня ты мани,
А он прильнет и не отстанет, будет
Похаживать.

Б о б ы л и х а

Да матери подарки
Понашивать.

Б о б ы л ь

Отца медком да бражкой
Попаивать. Уж долго ль, коротко ли
Поводится с тобой, а нам барыш.
Соскучишься с одним, поприглядится,

Повытрясет кису, мани другого,
Поманивай!

Бобылиха

А мне опять подарки.

Бобыль

А мне медок да бражка с хохолком.
Что день, то пир, что утро, то похмелье,—
Вот самое законное житье!

Снегурочка

Моя беда, что ласки нет во мне.
Толкуют все, что есть любовь на свете,
Что девушке любви не миновать;
А я любви не знаю; что за сло́во
«Сердечный друг» и что такое «милый»,
Не ведаю. И слезы при разлуке,
И радости при встрече с милым другом
У девушек видала я; откуда ж
Берут они и смех и слезы,— право,
Додуматься Снегурочка не может.

Бобыль

Беды тут нет, что ты любви не знаешь,
Пожалуй, так и лучше.

Бобылиха

Вот уж правда!
Полюбится на грех бедняк, и майся
Всю жизнь, как я с Бакулой Бобылем.

Бобыль

Ребята все равно тебе не милы —
И всех ласкай равно; да на досуге
Присматривай, который побогаче,
Да сам — большой, без старших, бессемейный.
А высмотришь, так замуж норови.
Да так веди, чтоб Бобылю Бакуле
На хлébах жить, в чести у зятя.

Бобылиха

Теще
Хозяйкой быть над домом и над вами.

Снегурочка

Коль правда то, что девку не минует
Пора любви и слез по милом, ждите,
Придет она.

Бобыль

Ну, девка.

За сценой пастуший рожок.

Б о б ы л и х а

Чу, рожок!
Пригнал пастух скотину. Нет своих,
Хоть на чужих коровок полюбуюсь.
(Уходит.)

Входят Л е л ь и о д и н и з б е р е н д е е в - с л о б о ж а н и подходят к избе Мураша. М у р а ш сходит с крыльца.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Б о б ы л ь, С н е г у р о ч к а, Л е л ь, М у р а ш, б е р е н д е й.

Б е р е н д е й
Куда его вести? Черед за нами.

М у р а ш
Не надо мне.

Б е р е н д е й
И мне ведь не корысть.

М у р а ш
А вон Бобыль! Сведем к нему!

Л е л ь
(низко кланяясь)
Да что вы,
Родимые, как словно от чумы,
Хоронитесь от пастуха?

М у р а ш
Поди-ко,
Поклонами обманывай других,
А мы тебя, дружка, довольно знаем.
Что бережно, то цело, говорят.

Подходят к Бобылю.

Б е р е н д е й
(Лелю)
Иди к нему, ночуй у Бобыля!

Б о б ы л ь
Какая есть моя возможность? Что ты?
Забыл аль нет, что миром порешили
Освободить меня от всех накладов,
По бедности моей сиротской? Что ты!

М у р а ш
Накладу нет с тебя, отправь постой!

Б о б ы л ь

Поужинать запросит? Сам не евши
Который день, а пастуха корми!

М у р а ш

Об ужине и слова нет, накормим;
А твой ночлег, тебе убытку нет.

Б о б ы л ь

Освободить нельзя ли, братцы?

Л е л ь

(кланяясь)

Дядя,
Пусти меня!

Б о б ы л ь

Диви б жалели хлеба,
А места он не пролежит у вас.

Б е р е н д е й

Да видишь, тут такое вышло дело:
Сомнительно пускать-то Леля,— дочка
На возрасте, на выданье у свата.
(Показывая на Мураша.)

Б о б ы л ь

У свата дочь, а у тебя?

М у р а ш

(показывая на берендея)

Жена
Красавица, да часом малодушна.
Избавь-ко нас от Леля и напредки,
За наш черед пускай к себе. Заплатим.
Кажись, рубля не жаль.

Б о б ы л ь

И есть за что.
Да вот что, друг, и у меня капустка,
Пустить козла и мне не прибыль.

М у р а ш

Полно,
Чего тебе бояться? Непохожа
Снегурочка на наших баб и девок.

Б о б ы л ь

Куда ни шло, останься, Лель.

М у р а ш

Спасибо.
Сторгуемся, не постоим, заплатим.

М у р а ш и б е р е н д е й уходят.

Л е л ь

(Бобылю)

За ласковый прием, за теплый угол
Пастух тебе заплатит добрым словом
Да песнями. Прикажешь, дядя, спеть?

Б о б ы л ь

До песен я не больно падок, девкам
Забава та мила, а Бобылю
Ведерный жбан сладимой, ячной браги
Поставь на стол, так будешь друг. Коль хочешь,
Играй и пой Снегурочке; но даром
Кудрявых слов не трать,— скупа на ласку.
У ней любовь и ласка для богатых,
А пастуху: «спасибо да прощай!»

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

С н е г у р о ч к а, Л е л ь.

Л е л ь

Прикажешь петь?

С н е г у р о ч к а

Приказывать не смею,
Прошу тебя покорно. Слушать песни
Одна моя утеха. Если хочешь,
Не в труд тебе, запой! А за услугу
Готова я служить сама. Накрою
Кленовый стол ширинкой браной, стану
Просить тебя откушать хлеба-соли,
Покланяюсь, попотчую; а завтра
На солнечном восходе разбужу.

Л е л ь

Не стóю я твоих поклонов.

С н е г у р о ч к а

Чем же
Платить тебе за песни?

Л е л ь

Добрым словом,
Приветливым.

С н е г у р о ч к а

Какая ж это плата?
Со всеми я приветлива.

Л е л ь

За песни
Не платы жду. Мальчонка-пастушонка
Убогого за песню приголубят
Поласковей, когда и поцелуют.

С н е г у р о ч к а

За поцелуй поешь ты песни? Разве
Так дорог он? При встрече, при прощанье
Целуюсь я со всяким,— поцелуи
Такие же слова: «прощай и здравствуй!»
Для девушки споешь ты песню, платит
Она тебе лишь поцелуем; как же
Не стыдно ей так дешево платить,
Обманывать пригоженького Леля!
Не пой для них, для девушек, не знают
Цены твоим веселым песням. Я
Считаю их дороже поцелуев
И целовать тебя не стану, Лель.

Л е л ь

Сорви цветок с травы и подари
За песенку, с меня довольно.

С н е г у р о ч к а

Шутишь,
Смеешься ты. На что тебе цветочек?
А нужен он, и сам сорвешь.

Л е л ь

Цветок
Не важность есть, а дорог мне подарок
Снегурочки.

С н е г у р о ч к а

К чему такие речи?
Зачем меня обманываешь, Лель?
Не все ль равно, где б ни взял ты цветочек,—
Понюхаешь и бросишь.

Л е л ь

Вот увидишь,
Давай его!

С н е г у р о ч к а

(подавая цветок)
Возьми!

Л е л ь

На видном месте
Приткну его. Пусть девки смотрят. Спросят,
Откуда взял, скажу, что ты дала.
(Поет.)

Земляничка-ягодка
Под кусточком выросла;
Сиротинка-девушка
На гóре родилася.
   Ладо, мое Ладо!
Земляничка-ягодка
Без пригреву вызрела,
Сиротинка-девушка
Без призору выросла.
   Ладо, мое Ладо!
Земляничка-ягодка
Без пригреву вызябнет,
Сиротинка-девушка
Без привету высохнет.
   Ладо, мое Ладо!

Снегурочка, почти плача, кладет свою руку на плечо Леля. Лель вдруг запевает весело:

Как по лесу лес шумит,
За лесом пастух поет,
   Раздолье мое!
Ельничек мой, ельничек,
Частый мой березничек,
   Приволье мое!
По частым по кустикам,
По малой тропиночке
   Девушка бежит.
Ой, бежит, торопится,
Два венка с собой несет —
   Себе да ему.
Студеной колодезь мой
По мхам, по болотинкам
   Воды не разлей.
Не мешай по тропочкам,
По стежкам-дороженькам
   Девушке бежать.
Не шуми, зеленый лес,
Не шатайтесь, сосенки,
   Во чистом бору!
Не качайтесь, кустики,
Не мешайте девушке
   Два слова сказать.

Две девушки издали манят Леля. Он вынимает цветок, данный Снегурочкой, и бросает, и идет к девушкам.

С н е г у р о ч к а

Куда бежишь? Зачем цветок бросаешь?

Л е л ь

На что же мне завялый твой цветок!
Куда бегу? Смотри, вон села птичка
На деревце! Немножко попоет
И прочь летит; удержишь ли ее?
Вон, видишь, ждут меня и ручкой манят.
Побегаем, пошутим, посмеемся,
Пошепчемся у тына под шумок,
От матушек сердитых потихоньку.
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

С н е г у р о ч к а — одна.

С н е г у р о ч к а

Как больно здесь, как сердцу тяжко стало!
Тяжелою обидой, словно камнем,
На сердце пал цветок, измятый Лелем
И брошенный. И я как будто тоже
Покинута и брошена, завяла
От слов его насмешливых. К другим
Бежит пастух; они ему милее;
Звучнее смех у них, теплее речи,
Податливей они на поцелуй;
Кладут ему на плечи руки, прямо
В глаза глядят и смело, при народе,
В объятиях у Леля замирают.
Веселье там и радость.
(Прислушивается.)
Чу! смеются.
А я стою и чуть не плачу с горя,
Досадую, что Лель меня оставил.
А как винить его? Где веселее,
Туда его и тянет сердце. Прав
Пригожий Лель. Беги туда, где любят,
Ищи любви, ее ты сто́ишь. Сердце
Снегурочки, холодное для всех,
И для тебя любовью не забьется.
Но отчего ж обидно мне, досада
Сжимает грудь, томительно-тоскливо
Глядеть на вас, глядеть на вашу радость,
Счастливые подружки пастуха?

Отец-Мороз, обидел ты Снегурку.
Но дело я поправлю: меж безделок,
Красивых бус, дешевых перстеньков
У матери-Весны возьму немного,
Немножечко сердечного тепла,
Чтоб только лишь чуть теплилось сердечко.

На улице показываются Малуша, Радушка, Малыш, Брусило, Курилка, Лель и другие парни и девушки, потом Купава. Парни с поклоном подходят к девушкам.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Снегурочка, Купава, Малуша, Радушка, Малыш, Брусило, Курилка, Лель и берендеи.

Малуша
(парням)
Оставьте нас! Подите подлещайтесь
К Снегурочке своей!

Радушка
(Брусилу)
Не подходи,
Бесстыжие глаза твои!

Брусило
Доколе ж
Томиться нам, скажите!

Курилка
Порешите
Хоть чем-нибудь!

Радушка
К Снегурочке подите!
Сменяли раз подруг своих заветных
На новую, так веры нет.

Малуша
Найдите
Получше нас, коль мы нехороши.

Брусило
А если нам от новой взятки гладки,
Куда ж тогда?

Радушка
Не плакать же об вас.

Брусило
Уж каялись; не век же распинаться;
Пора забыть про старое.

Радушка

Не вдруг
Забудем мы, не дожидайтесь.
(Малуше.)
Прямо
В глаза тебе смеются, вынимают
Ретивое из белой груди, после
И ластятся, как путные робята:
Мол, так пройдет, как будто ничего,
Забудется.

Малуша

Ни в жизнь не позабудем.

Брусило

Покорствуем, повинную приносим,
А жалости не видим над собой.

Радушка

Умри в глазах, и то не пожалею.

Брусило

Всё дело врозь да надвое.

Курилка

Ау!
Хоть волком вой.

Брусило

А врозь, так врозь; и сами
Стоскуются без нас, на мировую
Потянутся.

Радушка

Слепой сказал: посмотрим.

Девушки и парни расходятся в разные стороны.

Купава

(подходя к Снегурочке)
Снегурочка, одна стоишь, бедняжка!
Оставили тебя, забыли парни,
Хоть Леля бы ласкала.

Снегурочка

Лель не любит
Скучать со мной, ему веселья нужно,
Горячих ласк, а я стыдлива.

Купава

Я-то,
Снегурочка, а я-то как счастлива!
От радости и места не найду,

Вот так бы я ко всякому на шею
И кинулась, про радость рассказала,
Да слушать-то не все охочи. Слушай,
Снегурочка, порадуйся со мной!
Сбирала я цветы на Красной горке,
Навстречу мне из лесу молодец,
Хорош-пригож, румяный, круглолицый,
Красён, кудряв, что маковый цветок.
Сама суди, не каменное сердце,
Без милого не проживешь, придется
Кого-нибудь любить, не обойдешься.
Так лучше уж красавца, чем дурного.
Само собой, по скромности девичьей,
Стараешься ретивое сердечко
Удерживать немного; ну, а все же
На всякий час не опасешься. Парень
Пригож собой, жениться обещает,
Да так-то скор, да так-то скор, что, право,
Скружит совсем, ума не соберешь.
Ну что и как... уж долго ль, коротќо ли,
А только мы сдружились. Он богатый
Отецкий сын, по имени Мизгирь,
Торговый гость из царского посада.
Родители мои, конечно, рады
Моей судьбе; а он уж так-то клялся
В Ярилин день, на солнечном восходе,
В глазах царя венками обменяться
И взять меня женой, тогда прощайте.
В его дому, в большом посаде царском,
На всем виду, богатою хозяйкой
Забарствую. Сегодня мой Мизгирь
Приедет к нам в слободку спознаваться
С девицами и парнями. Увидишь,
Порадуйся со мной!

Снегурочка ее целует.

Повеселимся,
Круги водить пойдем на Красной горке.
Да вот и он!
(Бежит и прячется между девушек.)

Входит М и з г и р ь, за ним д в о е с л у г с мешками. Снегурочка прядет.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Снегурочка, Купава, Малуша, Радушка, Мизгирь, Малыш, Брусило, Курилка, Лель, слуги Мизгиря и берендеи.

Купава

Голубушки-девицы,
Пришел красы девичьей погубитель,
С подружками, с родными разлучитель.
Не выдайте подружку, схороните!
А выдайте, так за великий выкуп.

Мизгирь

(учтиво кланяясь)
Красавицы-девицы, между вами
Не прячется ль красавица Купава?

Радушка

Красавица Купава нам, девицам,
Самим нужна. Отдать, так не с кем будет
Круги водить, и вечера сидеть,
И тайности девичьи говорить.

Мизгирь

Красавицы, подружка вам нужна,
А мне нужней. Одним-один гуляю,
Хозяйки нет: кому я золотые
Ключи отдам от кованых ларцов?

Радушка

(девушкам)
Отдать иль нет?

Малуша

Не отдавай подружку,
У нас еще и песни не допеты,
И игры мы не доиграли с ней.

Мизгирь

Красавицы, подружка вам нужна,
А мне нужней того. Сиротским делом
Кому ласкать меня, лелеять, нежить,
Кому чесать и холить кудри русы?

Радушка

Отдать иль нет подружку?

Малуша

Разве выкуп
Великий даст.

Радушка

Рублем или полтиной,
А жаль рубля, хоть золотою гривной
Дари девиц, Купаву отдадим.

Мизгирь

Не жаль для вас ни гривны, ни полтины,
Не жаль рубля девицам подарить.
(Берет у слуги из мешка деньги и раздает девушкам.)
Орехов вам и пряников печатных
Корабль пришел.
(Отдает мешок с орехами и пряниками.)

Парни окружают Купаву.

Малыш

Не вдруг возьмешь Купаву.
Без выкупа не отдадим. Ребята,
Горой стоять! Не выдавайте даром!
А то у нас всех девок поберут,
А нам самим в слободке недостача.

Мизгирь

К девицам я и лаской и приветом,
А с вами речь иную поведу;
Отсыплю вам — давайте берендейку —
Пригоршни две, и разговор короток.

Малыш подставляет шапку-берендейку, Мизгирь сыплет две пригоршни и берет Купаву.

Купава

Сердечный друг, свою девичью волю,
Подруг, родных на милого дружка
Сменяла я; не обмани Купаву,
Не погуби девического сердца.

Отходят и садятся на крыльце избы Мураша.

Брусило

Однако нам Мизгирь в глаза смеется.
Ну, братцы, жаль, не на меня напал!
Не очень-то со мной разговоришься.
Не стал бы я терпеть обидных слов,
Своих ребят чужому-чуженину
Не выдал бы на посмеянье.

Малыш

Ой ли?
А что ж бы ты?

Брусило

Да не тебе чета.
Уж, кажется...
(Засучивает рукав.)

Малыш

Начни, а мы посмотрим.

Брусило

Крутенек я и на руку тяжел.
Уж лучше вы меня свяжите, братцы,
Чтоб не было беды какой.

Малыш

Смотри,
Коль сунешься, не пяться.

Брусило

Невозможно,
Попотчую, небитым из слободки
Не выпущу. Курилка, задирай!

Курилка

(Мизгирю)
Эй ты, Мизгирь, послушай, брат, робята
Обиделись.

Мизгирь

(встает с крыльца)
На что?

Курилка

На грубость.

Мизгирь

Будто?

Курилка

Уж верно так.

Мизгирь

(подходя к Курилке)
А ты обижен тоже?
Ну, что ж молчишь!

Курилка

Да я-то ничего.

Мизгирь

Так прочь поди; да поумней пошлите
Кого-нибудь.

Курилка

А я, небось, дурак,
По-твоему?

Мизгирь

Дурак и есть.

Курилка

За дело ж
Сбирается тебя побить Брусило.

Мизгирь

Брусило? Где? Какой такой? Кажите!
Давай его!

Малыш

(удерживает Брусила)
Куда же ты? Постой!

Мизгирь

Брусило ты? Поди сюда поближе!

Брусило

(парням, которые его подталкивают)
Да полно вам!
(Мизгирю.)
Не слушай, государь!
Известно, так дурачимся, для шутки,
Промеж себя.

Радушка

Эх, горе-богатырь!
Да так тебе и надо.

Малуша

Ни́што им!
У них в глазах и нас возьмут чужие.

Курилка

А мы пойдем за девками чужими.

Радушка

А мы об вас и думать позабыли.

Девки и парни расходятся врозь.

Купава

(парням)
Не стыдно ль вам? К девице-слобожанке
Жених пришел, его приветить нужно;
А вы на брань и драку лезть готовы.

Малыш

Брусило здесь зажига.

Брусило

Непорядок —
Чужих ребят пускать в слободку. Сами
Вспокаетесь,— останемся без девок,
Купаву взять и без него умели б.

К у п а в а

Умел бы ты, да я-то не умею
Любить тебя, вот горе.
(Девушкам.)
Запевайте,
Подруженьки, веселую погромче!
Пойдем в лужок да заведем кружок!

Д е в у ш к и запевают: «Ай во поле липонька» — и уходят; п а р н и за ними, поодаль. Лель садится подле Снегурочки и оплетает рожок берестой. Купава с Мизгирем подходят к Снегурочке.

К у п а в а

Снегурочка, потешь свою подружку
В последний раз, в останешний,— пойдем
Круги водить, играть на Красной горке.
Не долго мне резвиться-веселиться,
Последний день моей девичьей воли,
Снегурочка, последний.

С н е г у р о ч к а

Я, Купава,
Иду с тобой, возьмем и Леля. Пряжу
Снесу домой и побегу за вами.
(Уходит в избу.)

К у п а в а

(Мизгирю)
Сердечный друг, пойдем! Они догонят.

М и з г и р ь

Постой, постой!

К у п а в а

Девицы за слободкой
Полком стоят и ждут.

М и з г и р ь

Твоя подружка
Снегурочка; а Лель у вас при чем?

С н е г у р о ч к а выходит, за ней Б о б ы л ь и Б о б ы л и х а.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

С н е г у р о ч к а, К у п а в а, М и з г и р ь, Л е л ь, Б о б ы л ь, Б о б ы л и х а.

К у п а в а

Снегурочке без Леля будет скучно.

Мизгирь

Да правда ли? Не веселей ли будет
Снегурочке со мной идти?

Купава

А я-то?

Мизгирь

А ты возьми хоть Леля.

Купава

Как же, милый?
Ведь я твоя, твоя; одна могила
Разлучит нас.

Мизгирь

Пойдешь ли ты, иль нет,
А я останусь здесь.

Бобыль

Покорно просим.

Купава

Закрой сперва сыпучими песками
Глаза мои, доской тяжелой сердце
У бедненькой Купавы раздави,
Тогда бери другую. Очи видеть
Разлучницы не будут, горя злого
Ревнивое сердечко не учует.
Снегурочка, завистница, отдай
Дружка назад!

Снегурочка

Подружка дорогая,
И ты, дружок ее, оставьте нас.
Слова твои обидно, больно слушать.
Снегурочка чужая вам. Прощайте!
Ни счастьем вы пред нами не хвалитесь,
Ни в зависти меня не упрекайте!
(Хочет идти.)

Мизгирь

(удерживает ее)
Снегурочка, останься! Кто счастливец
Любовник твой?

Снегурочка

Никто.

Мизгирь

Так буду я.
(Купаве.)
Смотри туда, Купава! Видишь, Солнце
На западе, в лучах зари вечерней,

В пурпуровом тумане утопает!
Воротится ль оно назад?

К у п а в а

Для Солнца
Возврата нет.

М и з г и р ь

И для любви погасшей
Возврата нет, Купава.

К у п а в а

Горе, горе!
Голубушки-подружки, воротитесь!
(Убегает.)

М и з г и р ь

Люби меня, Снегурочка! Дарами
Бесценными красу твою осыплю
Бесценную.

С н е г у р о ч к а

Любви моей не купишь.

М и з г и р ь

И жизнь свою отдам в придачу. Слуги,
Казну мою несите!

Б о б ы л и х а

(Снегурочке)

Ты, с ума-то
Великого, не вздумай отказаться!

Б о б ы л ь

Мешки тащат, Снегурочка, попомни
Родителей!

Б о б ы л и х а

Не пронесли бы мимо.
А так в глазах и заплясала кика
Рогатая с окатным жемчугом.

С н е г у р о ч к а

Сбирайте дань, завистливые люди,
С подружкина несчастья, богатейте
Моим стыдом. Не жалуйтесь, согласна
Притворствовать для ваших барышей.

Б о б ы л ь

Попотчевал бы гостя, да не знаю,
Чего подать: сотов медовых, меду
Стоялого серебряную стопу,
Коврижку ли медовую да бражки?

М и з г и р ь

Чего не жаль, того и дай.

Бобыль

Помилуй,
Жалею ль я. Чего душе угодно?

Мизгирь

Подай медку!

Бобыль

Какой тебе по нраву:
Малиновый аль ви́шневый, инбирный?

Мизгирь

Какой-нибудь.

Бобыль

И всякого довольно,
Да не у нас, а у соседей. Веришь,
Шаром кати — ни корки хлеба в доме,
Ни зернушка в сусеке, ни копейки
Железной нет в мошне у Бобыля.

Мизгирь

Бери мешок, старик,— пойдет в задаток
За дочь твою.

Бобыль

Тащи в избу, старуха,
Корпи над ним! Покорно благодарствуй!
Теперь медком и бражкой разживемся,
Попотчую тебя и сам напьюсь.

Мизгирь

Давать казну, так знать за что. Уж Леля
Подальше ты держи, а то разладим,
Рассоримся, старик.

Бобыль

Такое ль дело,
Чтоб ссориться! Велик ли Лель, помилуй!
Да как тебе угодно, так и будет,—
Велишь прогнать, прогоним.

Мизгирь

Прогони!

Бобыль

Снегурочка! Не полюбилось гостю,
Что Лель торчит перед глазами. Дочка,
Скажи ему, чтоб он гулял кругом
Да около, сторонкой обходил
Бобыльский двор! А у избы толочься
Не для чего, мол, друг любезный, так-то!

С н е г у р о ч к а

Поди от нас, уйди подальше, Лель!
Не я гоню, нужда велит.

Л е л ь

Прощайте!

С н е г у р о ч к а

О чем же ты заплакал? Эти слезы
О чем, скажи!

Л е л ь

Когда сама заплачешь,
Узнаешь ты, о чем и люди плачут.
(Отходит.)

М и з г и р ь

(обнимая Снегурочку)
Не знаешь ты цены своей красе.
По свету я гулял торговым гостем,
На пестрые базары мусульман
Заглядывал; со всех сторон красавиц
Везут туда армяне и морские
Разбойники, но красоты подобной
На свете мне встречать не приходилось.

Входит К у п а в а с д е в у ш к а м и и п а р н я м и. М у р а ш сходит с крыльца.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

С н е г у р о ч к а, М и з г и р ь, Б о б ы л ь, Л е л ь, К у п а в а, М у р а ш, Р а д у ш к а, М а л у ш а, М а л ы ш, Б р у с и л о, К у р и л к а, б е р е н д е и и б е р е н д е й к и.

К у п а в а

Голубушки-подружки, поглядите!
Отец, гляди, в слезах твоя Купава!
Тоска ее за горло душит, сухи
Уста ее горячие; а он —
С разлучницей, веселый, прямо в очи
Уставился, глядит, не наглядится.

М у р а ш

Да как же так?

М а л ы ш

Диковина, ребята.

Р а д у ш к а

Обидел он Купаву кровно.

Малуша Всех,

Обидел всех девиц.

Мураш Такого дела

Не слыхано у честных берендеев.

Купава

Скажи, злодей, при всем честном народе,
Тогда ли ты обманывал Купаву,
Когда в любви ей клялся? Или вправду
Любил ее и обманул теперь,
Позарившись несытыми очами
На новую добычу? Говори!

Мизгирь

К чему слова! Для сердца нет указки.
Немало клятв безумных приберешь
В пылу любви, немало обещаний;
Да разве их запомнишь после? Клятвы
Цепями ты считаешь, я — словами,
Не помню их, и сердца не вяжу:
Вольно ему любить и разлюбить;
Любил тебя, теперь люблю другую,
Снегурочку.

Радушка

Обидно берендейкам
Такую речь от берендея слышать.

Брусило

Чего еще! Уж хуже не бывает.

Мураш

Давно живу, и старые порядки
Известны мне довольно. Берендеи,
Любимые богами, жили честно.
Без страха дочь мы парню поручали,
Венок для нас — порука их любви
И верности до смерти. И ни разу
Изменою венок поруган не был,
И девушки не ведали обмана,
Не ведали обиды.

Радушка

Всем обида,
Обида всем девицам-берендейкам!

Купава

За что же ты Купаву разлюбил?

Мизгирь

Влюбленному всего дороже скромность
И робкая оглядка у девицы;

Сам-друг она, оставшись с милым, ищет
Как будто где себе защиты взором.
Опущены стыдливые глаза,
Ресницами покрыты; лишь украдкой
Мелькнет сквозь них молящий нежно взор.
Одной рукой ревниво держит друга,
Другой его отталкивает прочь.
А ты меня любила без оглядки,
Обеими руками обнимала
И весело глядела.

Купава
Ах, обида!

Мизгирь
И думал я, твое бесстыдство видя,
Что ты меня сменяешь на другого.

Купава
Ах, ах! Отец, родные, заступитесь!

Все стоят пораженные.

Защиты нет Купаве?

Все молчат. Купава, подняв руки, обращается к пчельнику

Пчелки, пчелки!
Крылатые, летите ярым роем,
Оставьте вы соты́ медовы, впейтесь
В бесстыжие глаза! Не заикнулся ж
Язык его, не поперхнулось горло
Сказать, что я девица без стыда,
И пристыдить родимых. Залепите
Лицо его и песий взгляд лгуна!
(Обращаясь к хмельнику.)
Хмелинушко, тычинная былинка,
Высоко ты по жердочке взвился,
Широко ты развесил яры шишки.
(Становится на колени.)
Молю тебя, кудрявый ярый хмель,
Отсмей ему, насмешнику, насмешку
Над девушкой! За длинными столами,
Дубовыми, за умною беседой,
В кругу гостей почетных, поседелых,
Поставь его, обманщика, невежей
Нетесаным и круглым дураком.
Домой пойдет, так хмельной головою
Ударь об тын стоячий, прямо в лужу
Лицом его бесстыжим урони!

О реченька, студеная водица,
Глубокая, проточная, укрой
Тоску мою и вместе с горем лютым
Ретивое сердечко утопи!
(Бежит к реке, Лель ее удерживает, почти бесчувственную.)

Л е л ь

Зачем топить ретивое сердечко!
Пройдет тоска и сердце оживет.

М у р а ш

За девушек обманутых заступник
Великий царь. Проси царя, Купава.

В с е

За всех сирот заступник Берендей.

К у п а в а

Постылый ты, постылый человек!
(Падает на руки Леля.)

М у р а ш

Дождался ты проклятья от Купавы.
Не долго ждать погибельного гнева
От праведно карающих богов.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА:

ЦАРЬ БЕРЕНДЕЙ.

БЕРМЯТА,
ближний боярин.

ЕЛЕНА ПРЕКРАСНАЯ,
его жена.

СНЕГУРОЧКА.

КУПАВА.

БОБЫЛЬ.

БОБЫЛИХА.

МИЗГИРЬ.

ЛЕЛЬ.

БОЯРЕ, БОЯРЫНИ, ГУСЛЯРЫ, СЛЕПЫЕ, СКОМОРОХИ, ОТРОКИ, БИРЮЧИ, БЕРЕНДЕИ
всякого звания, обоего пола.

Открытые сени во дворце царя Берендея; в глубине, за точеными балясами переходов, видны вершины деревьев сада, деревянные резные башни и вышки.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Царь Берендей сидит на золотом стуле, расписывает красками один из столбов. У ног царя сидят на полу два скомороха; несколько поодаль — слепые гусляры с гуслями; на переходах и у дверей стоят царские отроки.

Гусляры *(поют)*

Вещие, звонкие струны рокочут
Громкую славу царю Берендею.
Долу опустим померкшие очи.
Ночи
Мрак безрассветный смежил их навечно,
Зрячею мыслью, рыскучей оглянем
Близких соседей окрестные царства.
Что̀ мне звенит по заре издалече?
Слышу и трубы, и ржание ко̀ней,
Глухо стези под копытами стонут.
Тонут
В сизых туманах стальные шеломы,
Звонко бряцают кольчатые брони,
Птичьи стада по степям пробуждая.
Луки напряжены, тулы открыты,
Пашут по ветру червленые стяги,
Рати с зарания по полю скачут.
Плачут
Жены на стенах и башнях высоких:
Лад своих милых не видеть нам боле,
Милые гибнут в незнаемом поле.
Стоны по градам, притоптаны нивы...
С утра до ночи и с ночи до свету
Ратаи черными вранами рыщут.
Прыщут
Стрелы дождем по щитам вороненым,
Гремлят мечи о шеломы стальные,
Сулицы скрозь прободают доспехи.
Чести и славы князьям добывая,
Ломят и гонят дружины дружины,
Топчут комонями, копьями нижут.
Лижут
Звери лесные кровавые трупы,
Крыльями птицы прикрыли побитых,
Тугой поникли деревья и травы.
Ве́селы грады в стране берендеев,

Радостны песни по рощам и долам,
Миром красна Берендея держава.
Слава
В роды и роды блюстителю мира!
Струны баянов греметь не престанут
Славу златому столу Берендея.

Царь знаком благодарит слепых, их уводят.

1-й скоморох
Что ж это царь,— к чему, скажи, пристало,—
Внизу столба коровью ногу пишет.

2-й скоморох
Аль ты ослеп? Да где ж она, коровья?

1-й скоморох
Какая же?

2-й скоморох
Какая! Видишь: песья.

1-й скоморох
Коровья, шут.

2-й скоморох
Ан, песья.

1-й скоморох
Ан, коровья,
С копытами.

2-й скоморох
Да песья ж.

1-й скоморох
Сам ты пес,
Собачий нос!

2-й скоморох
А ты корова.

1-й скоморох
Я-то?

Дерутся.

Так я тебя рогами забоду!

2-й скоморох
А я тебя зубами загрызу!

Встают на ноги и расходятся, приготовляясь биться на кулачки.

Царь
На место, вы!

Скоморохи садятся.

Ни песья, ни коровья,
А крепкая нога гнедого тура.
Палатное письмо имеет смысл.
Небесными кругами украшают
Подписчики в палатах потолки
Высокие; в простенках узких пишут,
Утеху глаз, лазоревы цветы
Меж травами зелеными; а турьи
Могучие и жилистые ноги
На притолках дверных, припечных турах,
Подножиях прямых столбов, на коих
Покоится тяжелых матиц груз.
В преддвериях, чтоб гости веселее
Вступали в дом, писцы живописуют
Таких, как вы, шутов и дураков.
Ну, поняли, глупцы?

1-й скоморох

Скажи, который
Из нас двоих глупее.

2-й скоморох

Вот задача!
Нехитрому уму не разгадать.

Царь

Приятно ум чужой своим примерить,
На меру взять и нá вес; глупость мерить —
Напрасно труд терять.

Входит Бермята.

Подите вон!

Скоморохи уходят.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Царь Берендей, Бермята.

Бермята

Великий царь счастливых берендеев,
Живи вовек! От радостного утра,
От подданных твоих и от меня
Привет тебе! В твоем обширном царстве
Покуда всё благополучно.

Царь

Правда ль?

Бермята

Воистину.

Царь

Не верю я, Бермята.
В суждениях твоих заметна легкость.
Не раз тебе и словом и указом
Приказано, и повторяю вновь,
Чтоб глубже ты смотрел на вещи, в сущность
Проникнуть их старался, в глубину.
Нельзя ж легко, порхая мотыльком,
Касаться лишь поверхности предметов:
Поверхностность — порок в почетных лицах,
Поставленных высоко над народом.
Не думай ты, что всё благополучно,
Когда народ не голоден, не бродит
С котомками, не грабит по дорогам.
Не думай ты, что если нет убийств
И воровства...

Бермята

Воруют понемножку.

Царь

И ловите?

Бермята

Зачем же их ловить,
Труды терять? Пускай себе воруют,
Когда-нибудь да попадутся; в силу
Пословицы народной: «Сколько вору
Ни воровать, кнута не миновать».

Царь

Конечно, грех неправого стяжанья
По мелочи не очень-то велик
Сравнительно, а всё же не мешает
Искоренять его. Не уклонимся ж
От главного предмета разговора.
Благополучие — велико слово!
Не вижу я его давно в народе,
Пятнадцать лет не вижу. Наше лето
Короткое, год от году короче
Становится, а вёсны холодней —
Туманные, сырые, точно осень,
Печальные. До половины лета
Снега лежат в оврагах и лядинах,
Из них ползут туманы по утрам,

А к вечеру выходят злые сестры —
Трясучие и бледные кумохи,
И шляются по деревням, ломая,
Знобя людей. Недавно мы гуляли
С женой твоей, Прекрасною Еленой,
В саду моем тенистом. Под кустами,
От зорких глаз садовников скрываясь,
Таилася подтаявшая льдинка;
Беспечные, как дети, мы шутили,
Резвилися с Прекрасною Еленой;
Но холодок, вияся тонкой струйкой,
Лица ее прекрасного коснулся;
И вздулись вдруг малиновые губы
И правая румяная щека,
Гора-горой, мгновенно исказилась
Улыбка уст медовых. Нет, Бермята,
Не все у нас благополучно, друг.
Пятнадцать лет не кажется Ярило
На наш призыв, когда, встречая Солнце,
В великий день Ярилин, мы напрасно
Тьмотысячной толпой к нему взываем
И песнями его величье славим.
Сердит на нас Ярило.

Бермята

Царь премудрый,
За что б ему сердиться?

Царь

Есть за что.
В сердцах людей заметил я остуду
Немалую; горячности любовной
Не вижу я давно у берендеев.
Исчезло в них служенье красоте;
Не вижу я у молодежи взоров,
Увлажненных чарующею страстью;
Не вижу дев задумчивых, глубоко
Вздыхающих. На глазках с поволокой
Возвышенной тоски любовной нет,
А видятся совсем другие страсти:
Тщеславие, к чужим нарядам зависть
И прочее. В женатых охлажденье
Заметнее еще: на жен, красавиц
Диковинных, с сокольими очами,
На пышную лебяжью белизну
Упругих плеч — супруги-берендеи,

Сонливые, взирают равнодушно.
Кажись бы я... эх, старость, старость! Где вы,
Минувшие веселые года
Горячих чувств и частых увлечений?
Чудесные дела недуг любовный
Творил в душе моей: и добр и нежен
Бывал тогда счастливый Берендей,
И всякого готов принять в объятья
Открытые. Теперь и стар и сед,
А все-таки не понимаю, можно ль
Холодным быть, бесстрастным оставаться
При виде жен румяных, полногрудых.
Но в сторону не будем уклоняться,
На прежнее воротимся. А жены!
Нельзя сказать, что потеряли вовсе
Горячую привязанность к мужьям,
А все ж таки супружеская верность
Утратила немного, так сказать,
Незыблемость свою и несомненность.
Короче, друг, сердечная остуда
Повсюдная,— сердца охолодели,
И вот тебе разгадка наших бедствий
И холода: за стужу наших чувств
И сердится на нас Ярило-Солнце
И стужей мстит. Понятно?

Бермята

Понимаю,
Великий царь, но горю пособить
Не вижу средств.

Царь

А средства быть должны.
Подумай-ко, Бермята!

Бермята

Царь премудрый,
Издай указ, чтоб жены были верны,
Мужья нежней на их красу глядели,
Ребята все чтоб были поголовно
В невест своих безумно влюблены,
А девушки задумчивы и томны...
Ну, словом, как хотят, а только б были
Любовники.

Царь

Весьма нехитрый способ.
А пользы-то дождемся?

Бермята

Никакой.

Царь

К чему ж тогда указы?

Бермята

Перед Солнцем
Очистка нам: приказано, мол, было,
Не слушают, так их вина; нельзя же
По сторожу ко всякому приставить.

Царь

Придумано неглупо, но некстати.
Мольбами лишь смягчают гнев богов
И жертвами. Бессонницей томимый,
Продумал я всю ночь, до утра вплоть,
И вот на чем остановился: завтра,
В Ярилин день, в запо́ведном лесу,
К рассвету дня сойдутся берендеи.
Велим собрать, что есть в моем народе,
Девиц-невест и парней-женихов
И всех зараз союзом неразрывным
Соединим, лишь только Солнце брызнет
Румяными лучами по зеленым
Верхам дерев. И пусть тогда сольются
В единый клич привет на встречу Солнцу
И брачная торжественная песнь.
Угодней нет Яриле жертвы!

Бермята

Мудрый,
Великий царь, уж как ни весела,
Ни радостна такая встреча Солнцу,
Да только жаль, что невозможна.

Царь

Что?
Чего нельзя, Бермята? Невозможно
Исполнить то, чего желает царь?
В уме ли ты?

Бермята

Не гневайся! Невесты
Рассорились до драки с женихами.
Уж где женить! На сажень маховую
Не подведешь друг к другу.

Царь

Из чего?

Б е р м я т а

Какая-то в заречной слободе
Снегурочка недавно объявилась.
Передрались все парни за нее.
На женихов накинулись невесты
Из ревности, и брань идет такая —
Усобица, что только руки врозь!

Ц а р ь

Во-первых, я не верю, во-вторых,
Быть может, ты и прав, тогда старайся
Уладить всех и примирить до завтра.
Решение мое непременимо.

Входит о т р о к.

О т р о к

Девушка красная
Просится, кучится
Взнесть челобитьице.

Ц а р ь

Разве для девушек
Входы заказаны,
Двери затворены?

О т р о к вводит К у п а в у.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Ц а р ь Б е р е н д е й, Б е р м я т а, К у п а в а, о т р о к и.

К у п а в а

(кланяясь)
Батюшко, светлый царь!

Ц а р ь

(ласково подымая ее)
Сказывай, слушаю!

К у п а в а

Батюшко, светлый царь,
Нешто так водится?
Где ж это писано,
Где же показано?
Сердце-то вынувши...
(Плачет.)

Ц а р ь

Сказывай, слушаю.

К у п а в а

Сердце-то вынувши,
Душу-то вызнобив,
Девичьей ласкою
Вдосталь натешившись,
Вдоволь нахваставшись,
При́ людях девицу
Назвал бесстыжею.

Ц а р ь

Слышу я, девица,
Слезную жалобу,
Горе-то слышится,
Правда-то видится,
Толку-то, милая,
Мало-малёхонько.
Сказывай по́-ряду,
Что и как деялось,
Чем ты обижена,
Кем опозорена!

К у п а в а

(плача)
Сказывать, светлый царь?

Ц а р ь

Сказывай, умница!

К у п а в а

Время весеннее,
Праздники частые,
Бродишь, гуляючи,
По лугу, по лесу,
Долго ли встретиться,
Долго ль знакомиться
Девушке с парнями?
Вот я и встретилась.

Ц а р ь

С кем же ты встретилась,
С кем познакомилась?

К у п а в а

Встретилась с юношем
Чину торгового,
Роду Мизгирьего.

Ц а р ь

Знаю, красавица.

К у п а в а

(плача)

Сказывать, светлый царь?

Ц а р ь

Сказывай, сказывай!

К у п а в а

Дай-ко, спрошу тебя,
Батюшко, светлый царь:
Клятвы-то слушать ли,
В совесть-то верить ли,
Али уж в людях-то
Вовсе извериться?

Ц а р ь

Как же не верить-то,
Милая девушка!
Чем же и свет стоит?
Правдой и совестью
Только и держится.

К у п а в а

(плача)

Я и поверила.
Сказывать, светлый царь?

Ц а р ь

Сказывай, умница!

К у п а в а

Дай-ко, еще спрошу!
Парень приглянется,
Парень полюбится,
Думаешь век прожить
В счастье да в радости;
Парень-то ласковый,
Надо ль любить его?

Ц а р ь

Надо, красавица.

К у п а в а

(плача)

Так я и сделала.
Сказывать, светлый царь?

Ц а р ь

Сказывай, сказывай!

К у п а в а

Всех-то забыла я,
Батюшку ро́дного,
Близких и сродников,

Милых подруженек,
Игры веселые,
Речи заветные.
Знаю да помню лишь
Друга любезного.
Встретясь, целуемся,
Сядем, обнимемся,
В очи уставимся,
Смотрим, любуемся.
Батюшко, светлый царь,
Видно, людское-то
Счастье ненáдолго.
Вздумали, в лес пошли,
Взяли подруженек,
Звали Снегурочку.
Только завидел он
Злую разлучницу,
Коршуном воззрелся,
Соколом кинулся,
Подле разлучницы
Вьется, ласкается,
Гонит, срамит меня,
Верную, прежнюю.
Сам же он выкланял,
Выплакал, вымолил
Сердце у девушки,
Сам же корит, бранит:
При людях девушку
Назвал бестыжею...

Ц а р ь

Бедная девушка!
За сердце трогают
Речи нехитрые,
Горе правдивое.

К у п а в а

Слушала, слушала,
Свету не взвидела,
Ноги-то резвые
Ровно подкошены,
Так и валюсь снопом,
Веришь ли, светлый царь,
Так вот и падаю,
Вот хоть сейчас гляди,—
Так вот точнехонько

Оземь и грянулась.
(Хочет упасть, царь ее поддерживает.)

Ц а р ь

Красавица, поверь, что если б громы
Средь ясного, безоблачного неба
Раскатами внезапно возгремели,
Не так бы я дивился, как дивлюсь
Словам твоим бесхитростным. Смеяться
Над девушкой покинутой, над сердцем,
Ребячески доверчивым! Ужасно!
Неслыханно, Бермята! Страшно верить!
Приспешники, ищите по посаду
Преступника; поставьте Мизгиря
На суд царев.

П р и с п е ш н и к и уходят.

Глашатаи, по вышкам
Скликать народ с базаров и торгов
На царский двор, на царский грозный суд,
А кликать клич учтиво, честно, складно,
Чтоб каждому по чину величанье,
По званию и летам был почет.
Да кланяйтесь почаще да пониже!

Глашатаи по переходам бегут на вышки.

1 - й б и р ю ч
(кричит с вышки)
Государевы люди:
Бояре, дворяне,
Боярские дети,
Веселые головы,
Широкие бороды!
У вас ли, дворяне,
Собаки борзые,
Холопы босые!

2 - й б и р ю ч
(с другой вышки)
Гости торговые,
Шапки бобровые,
Затылки толстые,
Бороды густые,
Кошели тугие!

1 - й б и р ю ч
Молодые молодицы,

Дочери отецкие,
Жены молодецкие!
У вас ли мужья сердитые,
Ворота браные,
Рукава шитые,
Затылки битые.

2-й бирюч

Дьяки, подьячие,
Парни горячие,
Ваше дело: волочить да жать,
Да руку крючком держать.

1-й бирюч

Старые старички,
Честные мужички,
Подполатные жители,
Бабьи служители!

2-й бирюч

Старые старушки,
Совьи брови,
Медвежьи взгляды,
Ваше дело: намутить, наплесть,
Сына со снохой развесть.

1-й бирюч

Молодые молодцы,
Удалые удальцы,
Молодо-зелено,
Погулять велено.
Люди за дело,
Вы за безделье.
Ваше дело по теремам поглядывать,
Девок выманивать.

2-й бирюч

Красные девицы,
Криночные баловницы,
Горшечные пагубницы,
Ваше дело: лоб лощить,
Дом врозь тащить,
Лепешки печь, под забор хоронить
Да ребят кормить.

1-й бирюч

Слушайте-послушайте,
Государевы люди,
Государеву волю!
Идите в красные ворота

На красный царский двор!
Вереи точены,
Ворота золочены.
С красного двора в новы сени,
На частые ступени,
В дубовые двери,
В государевы палаты,
Суд судить, ряд рядить.

Сходят с вышек.

Царь

Любезна мне игра ума и слова:
Простая речь жестка. Уборы красят
Красивых жен; высокие палаты
Прикрасами красны, а речи — складом,
Теченьем в лад и шуткой безобидной.
Сбирается народ?

Отрок

(с переходов)

Валит толпами,
Великий царь.

Царь

(Купаве)

Девица, не тужи!
Печаль темнит лица живые краски.
Забывчиво девичье горе, сердце
Отходчиво: как в угольке, под пеплом
Таится в нем огонь для новой страсти.
Обидчика забудь! А за обиду
Отмститель суд да царь.

Из внутренних покоев выходят Прекрасная Елена и боярыни; из наружных дверей и с лестницы — народ; между народом Мураш и Лель. Приспешники приводят Мизгиря.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Царь Берендей, Бермята, Прекрасная Елена, Купава, Мураш, Лель, Мизгирь, царские отроки, народ.

Царь

(Елене Прекрасной)

Привет тебе,
Краса дворца, Прекрасная Елена!

Прекрасная Елена

Привет тебе, великий Берендей,
От жен и дев, от юных берендеек,
От всех сердец, лелеющих любовь.

Хор народа

Привет тебе, премудрый,
Великий Берендей,
Владыка сребрекудрый,
Отец земли своей.
Для счастия народа
Богами ты храним,
И царствует свобода
Под скипетром твоим,
Владыко сребрекудрый,
Отец земли своей.
Да здравствует премудрый,
Великий Берендей!

Царь

(народу)

Спасибо вам! В приводе ль виноватый?

Бермята

Виновный здесь, смиренно ждет суда.

Царь

(народу)

Вина его известна вам?

Народ

Известна.

Царь

(Мизгирю)

В вине своей винишься ль ты?

Мизгирь

Винюсь.

Царь

Вина его ужасна, берендеи.
Для милости закроем наше сердце
На этот раз. К злодеям сожаленье
Грозит бедой: разгневанные боги
Вину его на нас обрушат, карой
Падет она на берендеев. Мщенье
Преступнику грозящий гнев смиряет.
Поругана любовь! Благое чувство,
Великий дар природы, счастье жизни,
Весенний цвет ее! Любовь невесты
Поругана! Распуколка души,

Раскрывшейся для первых чувств, цветок
Невинности благоуханный! Срам
И стыд моим серебряным сединам!
Чему Мизгирь повинен, говорите!

Б е р м я т а
Заставь его жениться на девице
Обиженной!

М у р а ш
Заставь молить прощенья
У ног ее, а если не захочет,
Тогда карай грозой своей.

Ц а р ь
Мизгирь,
Желаешь ли загладить грех, Купаву
Понять в жену?

М и з г и р ь
У Мизгиря невеста —
Снегурочка.

Б е р м я т а
Его заставить можно,
Премудрый царь.

Ц а р ь
Не терпит принужденья
Свободный брак.

М у р а ш
Не дай ему ругаться,
Обидчику! Спроси сперва Купаву,
Желает ли она сама?

Ц а р ь
Купава!

К у п а в а
Великий царь, любви Купава ищет.
Хочу любить, а как его полюбишь?
Обижено, разбито сердце им;
Лишь ненависть к нему до гроба будет
В груди моей. Не надо мне его.

Ц а р ь
Честной народ, достойна смертной казни
Вина его; но в нашем уложеньи
Кровавых нет законов, пусть же боги
Казнят его по мере преступленья,
А мы судом народным Мизгиря
На вечное изгнанье осуждаем.
Иди от нас, преступник, поругатель

Горячности доверчивой любви,
Внушенной нам природой и богами.
Гоните прочь его от каждой двери,
От каждого жилья, где свято чтутся
Обычаи честны́е старины!
В пустыню, в лес его гоните! Звери —
Товарищи тебе по сердцу; сердце
Звериное с зверями тешь, Мизгирь!

Мизгирь

Ни слова я не молвлю в оправданье;
Но если б ты, великий царь, увидел
Снегурочку...

Народ

Снегурочка идет!

Входит Снегурочка, за ней Бобыль и Бобылиха, одетая богато, в большой рогатой кичке.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Царь Берендей, Бермята, Прекрасная Елена, Купава, Мураш, Лель, Мизгирь, Снегурочка, Бобыль, Бобылиха, царские отроки, народ.

Снегурочка

(оглядывая дворец)
Какой простор, как чисто всё, богато!
Смотри-ка, мать! Лазоревый цветочек —
Живехонек.
(Садится на пол и рассматривает цветок на столбе.)

Бобылиха

Да ты бы поклонилась
Вперед всего! И нам поклон отвесят,
Ведь тоже мы не из последних.
(Толкает Снегурочку локтем и говорит тихо.)
Смотрят
На кику-то?

Снегурочка

Дивуются, глядят.

Бобылиха

Ну, кланяйся!

Снегурочка

Забыла, не взыщите!
Ну, здравствуйте, честны́е берендеи!

Бобылиха

Боярыни стоят, гляди! А кики
Попроще, чай, моей?

Снегурочка

Твоя рогатей.

Бобылиха

Ну, то-то же, пускай глядят да сохнут
От зависти!

Снегурочка

(указывая на царя)

А это кто? Кафтан-то
Узорчатый, обвязка золотая
И пó пояс седая борода.

Бобылиха

Да это царь.

Снегурочка

Ах! Мама, страшно стало
Снегурочке. Пойдем на волю.

Бобыль

Ну-ко
С добра ума какую речь сказала!
Впервой пришлось Бакуле Бобылю
На царские палаты любоваться,
Да вон идти! Какая нам неволя!
Побарствуем, покуда не погонят.

Бобылиха

Невежа ты! Глазеешь, рот разиня,
По сторонам, а батюшко, великий
Премудрый царь, дивится: что за дура
В высокие хоромы забежала,
Незваная. Деревня ты, деревня!
Поди к нему, не бойся, не укусит
Да кланяйся пониже!

Снегурочка

(подойдя к царю, кланяется)

Здравствуй, царь!

Царь

(берет ее за руку)

Полна чудес могучая природа!
Дары свои обильно рассыпая,
Причудливо она играет: бросит
В болотинке, в забытом уголке
Под кустиком, цветок весны жемчужный,
Задумчиво склоненный ландыш, брызнет

На белизну его холодной пылью
Серебряной росы,— и дышит цветик
Неуловимым запахом весны,
Прельщая взор и обонянье.

Снегурочка

Жалко,
Что ландыши так скоро отцвели!
Сказал бы ты, что любишь их, так я уж
Давно б тебе пучочек нарвала,
Хорошеньких. Не всякий место знает,
А я в лесу, как дома; если хочешь,
Пойдем со мной, я место укажу.

Царь

Не плачу я, что цветики увяли,
Такой цветок цветет перед очами,
Что я смотрю, смотрю, да и не верю,—
Во сне иль въявь цветок передо мной?

Снегурочка с довольным видом смотрит на всех и охорашивается.

Ее краса поможет нам, Бермята,
Ярилин гнев смягчить. Какая жертва
Готовится ему! При встрече Солнца
Вручим ее счастливому супругу.
Снегурочка, пришла твоя пора:
Ищи себе по сердцу друга!

Снегурочка

Где же
Искать его, не знаю.

Царь

Сердце скажет.

Снегурочка

Молчит мое сердечко.

Царь

(отводя Снегурочку)

Не стыдись!
Преклонные лета равняют старца
С девицею. Стыдливость неуместна
Пред старыми потухшими глазами.
Откройся мне: кого порой вечерней
На зыбкое крылечко поджидаешь?
Кого вдали, прикрывши ручкой глазки,
На полотне зари румяной ищешь?
Кого бранишь за медленность, кому

Навстречу шлешь и радости улыбку,
И слез поток, и брань, и поцелуй?
Кому, скажи, девица!

Снегурочка

Никому.

Бермята

Великий царь, она любви не знает.

Царь

С ее красой любви не знать, Бермята?
Не верю я. Таких чудес на свете
Не слыхано. Природой неизменно
Положена пора любви для всех.
Не верю я. Но если правда, как же
Не гневаться подателю тепла?
Удвоим же старания исправить
Невольный грех. Ужли из берендеев
На мой призыв никто не отзовется?
Кому из вас Снегурочка милее?
Кто может в ней младенческую душу
Желанием любви зажечь, скажите!

Бобыль

Немало уж пытались, только даром
Потратили труды.

Бобылиха

Немало было
И плачущих и пляшущих, да толку
Ни на́ волос не вышло.

Царь

Берендеи,
Кому из вас удастся до рассвета
Снегурочку увлечь любовью, тот
Из рук царя, с великим награжденьем,
Возьмет ее, и лучшим гостем будет
За́ царскими столами на пирах,
На празднике Ярилы.

Бермята

Царь великий,
Молчат они.

Царь

(Елене)

Прекрасная Елена,
Хочу спросить у вас, у женщин, лучше
Известны вам сердечные дела:
Ужли совсем не стало той отваги

В сердцах мужчин, не стало тех речей,
Пленительно-лукавых, смелых взоров,
Которыми неотразимо-верно,
Бывало, мы девиц и жен прельщали?
Прекрасная Елена, укажи,
Кого избрать из юных берендеев,
Способного свершить желанный подвиг?

Прекрасная Елена

Великий царь, стыдливость наблюдая
Обычную, могла бы я, конечно,
Незнанием отговориться; но
Желание служить для пользы общей
Стыдливостью пожертвовать велит.
Из юношей цветущих, берендеев,
Известных мне, один лишь только может
Внушить любовь девице, сердце жен
Поколебать, хотя бы наша верность
Крепка была, как сталь,— и это Лель.

Царь

Какая честь тебе, пастух.

Лель

Не мне,
Великий царь, а Солнцу подобает
Такая честь. Лелеяло измлада
Оно меня — учило песни петь;
Его тепло в речах моих,— и слушать
Охотятся девицы речи Леля.
Тепло его в крови моей и в сердце,
И теплится в лице румянцем смуглым,
И светится весенней сладкой негой
Из глаз моих. Снегурочка, пойдем
Свивать венки со мною вместе, будем
Встречать зарю и солнечный восход!
Смотрите ей в глаза! Она полюбит
К рассвету дня,— меня или другого,
Снегурочка полюбит непременно,
Поверьте мне. А бедный пастушонко,
Кудрявый Лель, в угоду богу-Солнцу
И светлому царю, поможет ей!

Мизгирь

Великий царь, отсрочь мое изгнанье,—
Огонь любви моей воспламенит
Снегурочки нетронутое сердце.
Клянусь тебе великими богами,

Снегурочка моей супругой будет,
А если нет — пускай меня карает
Закон царя и страшный гнев богов!

Ц а р ь

Мизгирь и Лель, при вашем обещаньи
Покоен я и беспечально встречу
Ярилин день. Вечернею зарей,
В запо́ведном лесу моем, сегодня
Сберемся мы для игр и песен. Ночка
Короткая минует незаметно,
На розовой заре, в венке зеленом,
Среди своих ликующих детей
Счастливый царь пойдет на встречу Солнца.

Н а р о д

Да здравствует премудрый,
Великий Берендей,
Владыка среброкудрый,
Отец земли своей!
Для счастия народа
Богами ты храним,
И царствует свобода
Под скипетром твоим!

Все уходят.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА:

ЦАРЬ БЕРЕНДЕЙ.

БЕРМЯТА.

ЕЛЕНА ПРЕКРАСНАЯ.

СНЕГУРОЧКА.

БОБЫЛЬ.

БОБЫЛИХА.

МИЗГИРЬ.

ЛЕЛЬ.

МУРАШ.

КУПАВА.

РАДУШКА.

МАЛУША.

БРУСИЛО.

КУРИЛКА.

ЛЕШИЙ.

СКОМОРОХИ, ГУДОЧНИКИ, ВОЛЫНЩИКИ, СВИТА ЦАРЯ И НАРОД.

Просторная поляна в лесу; справа и слева сплошной лес стеной; перед лесом, по обе стороны, невысокие кусты. Вдали, меж кустами, видны богатые шатры. Вечерняя заря догорает.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Молодые берендеи водят круги; один круг ближе к зрителям, другой поодаль. Девушки и парни в венках. Старики и старухи кучками сидят под кустами и угощаются брагой и пряниками. В первом кругу ходят: Купава, Радушка, Малуша, Брусило, Курилка, в середине круга: Лель и Снегурочка. Мизгирь, не принимая участия в играх, то показывается между народом, то уходит в лес. Бобыль пляшет под волынку. Бобылиха, Мураш и несколько их соседей сидят под кругом и пьют пиво.
Царь со свитой смотрят издали на играющих.

Девушки и парни
(водя круги, поют)
Ай, во поле липонька,
Под липою бел шатер,
В том шатре стол стоит,
За тем столом девица.
Рвала цветы со травы,
Плела венок с яхонты.
Кому венок износить?
Носить венок милому.

Снегурочка надевает венок на Леля. Круг расходится, все смотрят на Бобыля, который пляшет под волынку.

Бобылиха
(потчуя Мураша)
Пожалуйте! И наша не щербата
Копеечка,— и мы поразжились.

Мураш
Отказу нет. Да мужа-то попотчуй!
Намаялся,— хоть душу отведет.

Бобыль перестает плясать.

Бобылиха

(подавая Бобылю жбан пива)

На праздниках тяжеле всех Бакуле,
Хлопот ему по горло: пляшет, пляшет,
Надсядется, а не отстанет. Жаден
До пляски-то. Смотреть-то жалость, право!
Того гляди, умрет когда с надсады,
Допляшется.

Мураш

Старательный мужик.

Царь

(проходит между гуляющими)

Веселое гулянье! Сердцу радость
Глядеть на вас. Играйте, веселитесь,
Заботы прочь гоните: для заботы
Своя пора. Народ великодушный
Во всем велик,— мешать с бездельем дело
Не станет он; трудиться, так трудиться,
Плясать и петь — так вдоволь, до упаду.
Взглянув на вас разумным оком, скажешь,
Что вы народ честной и добрый; ибо
Лишь добрые и честные способны
Так громко петь и так плясать отважно.
Спасибо вам на песнях и на пляске!
Уж тешиться так тешиться!

(Скоморохам.)

Пляшите,
Кувыркайтесь, ломайтесь, дураки!

Скоморохи пляшут.

Заря чиста, и утро будет ясно.
Уходит день веселый, догорают
Последние лучи зари, все выше
И выше свет малиновый; потемки
Цепляются за сучья и растут,
Преследуя зари румяный отблеск.
И скоро ночь в росящемся лесу
С вершинами деревьев станет вровень.
Пора к шатрам, в кругу гостей веселых
Окончить день и встретить новый. Песню
Последнюю пропой, пригожий Лель!

Лель

(поет)

Туча со громом сговаривалась:

Ты, гром, греми, а я дождь разолью,
Вспрыснем-ко землю весенним дождем!
То-то цветочки возрадуются!
Выдут девицы за ягодками,
Парни за ними увяжутся.
    Лель, мой Лель! Лели-лели, Лель!
В роще подруженьки врозь разбрелись,
Кто по кустам, кто по ельничку.
Ягодки брали, аукалися,
Милой подруженьки нет как нет.
Все-то девицы расплакалися:
Нашу подружку не волк ли заел.
    Лель, мой Лель! Лели-лели, Лель!
Встретился девушкам чуж-чуженин,
Чуж-чуженинушко, стар-старичок:
Глупые девки, с ума вы сбрели,
Что вам за радость аукаться,
Что ей за прибыль откликнуться?
Вы б по кустам-то пошарили.
    Лель, мой Лель! Лели-лели, Лель!
Туча со громом сговаривалась:
Ты, гром, греми, а я дождь разолью,
Вспрыснем-ко землю весенним дождем!
То-то цветочки возрадуются.
Вымочим девушек-ягодниц,
Вымочим их, да и высушим.
    Лель, мой Лель! Лели-лели, Лель!

Царь

Спасибо, Лель! Девицы, не стыдитесь!
Не верю я. Ну, статочное ль дело
В частых кустах подружку потерять!
Потешил ты царево сердце, Лель.
Потешь еще! В кругу подруг стыдливых
Красавицу-девицу выбирай,
Веди ко мне, и, всем на погляденье,
Пускай она за песню наградит
Певца любви горячим поцелуем.

Лель идет к девушкам.

Снегурочка

(тихо, Лелю)
Возьми меня!

Л е л ь

Изволь. Поди к сторонке!
Девичий круг нельзя не обойти,
Для виду хоть. За что же их обидеть!

Снегурочка отходит, весело смотрит, оправляется и охорашивается. Лель берет Купаву, подводит к царю и целует. С н е г у р о ч к а в слезах убегает в кусты.

Ц а р ь

Теплом проник до старикова сердца
Отчетливый и звонкий поцелуй,—
Как будто я увесистую чашу
Стоялого хмельного меду выпил.
А кстати я о хмеле вспомнил. Время
К столам идти, Прекрасная Елена,
И хмелю честь воздать. Его услады
И старости доступны. Поспешим!
Желаю вам повеселиться, дети!
(Уходит с Бермятой и Прекрасной Еленой.)

Некоторые б е р е н д е и, и в том числе Л е л ь, уходят за царем.

Б р у с и л о

Всё Лель да Лель! Ему такое счастье!
А чем же мы не молодцы? Не хуже
Сплясать да спеть умеем.

Р а д у ш к а

А Купаве
За что про что такая честь? Красавиц,
Не ей чета, найдется между нами.

К у р и л к а

Вот мы ему докажем, только сто́ит
Осмелиться да захотеть.

Б р у с и л о

Докажем,
Осмелимся, сыграем при народе
Игру свою, что два года учили
Тишком от всех, в овинах хоронясь.
(Поет песню, а Курилка представляет бобра.)
Купался бобер,
Купался черно́й,
На речке быстро́й.
Ай, лели-лели!

Не выкупался,
Лишь выпачкался,
В грязи вывалялся.
    Ай, лели-лели!
На горку входил,
Отряхивался,
Охорашивался.
    Ай, лели-лели!
Осматривался,
Нейдет ли кто,
Не сыщет ли что?
    Ай, лели-лели!
Охотнички свищут,
Собаки-то рыщут,
Черна бобра ищут.
    Ай, лели-лели!
Хотят шубу шить,
Бобром опушить,
Девкам подарить.
    Ай, лели-лели!
Девки чернобровы,
На них шубы новы,
Опушки бобровы.
    Ай, лели-лели!
(Перестает петь.)
Не ладно, что ль, пропето?

Курилка

Ай да мы!

Радушка

Уж видно, нам мириться с вами, парни.
Ребята вы других не хуже. Пусть же
Узнает Лель, и мы ему докажем,
Что парни нас не обегают. Рад бы
Обнять когда и Радушку, да поздно:
У ней дружок, ему и поцелуи
От Радушки.

Малуша

Малушины Курилке.

Брусило

(обнимая Радушку)
Любезное житье.

Курилка
(обнимая Малушу)
Чего же лучше:
Подружка есть, так сердце дома. Братцы,
Пойдем смотреть на царские шатры.

Уходят все — парни с девушками, Купава с Мурашом, Бобыль с Бобылихой. Снегурочка выходит из кустов. Лель с противоположной стороны.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Лель, Снегурочка.

Лель
Куда она девалась-запропала?
Купавушка! Да не она ли?
(Подходит к Снегурочке.)
Нет,
Снегурочка одна в слезах. О чем
Тоскуешь ты? Девицы веселятся,
Во всем лесу веселый гул идет:
То песенки, то звонкий смех, то шепот
Воркующий, то робости и счастья
Короткий вздох, отрывистый. А ты
Одна, в слезах.
Снегурочка
Ужли тебе не жалко
Сиротку так обидеть?
Лель
Я не знаю,
Какую ты нашла обиду.
Снегурочка
Как же?
Красавица Снегурочка иль нет?
Лель
Красавица.
Снегурочка
А ты берешь Купаву,
Ведешь к царю, целуешь. Разве лучше
Снегурочки Купава? Вот обида,
Какой забыть нельзя.
Лель
(обнимая Снегурочку)
За что сердиться,
Снегурочка? Не дорог поцелуй

При всем честном народе, втихомолку
Ценнее он и слаще.

Снегурочка

Я не верю.
Несладко мне украдкой целоваться.
Подумай ты, когда теперь дождешься,
Чтоб царь велел из всех девиц-красавиц
Красавицу поставить напоказ!

Лель

Не долго ждать тебе.

Снегурочка

Опять обманешь,
Опять возьмешь другую.

Лель

Как же быть-то?
Возьмешь тебя, обидятся другие;
Другую взять, тебя обидеть. Скоро
Румяная забрезжится заря,
Народ с царем пойдет на встречу Солнца.
А мне вперед идти и запевать
С подружкою. Кого бы взять? Не знаю.

Снегурочка

Пригожий Лель, возьми меня!

Лель

Другая
За эту честь души не пожалеет.

Снегурочка

Чего тебе угодно, всё на свете
Снегурочка отдаст.

Лель

Люби меня!

Снегурочка

И рада б я душой, да не умею.
Пригоженький, когда настанет время
Снегурочке любить, уж никого-то
Опричь тебя не полюблю.

Лель

Посмотрим.

Снегурочка

Хорошенький-пригоженький, возьми.

Лель

Уж, видно, взять.

Снегурочка

Пригоженький, послушай!
Коль хочешь ты, чтоб сердце не болело
У бедненькой Снегурочки, с другими
Девицами водиться перестань!
Ласкаешь их, а мне сердечко больно,
Целуешь их, а я гляжу да плачу.

Лель

Без ласки жить нельзя же пастушонку!
Не пашет он, не сеет; с малолетства
На солнышке валяется; лелеет
Весна его и ветерок ласкает.
И нежится пастух на вольной воле.
В уме одно: девичья ласка, только
И думаешь о ней.

Снегурочка

Ласкай меня,
Целуй меня, пригоженький! Пусть видят,
Что я твоя подружка. Горько, больно
Одной бродить! Глядят как на чужую
И девушки и парни. Вот пошла бы
На царские столы смотреть, а с кем?
Подружки все с дружками, косо смотрят,
Сторонятся: отстань, мол, не мешай!
С старушками пойти и с стариками —
Насмешками да бранью докорят.
Одной идти, так страшно. Будь дружком,
Пригоженький!

Лель

Сама же виновата,
Немало я любил тебя, горючих
Немало слез украдкой пролил.

Снегурочка

Все-то
Глупа еще,— прости, пригожий Лель!

Лель

А стоило хоть словом приласкать
Поласковей, и ты б закабалила
Меня навек и волю отняла.

Снегурочка

Про старое не помни, Лель пригожий!
Люби меня немножко, дожидайся,—
Снегурочка сама тебя полюбит.
Сведи меня смотреть шатры царевы

И солнышко встречать возьми подружкой!
Хорошенький-пригоженький, возьми!

Лель

Дождись меня, возьму. Пойду к ребятам,
Не ужинал еще,— как раз вернусь.
(Убегает.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Снегурочка, потом Мизгирь.

Снегурочка

Вот любо-то! Вот радость! Не в народе,
В густой толпе, из-за чужой спины,
Снегурочка смотреть на праздник будет,—
Вперед пойдет. И царь, и люди скажут:
Такой четы на диво поискать!
(Снимает венок.)
Завял венок; наутро надо новый
Сплести себе из тонких гибких веток;
Вплету туда цветочки-василечки.
(В задумчивости запевает.)
Ах, цветочки-василечки!

Выходит Мизгирь.

Мизгирь

Снегурочка, тебя давно ищу я.
(Берет ее за руку.)

Снегурочка

(с испугом)
Ах, нет. Уйди! Не надо.

Мизгирь

Не оставлю
Твоей руки, пока в мольбах и стонах
Не выскажу тебе, как ноет сердце,
Какой тоской душа больна. Не знала
До сей поры она любви страданий,
Утехи лишь известны ей; а сердце
Приказывать привыкло, не молило,
Не плакало оно. Перед тобою
В слезах стоит не мальчик, гордый духом
Смиряется. Доселе я не плакал
И даже слов не тратил много,— только
Рукой манил девиц делить любовь

И золото бросал за ласки; ныне
Сломился я под гнетом жгучей страсти
И слезы лью. Смотри, колена клонит
Перед девчонкой гордый человек.
(Падает на колени.)

Снегурочка

Зачем, зачем? Вставай, Мизгирь!

Мизгирь

Полюбишь,
Полюбишь ты меня, скажи!

Снегурочка

О нет!
Слова твои пугают, слезы страшны;
Чего-то я боюсь с тобой. Уйди!
Оставь меня, прошу! Пусти! Ты добрый,
Зачем пугать Снегурочку?
(Старается вырвать руку.)

Мизгирь

Постой!
Что страшен я, то правда. Не напрасно ж
Румяный стыд прорезал полосами
Лицо мое; за горечь униженья
Заплатишь ты.

Снегурочка

О, если всё такая
Живет любовь в народе, не хочу,
Не буду я любить.

Мизгирь

Поищем средства
Желанного достичь по доброй воле.
Снегурочка, у острова Гурмыза,
Где теплое бушующее море
На камни скал прибрежных хлещет пену,
Пускаются без страха водолазы
Отважные искать по дну морскому
Прибыточной добычи. Я пытался,
Удачи ждал; давал большую цену
За жизнь людей и посылал на дно
За жемчугом проворных водолазов,
И вынес мне один зерно такое,
Какого нет в коронах у царей,
Ни у цариц в широких ожерельях.
Купить его нельзя; полцарства сто́ит
Жемчужина. Сменяться? — Вещи равной

Не подберешь. Ценой ему равна,
Снегурочка, одна любовь твоя.
Сменяемся, возьми бесценный жемчуг,
А мне любовь отдай.

Снегурочка

Бесценный жемчуг
Себе оставь; недорого ценю я
Свою любовь, но продавать не стану:
Сменяюсь я любовью на любовь,
Но не с тобой, Мизгирь.

Мизгирь

Отдашь и даром.
Довольно слов, довольно убеждений!
Бросай венок девичий! Ты жена,
Снегурочка. Поклялся я богами
Перед царем и клятву исполняю.

Снегурочка

Оставь! Пусти! Беги, спасай Снегурку,
Пригожий Лель!

Мизгирь

О! Если Лель... так прежде
Возьмет Мизгирь, что хочет взять пастух.

Леший сзади обнимает Мизгиря; Снегурочка вырывается и бежит по поляне. Леший оборачивается пнем. Мизгирь хочет бежать за Снегурочкой,— между ним и ею встает из земли лес. В стороне показывается призрак Снегурочки. Мизгирь бежит к нему,— призрак исчезает, на месте его остается пень с двумя прилипшими, светящимися, как глаза, светляками.

Безумец я, любовью опьяненный,
Сухой пенек за милый образ принял,
Холодный блеск зеленых светляков —
За светлые снегурочкины глазки.

Из лесу показывается призрак Снегурочки и манит Мизгиря. Кусты и сучья деревьев принимают меняющиеся фантастические образы. Мизгирь бежит за призраком.

Леший

Броди всю ночь за призраком бегущим!
Лови мечты манящей воплощенье!
Лишь светлый день твои рассеет грезы.
(Уходит.)

Поляна принимает прежний вид. Выходит Лель, за ним — Прекрасная Елена.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Лель, Прекрасная Елена.

Прекрасная Елена
Пленительный пастух, куда стремишься?
Умильный взгляд обороти назад!
Лель
Прекрасная Елена!
Прекрасная Елена
Ты дивишься,
Что в поздний час одна в лесу блуждаю?
Пригожий Лель, меня взманило пенье
Певца весны; гремящий соловей,
С куста на куст перелетая, манит
Раскрытое для увлечений сердце
И дальше в лес опасный завлекает
Прекрасную Елену.
Лель
Недалеко
От царского шатра блуждаешь ты.
Вернись к нему открытою поляной!
Опасности не встретишь.
Прекрасная Елена
Злой пастух!
Не хочешь ты Прекрасную Елену
В густом лесу тенистом проводить
Уютною тропинкой.
Лель
Провожатым
Пошел бы я, да сердце не на месте:
В гулянках я всё стадо растерял,
Ищу теперь по кустикам овечек.
Прекрасная Елена
По кустикам? Противный, чует сердце,
Какую ты в лесу овечку ловишь.
Ах, бедная овечка, прячься дальше!
Отыщет Лель и сетью льстивой речи
Запутает в такую же напасть,
В какую ввел Прекрасную Елену.
Заставил ты несчастную ревниво
Следить тебя в печальном размышленьи:
Как вредно вам вверяться, пастухам.
Лель
Спеши к шатрам, Прекрасная Елена!
Отсутствие твое заметят скоро.

Прекрасная Елена

Ах, милый Лель, боюсь!

Лель

Чего, Елена
Прекрасная, боишься ты?

Прекрасная Елена

(прижимаясь к Лелю)

Ах, Лель,
Всего боюсь. Смотри, в кустах мелькают
И светятся двойчаткой, точно свечки,
Глаза волков кровавые. А вот
На дереве повис, как кошка, леший,—
Скосив глаза и высунув язык,
Старается удавленника скорчить.
А вон другой — для глупой шутки лапу
Лохматую в колючий куст просунув,
Зажмурясь, ждет, чтоб ферязь разорвать
И сделать в ней прореху, где не надо.
Всего боюсь, и света и потемков,
Страшит меня и зверь, и человек,
И леший, злой проказник. Только Лелю
Пригожему, закрыв глаза, без страха
Холодного, себя вверяю.
(Зажмурясь, ложится на грудь Лелю.)
Сладко
В объятиях твоих лежать и млеть.

Входит Бермята. Лель *передает ему Прекрасную Елену и уходит.*

Но пламень чувств моих не зажигает
Огня в груди у Леля.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Елена Прекрасная, Бермята.

Бермята

Лель пригожий
От пламенной любви твоей бежит.

Елена Прекрасная

Какой удар!

Бермята

Пенять и удивляться
Не стану я; прекрасную супругу
Не в первый раз в чужих объятьях вижу.

Пойдем со мной! В лесу ночной порою
И встретит кто, так все ж пристойней с мужем
Бродить тебе, чем с Лелем.

Елена Прекрасная

Милый муж,
Разбойник Лель удваивает нежность
Жены твоей к тебе. Его поступок
Прекрасную Елену убеждает,
Что юноши все нагло-бессердечны,
Зато мужья и милы и добры.

Уходят. Входит Лель. Снегурочка выходит из кустов.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Лель и Снегурочка.

Снегурочка

Велел, и жду тебя; велел, и жду.
Пойдем к царю! А я веночек новый
Сплела себе, смотри. Пригожий Лель,
Возьми с собой! Обнимемся! Покрепче
Прижмусь к тебе от страха. Я дрожу,
Мизгирь меня пугает: ищет, ловит.
И что сказал, послушай! Что Снегурка
Его жена. Ну, статочное ль дело:
Снегурочка — жена? Какое слово
Нескладное!

Лель

(завидев бегущую Купаву)

Да здесь ли нам сжидаться?
Не там ли вон, смотри!

Снегурочка

Да здесь ли, там ли,
Ведь ты со мной. Чего ж еще?

Лель

Подпасок
Бежит сюда по тайности словечко
Сказать со мной. Дождись вон там!

Снегурочка

Изволь!

(Уходит на другую сторону в кусты.)

Прибегает Купава.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Лель, Купава, Снегурочка.

Купава

Насилу я нашла тебя, желанный,
Сердечный друг, голубчик сизокрылый!
Не в глазки, нет, не в щечки целовать,—
У ног лежать, голубчик сизокрылый,
У ног лежать должна Купава.

Лель

Полно!
Летят и льнут к соте медовой мухи,
К воде листок, к цветочку пчелка льнет —
К Купаве Лель.

Купава

Голубчик сизокрылый!
Тепло мое сердечко, благодарной
Навек тебе останусь; ты от сраму,
От жгучих игл насмешки и покоров
Купаве спас девическую гордость.
При всем честном народе поцелуем
Сравнял меня, забытую, со всеми.

Лель

Да разве я не знал, какое сердце
Куплю себе, тебя целуя. Если
У глупого мальчонка-пастуха
Рассудка нет, так вещим сердцем сыщет
Подружку он.

Купава

Подружку? Нет, собачку.
Мани меня, когда ласкать захочешь,
Гони и бей, коль ласка надоест.
Без жалобы отстану, только взглядом
Слезящимся скажу тебе, что я, мол,
Приду опять, когда поманишь.

Лель

Радость
Души моей, Купава, сиротинка
Свою гульбу-свободу отгулял.
Победная головка докачалась
До милых рук, долюбовались очи
До милых глаз, домаялось сердечко
До теплого приюта.

К у п а в а

Лель пригожий,
Надолго ли любовь твоя, не знаю;
Моя любовь до веку и до часу
Последнего, голубчик сизокрылый!

Л е л ь

Идем скорей! Бледнеют тени ночи.
Смотри, заря чуть видною полоской
Прорезала восточный неба край,
Растет она, яснее, ширясь. Это
Проснулся день и раскрывает веки
Светящих глаз. Пойдем! Пора приспела
Встречать восход Ярила-Солнца. Гордо
Перед толпой покажет Солнцу Лель
Любимую свою подругу.

С н е г у р о ч к а выбегает из кустов.

С н е г у р о ч к а

Стойте!
Обманщик Лель, зачем же я ждала,
Плела венок? Ведь не затем, чтоб после
Смочить его слезами. Ты уж так бы
Сказал тогда: Снегурочка, плети,
Плети венок и плачь, роняй слезинки
На каждый лист, на каждый лепесток!
А ты манил.

К у п а в а

Снегурочка, да чем же
Встречать тебе восход Ярила-Солнца?
Когда его встречаем, жизни сила,
Огонь любви горит у нас в очах.
Любовь и жизнь — дары Ярила-Солнца;
Его ж дары ему приносят девы
И юноши; а ты сплела венок,
Надела бус на шейку, причесалась,
Пригладилась — и запон, и коты
Новехоньки,— тебе одна забота,
Как глупому ребенку, любоваться
На свой наряд да забегáть вперед,
Поодаль стать,— в глазах людей вертеться
И хвастаться обновками.

С н е г у р о ч к а

Купава,
Разлучница! Твое же это слово;

Сама меня разлучницей звала,
Сама же ты и разлучаешь с Лелем.

Л е л ь

Снегурочка, подслушивай почаще
Горячие Купавы речи! Время
Узнать тебе, как сердце говорит,
Когда оно любовью загорится.
Учись у ней любить и знай, что Лелю
Не детская любовь нужна. Прощай!
(Убегает с Купавой.)

С н е г у р о ч к а

Обманута, обижена, убита
Снегурочка. О мать, Весна-Красна!
Бегу к тебе и с жалобой и с просьбой:
Любви прошу, хочу любить! Отдай
Снегурочке девичье сердце, мама!
Отдай любовь иль жизнь мою возьми!
(Убегает.)

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЛИЦА:

ЦАРЬ БЕРЕНДЕЙ.

СНЕГУРОЧКА.

МИЗГИРЬ.

ЛЕЛЬ.

ВЕСНА-КРАСНА.

ВСЕ БЕРЕНДЕИ, СВИТА ВЕСНЫ, ЦВЕТЫ.

Ярилина долина: слева (от зрителей) отлогая покатость, покрытая невысокими кустами; справа — сплошной лес; в глубине озеро, поросшее осокой и водяными растениями с роскошными цветами; по берегам цветущие кусты с повисшими над водой ветвями; с правой стороны озера голая Ярилина гора, которая оканчивается острою вершиной. Утренняя заря.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

П р и з р а к Снегурочки несется, едва касаясь земли. М и з г и р ь идет за ним.

М и з г и р ь

Всю ночь в глазах мелькает милый образ.

Снегурочка, постой одно мгновенье.
(Убегает за призраком в лес.)

С н е г у р о ч к а сходит с горы.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

С н е г у р о ч к а, потом В е с н а.

С н е г у р о ч к а
(обращаясь к озеру)
Родимая, в слезах тоски и горя
Зовет тебя покинутая дочь.
Из тихих вод явись — услышать стоны
И жалобы Снегурочки твоей.

Из озера поднимается В е с н а, окруженная ц в е т а м и.

В е с н а
Снегурочка, дитя мое, о чем
Мольбы твои? Великими дарами
Могу тебя утешить на прощанье.
Последний час Весна с тобой проводит,
С рассветом дня вступает бог Ярило
В свои права и начинает лето.
(Подходит к Снегурочке.)
Чего тебе недостает?

С н е г у р о ч к а
Любви!
Кругом меня все любят, все счастливы
И радостны; а я одна тоскую;
Завидно мне чужое счастье, мама.
Хочу любить — но слов любви не знаю,
И чувства нет в груди; начну ласкаться —
Услышу брань, насмешки и укоры
За детскую застенчивость, за сердце
Холодное. Мучительную ревность
Узнала я, любви еще не зная.
Отец-Мороз, и ты, Весна-Красна,
Дурное мне, завистливое чувство
Взамен любви в наследство уделили;
В приданое для дочки положили
Бессонные томительные ночи
И встречу дня без радости. Сегодня,
На ключике холодном умываясь,
Взглянула я в зеркальные струи

И вижу в них лицо свое в слезах,
Измятое тоской бессонной ночи.
И страшно мне: краса моя увянет
Без радости. О мама, дай любви!
Любви прошу, любви девичьей!

Весна

Дочка,
Забыла ты отцовы опасенья.
Любовь тебе погибель будет.

Снегурочка

Мама,
Пусть гибну я, любви одно мгновенье
Дороже мне годов тоски и слез.

Весна

Изволь, дитя,— любовью поделиться
Готова я; родник неистощимый
Любовных сил в венке моем цветном.
Сними его! Присядь ко мне поближе!

Весна садится на траву, Снегурочка подле нее. Цветы окружают их.

Смотри, дитя, какое сочетанье
Цветов и трав, какие переливы
Цветной игры и запахов приятных!
Один цветок, который ни возьми,
Души твоей дремоту пробуждая,
Зажжет в тебе одно из новых чувств,
Незнаемых тобой,— одно желанье,
Отрадное для молодого сердца,
А вместе все, в один венок душистый
Сплетясь пестро, сливая ароматы
В одну струю,— зажгут все чувства разом.
И вспыхнет кровь, и очи загорятся,
Окрасится лицо живым румянцем
Играющим,— и заколышет грудь
Желанная тобой любовь девичья.
Зорь весенних цвет душистый
Белизну твоих ланит,
Белый ландыш, ландыш чистый
Томной негой озарит.

Барской спеси бархат алый
Опушит твои уста,
Даст улыбку цветик малый —
Незабудка-красота.

Роза розой заалеет
На груди и на плечах,
Василечек засинеет
И просветится в очах.

Кашки мед из уст польется
Чарованием ума,
Незаметно проберется
В душу липкая Дрема.

Мак сердечко отуманит,
Мак рассудок усыпит.
Хмель ланиты нарумянит
И головку закружит.

(Надевает венок на голову Снегурочки.)

Снегурочка

Ах, мама, что со мной? Какой красою
Зеленый лес оделся! Берегами
И озером нельзя налюбоваться.
Вода манит, кусты зовут меня
Под сень свою; а небо, мама, небо!
Разлив зари зыбучими волнами
Колышется.

Весна

Снегурочка, прощай,
Дитя мое! Любовным ароматом
Наполнилась душа твоя. Кипучий
Восторг страстей тебя охватит скоро;
Красой лугов и озером зеркальным
Дотоле ты любуешься, пока
На юношу не устремятся взоры.
Тогда лишь ты вполне узнаешь силу
И власть любви над сердцем. С первой встречи
Счастливца ты даришь любовью, кто бы
Ни встретился тебе. Но, радость-дочка,
Таи любовь от глаз Ярила-Солнца,
Спеши домой, не медля: не любуйся
Багряными потоками рассвета,—
Вершины гор покрылись позолотой,
И скоро царь светил осветит землю.
Беги домой тропинками лесными
В тени кустов и избегая встречи;
Предчувствие тревожит сердце мне.
Прощай, дитя, до нового свиданья,

И матери советов не забудь.
(Опускается в озеро.)

Снегурочка

Какое я сокровище храню
В груди моей. Ребенком прибежала
Снегурочка в зеленый лес — выходит
Девицею с душой счастливой, полной
Отрадных чувств и золотых надежд.
Снесу мой клад тропинкой неизвестной;
Одна лишь я по ней бродила, лешим
Протоптана она между болотом
И озером. Никто по ней не ходит,
Лишь лешие, для шутки, горьких пьяниц
Манят по ней, чтоб завести в трясину
Без выхода.
(Идет в лес.)

Навстречу ей выходит Мизгирь.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Снегурочка, Мизгирь.

Мизгирь

Снегурочка!

Снегурочка

Ах, встреча!

Мизгирь

Снегурочка, мои слабеют силы,
Всю ночь ловлю тебя. Остановись!
Боишься ты?

Снегурочка

О нет, Мизгирь, не страхом
Полна душа моя. Какая прелесть
В речах твоих! Какая смелость взора!
Высокого чела отважный вид
И гордая осанка привлекают,
Манят к тебе. У сильного — опоры,
У храброго — защиты ищет сердце
Стыдливое и робкое. С любовью
Снегурочки трепещущая грудь
К твоей груди прижмется.

Мизгирь

(обнимая ее) Жадным слухом
Ловлю твои слова, боюсь поверить
Блаженству я, Снегурочка.

Снегурочка

О милый,
Прости меня! Чего-то я боялась,
Смешно самой и стыдно, берегла
Какое-то сокровище, не зная,
Что всё, что есть на свете дорогого,
Живет в одном лишь слове. Это слово:
Любовь.

Мизгирь

Еще отрадных слов, еще,
И счастию не будет меры.

Снегурочка

Милый,
Позволь взглянуть в твое лицо, в огонь
Твоих очей вглядеться! Слушай, прежде
Считала я девичью миловидность,
Сребристый пух ланит и нежность кожи
За лучшую красу. Не понимаю,
Слепа, глупа была. Да разве можно
Красу девиц равнять с твоей красою?
Незрелый цвет девичьей нежной кожи
Равнять с мужским румянцем загрубелым?
Снегурочка твоя, бери в свой дом
Жену свою,— любить и нежить буду,
Ловить твой взгляд, предупреждать желанья.
Но, милый мой, бежим скорее, спрячем
Любовь свою и счастие от Солнца,
Грозит оно погибелью! Бежим,
Укрой меня! Зловещие лучи
Кровавые страшат меня. Спасай,
Спасай свою Снегурочку!

Мизгирь

Дитя,
Спасать тебя? Любовь твоя — спасенье
Изгнаннику. На солнечном восходе
Мизгирь тебя супругою покажет,
И царский гнев правдивый укротится,
И, милостью богатый, Берендей
Младой чете свою окажет ласку.

Снегурочка

(на коленях)
Завет отца и матери, о милый,
Не смею я нарушить. Вещим сердцем
Почуяли они беду,— таить

Велели мне мою любовь от Солнца.
Погибну я! Спаси мою любовь,
Спаси мое сердечко! Пожалей
Снегурочку!

Мизгирь

Покорными сердцами
Привыкла ты владеть, привыкла тешить
Угодами обычай прихотливый.
Но сердцем я не мальчик — и любить,
И приказать умею: оставайся!

Снегурочка

Не прихоть, нет. В руках твоих погибнет
Снегурочка!

Мизгирь

Оставь ребячьи страхи
Неведомой беды! Но если вправду
Беда придет — тогда погибнем вместе.

Снегурочка

Смотри, смотри! Всё ярче и страшнее
Горит восток. Сожми меня в объятьях,
Одеждою, руками затени
От яростных лучей, укрой под тенью
Склонившихся над озером ветвей.
(Становится под тень куста.)

Из лесу по горе сходит народ; впереди гусляры играют на гуслях и пастухи на рожках, за ними царь со свитой, за царем попарно женихи и невесты в праздничных одеждах, далее все берендеи. Сойдя в долину, народ разделяется на две стороны.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Снегурочка, Мизгирь, царь Берендей, Лель и весь народ. Все с ожиданием смотрят на восток и при первых лучах солнца запевают.

Общий хор

Одна сторона:

А мы просо сеяли, сеяли,
Ой Дид-Ладо, сеяли, сеяли.

Другая сторона:

А мы просо вытопчем, вытопчем,
Ой Дид-Ладо, вытопчем, вытопчем.

1 - я:

А чем же вам вытоптать, вытоптать,
Ой Дид-Ладо, вытоптать, вытоптать?

2 - я:

А мы коней выпустим, выпустим,
Ой Дид-Ладо, выпустим, выпустим.

1 - я:

А мы коней переймем, переймем,
Ой Дид-Ладо, переймем, переймем.

2 - я:

А мы коней выкупим, выкупим,
Ой Дид-Ладо, выкупим, выкупим.

1 - я:

А чем же вам выкупить, выкупить,
Ой Дид-Ладо, выкупить, выкупить?

2 - я:

А мы дадим девицу, девицу,
Ой Дид-Ладо, девицу, девицу.

1 - я:

А нашего полку прибыло, прибыло,
Ой Дид-Ладо, прибыло, прибыло.

2 - я:

А нашего полку убыло, убыло,
Ой Дид-Ладо, убыло, убыло.

При пении обе стороны сближаются медленными шагами под размер песни. При конце песни женихи берут невест и кланяются царю.

Царь

Да будет ваш союз благословен
Обилием и счастием! В богатстве
И радости живите до последних
Годов своих в семье детей и внуков!
Печально я гляжу на торжество
Народное: разгневанный Ярило
Не кажется, и лысая вершина
Горы его покрыта облаками.
Недоброе сулит Ярилин гнев:
Холодные утра и суховеи,
Медвяных рос убыточные порчи,
Неполные наливы хлебных зерен,
Ненастную уборку — недород,
И ранние осенние морозы,
Тяжелый год и житниц оскуденье.

М и з г и р ь

(подводя Снегурочку к царю)

Великий царь, твое желанье было
Законом мне, и я его исполнил:
С Снегурочкой на брак благослови,
Прости вину мою и гнев на милость
Перемени!

Г о л о с а   и з   н а р о д а

О, диво, полюбила
Снегурочка.

Ц а р ь

Охотой ли, девица
Снегурочка, вручаешь жениху
Судьбу свою? С твоей рукою вместе
Даешь ли ты любовь ему?

С н е г у р о ч к а

О царь!
Спроси меня сто раз, сто раз отвечу,
Что я люблю его. При бледном утре
Открыла я избраннику души
Любовь свою и кинулась в объятья.
При блеске дня теперь, при всем народе,
В твоих глазах, великий Берендей,
Готова я для жениха и речи,
И ласки те сначала повторить.

Яркий луч солнца прорезывает утренний туман и падает на Снегурочку.

Но что со мной: блаженство или смерть?
Какой восторг! Какая чувств истома!
О мать-Весна, благодарю за радость,
За сладкий дар любви! Какая нега
Томящая течет во мне! О Лель,
В ушах твои чарующие песни,
В очах огонь... и в сердце... и в крови
Во всей огонь. Люблю и таю, таю
От сладких чувств любви! Прощайте, все
Подруженьки, прощай, жених! О милый,
Последний взгляд Снегурочки тебе.
(Тает.)

М и з г и р ь

Снегурочка, обманщица, живи,
Люби меня! Не призраком лежала

Снегурочка в объятиях горячих:
Тепла была; и чуял я у сердца,
Как сердце в ней дрожало человечье.
Любовь и страх в ее душе боролись,
От света дня бежать она молила.
Не слушал я мольбы — и предо мною
Как вешний снег растаяла она.
Снегурочка, обманщица не ты:
Обманут я богами; это шутка
Жестокая судьбы. Но если боги
Обманщики — не сто́ит жить на свете!
(Убегает на Ярилину гору и бросается в озеро.)

Царь

Снегурочки печальная кончина
И страшная погибель Мизгиря
Тревожить нас не могут; Солнце знает,
Кого карать и миловать. Свершился
Правдивый суд! Мороза порожденье —
Холодная Снегурочка погибла.
Пятнадцать лет она жила меж нами,
Пятнадцать лет на нас сердилось Солнце.
Теперь, с ее чудесною кончиной,
Вмешательство Мороза прекратилось.
Изгоним же последний стужи след
Из наших душ и обратимся к Солнцу.
И верю я, оно приветно взглянет
На преданность покорных берендеев.
Веселый Лель, запой Яриле песню
Хвалебную, а мы к тебе пристанем.
Палящий бог, тебя всем миром славим!
Пастух и царь тебя зовут, явись!

Лель

(запевает)
Свет и сила,
Бог Ярило.
Красное Солнце наше!
Нет тебя в мире краше.

Общий хор

Свет и сила,
Бог Ярило.
Красное Солнце наше!
Нет тебя в мире краше.

На вершине горы на несколько мгновений рассеивается туман, показывается Я р и л о *в виде молодого парня в белой одежде, в правой руке светящаяся голова человечья, в левой — ржаной сноп. По знаку царя* п р и с л у ж н и к и *несут целых жареных быков и баранов с вызолоченными рогами, бочонки и ендовы с пивом и медом, разную посуду и все принадлежности пира.*

Х о р

(допевает)

Даруй, бог света,
Теплое лето.
Красное Солнце наше!
Нет тебя в мире краше.
Краснопогодное,
Лето хлебородное.
Красное Солнце наше!
Нет тебя в мире краше.

ПРИЛОЖЕНИЯ
ВАРИАНТЫ

В «Приложениях» к тому печатаются:
<Фрагмент драмы, посвященной Ксении Годуновой>;
«Песня еврея» (из неоконченной драмы);
неоконченное либретто «Сват Фадеич»;
песня «Масленица»;
набросок комедии «Скоморох»;
подписи к народной картинке «О том, как мужик Епифан поддался в обман, и о том, что из того вышло потом»;
перевод стихотворения Ф. Шиллера «Гимн искусству» под заглавием «Артисту (из Шиллера)»;
варианты сценической редакции пьесы «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» и окончания III действия, сцены четвертой пьесы «Тушино».

<ФРАГМЕНТ ДРАМЫ, ПОСВЯЩЕННОЙ КСЕНИИ ГОДУНОВОЙ>

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

1-я. Аксинья Борисовна.
2-я. Мать ее.
3-я. Прокофьевна.
4. Уляша } сенные
5. Акуля } девушки.
6. Иванушка.
Девушки и разная прислуга.

Сцена представляет терем Аксиньи Борисовны. У задней стены стол для работы и различного рода пяльцы; направо от зрителей двойное окно; налево разные вещи для туалета и дверь.

ЯВЛЕНИЕ 1-е

Прокофьевна и девушки.
Прокофьевна раздевается и всхлипывает. Молча.

Уляша

Мамушка! *(молч<ание>.)*
А мамушка
Прокофьевна!

Прокофьевна

Ох! Да когда вы отстанете?
Да когда вы отвяжетесь,
Непутевые?

Уляша

Да за что же ты, мамушка,
Так осердилася?
Что тебе попритчилось!
Целое утро ходишь, насупившись,
Ласкового слова не вымолвишь?
Али тебе дурной сон пригрезился,
Али тебя, мамушка,
Обидел кто?

Бывало, только и
слышно, что твой
голосок!

П р о к о ф ь е в н а

Да, до того мне теперь,
Чтобы с вами растобарывать,
Только ретивое надрывать.
Вам, девкам, ни что деется,
А каково мне-то, горемычной.
Ох! Уж никто-то моей беде не пособит,
Знать, уж судьба моя такая злосчастная,
Уж такая моя участь горькая. *(Плачет.)*

А к у л я

И, полно, мамушка, перестань!
Что плакать-то — только бога гневить!
Али тебе не житье! Али тебя не любят!
Не жалуют! Да и княжна-то Аксинья Борисовна
В тебе душеньки не чает.

П р о к о ф ь е в н а

Ах, вы глупые, неразумные,
То-то вот и горе-то мое:
Растила, растила, ее белую лебедушку,
Красное мое солнышко,
А довелось-таки видеть на старости,
Как выдают ее, мою голубушку,
За немца некрещенова.

А к у л я

И что ты, мамушка!
Да говорят, что он в нашу веру
Окрестится.

Пр о к ⟨о ф ь е в н а⟩

Да окрестится! Да уж как ты его
Не крести! А уж все не русской человек.
Уж немец — так немец и есть,
И обычай не тот,
И стать-то не наша, не русская.
Уж немец что за человек.
Так, бог знает, что.
Уж как мне это не любо.

У л я ш а

Да куда ж ты, мамушка, ходила-то?

П р о к о ф ⟨ь е в н а⟩

Да вот моя Аксиньюшка-то
На немца-то поглядеть

Хорошенько наказывала.
Так на площадь ходила
Поглядеть на него поближе
Да ей рассказать.

Д е в ⟨у ш к и⟩

Ах! Прокопьевна,
Скажи, голубушка,
Каков немец-то?

ПЕСНЯ ЕВРЕЯ

(из неоконченной драмы)

Отвори твой вертоград,
У дверей томится брат.
    Я прошел в стени пустынной
    Путь мучительный и длинный.
Степь безводна и пуста,
Жажда жгла мои уста.
    У тебя в тени отрадной
    Ключ бежит воды прохладной,
Но дороже чистых струй
Мне невесты поцелуй:
    Жажду я невесты взгляда
    Больше влаги винограда.

СВАТ ФАДЕИЧ

ДЕЙСТВИЕ I

ЛИЦА:

П а в е л Е м е л ь я н ы ч, староста богатой вотчины.
П р а с к о в ь я А л е к с е е в н а, его жена, мачеха Татьяны.
Т а т ь я н а, дочь старосты.
В а к у л а, кузнец.
Х а л к и д о н с к и й, отставной подьячий, из мелких.
Д е р е в е н с к и е д е в у ш к и.

Задворки.

ЯВЛЕНИЕ 1-е

В а к у л а починивает телегу, Т а т ь я н а и д е в у ш к и в разных положениях сидят поодаль.

Хор девушек, Таня запевает:

Взошло вешне солнце
Не низко — высоко.
Ай дид-ладо, солнце
Не низко — высоко.
Взошел, взошел милый
К красной девке в гости.
Ай дид-ладо, милый
К красной девке в гости.
Спросил красну девку
Про ее здоровье.
Ай дид-ладо, девку
Про ее здоровье.
У меня, мой милый,
Плохое здоровье.
Ай дид-ладо, милый,
Плохое здоровье.

У меня, мой милый,
Горе да кручина.
Ай дид-ладо, милый,
Горе да кручина.
Что первое горе —
Мачеха лихая.
Ай дид-ладо, горе —
Мачеха лихая.
А другое горе —
Отец не заступник.
Ай дид-ладо, горе —
Отец не заступник.
А третье-то горе —
Милый сиротинка.
Ай дид-ладо, горе —
Милый сиротинка.
Что ни в чем-то парню
Нет талану-счастья.
Ай дид-ладо, парню
Нет талану-счастья.

Голос мачехи за стеной: «*Танька, Танька!*»

Вакула

Раскричалась
Злая мачеха твоя,
Знать, без дочки встосковалось,
Видно, скучно без тебя.

Татьяна

Нашу девичью заботу
Ненавистно видеть ей.

Вакула

Видно, песня не по нраву,
Видно, песня не по ней.

Девки

Ей досадно, ей обидно,
Что прошла ее пора,
Оттого и дочку, видно,
Не пускает со двора.

Девки уходят. Входит мачеха.

ЯВЛЕНИЕ 2-е

Вакула, Татьяна, мачеха.

Мачеха

Я зову, а ты не хочешь
Мне и слова отвечать,
Я кричу, а ты хохочешь,
Разве я тебе не мать.

Татьяна

Если б ты была родная,
Не мешала б мне играть.
Нет, покуда молода я,
Мне тогда и погулять.

Мачеха

На работу нет охоты,
А гулянью нет конца.

Татьяна

Не родилась для работы
Дочь богатого отца.

Мачеха *(беря ее за руки)*

Бойко ты заговорила
Иль забыла норов мой?
Нет охоты — я и силой
Уведу тебя домой.

Татьяна

Что бы ты ни говорила,
Ты не властна надо мной.
Не хочу идти, так силой
Не сведешь меня домой.

Вакула *(отталкивая мачеху)*

Не тронь ее! Болтай, что знаешь,
А воли не давай рукам!
Увидишь ты, чего не чаешь,
Я обижать ее не дам.

Мачеха

Какая прыть! Уж больно смело!
Откуда взялся ты, голяк?
Тебе-то что? Твое ли дело?
Я разочтусь с тобой не так.

Татьяна

Оставь, Вакула, пусть одна я
Терплю и плачу от нее.
Ведь мачеха — не мать родная,
Ты не уймешь ничем ее.

М а ч е х а

Погоди, муж придет,
Он тебя уймет.
Разочтется с тобой,
И с двора долой.

Не работай у нас,
Убирайся с глаз.

Т а т ь я н а

Уходи поскорей,
Не бранись ты с ней,
Для меня, сироты,
Не заступник ты.
Не видать и во сне,
Видно, счастья мне.

В а к у л а

Рвется сердце мое
На твое житье,
Если б воля моя,
Заступился б я,
Над тобой помыкать
Не посмела б мать.

В а к у л а уходит.

М а ч е х а *(речитатив)*

Я ваши шашни понимаю,
Задаст тебе отец за них.
Тебе Вакула не жених,
Его и видеть не желаю.
Мне от тебя и стыд и срам.
Такая стала баловница,
Запру в чулан тебя, срамница,
И просидишь неделю там. *(Уходит.)*

Входят с т а р о с т а и Х а л к и д о н с к и й.

ЯВЛ⟨ЕНИЕ⟩ 3-е

С т а р о с т а и Х а л к и д о н с к и й.

С т а р о с т а

Посидим здесь на просторе,
Потолкуем меж собой
О Фадеиче, о воре.

Х а л к и д о н с к и й

Рад беседовать с тобой.

Староста

Алексеевна, хозяйка,
Стань как лист перед травой!
Ты винца гостям подай-ко!

Халкидонский

Рад и выпить я с тобой.

Староста

В нашей вотчине богатой
Судим мы по старине,
Не дает лишь он, проклятый,
Никакого ходу мне.

Понажать бы, кто богаче,
Да боишься, страх берет,
А уж это кольми паче
Обижать честных сирот.

В прошлом годе дал я маху,
Сироту в солдаты сдал,
Он такого дал мне страху,
Что я с месяц пролежал.

Эко чудо, не поймают
Вот уж скоро двадцать лет.
Мужики его скрывают,
А на них управы нет.

Хоть бы ты не полепился
Нам бы руки развязал,
Я бы в ноги поклонился,
Кабы кто его поймал.

Халкидонский

Я возьмусь, так вмиг готово,
На меня в надежде будь.
Только ты исполни слово,
Обещанья не забудь.
Выдай дочку; умираю,
Столь жестоко я влюблен.
Посмотри, я так и таю,
Красотой ее пленен.
В нищете я, ты поможешь
Проживать безбедно нам,
К дочке денег ты приложишь,
Вот у нас и по рукам.
Я воров ловить умею.

Староста
Денег я не пожалею,
Я за дочкой денег дам.
Халкидонский
Вот у нас и по рукам.
Я Фадеича поймаю.
Староста
Я того лишь и желаю,
За услугу денег дам.
Халкидонский
Вот у нас и по рукам,
Ты теперь мне денег дай.
Староста
Ты Фадеича поймал?
Халкидонский
Я б просить тебя не стал,
Да без службы отощал,
Сделай милость мне такую,
Дай мне сотенку-другую.
Староста
Нет, уж больно много, брат,
Ты полсотне будешь рад.

Входят Прасковья и Татьяна.

ЯВЛ⟨ЕНИЕ⟩ 4-е

Староста, Халкидонский, Прасковья, Татьяна.

Халкидонский
Наше вам почтение,
Весело ль живете?
Прасковья
Что-то плохо можется,
День и ночь в заботе.
Халкидонский
Вам, Татьяна Павловна,
Цвесть и расцветать.
Прасковья
Больно много чести ей
Павловной-то звать.
Халкидонский
Как же мне прикажете,
Танечкой?

Староста

Танюшкой.

Халкидонский

Можно ль неучтивым быть
Пред такою душкой.

Татьяна хочет уйти.

Староста

Ты куда сбираешься?
С женихом сиди!

Прасковья

Что ты отвернулася,
На него гляди!

Халкидонский

(Татьяне)
Только б мне согласье
Ваше получить.

Староста

Ну уж это лишнее,
Ей ли нас учить.

Прасковья

Что же девка глупая
Может пожелать?
Знают, что пригодно ей,
Лишь отец да мать.

Халкидонский

Будет ваше детище
Счастливо со мной,
Золотая Танечка,
Ты моя, я твой.

Татьяна

Отвяжись, и так уж мне
Белый свет не мил.
Иль не догадаешься,
Как ты мне постыл?

Халкидонский

Вы, Танечка, прекрасны,
Родители согласны,
Я стал теперь навек
Счастливый человек.

Татьяна

Мольбы мои напрасны,
Родители согласны

Сгубить меня навек,
Постылый человек.

Квартет.

Староста

Подводы готовы, садись поезжай
На мельницу прямо и вора хватай!

Прасковья

Ты вора Фадеича только поймай
И к свадьбе скорее назад поспешай.

Халкидонский

Прощайте, родные, невеста, прощай,
Денька через два жениха ожидай.

Татьяна

Девичья свобода и радость, прощай,
И с детства до гроба, сиротка, страдай!

Староста и Прасковья

Ступай поскорее, злодея лови.

Халкидонский *(Татьяне)*

Меня поцелуйте в знак верной любви. *(Хочет обнять ее.)*

Татьяна

Постылый, своею меня не зови.

Отталкивает его, Халкидонский уходит.

ЯВЛЕНИЕ 5-е

Староста, Прасковья, Татьяна.

Прасковья

Слыхано ль дело,
Как ты посмела
Гостю грубиянить,
Гостю дорогому!

Староста

Сам потолкую,
Дуру такую
Я на ум наставлю,
Гордости убавлю.

Татьяна

С этакой муки
На себя руки
Наложить приходит
Мать-отец доводит.

Прасковья

Видишь, какая
Дочка родная
С баловства отцова!
Сладу никакого.

Староста

Что тут за споры,
За разговоры,
Девку повенчаем
За кого желаем.

Татьяна

Что вы хотите,
Хоть уморите,
Умереть я рада,
А его не надо [1].

Татьяна

Убежала,
Больно дома тяжело,
Вот тебя я увидала,
Так на сердце отлегло.

Вакула

Что подьячий?

Татьяна

Где-то рыщет
По деревням, по лесам.
Знать, Фадеича всё ищет
И опять вернется к нам.

Вакула

Как же быть-то?

Татьяна

Мой желанный,
Посуди, подумай сам,
Вот вернется окаянный,
И ударят по рукам.

Вакула

Как спасти тебя от муки
Не придумать никому.
Вот возьму я молот в руки,
Разнесу башку ему.

Татьяна

Да где же, Вакула, твой разум,
Куда ты готовишь себя?

---

[1] Далее в рукописи пропуск.

Вакула
Мне лучше погибнуть уж разом,
Чем мучиться век без тебя.

Татьяна
Да что ты, Вакула, в уме ли?
Что будет со мной и с тобой.

Вакула
Погибели нашей хотели,
Не мы виноваты с тобой.

[*Входит Гаврило.*]
Ах, Гаврило!

Гаврило
Очень нужно.

Вакула
Да теперь, брат, недосужно,
Ты до утра погоди
Да пораньше приходи.

Гаврило
Ты постой-ко!.. Мне сказали
Отчего тебя прогнали.

Вакула
Подожди.

Гаврило
Я слово знаю,
Я добра тебе желаю.

Вакула
Ну, ступай!

Гаврило
Аль пособить
Дочь у старосты отбить.

Вакула
Не болтай.

Гаврило
Нет, я не лгу,
И жену отбить могу.
Слушай ты! Силен лукавый?

Вакула
Ах, какой ты скучный, право!
(В сторону.)
Я боюсь, придет Татьяна.

Гаврило
Много у тебя талана.

В а к у л а

Ну как вдруг придет Татьяна.

Г а в р и л о

Вот теперь ружье, как есть,
Ну, а вот тебе и честь...

В а к у л а

И его застанет здесь.

Г а в р и л о

Все уладит, только взглянет.

В а к у л а

И застать она застанет.

Г а в р и л о

Кто ж работать даром станет,
Что за труд положишь свой?

В а к у л а

Только в кузницу заглянет
И ни с чем пойдет домой.

Г а в р и л о

Что за труд положишь свой?

В а к у л а

Что ты, полно. Бог с тобой.

Г а в р и л о

Пойдем, угощу я.

В а к у л а

Да не надо, брат, не пью я.

Г а в р и л о

Так сотов я насбираю.

В а к у л а *(уводя его)*

Ну, пойдем, я ⟨запираю?⟩ [1]

ЯВЛЕНИЕ 6-е

Входит Т а т ь я н а.

Т а т ь я н а (одна).

Т а т ь я н а

Вакула! Как темно! Да где ты, Вакула?
Из дома украдкой ушла — обманула.
Вакула! Как страшно! Куда мне деваться?
Вакула! Мне надо с тобой повидаться.

---

[1] Чтение предположительное, карандашный текст стерся.

На горе я осталась
Без матушки родной,
На долюшку досталось
Век плакаться одной.
Обидчики родные,
Защиты нет от них.
Помогут ли чужие,
Коль горе от своих.

ЯВЛ‹ЕНИЕ› 7-е

Входит Вакула.

Вакула и Татьяна.

Вакула
Как! Ты здесь уж? [1]

ДЕЙСТВИЕ III-е [2]

Мельница.

ЯВЛЕНИЕ 1-е

На мельнице вверху Фадеич сидит у накрытого стола. Перед ним стоит мельничиха, разбойники в глубине. На улице: толпа крестьян, приехавших с помолом, и Мельник.

На улице.

1-ый крестьянин
Нам дальняя дорога,
Ты нас пусти вперед!
Мельник
Помолу, братцы, много,
Вы знайте свой черед.
2-ой крестьянин
Ведь им не разорваться,
Гляди, обоз какой!
1-ый крестьянин
Да скучно дожидаться.

---

[1] Текст не закончен.
[2] Так в рукописи. Действия II-го нет.

Мельник

А скучно, песни пой!

2-ой крестьянин

В кружок, робята, сядем,
Коль надоело ждать,
Да песенку затянем,
Чтоб время скоротать.

Собираются в кружок.

На мельнице.

Мельничиха

Фадеич, ты себя поберегай!
Исправник лют — смотри не оплошай!
Тебе беда — и мы-то не минуем.

Фадеич

Не бойся ты, мы здесь не заночуем,
Дай только коням отдохнуть,
Мы погостим часок и в путь.
Махнем от вас подале,
Чтоб люди не видали.
Спасибо, что меня ты пожалела.

Мельничиха

Да как не пожалеть! Такое дело,
Добра мы видим от тебя довольно,
Нам за тобой житье привольно;
А сам ты маешься, мой свет,
Ишь, у тебя ни деток нет,
Хозяйки тоже не бывало.
(Ставит на стол чашку с кашей.)
Я плачу по тебе немало.

Без дорог по лесам бродишь ты, мой свет,
И твоей голове успокою нет.
Нам житье за тобой, бедным сиротам,
А беда за тобой ходит по пятам.
Накормить, приютить мы тебя не прочь,
От беды защитить нам тебя не смочь.
Знать, тебе не уйти каменной тюрьмы,
От людского суда не защита мы.
Ни властей, ни судей нам не упросить,
Будем мы за тебя господа молить,
И не страшен тебе будет божий суд,
Если слезы сирот до тебя дойдут.

На улице.

Хор крестьян

Как за речкою, как за быстрою,
Мужики живут всё богатые,
Всё богатые, тороватые,
У них девушки словно павушки.
Собрались девки в лес по ягоду,
В лес по ягоду, по смородину.

Они ягоды мало побрали,
Молодца в лесу заприметили,
Заприметивши, изымать хотят.
Руки-ноженьки заковать хотят.
Одна девушка порасплакалась,
Во слезах она слово молвила:
Вы подруженьки, вы голубушки,
Не вяжите вы добра молодца,
Добра молодца, друга милого,
Что один-то он сын у матушки,
Во темном лесу он хоронится
От людской-мирской от неправдушки,
От бурмистровой от обидушки,
От некрутчины, от солдатчины.

Входят: Гаврило и Вакула.

ЯВЛЕНИЕ 2-е

Те же, Гаврило проходит на мельницу, Вакула остается с крестьянами.

На улице.

Один из крестьян берет балалайку и запевает плясовую, другие подтягивают, несколько человек пляшут.

Крестьянин

У нашего бобыля
Ни кола, ни двора,
Ни скота, ни живота,
Ни борзого кобеля.
Один серенький коток,
На нем аленький платок.
Как повадился коток
Во слободку на краек,
Во слободку на краек,
Что во новинькой дворок
Ко молоденькой вдове,

Ко дворянской он жене.
Как увидели кота
Два холопа из окна,
Они хлопнули окном,
Побежали за котом.
Тебе полно, кот, ходить,
Полно, серенький, дурить,
Потерять тебе, коток,
С шеи аленький платок.

На мельнице.

Гаврило входит и кланяется Фадеичу.

Гаврило *(кланяясь)*
Поздорову ли живешь?

Фадеич
Не вестей ли нам несешь?

Гаврило
Про твою, Фадеич, честь
Недурные вести есть.

Фадеич
Где исправник?

Гаврило
Близко был,
Да за Волгу покатил.

Фадеич
Да не врешь ты?

Гаврило
Что мне врать!
С ним солдат большая рать.

Фадеич
Горячо взялись искать,
Видно, мне не сдобровать.

Гаврило
Ты не бойся! Мы на что ж?
Нас не скоро проведешь,
Хоть исправник и востер,
Да народ-то стал хитер.

Фадеич
Слышно, сыщик есть при нем.

Гаврило
Поискать и днем с огнем,
Что за плут. Он близко тут,
Здесь его сегодня ждут.

Ф а д е и ч *(Мельнику)*

Ты поди-ко, погляди —
Да меня и упреди.

М е л ь н и к уходит.

Г а в р и л о

Ты не бойся ничего,
Ты запутаешь его,
Хоть случилось бы тебе
С ним сидеть в одной избе.
Не признать — не спорь со мной!
Как за каменной стеной
Ты за нами. Знай гуляй,
Только нас не забывай.
Сколько вору ни гулять,
А беды не миновать.

Ф а д е и ч

Погулял я, добрый молодец,
На просторе, на свободушке.
Я не год один, не два года,
Прогулял я ровно двадцать лет.
Нету прежней силы-удали,
Как-то век дожить, домаяться?
В чем ты смолоду похвалишься,
В том на старости покаешься.

Р а з б о й н и к и

Что ты вздумал накликать беду!
Каково-то слово скажется:
Как в недобрый час обмолвишься,
А за словом дело станется.

Ф а д е и ч

Одолели власти земские,
Надоели злые сыщики,
Не дают покоя-отдыха,
Заложили все дороженьки.
Али вспомнить свою молодость,
Стариной тряхнуть, в леса махнуть,
Позабавиться, потешиться
Кистенем, ножом, рогатиной!

Р а з б о й н и к и

Вот давно бы ты надумался,
Уж и нам-то всем наскучило
Без работы по норам сидеть,
От людей, от свету прятаться.

Г а в р и л о

Привел я парня на поклон.

Ф а д е и ч

А кто такой? Знакомый он?

Г а в р и л о

Я не введу тебя в беду,
Незнамого не поведу.
Кузнец Вакула. Чай, слыхал?

Ф а д е и ч

Я маленьким его знавал,
Ну что ж, веди его скорей!

Г а в р и л о *(в дверь)*

Ступай! Чего тут... Не робей!

Входит *В а к у л а.*

В а к у л а *(кланяется)*

Доброго здоровья!

Ф а д е и ч

Будь и ты здоров!
Волей иль неволей ищешь ты воров?

В а к у л а

Я своей охотой.

Ф а д е и ч

Лучше дело есть,
Быть дорожным вором не велика честь.

Г а в р и л о

За другим пришел он, вовсе не за тем.
Говори, Вакула!

Ф а д е и ч

Говори, зачем.

В а к у л а

Срамно говорить-то.

Г а в р и л о

Полно, что за срам.

В а к у л а

Стыдно про себя-то... Расскажи ты сам.

Г а в р и л о

Павел Емельянов староста у них.

Ф а д е и ч

Знаю. Мой приятель.

В а к у л а

Да уж больно лих.

Ф а д е и ч

Он меня боится больше сатаны.

Гаврило

Парень-то вот гибнет от его жены.

Фадеич

Говорите толком, я вас не пойму.

Гаврило

Полюбилась дочка старосты ему.

Вакула

И рос и вырос вместе с ней,
Я жил у старосты издетства,
И называли с малолетства
Ее невестою моей.
А вот пришла ее пора,
Так мачеха разбила дело,
Ее совсем она заела,
Меня прогнали со двора.
Теперь мне Тани не видать,
Они ее уж сговорили,
На том и дело порешили,
Чтоб за подьячего отдать.
Им обещал подьячий, плут,
Что он тебя наверно сыщет,
Теперь по всем притонам рыщет,
За то и дочку отдают.

Фадеич

Так вы меня сватом хотите послать?

Гаврило

Да сватом, не сватом, а так постращать.

Вакула

Заставь за себя ты молиться навек.

Фадеич

А ну как поймают, чудак человек.

Гаврило

Тебя-то поймают! Ну, нет, далеко!

Фадеич

Такие-то шутки шутить нелегко.

Вакула

Коль захочешь ты, так можешь
И отца мне заменить,
Ведь тебе труда немного
Добра молодца женить.
Кабы ты все дело справил,
Ты б мне больше был отца,
Ты бы на ноги поставил
Удалого молодца.

Попугай ты плутов разных
И подьячих и приказных.

Фадеич

Я для парня удалого
И отца рад заменить,
Как же ты понять не можешь,
Что меня хотят женить.
Парень ты хороших правил,
Хоть и жаль мне молодца,
Да исправник ваш да Павел
Доезжают до конца,
Подсылают сватов разных,
Да все больше из приказных.

Входит Мельник.

Мельник *(входя)*

Подьячий здесь.

Фадеич

Веди его сюда
(подымает западню).
В подполье все! *(Вакуле.)* Видал ли ты
когда такие подполья?

Вакула

От роду впервые.

Гаврило

Спасаются в пещерах как святые.

Слезают в подполье.

Фадеич *(Мельнику)*

Тебя видал он?

Мельник

Нет еще пока.

Фадеич

Ну, пусть идет приказная строка,
Я за тебя его приму,
Скажу, что я большой в дому.

Мельник уходит и впускает подьячего.

ЯВЛЕНИЕ 3-е

Халкидонский и Фадеич.

Фадеич

Ваше благородие, просим вас покорно,
Отдохни с дороженьки, здесь в избе просторно.

Халкидонский

Лучше, чем на улице, все-таки под кровом.
Звать тебя?

Фадеич

Онисимом.

Халкидонский

Отчество?

Фадеич

Петровичем.

Халкидонский

Вот что, друг любезнейший, все мы во плоти,
Где бы здесь поблизости водочки найти?

Фадеич

Мы за этим снадобьем не пойдем по людям,
Коль тебе охота есть, мы и здесь добудем.
(Достает из поставца.)

ДЕЙСТВИЕ IV

Изба старосты

ЯВЛЕНИЕ 1-е

Староста и Прасковья.

Староста

Если б что-нибудь случилось,
Так подводу бы прислал —
Заждались мы ихню милость,
Уж нарочного послал.
Завтра в город — больно ходко
Нам лесной товар идет.
Это дело мне находка,
Тысяч шесть перепадет.
Накрывайте стол-то, что ли!
Ты готова ли, смотри!

Прасковья

Всё расходы! Ведь легко ли
Вот и выйдет сотни три.

Староста

Я гостей назвал довольно:
Управляющий с женой...

П р а с к о в ь я *(не слушая)*
Дороговько оно больно,
Да хоть с глаз ее долой.

Входят Т а т ь я н а *и* д е в у ш к и. П р а с к о в ь я *уходит.*

ЯВЛЕНИЕ 2-е

С т а р о с т а, Т а т ь я н а, д е в у ш к и, потом Г а в р и л о.

Д е в у ш к и *(запевают. Татьяна садится к столу, плачет)*
Принесу судьбу-жалобу
Я на сваху, лукавую,
На змею, семиглавую.
Всё ходила ко батюшке,
Ко родимой ко матушке
Не путем, не дорогою,
Всё тропами собачьими,
Хоботами змеиными.
Колотилась помалехоньку,
Говорила потихохоньку.
Говорила, всё обманывала,
Чужу сторону выхваливала.

Входит Г а в р и л о.

Г а в р и л о
Не обессудь, я гость незваный.

С т а р о с т а
Коли пришел, не гнать же вон.

Г а в р и л о
А скоро будет вам желанный?

С т а р о с т а
Да, видно, позамешкал он.

Г а в р и л о *(девушкам)*
Чтоб вы повеселее были,
Я вам веселую спою —
Вы тут сидели всё да выли,
А вот послушайте мою.

Над рекой девка стоит, сама себе говорит:
Али я бессчастна девка, бесталанна.
Сговорила меня мать за крестьянина отдать.
Нейду, нейду, матушка, нейду, государыня,
Нейду, государыня, замуж за крестьянина.

Крестьянин невежа, много пашни пашет,
Много пашни пашет, много засевает:
Борозды глубокие, полосы широкие,
Серпы-то тупые, жнецы-то худые.

Над рекой девка стоит, сама себе говорит:
Али я бессчастна девка, бесталанна.
Сговорила меня мать за боярина отдать.
Нейду, нейду, матушка, нейду, государыня,
Нейду, государыня, замуж за боярина.
Боярин охотник, много собак держит.
Собаки борзые, холопы босые.

Над рекой девка стоит, сама себе говорит:
Али я бессчастна девка, бесталанная.
Сговорила меня мать за подьячего отдать.
Иду, иду, матушка, иду, государыня,
Иду, государыня, замуж за подьячего.
Ах, подьячий-то писать, а я денежки считать,
Пусть худое говорят, а мы будем обирать.

С т а р о с т а

Шутить — шути, да знай и меру,
А то так убирайся вон!

Г а в р и л о

За что же гнать? Я так к примеру.

Слышны бубенчики.

С т а р о с т а

Бубенчики! Должно быть, он! *(Подходит к окну.)*
Давай огня! Да это тройка.
Нет, не жених, а гости к нам.

Г а в р и л о *(хочет идти)*

Давай-ко, я взгляну.

С т а р о с т а *(отворяя дверь)*

Постой-ко!
Ай, батюшки, да это сам *(падает на пол.)*

Входят Ф а д е и ч и д в а р а з б о й н и к а.

ЯВЛЕНИЕ 3-е

С т а р о с т а, Ф а д е и ч, Г а в р и л о и д в а р а з б о й н и к а.

Ф а д е и ч

Павел Емельяныч,
Здравствуй, друг мой милый!

С т а р о с т а

Батюшко, Фадеич,
Виноват, помилуй!

Ф а д е и ч

Хорошо встречаешь,
Видно, гостю рад.
Чем-то угостишь нас,
Мы посмотрим, брат. *(Разбойникам, отдавая кистень.)*
Принимайте четки! *(Старосте.)*
Полно ты, вставай-ко!

С т а р о с т а *(вставая)*

Клевета, ей-богу!

Ф а д е и ч

Да зови хозяйку.

П р а с к о в ь я входит с блюдом.

ЯВЛЕНИЕ 4-е

Т е ж е и П р а с к о в ь я.

С т а р о с т а

Вот она!

Ф а д е и ч

Здорова ль?

П р а с к о в ь я *(роняя блюдо)*

Ах ты, боже мой!

Ф а д е и ч

Я, друзья, за делом.
Сядьте-ко со мной!

С т а р о с т а

Сядем, сударь, сядем.
Водочки!

Ф а д е и ч

Напрасно.
Смолоду, браг, попил.

С т а р о с т а

Ах ты, солнце красно!
Чем же тебя, гостя?
Хоть пивцом побалуй!

Ф а д е и ч

Пива или меду
Выпью я, пожалуй.

Староста

Шевелись, Прасковья!
Мартовского пива!

Прасковья

Ключ-то?

Староста

Пошто, дура?
Нацедите живо!

Прасковья уходит.

Фадеич

Ну, садись да потолкуем!
Я к тебе недаром.

Староста

Ох, не погуби, кормилец!

Фадеич

Я, брат, за товаром.

Староста

Никакого, сударь, нету,
Да и не бывало.

Фадеич

Коль не дашь договорить мне,
Толку будет мало.
Не столкуешь, видно, скоро
С мужиком богатым.
Нам товар особый нужен,
Я приехал сватом.

Староста

Слушаю... Не погубите!

Фадеич

Парень есть, удалый,
Работящий и непьющий,
И красивый малый.

Староста

Слушаю.

Фадеич

Я за Вакулу
Сватать дочь желаю.

Староста

Слушаю... В час добрый, сударь. *(В сторону.)*
Что мелю, не знаю.

Ф а д е и ч

Или ты умом рехнулся,
Или выпил на ночь.
Как зовут твою невесту?

С т а р о с т а

Павел Емельяныч.

Ф а д е и ч

Дочь-то как? Тебя мы знаем.
Что ты, ровно пьяный?

С т а р о с т а

Дочь-то, сударь? Это точно
Дочь зовут Татьяной.

Ф а д е и ч

Так какое ж ваше слово?
Парень-то прекрасный.

С т а р о с т а

Как угодно, так и делай,
Мы на все согласны.

Ф а д е и ч

А жена твоя что скажет?

С т а р о с т а

Смеет ли Прасковья.

Входит П р а с к о в ь я с пивом на подносе.

П р а с к о в ь я

Руки... руки-то трясутся.
Кушай на здоровье! *(Подает.)*

Фадеич пьет.

С т а р о с т а

За Вакулу Таньку сватают мою.
Ты согласна ль? Я с охотой отдаю.

П р а с к о в ь я

Я согласна, очень рада, сударь, я.
В этом деле воля мужа да твоя.

Ф а д е и ч

А согласны, так ударим по рукам.

Бьются.

П р а с к о в ь я

И на свадьбу вашу милость просим к нам!

Ф а д е и ч

Ты, Гаврило, за Вакулой-то сходи.
Недалеко он толчется здесь, гляди.

Г а в р и л о уходит.

Ф а д е и ч

Ну-ко, сватушко, ты княжески живешь,
А за дочерью-то много ли даешь?

С т а р о с т а

Кабы было, я бы дал, не постоял.

Ф а д е и ч

А три тысячи куда же ты девал?

С т а р о с т а

Я не ведаю, про что ты говоришь?

Ф а д е и ч

Как не ведаешь? Нет, сватушко, шалишь!
После матери остались ей тогда.

С т а р о с т а

Это точно, да случись у нас беда.
Позатратили. Мы выплатим не вдруг.

Ф а д е и ч

Да зачем тебе выплачивать, мой друг!
У меня с собой всегда запасец есть.
Не тебе ль везли за лес-то тысяч шесть?

С т а р о с т а — П р а с к о в ь я

Наши деньги, нам везли их, сударь, нам.

Ф а д е и ч

Я их перенял, мол, сам ему отдам.
Вот три тысячи отложишь ты из них.
Эти деньги пусть возьмет себе жених,
Остальные-то... ты рад или не рад,
Я за хлопоты себе оставлю, сват.

Входят В а к у л а и Г а в р и л о.

Сокол ясный здесь. Хозяюшка, иди
Да нам белую голубушку веди.

П р а с к о в ь я уходит и возвращается с Т а т ь я н о й и д е в у ш к а м и.

ЯВЛЕНИЕ 5-е

Ф а д е и ч, с т а р о с т а, П р а с к о в ь я, Т а т ь я н а, В а к у л а, Г а в р и л о, д е в у ш к и, р а з б о й н и к и.

Ф а д е и ч *(Татьяне)*

Здравствуй, в красном!
Наживай голубой
За мужниной головой,
Люб ли тебе наш князь молодой?

Татьяна кланяется.

(Вакуле.) Клади денежки на стол,
Сажай девушку за стол!

Вакула кладет несколько целковых на стол. Татьяна подносит Фадеичу меду.

Сорочке тонеть,
А тебе добреть. *(Кладет несколько золотых на поднос.) Татьяна подносит отцу.*
Ну-ко, сват!
Распояшься, брат!
Чарочку примай,
Молодых наделяй.

Староста и Прасковья кладут деньги.

Фадеич

Красная девушка словно маков цвет,
Ни белей ее, ни румяней нет.

МАСЛЕНИЦА

Здравствуйте, православные, здравствуйте!
Здравствуйте кругом, на все стороны здравствуйте!
Едет-плывет сама масленица,
        Широкая масленица.
С блинами, с снятками, с оладьями,
С пива́ми, с меда́ми сычеными
        Широкая масленица.
С пляской, с пеньем да с погудками,
С гуслярами едет, с скоморохами
        Широкая масленица.
Пришла — не минуешь, уйду — не увидишь;
Встречай бодрей, провожай веселей!
День веселье, три дни похмелье;
В голове шумит — а гляди козырем!
Ноги не ходят, а плясать надобно;
Рад не рад — а с ума сходить приходится.
        Широкая масленица!
Загремела сковродами,
Застучала тарелками *(музыка)*,
Поехала. Здравствуйте!

СКОМОРОХ

ЛИЦА

Царь Берендей.
Бермята Васильевич.
Елена Прекрасная.
Князь Турунтай.
Сенная девчонка, самая последняя.
Скоморох.

Сцена Скомороха с скоморохами *(отказывается идти с ними)*.
Сенная девка и княгиня *(у Скомороха)*.

⟨Княгиня⟩
— Я княгиня, я хозяйка.
Сенная девка *(робко)*
Ты княгиня, тебе место в хоромах, на бархате. Поди туда.
⟨Княгиня⟩
— Я госпожа твоя.
⟨Сенная девка⟩
И я везде, всегда твоя раба, но не здесь. Все твое — оставь мне ночь и темный чулан, и его, который мне клялся небом и богом. А перед богом и я, и ты — обе равны.

Скоморох лечит княгиню — начало любви. Приворотное зелье. Сначала княгиня почти без чувств, потом чуть не пляшет.

Вначале — княгиня в девушках, сцена с нянькой. Показать переменчивый характер.

Скоморох придумывает и перебирает разные способы, как отомстить боярину, и с хохотом оканчивает: «Отнять жену молодую».
Поет и пляшет.
Пир у боярина. Сначала все против скоморошества, и один особенно благочестиво *(П. Васильев)*; потом понемногу оживляются и самый благочестивый пляшет *(поплыл)*. Вдруг гуртом вприсядку. *(Музыка)*:

Дёрни, дёрни,
Ах, ах,
. . . .
Ах, а-ах,

Дёрни, дёрни, да поди
. . . .
А-а-ахти мне.

(Эротическая)

Скоморох, посторонись *(несколько раз)*.

— Больна прикинься, позовут лечить меня к тебе — тогда поговорим.

Хозяйка, которая сидела, опустив глаза, пляшет:

Ох, ох,
Скоморох,
Без разбору не женись.
. . . .
Скоморох, посторонись!
Эка пава!
Взглянет,
Ну-тко, право,
Так и тянет!
Так бы встала да пошла,
Согрешила без числа!

О ТОМ, КАК МУЖИК ЕПИФАН ПОДДАЛСЯ В ОБМАН, И О ТОМ, ЧТО ИЗ ТОГО ВЫШЛО ПОТОМ

Текст к рисункам
М. О. Микешина (Миша М.)

I

Жена Епифана на базар провожает,
Лукошко печеных яиц на воз нагружает:
— Слушай, ты, глупая тетеря,
Нет у нас хлеба, ни муки теперя,
Яйца продай, деньги получи
Да купи нам муки на калачи!
Надо кормить малых ребяток;
Продавай по гривне десяток!
Да смотри в оба за своим товаром,
Чтоб не раскрали у тебя яиц даром!
Везде-то у нас дыры да прорехи.
Будет тебе от меня на орехи,
Коль напьешься на базаре пьяненек
Да вернешься без яиц и без денег.

II

Вот мужик Епифан на базаре
Очень печется о своем товаре.
Почесал затылок, постоял немножко.
Да и уселся на свое лукошко.
Думает, что, коли на него сядет,
Так никто уж яиц не украдет.
По базару ходит народ разный:
И поп, и солдат, и приказный,
И барин с женой-щеголихой,
И купец с толстой купчихой.
И тот и другой к Епифану подходит,
Об лукошке речь заводит.
— Что продаешь? — пытает купец.
— Продаю два ста печеных яиц.
— Так покажи мне их, дядя!
— А ты покупай яйца, не глядя;
Я уж с лукошка не встану
И казать тебе их не стану.

А купчиха просит поглядеть их к свету.
— Да чего глядеть! Узоров на них нету,—
Епифан купчихе отвечает;
А она его дураком величает:
С дураком, мол, толковать нечего.
И сидит он на лукошке до вечера.
А торговки, глядя на эту потеху,
Надорвали себе животы со смеху,
И весь базар на Епифана хохочет:
Не цыплят ли, мол, он высиживать хочет.

III

Смекнул цыган, что будет пожива,
К Епифану подбегает живо.
— Здорово, брат! Как поживаешь?
Хорошо ль на базаре промышляешь?
Сейчас видел жену твою здеся;
Сидит в кабаке, губы развеся,
Винцо, пивцо попивает,
Молодцов солдатов угощает.
Что ты сидишь тут без толку?
Видишь вон зеленую елку?
Там жена твоя гуляет,
Трудовые денежки пропивает.
Епифан таращит глаза, удивляется,
С своего лукошка подымается.

IV

Бросился Епифан под елку в кабак,
А лукошко и кобылу покинул средь базара так.
Епифан в кабак поспешает,
А цыган для себя закуску промышляет.
Выбрал из лукошка все, что было,
Вскочил на воз, да и погнал кобылу.

V

Епифан из кабака возвращается,
Над лукошком стоит, удивляется:
Было яиц два ста без мала,
А теперь их как не бывало.
Говорят ему торговки-соседки:
— Да не сам ли ты сидел вместо наседки!
Ты на пустое лукошко не дивися,

А лучше кругом себя оглянися!
Видишь, твои цыплята по базару бродят,
Пищу себе находят.

VI

Подхватил Епифан петуха и две курицы,
Да и ударился вдоль по улице;
С базару давай бог ноги!
Летит стрелой по большой дороге.
Лукошко с курами зажал в охапку,
Не слышит, что потерял шапку.
Торговки за Епифаном поспешают,
Дреколием ему угрожают,
Бегут за ним без оглядки,
Только сверкают пятки;
Хотят Епифана догнать,
Чтоб чужих кур отнять.
Бежали все, сколько сил хватило,
Так их и темная ночь накрыла.
И не разберешь, что там было.
Не диво, что дело без беды прошло;
А пожалуй, и до мирового дошло...

VII

Возрадовался цыган на свою удачу,
Что украл яйца да кобылу в придачу.
Любо цыгану после голодухи,—
Держит в руках полштоф сивухи,
Зелено винцо попивает
Да яйца за обе скулы уплетает.
Наш цыган на чужое добро падок,
Краденый кусок ему сладок.

VIII

Цыган яйца съел, выпил вино досу́ха,
И расперло ему чужое добро брюхо.
Не долго цыган веселился —
Краденым куском подавился;
Не стало цыгану никакой мочи,
Высунул язык, выпялил очи.
А Епифанова сивая кобыла
Оглобли назад поворотила.
Цыган от обжорства лежит — помирает,
А кобыла домой бежит — удирает.

АРТИСТУ

(из Шиллера)

Поэта-гения творенье,
Резца и кисти образцы
Живут векам на удивленье,
И вечно славны их творцы.

Но быстротечно обаянье,
Которым нас чарует мим;
Его мгновенное созданье
Бесследно гибнет вместе с ним.

Но пусть созданий не оставит
Себе великий лицедей;
При жизни памятник поставит
В сердцах достойнейших людей.

Его минутны вдохновенья
И вековечно торжество;
Ему венки и поклоненья,
Бессмертье — имени его!

ДМИТРИЙ САМОЗВАНЕЦ И ВАСИЛИЙ ШУЙСКИЙ

ВАРИАНТЫ СЦЕНИЧЕСКОЙ РЕДАКЦИИ *(АТК)*

Стр. 7
Вместо «Драматическая хроника в двух частях» / «Драматическая хроника в 5-ти действиях».

Стр. 8, строки 1—2
Вместо «I. Сцена первая» / «Действие I-е. Сцена 1-я».

Стр. 8, строки 12—13
После «Афоня, юродивый» *было:*
«Богданко, дворецкий Шуйского
Подьячий
Странник
1, 2, 3 — купцы московские
Купец новгородский
Мелкий торговец
1, 2, 3 — крестьяне».

Стр. 8, строка 15
В Лицах «Попы безместные» *отсутствуют.*

Стр. 8, строка 16
В Лицах «разносчики» *отсутствуют.*

Стр. 8, строка 18
После «(19 июня 1605 года)» *было*: «Явл. 1».

Стр. 8, строка 21
Вместо «1-й купец московский» / «Купец новгородский».

Стр. 8, строка 24
Слова «И на своих на всех великих царствах» *отсутствуют.*

Стр. 8, строка 26
Вместо «2-й купец московский» / «Подьячий».

Стр. 8—9, строки 33—37
Текст «Вот праздник-то! Такого не видала ∾ Ну, что и говорить!» *отсутствует.*

Стр. 10, строка 7
Вместо «Поп» / «Странник» [1].

---

[1] Далее так по всему тексту.

Стр. 10, строка 17
Вместо «По улицам позорно волокли?!» / «По улицам позором волокли».

Стр. 10, строки 20—23
Вместо «И, точно камнем, придавил нам души ᔕ Молитвы наши к богу не доходят» / «Мы прокляты, живем без благодати — И волен бес над нами. Патриархом Мы отданы ему во власть; он кажет, Что хочет, нам, а мы глядим и верим».

Стр. 10, строка 29
Вместо «Ахти, грехи! Ох, господи помилуй» / «Охо-хо-хо! Ах, господи помилуй!»

Стр. 11, строка 16
Вместо «1-й крестьянин» / «2-й крестьянин».

Стр. 11, строка 20
Вместо «2-й крестьянин» / «1-й крестьянин».

Стр. 11, строки 33—39
Текст «Юродивый. Антихриста боюсь»! ᔕ «Пришел нежданный!» *отсутствует.*

Стр. 12, строки 2—3
Слова «Идет к нему и умный, и безумный, И скоморох, и думный дворянин» *отсутствуют.*

Стр. 12, строка 10
Вместо «Мелочной торговец» / «1-й мелочной торговец» [1].

Стр. 13, строки 8—9
Вместо «Калачник. Охотой шел; да не горазд, сказали...» / «Калачник. Сердечный друг, не мало набивался, Охотой шел; да не горазд, сказали...»

Стр. 13, строка 16
Вместо «Цена теперь хорошая на них» / «Цена теперь хорошая им стала».

Стр. 13, строка 42
Вместо «Народу сколько ждет — скопились» / «Народу сколько ждет — скопилось».

Стр. 14, строки 4—10
Текст «Наехали из Новгорода, Пскова ᔕ И деловой, и шлющийся народ» *отсутствует.*

Стр. 14, строка 16
Вместо «Не обессудь! Шум некакий в воротах» / «Не обессудь! Шум некий в воротах».

Стр. 14, строки 23—26
Вместо «Калачник (у окна) ᔕ Ну, сироты» / «Да что-нибудь неладно,
Угрюм старик, нависли брови тучей,
Глаза горят и скачут.
Калачник
Ну, сироты».

---

[1] Далее так по всему тексту.

Стр. 15, строка 15
Вместо «Входит дворецкий» / «Явл. 4. Те же и Дворецкий».

Стр. 15, строки 18—19
Вместо «Входит В. Шуйский, все кланяются по нескольку раз в землю» / «Явл. 5. Те же и В. Шуйский (входит) Все кланяются по нескольку раз в землю».

Стр. 15, строка 27
Слова «потом кивает головой к дверям» *отсутствуют.*

Стр. 15, строка 30
После «Все уходят, кроме Осипова» *было* «Явл. 6. В. Шуйский и Осипов».

Стр. 16. строки 4—5
Слова «Далёко гул идет по чисту полю, И мать сыра земля верст на семь стонет» *отсутствуют.*

Стр. 16, строки 22—23
Вместо «Осипов (подвигаясь к Шуйскому)» / «Осипов (подвигаясь ближе к Шуйскому)».

Стр. 16, строка 31
Слова «Орудует доспехом чище ляхов» *отсутствуют.*

Стр. 18, строки 3—4
Слова «Служи царю по крестной клятве, вправду, И всякого добра ему желай!» *отсутствуют.*

Стр. 18, строки 9—12
Слова «Осипов. Ты, боярин, Меня в тоску вогнал и закручинил, До слез довел; мне жизнь теперь постыла» *отсутствуют.*

Стр. 18, строка 18
Вместо «Входит дворецкий» / «Явл. 7. Шуйский и Дворецкий (входит), потом Конев».

Стр. 18, строки 36—37
Вместо «Зачуявши вино. Из нашей братьи, Торгующих» / «Зачуяли вино. Из нашей братьи, Купечества».

Стр. 19, строки 1—11
Вместо «Конев. Церковные строители, любимцы ∽ Василий Шуйский. Какое наше дело?» / «Конев. Верней меня. Василий Шуйский. Ну, милости прошу. (Конев уходит и возвращается с двумя купцами.) Какое дело ваше?.. Явл. 8. Те же и купцы».

Стр. 19, строки 15—16
Вместо «Василий Шуйский. Я вам не поп» / «Василий Шуйский *(смеясь)*. Я вам не поп».

Стр. 19, строки 31—32
Вместо «Ты, вместо патриарха, Отцом нам будь!» / «Ты, после патриарха, Отцом нам будь!»

Стр. 20, строки 34—35
Вместо «Живите, как хотите. Терпи поколь потерпится» / «Живите,

как хотите. Не мне учить. На всех беда пришла. Терпи, поколь потерпится».

Стр. 21, строка 12
После «Уходят» было «Явл. 9».

Стр. 21, строка 21
Слова «Он вскормленник прямой панов хвастливых!» *отсутствуют.*

Стр. 21, строка 31
Вместо «Мучительства» / «Мучительство».

Стр. 21, строки 39—42
Вместо «По праздникам духовно веселится ∽ Но скомороха на престоле царском» / «Таким царям Москва служить готова, Но скомороха на престоле царском».

Стр. 22, строки 14—26
Вместо «Ха-ха, ха-ха! Тревоги да крамолы! ∽ Добьюсь венца» / «О, боже мой!»

Стр. 22, строка 28
Вместо «(Молчание.)» / «(хлопает в ладоши)».

Стр. 22, строка 30
Вместо «Входит дворецкий» / «Явл. 10-е. Шуйский, дворецкий, потом входят купцы: московский и новгородский».

Стр. 22, строки 37—38
Вместо «Дворецкий отворяет дверь; входят купцы, подьячие, странники и проч.» /«Дворецкий отворяет двери, входят купцы, странники и крестьяне».

Стр. 22, строка 41
Вместо «Купцы» / «Московские и новгородские купцы» [1].

Стр. 23, строка 14
Вместо «Василий Шуйский (прочим)» / «Василий Шуйский (прочему народу)».

Стр. 23, строка 33
Вместо «Подьячий (подавая свиток)» / «Подьячий (подавая тетрадь)»

Стр. 24, строка 13
Слова «с поклонами» *отсутствуют.*

Стр. 24, строка 14
После «Входит быстро Дмитрий Иванович Шуйский» *было* «Явл. 11-е. Василий и Дмитрий Шуйские».

Стр. 24, строки 16—20
Вместо «Василий, брат, за что же ты остаток ∽ Без племени» / Василий, брат Василий! Долго ль будет Мне маяться?»

Стр. 25, строки 7—8
Слова «Винись во всем; скажи, что страха ради Борисова вы лгали с патриархом» *отсутствуют.*

---

[1] Далее так по всему тексту.

Стр. 25, строки 9—18
Вместо «Иди теперь, а завтра будет поздно ∽ Василий Шуйский. А чем же мне заплатят» / «Иди теперь, а завтра будет поздно». Василий Шуйский. Иди теперь! А чем же мне заплатят».

Стр. 25, строки 22—27
Вместо «Да не поймать! Я даром лгать не стану ∽ Придет пора, и правда пригодится» / «Им ложь нужна; зачем же торопиться! Придет пора, и правда пригодится».

Стр. 25, строки 34—37
Текст «А говорят: «Спесивый Дмитрий Шуйский!» ∽ Не вымолвишь, ворчишь, как кот запечный!» *отсутствует.*

Стр. 25, строка 44
Вместо «Благовест. В. Шуйский крестится, берет шапку и трость» / «Благовест. В. Шуйский берет шапку».

Стр. 26, строка 2
Вместо «Пред господом о крепости и силе» / «Пред господом, да дарует нам силу».

Стр. 26, строки 19—20
В Лицах «Воротынский, князь Иван Михайлович» *отсутствует.*

Стр. 26, строки 23—24
Вместо «Рубец-Масальский, князь Василий Иванович» / «Князь Масальский, Василий Михайлович».

Стр. 26, строки 29—30
Вместо «Яков Маржерет, капитан немецкой роты» / «Маржерет, капитан немецких алебардщиков».

Стр. 26, строки 33—34
После «Куцка, запорожский атаман» *было* «Ян Бучинский, секретарь Димитрия».

Стр. 26, строка 37
Вместо «Конев» / «Конев, купец».

Стр. 26, строка 38
После «Калачник» *было* «Десятский».

Стр. 26, строка 39
Слово «Десятские» *отсутствует.*

Стр. 26, строка 41
Слова «обоего пола» *отсутствуют.*

Стр. 27, строка 1
После «Кремль» *было* «Явл. 1».

Стр. 27, строки 3—7
Вместо «Налево дворец ∽ Колокольный звон и музыка» «Налево красное крыльцо; на верхних ступенях иезуит Савицкий, на нижних бояре: Мстиславский с хлебом-солью, В. и Д. Шуйские, Голицын, Басманов, Бельский и другие; у крыльца Маржерет и немецкая стража. Направо Архангельский собор; от крыльца до собора ряды стрельцов и польских латников. У собора всякий народ и десятские; между народом купец Конев и Калачник. Вся площадь сзади

стрельцов и все здания покрыты народом. Колокольный звон и музыка».

Стр. 27, строка 14
Вместо «Голоса в пароде» / «Голоса в толпе».

Стр. 27, строки 31—34
«Калачник. А ты узнаешь беса? Так вон гляди! Как есть в своем наряде. (Показывает на Савицкого)» / «Калачник (1-му). А ты узнаешь беса? Так вот гляди (показывает на Савицкого)! Как есть в своем наряде».

Стр. 27, строки 37—46
Вместо «Конев. Мы прокляты, живем без благодати ∽ Басманов выходит из Архангельского собора» / «Конев. А ты молись, и очи прояснятся, Яснее слуг диавольских увидишь. Теперь людьми, и в человечьем платье Нам кажутся, а может, бог сподобит, Увидим их тогда как есть в их чине, С хвостом, с рогами, с песьей мордой. Калачник. Тише!»

Стр. 28, строка 1
Вместо «Басманов» / «Басманов (подойдя к народу)».

Стр. 29, строки 10—16
Слова «Куракин. Ему царей татарских покоряют ∽ Огнем палит и угли подгребает!» *зачеркнуты.*

Стр. 29, строки 17—21
Слова «Воротынский. Напомнил ты родителя кончину ∽ И опечалил сыну ясный день» *отсутствуют.*

Стр. 29, строки 22—36
Текст «Бельский. А легче ль нам от Годунова было ∽ А к воле легче» *зачеркнут.*

Стр. 31, строки 19—24
Текст «Дмитрий Шуйский (тихо, Василию Шуйскому) ∽ Литва мила, завидно панам-раде» *зачеркнут.*

Стр. 31, строки 32—35
Вместо «Дмитрий выходит из собора ∽ Звон и музыка» / «Те же и Димитрий (выходит из собора), за ним: бояре, дворяне, Бучинский, поляки, венгры, запорожские и донские атаманы, корела, звон и музыка. Кутька».

Стр. 32, строка 4
Вместо «Дай с немцами ему наговориться» / «Дай с немцами царю наговориться».

Стр. 34, строка 12
Слова «Целуя сей животворящий крест» *зачеркнуты.*

Стр. 34, строки 25—26
Слова «Иезуит. Te Deum laudamus!» *отсутствуют.*

Стр. 34, строка 29
Имя «Воротынский» *отсутствует.*

Стр. 35, строка 7
После ремарки «Уходят» *было* «Явл. 3-е. Те же: кроме В. Шуйского и бояр».

Стр. 35, строка 15
Вместо «Нет, я не дам себя обидеть даром» / «Нет, я себя не дам обидеть даром».

Стр. 35, строка 29
Вместо «Кто он такой?» / «Кто он таков?»

Стр. 36, строка 1
Вместо «Сцена третья» / «Действие II-е. Сцена [1-я] 3».

Стр. 36, строка 35
Ремарка «(с усмешкой)» *отсутствует.*

Стр. 37, строки 23—27
Текст «От страха пахарь пашет ваше поле ∽ От страха вы молчите в думе царской» *отсутствует.*

Стр. 38, строки 15—16
Вместо «ты казням бы Ивана Не подивился» / «ты казням Иоанна не подивился б».

Стр. 38, строка 40—Стр. 39, строка 36
Текст «Ты здесь был, pater ∽ Бучинский входит» *зачеркнут.*

Стр. 39, строка 32
Ремарка «(рассеянно)» *отсутствует.*

Стр. 40, строка 36
Вместо «Ты трепетом мою обвеял душу» / «Ты трепетом мою наполнил душу».

Стр. 42, строки 19—20
Вместо «И потому теперь сажусь я смело На сей священный, грозный майестат» / «И потому сажусь теперь я смело [Как Фаетон на колесницу Феба] На твой священный, грозный майестат».

Стр. 42, строка 21
«Сцена четвертая» / «[Сцена 2-я] 4-я».

Стр. 43, строки 1—9
Вместо «Грановитая палата ∽ за ним Басманов» / «Грановитая палата. 24 июня, 1605 г. Трон, по обе стороны трона скамьи. Мстиславский, Голицын, Масальский, Бельский, окольничьи, дворяне, выборные люди. Дьяк Щелкалов. Входит Дмитрий, впереди его рынды и Скопин-Шуйский с мечом, за ним Басманов».

Стр. 43, строка 30
Вместо «Забыв господень страх, а целованья» / «Забыл господень страх И целованья»

Стр. 44, строки 3—4
Вместо «Басманов (страже). Ведите!» / «Басманов. Введите».

Стр. 44, строки 14—15
Вместо «как был государя царя» / «как был великого государя царя».

Стр. 44, строки 29—34
Вместо «слышал он про то от князя Василия Ивановича Шуйского

не единожды ∽ (Останавливается.)» / «слышал он про то от князя Василья Иваныча Шуйского не единожды (останавливается)».

Стр. 46, строка 2
Вместо «Последний раз скажи мне, Шуйский, правду» / «В последний раз скажи мне, Шуйский, правду».

Стр. 46, строка 21
Вместо «По силам ли борьбу ты затевал?» / «По силам ли борьбу ты затеваешь?»

Стр. 46, строка 32
Вместо «А для грозы врагам и на измену» / «А для грозы врагов и на защиту».

Стр. 47, строка 7
Вместо «Ишь, куда пошло» / «Вон куда пошло».

Стр. 47, строка 23
Вместо «Идет в Москву с иноплеменной силой» / «Идет к Москве с иноплеменной силой».

Стр. 49, строка 14
Вместо «Голоса» / «Все».

Стр. 50, строка 19
Вместо «Честной собор, чему повинен Шуйский?» / «Честный собор, чему повинен Шуйский?»

Стр. 51, строки 6—7
Вместо «Остаются: Мстиславский, Голицын, Воротынский, Бельский»/ «Остаются: Мстиславский, Куракин, Голицын, Бельский».

Стр. 51, строка 14
Вместо «Воротынский»/«Куракин».

Стр. 51, строка 43—Стр. 52, строка 10
Текст «Да слушаться, а дай ему почуять ∽ Не дай господь дождаться» *отсутствует.*

Стр. 52, строка 30
«Пошли господь тебе на многи лета» / «Не напророчь! Не дай господь дождаться!»

Стр. 52, строки 37—38
Вместо «Помолимся о здравии твоем И долголетии» / «Помолимся о здравии твоем, О долголетии».

Стр. 54, строка 11
Вместо «Сцена пятая» / «Действие 3-е. Сцена [1-я] 5».

Стр. 56, строка 15
Вместо «Пошла я вверх, сижу да отдыхаю» / «Пошла я вверх, лежу да отдыхаю».

Стр. 57, строка 5
Вместо «Щенка слепого детищем родным!» / «Щенка слепого детищем родимым».

Стр. 57, строки 9—10
Вместо «Остановись! Душа моя не стерпит, Не вынесет она позор-

ной брани» / «Остановись! Рука моя не стерпит, Не вынесет душа позорной брани».

Стр. 58, строка 8
Вместо «Родимого прижмешь к своей груди» / «Прижмешь к своей трепещущей груди».

Стр. 58, строка 37
Слова «В своем углу убогом, пред иконой» *отсутствуют.*

Стр. 59, строка 19
Вместо «(Открывает полу палатки.)» / «(Открывает полу шатра.)»

Стр. 60, строка 1—Стр. 64, строка 25
Текст всей «Сцены шестой» *отсутствует.*

Стр. 64, строка 26
Вместо «Сцена седьмая» / «Сцена 6».

Стр. 64, строка 30
Слова «с боярами и дворянами» *отсутствуют.*

Стр. 64, строка 32
После «Дворецкий» *было* «Бояре и дворяне».

Стр. 65, строка 39
Вместо «С чего ты так?» / «С чего ж бы так?»

Стр. 66, строка 39
Вместо «Доводчики его оговорили» / «Доводники его оговорили».

Стр. 67, строка 11
Вместо «А я тебя за прежние заслуги» / «А я тебя за прежние услуги».

Стр. 68, строка 38
Вместо «Седлать коней! Боярскую одежду!» / «Седлать коней! Боярскую одежу!»

Стр. 69, строки 1—2
Вместо «II. Сцена первая» / «Действие 4. Сцена 1-я».

Стр. 69, строка 8
Вместо «Татищев» / «Михайло Игнатьевич Татищев».

Стр. 69, строка 13
Вместо «Власьев» / «Афанасий Власьев».

Стр. 69, строки 21—22
Вместо «Выходит Татищев, за ним Василий Шуйский» / «Входят: В. Шуйский, Голицын, Мстиславский и Татищев».

Стр. 69, строка 23—Стр. 70, строка 22
Текст «Василий Шуйский. Куда бежишь? Аль речи не по мысли? ∽ Входят Голицын и Мстиславский» *отсутствует.*

Стр. 70, строки 38—41
Текст «Какая стать Казы-Гирея трогать ∽ А мы в чужом пиру похмелье примем» *отсутствует.*

Стр. 71, строки 7—13
Текст «... послать свинцу да зелья ∽ В миру живем» *отсутствует.*

Стр. 71, строки 30—40
Текст «Сбирались-то втроем идти на турок ∽ В Ельце еще сбираются войска» *отсутствует.*

Стр. 72, строка 7
Слова «Нет, он один пойдет, не побоится!» *отсутствуют.*

Стр. 72, строки 24—28
Текст «М с т и с л а в с к и й. Басманову ты кланяйся, а то бы ∽ Т а т и щ е в уходит, махнув рукой» *отсутствует.*

Стр. 72, строка 42—Стр. 73, строка 2
Текст «И скоро мы московский трон украсим ∽ Богатые индийские цари» *отсутствует.*

Стр. 73, строка 19
Вместо «И только, Ян? Да это мало!» / «И только, Ян? Как это мало!»

Стр. 74, строки 6—7
Текст «Хоть тысячу, хоть больше дай за лоскут В ладонь мою. Я денег не жалею» *отсутствует.*

Стр. 76, строка 36
Слова «И преданность, бесспорная готовность» *отсутствуют.*

Стр. 76, строки 40—41
Слова «То ласкою безмерною дарят, То гордостью нежданною окинут» *отсутствуют.*

Стр. 76, строки 42—44
Вместо «Им приказать нельзя, нельзя принудить ∽ Ухаживать тебя они заставят. (Указывая на Василия Шуйского.)» / «Им приказать нельзя, нельзя заставить Любить тебя. А долго и прилежно Ухаживать тебя они заставят, И ты никак сегодня не узнаешь, Чем завтра встретят: лаской или гневом (указывает на Шуйского)».

Стр. 78, строки 23—24
Слова «Он молодой, горячий государь; Любя его, ты будь руководитель» *отсутствуют.*

Стр. 79, строка 2
Вместо «Вот я женюсь, да если будут дети» / «Вот если я женюсь, да будут дети».

Стр. 81, строки 13—23
Вместо «Он милостей не ценит и не стоит. ∽ Завидовать моей ты будешь смерти. *(Уходит.)*» / «Он милостей не ценит и не стоит! Казнить его!.. (Быстро уходит.)
Б а с м а н о в. Исполню, государь! (Все уходят.)»

Стр. 81, строка 24
Вместо «Сцена вторая» / «Сцена 8».

Стр. 81, строка 32
Вместо «Деревянная келья в Москве» / «Деревянная келья».

Стр. 81, строка 33
Вместо «(5 мая 1606)» / «(6 мая 1606)».

Стр. 82, строки 2—9
Текст «Ты знаешь сам, какой тяжелой цепью ∽ Меня на трон московский посадить.» *отсутствует.*

Стр. 83, строка 30
Слова «Музыка за сценой» *отсутствуют.*

Стр. 85, строка 18
Вместо «Надежд моих, с улыбкою змеиной» / «Надежд моих, с улыбкою скользящей».

Стр. 85, строка 31
Слова «Свинцом лежит в груди тяжелым сердце!» *отсутствуют.*

Стр. 86, строки 6—29
Текст «Короновать? Да разве ты не будешь ∽ А без того назад уеду в Польшу» *отсутствует.*

Стр. 86, строка 32
Слова «Я прикажу собраться духовенству» *отсутствуют.*

Стр. 86, строка 33
Вместо «И нынче же напишут...» / «Мы нынче же напишем...»

Стр. 86, строка 42
Вместо «В дворце твоем!»/ «В дворце моем!»

Стр. 87, строки 6—22
Вместо «Изволь! Прощай, мой царь. ∽ Дмитрий быстро убегает» /
«Изволь. *(Дмитрий целует руку.)*
Прощай, мой царь!
Д м и т р и й.
Прощай, моя царица
(уходят)».

Стр. 87, строка 23
Вместо «Сцена третья» / «Сцена [III] 9».

Стр. 88, строки 10—13
Слова «Кромя своих. На страже у рогаток ∽ Я для того кольчугу и надел» *отсутствуют.*

Стр. 88, строка 21
Слова «И голова не стоит ничего» *отсутствуют.*

Стр. 88, строки 23—27
Слова «Я рать сберу из вольницы Московской ∽ Пищального огня я поведу» *отсутствуют.*

Стр. 88, строка 34
После «Не свадьбу мы пируем» *было* «И без огня в лицо друг друга знаем».

Стр. 89, строки 20—21
Слова «Что служим мы холопски, что с панами Вельможными мы честью не равны» *отсутствуют.*

Стр. 89, строки 25—28
Текст «Г о л и ц ы н. Пора уж нам почет, боярам, видеть! ∽ Боярского царя» *отсутствует.*

Стр. 89, строка 31
Слова «Храни господь» *отсутствуют.*

Стр. 89, строка 42
После «бояре» *было* «За земство мы в ответе перед богом».

Стр. 90, строки 3—6
Текст «Для наших дней и для потомков наших ∽ не судят, судит бог!» *отсутствует.*

Стр. 90, строка 8
Вместо «А страшно, брат!» / «Боюсь я, брат».

Стр. 90, строка 10
Вместо «Кого же нам бояться?» / «Кого нам опасаться?»

Стр. 90, строки 24—35
Текст «Мы лжем ему: и мрут и оживают ∽ Как стадо мы. Не закрывай уста!» *отсутствует.*

Стр. 91, строка 15
Вместо «Голоса» / «Все».

Стр. 91, строка 19
Вместо «Один из толпы» / «Крестьянин».

Стр. 91, строка 32
Вместо «Голоса» / «Все».

Стр. 92, строки 16—20
Слова «войска и воеводы ∽ Вздохнула Русь» *отсутствуют.*

Стр. 92, строки 23—29
Текст «Г о л и ц ы н. И воля нам невольная была ∽ Служить ему, и шли к нему охотой» *отсутствует.*

Стр. 93, строка 12
После «Боярская забота думу думать» *было*
«В с е.
Судите вы, бояре, мы за вами».

Стр. 93, строка 26
Вместо «Жене своей, Марине, отдает» / «Жене своей, Маринке, отдает».

Стр. 95, строка 31
Вместо «Купец» / «1-й Московский купец».

Стр. 96, строка 14
Вместо «Кого искать, с кого начать» / «С кого начать, кого кончать».

Стр. 96, строка 17
Вместо «кресты на них напишем» / «кресты на них поставим!»

Стр. 96, строка 32
Вместо «Потише!» / «Тихонько».

Стр. 97, строка 25
Вместо «Сцена четвертая» / «Действие 5-е. Сцена [первая] 10».

Стр. 97, строка 33
Вместо «Разные мелкие торговцы» / «Разные мелкие торговцы и разносчики».

Стр. 99, строка 12
Слова «Пучки, глаголи, лысые затылки!» *отсутствуют.*

Стр. 99, строка 16
Вместо «Валяйте их каменьями, робята!» / «Валяй-ка их каменьями, робята!»

Стр. 99, строка 27
Вместо «Чертольского, от Знаменья» / «Чертольского, от Климента».

Стр. 100, строка 32
Вместо «Входит калачник и уставляет лоток» / «Входит Калачник и другие разносчики и уставляют лотки».

Стр. 101, строка 4
Вместо «Торговка (с грешневиками)» / «Разносчик (с грешневиками)»

Стр. 104, строка 10
Вместо «Голоса» / «Все».

Стр. 105, строка 31
Вместо «Голос» / «Голоса».

Стр. 106, строка 4
Вместо «уходят в ворота и запирают их» / «уходят и запирают за собою ворота».

Стр. 106, строка 10
Вместо «Несколько человек запевают песню» / «Несколько человек затягивают песню».

Стр. 107, строка 1
Вместо «Сцена пятая» / «Сцена II».

Стр. 107, строки 23—27
Текст «Не вижу я любви его. Скитальцем ∽ Единым обладателем я стал» *отсутствует.*

Стр. 109, строка 5
Ремарка «(показывая на Юрия Мнишка)» *отсутствует.*

Стр. 111, строка 8
Вместо «Вельможный пан, ты видишь, мы хлопочем» / «Вельможный пан, ты видишь, мы толкуем».

Стр. 112, строка 3
Вместо «Земля царю, а царь народу верит» / «Народ царю, а царь народу верит».

Стр. 112, строки 36—42
Текст «У государя гости ∽ И ты туда ж» *отсутствует.*

Стр. 113, строки 28—30
Текст «Басманов! нам с тобой бояре нужны ∽ Цены казне, цены своим речам» *отсутствует.*

Стр. 113, строки 34—35
Текст «А мы с тобой — все лето воевать ∽ (Жмет ему руку)» *отсутствует.*

Стр. 113, строки 38—39
Вместо «О чем они бунтуют, Вели спросить да запереть их крепче»/ «Вели их перерезать».

Стр. 115, строка 9
Вместо «Все уходят за царицей, кроме Дмитрия и Басманова» / «Все уходят».

Стр. 115, строка 10
Текст «Дмитрий (Басманову) ∽ Исполню» *отсутствует.*

Стр. 115, строка 19
«Сцена шестая» / «Сцена третья».

Стр. 115, строка 27
Вместо «Молчанов» / «Молодой дворянин».

Стр. 116, строка 31
Вместо «Голос (за сценой)» / «Голос».

Стр. 117, строка 7
Вместо «Ужель мятеж? Ужель Басманов прав?» / «Ужли мятеж? Ужли Басманов прав?»

Стр. 117, строки 8—24
Текст «Ужели смерть и страшный суд так близко ∽ Я говорил не раз; ты мне не верил» *отсутствует.*

Стр. 117, строка 29
Вместо «Заплатите за кровь невинной черни» / «Заплатите за кровь рабов несчастных, Обманутых злодейскою крамолой».

Стр. 117, строка 31
После «Пересчитать все жертвы мятежа» *было* «(Входит Басманов, десятка два немцев с алебардами и Молодой дворянин. Слышен звон оружия и крики)».

Стр. 117, строка 35
Ремарка «Вбегает Молчанов» *отсутствует.*

Стр. 117, строка 36
Вместо «Молчанов» / «Дворянин» [1].

Стр. 118, строка 4
Слова «Басманов, не робей!» *отсутствуют.*

Стр. 118, строки 6—7
Вместо «Мятежников, стрельцов новогородских, Впустили в город ночью. Много их» / «Стрельцов новогородских, Мятежников, впустили в город ночью».

Стр. 118, строка 7
После «Впустили в город ночью. Много их» *было* «Дмитрий. А много ль их, стрельцов?

---

[1] Далее так по всему тексту.

Д в о р я н и н. Осьмнадцать тысяч.
Д м и т р и й. Проклятые!»

Стр. 118, строки 10—11
Вместо «М о л ч а н о в. И видимо-невидимо народу» / «Д в о р я н и н. Невидимо народу».

Стр. 118, строка 36
После «Я с бою взял его и вас, холопов» *ремарка* «*(*Выстрелы*)*».

Стр. 118, строка 39
Ремарка «Выстрелы» *отсутствует.*

Стр. 118, строка 41
Вместо «Д м и т р и й входит в комнату. Врывается О с и п о в» «(Дмитрий отступает в комнату. Врывается один из мятежников)».

Стр. 119, строка 1
Вместо «Осипов» / «Мятежник».

Стр. 119, строки 17—20
Вместо «Кто нужен нам, да только лишь не вор ∽ запирают ее и заваливают мебелью» / «Кто нужен нам, да только лишь не ты! (Дмитрий бросается на Шуйского, народ загораживает его, несколько человек падают. Басманов насильно уводит Дмитрия, затворяет дверь и заставляет немцами). *Далее было*: «Б а с м а н о в. Спасай себя! Я с немцами останусь. Мы здесь умрем! Отсюда я ни шагу. Задержим мы мятежников толпу. Ищи себе спасенья, промышляй Лишь о себе! Ты сам всему виною. Ты позабыл, что на престоле царском Ты должен быть царем!

Д м и т р и й. Ты прав, ты прав! Слуга и друг! (Подает ему руку.)
Б а с м а н о в. До гроба, государь».

Стр. 119, строки 21—36
Текст «Д м и т р и й (с отчаянием) ∽ Уснуть у ног небесной красоты» *отсутствует.*

Стр. 120, строки 11—16
Текст «Держитесь ∽ Бояре входят в комнату» *зачеркнут.*

Стр. 120, строка 34
После «Спасайте баб» *ремарка* «Голицын» *и текст* «Возьми, Татищев, стражу, Поставь при них».

Стр. 120, строки 35—40
Текст «царицыны покои ∽ (Уходит)» *отсутствует.*

Стр. 123, строки 2—3
Слова «Теперь в ответе Пред господом не мы» *отсутствуют.*

Стр. 123, строка 28
Ремарка «(Нагибаясь к Дмитрию Самозванцу)» *отсутствует.*

Стр. 123, строка 31
Ремарка «(Дмитрию Шуйскому)» *отсутствует.*

Стр. 123, строка 36
Ремарка « (В бреду)» *отсутствует.*

Стр. 123, строка 36
После «Подайте меч!.. Шварцгоф!» *ремарка* «Мечется в беспамятстве».

Стр. 123, строка 39
Вместо «Возьмите их» / «Возьмемте их!»

Стр. 124, строка 11
Ремарка « (в бреду)» *отсутствует.*

Стр. 124, строки 12—15
Слова «Несись, мой конь ретивый, Несись быстрей! До цели недалеко. Труба, гремит» *зачеркнуты.*

Стр. 124, строка 21
Слова «К стенам давайте лестниц! Ворота сбить!» *зачеркнуты.*

Стр. 124, строка 31
Вместо «Толпа» / «Народ».

Стр. 124, строки 35—36
Слова «Голицын. Я слышу крик народный!» *зачеркнуты.*

Стр. 125, строка 11
Вместо «Обоим трон московский был могилой» / «Обоим трон московский стал могилой».

Стр. 125, строка 15
После «Садится лишь избранник всенародный» *ремарка* «(Уходят)».

ТУШИНО

ВАРИАНТ ОКОНЧАНИЯ III ДЕЙСТВИЯ СЦЕНЫ ЧЕТВЕРТОЙ (стр. 169)

Максим и Николай

Максим

Поди садись в землянку! После
Поворожу!.. Какой ты, брат, дурак.

Николай

А что?

Максим

Да так! Что ты под обух-то
Протягиваешь шею, как баран?

Николай

Что ж делать мне?

Максим

Беги во все лопатки
Куда глаза глядят...

Николай

А как же ты?

Максим

А ты меня толкни да хорошенько,
Чтоб я упал. *(Николай его толкает, тот падает.)*
Вот так! Прощай, Никола!
На первого коня садись и с богом,
А попадешься, не моя вина!

(Николай убегает.)

Эх, что-то завтра ждет меня поутру
За воровство мое! Да что ж мне думать
И голову ломать! Господня воля!
Свернусь кольцом да спать! Прощайте, братцы!

КОММЕНТАРИЙ

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

РУКОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ

АПК	авторизованная писарская копия.
АТК	авторизованная театральная копия.
БА	беловой автограф.
ТПК	театральная писарская копия.
ЦТК	цензурная театральная копия.
ЧА	черновой автограф.

МЕСТА ХРАНЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

ГБЛ	Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина.
ГПБ	Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
ГЦТМ	Государственный центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина.
ЛГТБ	Ленинградская государственная театральная библиотека им. А. В. Луначарского.
ММТ	Музей Малого театра.
ПД	Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР.
ЦГАЛИ	Центральный государственный архив литературы и искусства.
ЦГИА	Центральный государственный исторический архив СССР.

КНИГИ, ЖУРНАЛЫ, ГАЗЕТЫ

«Бирж. вед.»	газета «Биржевые ведомости».
«Вест. Евр.»	журнал «Вестник Европы».
«Всемирн. иллюстр.»	газета «Всемирная иллюстрация».
ЕИТ	Ежегодник императорских театров.
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения.
«Нов. время»	газета «Новое время».
«Од. вест.»	газета «Одесский вестник».
«Отеч. зап.»	журнал «Отечественные записки».
«Пб. листок»	газета «Петербургский листок».

«Рус. вед.» газета «Русские ведомости».
«Рус. инв.» газета «Русский инвалид».
«Совр. летоп.» газета «Современная летопись».
«Спб. вед.» газета «Санктпетербургские ведомости».
«Сын отеч.» газета «Сын отечества».

Бурдин — А. Н. Островский и Ф. А. Бурдин, Неизданные письма, М.— Пг., ГИЗ, 1923.

«Восп.»— «А. Н. Островский в воспоминаниях современников», М., изд-во «Художественная литература», 1966.

Кашин — Н. П. Кашин, Этюды об А. Н. Островском, т. 1—2, М., 1912.

ЛН — «Литературное наследство», т. 1—88, М., Изд-во АН СССР — «Наука», 1931—1974.

«Неизд. письма» — «Неизданные письма к А. Н. Островскому», М.— Л., «Academia», 1932.

ПСС — А. Н. Островский, Полное собрание сочинений в 16-ти томах, М., Гослитиздат, 1949—1953.

«Просв.» — А. Н. Островский, Полное собрание сочинений в 10-ти томах, Спб., изд-во «Просвещение» ⟨1904—1909⟩.

Соболевский — «Великорусские народные песни», изданы проф. А. И. Соболевским, т. 1—7, Спб., 1895—1902.

СТИХОТВОРНАЯ ДРАМАТУРГИЯ ОСТРОВСКОГО (1866—1873)

А. Н. Островский в начале 60-х годов первым из драматургов откликнулся на общественную потребность в осмыслении уроков истории. Обращение к проблемам исторического бытия нации открывало новые горизонты перед искусством драматургии и театра. Оценивая впоследствии, в середине 80-х годов, поразившие европейского зрителя нововведения немецкого режиссера Л. Кронека и руководимого им Мейнингенского театра, А. Н. Островский отметил, что подлинным их достижением является «жизнь толпы на сцене, умело поставленная и отлично разыгранная» *(ПСС, XII, 282)*. Изображение на сцене жизни народной массы, волнуемой политическими событиями, Островский считал главной задачей исторической драматургии. Осуществить эту творческую задачу он стремился и в хронике «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» и в «Воеводе», и в своих исторических пьесах второй половины 60-х годов «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» и «Тушино».

В 60-х годах — в период крушения феодальных устоев общества и ожесточенной борьбы вокруг вопроса о путях социального прогресса в России — интерес к проблемам истории приобрел новый, актуальный смысл.

Стремление ответить на вопрос о будущем страны, истолковав ее прошлое, было характерно для людей 60-х годов.

Особое развитие исторической драматургии было отражением общественного интереса к политическим проблемам, попыток объяснить чуждый, незнакомый, новый порядок на основе анализа «старого порядка».

Театр — наиболее массовое искусство эпохи — отвечал на эти раздумья своего зрителя и злободневными сатирическими пьесами и историческими драмами, на первый взгляд «уводившими» современников в глубь веков.

Наиболее значительными в художественном отношении явлениями исторической драматургии 1860-х годов были пьесы А. Н. Островского, с одной стороны, и драматическая трилогия А. К. Толстого — с другой. Оба писателя учитывали опыт исторической стихотворной драматургии Пушкина, однако ее творческие принципы по-разному осмыслялись и воспринимались ими.

Пушкин писал: «Что развивается в трагедии? Какая цель ее? Человек и народ. Судьба человеческая, судьба народная ⟨...⟩ Что нужно драматическому писателю? Философию, бесстрастие, государственные мысли историка, догадливость, живость воображения, никакого предрассудка любимой мысли. *Свобода*» [1]. В исторической драматургии Островский сосредоточил свое внимание на судьбах народных. Особенно это ощутимо в пьесах Островского второй половины 60-х годов. В «Дмитрии Самозванце и Василии Шуйском» — пьесе, в заглавии которой поставлены имена двух исторических лиц начала XVII века, по сути дела, героем является московский люд. Хроника «Тушино» озаглавлена по названию места, где был расположен лагерь сторонников второго Дмитрия Самозванца. Заглавие «Тушино» вместе с тем сразу вводит читателя и зрителя в суть изображаемой исторической ситуации: пьеса посвящена важному эпизоду гражданской войны разоренных крестьян и холопов против помещиков и властей.

Простой человек, творящий историю или несущий на себе ее тяготы, все время перед глазами зрителей в пьесах Островского, и изображается он в массе себе подобных. В начале 60-х годов Островский создает образ великого рядового человека — Минина, выдвинутого народной массой, разделяющего ее чаяния, взгляды и судьбу.

В «Дмитрии Самозванце и Василии Шуйском» активным историческим деятелем становится даже не земский староста, известное в городе выборное лицо, а «мизинный» человек, Иван Калачник, представляющий московскую голытьбу. Этот герой наделен всеми чертами живого человека, и вместе с тем он символичен. Иван Калачник — эпически обобщенное воплощение народа, в бурный момент истории встающего во весь свой рост и обнаруживающего свою силу. Ключевой сценой в этом отношении является столкновение Калачника с десятским, «низовым» представителем власти. Привыкший видеть покорность и смирение «маленьких» людей, десятский удивленно и разгневанно обращается к Калачнику: «Ты что шумишь? Ты сам-то что за птица?» В ответе ему Ивана звучит голос народа, почувствовавшего свою мощь:

«Что я-то? Я — не сыщик, не доносчик;
Я — весь народ московский; вот кто я!
Ты радуйся, что мы покуда тихи.
Берись за ум, одну с народом песню
Затягивай! А то беды дождешься;
Возьмем дубье, и вам, с панами вместе,
Достанется, басмановские псы!»

[1] А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в десяти томах, т. 7, М.— Л., изд. АН СССР, 1949, стр. 632—633.

А. К. Толстого более интересовали «судьбы человеческие», чем судьбы народные. Прекрасно знавший историю, А. К. Толстой отстаивал свое право на вымысел, на уклонение от следования за фактами. Для Островского же материал истории, конкретность и реальность жизни людей прошлого были исполнены высокого, поучительного смысла, который может раскрыться не только зрителю или читателю, но и самому автору, лишь если он внимательно вникнет в исторические источники, извлечет из них приметы и формы ушедшей жизни, а затем воскресит ее на сцене. Островский, в отличие от А. К. Толстого, был объективен. Он имел свои пристрастия, но историческую мысль он добывал из изображаемых событий, а не накладывал ее на них.

Поэтому, когда брат писателя, М. Н. Островский, сообщил ему критические замечания историка Н. И. Костомарова по поводу двух эпизодов хроники «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский», А. Н. Островский поспешил внести в пьесу исправления, заменив, например, реплику Марины, предлагавшей в тексте его пьесы «перерезать» мятежных бояр, словами: «да запереть их крепче». Ему представлялось существенным указание Костомарова, что «Марина вовсе не была кровожадною» *(ЛН, т. 88, кн. 1, стр. 253)*, и он, убрав исторически недостоверную черту, еще более четко оттенил полное равнодушие Марины к положению русских людей, к их нуждам. Для драматурга было важно восстановление подлинного драматизма отношений и конфликтов людей и социальных групп. Рисуя с глубокой антипатией Дмитрия Самозванца и Марину Мнишек, Островский вместе с тем сохранял ту объективность, свободу от «предрассудка любимой мысли», которую Пушкин считал обязательной для исторического писателя. Благодаря этому он сумел извлечь уроки из замечаний Н. Костомарова, М. Стасюлевича, П. Анненкова, усилить изображение активного участия народа в исторических событиях, проникнуть в значение характеров людей, влиявших на политическую обстановку. Островский живо и реально показал, как авантюризм, честолюбие и неуважение к традициям национальной жизни одних деятелей (Лжедмитрий и его окружение) и консервативная преданность старине, за которой стоит своекорыстное отстаивание своих древних привилегий, других (Василий Шуйский и прочие бояре) ложатся тяжелым грузом на плечи простых людей московского государства.

Трагедийность хроник Островского создавалась именно массовыми сценами, рисовавшими сомнения и страхи жителей Москвы, их попытки найти правильную позицию, взрыв эмоций толпы. Объективность авторского взгляда выражалась и в том, что писатель не идеализировал толпу, не наделял ее внеисторическим, «абсолютным» знанием. Скорбная нота, звучащая в хрониках «Дмитрий Самозва-

нец» и «Тушино», как и в «Воеводе», обусловлена широким историческим контекстом изображаемых событий, каждое из которых влечет за собой ожесточение борьбы, усиление гнета и страданий простых людей. От татарщины к крепостной неволе — таков путь народа, отраженный в трагической колыбельной песне крестьянки в «Воеводе».

Неясность исторической перспективы настораживала и пугала современников Островского, и если в годы политического подъема драматург в хронике «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» выражал веру в победоносную силу общественной инициативы, то во второй половине 60-х годов он совершает глубокие «рейсы» в прошлое и показывает, как долго, в течение столетий, могут распутываться тугие узлы социальных конфликтов.

Размышляя над последствиями ломки феодальных отношений, современники реформ 60-х годов сознавали, что «вместо цепей крепостных люди придумали много других» (Некрасов), и опасались этого. Одним из проявлений этих опасений был страх перед развитием буржуазных отношений, перед буржуазным строем, сложившимся, например, во Франции после падения феодализма. В связи с этим оживилась тенденция идеализации опыта общественного развития Англии, принципа сохранения аристократии как силы, противостоящей буржуазии. Либеральный историк Б. Н. Чичерин посвятил этой проблеме специальную статью «Об аристократии, в особенности русской». Желая высказать свой взгляд на русскую аристократию без цензурных стеснений, Чичерин поместил эту статью в сборнике «Голоса из России», издававшемся Герценом и Огаревым в Лондоне. «Вопрос об аристократии имеет у нас в настоящую минуту некоторое значение. Между тем как в Европе аристократия более и более падает, между тем как и у нас совершенно выводятся и старинные вельможи и старинное к ним уважение, теперь вдруг опять поднимаются толки, опять слышатся притязания на какие-то права» [1].

Далее Чичерин прослеживает ряд эпизодов русской истории, доказывая деловую несостоятельность родовитых бояр-аристократов, их бездарность, непомерное честолюбие и беспринципность. Он напоминает, в частности, о крамоле бояр, подготовивших Самозванца («У них он воспитывался, от них получил знаки, обманувшие польских вельмож и русских людей, по их наущению отправился в Литву и выдал себя за царевича Дмитрия» [2]). Бояре свергли Годунова, поддержали притязания Самозванца на престол, а затем составили против «названного Дмитрия» заговор, погубили его и захва-

---

[1] «Голоса из России», Лондон, 1857, кн. 3, стр. 1.
[2] Там же, стр. 51.

тили власть. По мнению Чичерина, бояре показали всю свою неспособность возглавить правительство во время царствования Василия Шуйского.

В своем отношении к русской аристократии Островский был близок к подобному взгляду. Во всяком случае, внимательно изучая исторические источники, драматург пришел к выводу, что претензии бояр на политическую гегемонию отрицательно влияли на русскую жизнь XVII века.

Самозванец, «нарекший» себя Дмитрием в пьесе Островского, охотно говорит о том, что желает народу добра, утверждает, что хочет внести европейское просвещение в русское общество, однако он не уважает русский народ и созданную им культуру, да и в европейской цивилизации видит лишь средство придать блеск своей личности, своему двору. Он мечтает о походе на Крым, о победах, не задумываясь о том, готова ли страна к этому походу и целесообразно ли его предпринимать. Пока же он грабит ради прихотей своей невесты Марины Мнишек веками собиравшуюся московскую казну.

В пьесе «Минин» Островского важнейшим мотивом является обсуждение в среде практичных нижегородцев вопроса о материальном денежном обеспечении освободительного войска. Эпизод собирания средств и энтузиазма жителей, отдающих последний медный крест на патриотическое дело, составляет драматическое средоточие первой хроники Островского. В «Дмитрии Самозванце» драматург, как бы глядя на изображаемое глазами рядового современника событий, обращает особое внимание на расхищение казны легкомысленным правителем, на чужеземные обычаи его свиты.

Хроника начинается массовой сценой: народ, поверивший, что политическая жизнь страны стабилизировалась, радостно обсуждает впечатления дня. Для крестьян посещение города и участие в торжествах — праздник, который они могут себе позволить лишь по случаю окончания полевых работ: «Пора-то вольная, в полях убрались, посеяли, а сенокос не вдруг... Ну, и сошлись». Не каждый крестьянин может захватить с собой краюху хлеба. «Наг золота не копит!» — шутят они о своих «малых достатках». «Крестьянишки из ближних деревень, попы без мест, дьячишки из приказов, убогие и всякие сироты» хотят проведать «не слыхать ли про милости какие для народа». Богатые купцы презирают их заботы и оскорблены, что на двор к боярину Шуйскому, куда они сошлись после торжественной церемонии, пускают «мелкий люд».

К Шуйскому со всей Москвы стекается народ как к государственному человеку, располагающему сведениями, доступными самому узкому кругу лиц, близких к престолу (он, например, вел следствие по делу о гибели царевича Дмитрия). Народ ждет от него

совета и правды о политическом положении, о новом царе. Василий Шуйский ищет популярности. Он понимает, что в критической ситуации поддержка простого народа может решить дело, помочь захватить власть. Вместе с тем он цинично равнодушен к стремлению простых людей к правде, не верит в искренность этого стремления и в способность их к жертве во имя истины и справедливости. Даже мучеником, по его понятиям, может стать только высокородный.

Между тем именно трудовой народ из своей среды выделяет борцов (таких, как Калачник) и мучеников идеи (таких, как дьяк Осипов). Презрительно отвечает большой боярин Василий Шуйский на отчаянные речи усомнившегося в Дмитрии «дьячишки из приказа» Осипова: «Ты что толкуешь! Умирать за веру! Тебя ли хватит на такое дело». «В моей душе ты не бывал, боярин»,— возражает ему Осипов и прямоту свою доказывает, бесстрашно обличая Самозванца.

Василий Шуйский тоже мужественный человек. Ловко рассчитывая каждый ход в борьбе за престол, он готов рисковать собственной головой и не дрогнуть перед плахой. Однако не стремление к правосудию, не поиски правды, а хитрая интрига, замешанная на своекорыстии, честолюбии и сословно-кастовых предрассудках, движет его поведением. Наблюдая рискованное и показное «прямодушие» Шуйского, ставящее Самозванца перед альтернативой — либо казнить его, либо полностью простить ему организацию заговора, бояре колеблются, как объяснить его поведение:

«Голицын. Иль он себя нарочно губит, или —
Тут умысел!

Мстиславский. Темна душа Василья».

«Темнота» души боярина Шуйского, его коварство, «талант» интриги, составляющий основу его характера, кажется ему орудием, которое дает ему власть над умами и волей людей. Действительно, он оказывается хитрее других бояр и, в конечном счете, может одержать победу над любым из них в дворцовых кознях. Ему удается ввести в заблуждение и пылкого авантюриста Самозванца, «переиграть» его в опасной и жестокой борьбе за власть. Василий Шуйский уверен, что путем ловкого обмана можно подчинить себе народ и превратить его в исполнителя своих предначертаний. Островский вкладывает в уста этого героя монолог, в котором тот излагает свой идеал боярского диктата народу (ч. II, сцена 3-я). Он уверен, что «народ слепой», что «боярство — Русь великая, а земство идет туда, куда ведут бояре». В этом монологе звучит существенный для автора мотив: власть бояр над народом создается и укрепляется тем, что от народа скрывается подлинный смысл политических событий.

Недаром монолог Шуйского в этой сцене хроники Островский закончил словами, в которых мысль о том, что политические деятели преподносят народу свое, тенденциозное толкование событий, слита с намеками на то, что эта «официальная» версия оказывает влияние на документы, приобретающие затем значение исторического источника, и таким образом воздействует на мнение потомков.

«Народ возьмет, что мы ему дадим,
И будет знать, что мы ему велим.
Для наших дней и для потомков наших
Покроем мы все замыслы и думы
Глубокою и вековечной тайной.
Пусть люди нас не судят, судит бог!»

Исторический писатель, как и ученый историк, по мнению Островского, должен раскрывать истину событий прошлого и давать народу материал для суда над национальной жизнью — прошлой и современной. Драматург считал своей художественной задачей восстановление исторической правды. Изучая труды ученых и прислушиваясь к их мнению, он вместе с тем не следовал некритически за их концепциями, а создавал свою, основанную как на критике источников, так и на художественной «догадливости» (Пушкин), воображении, картину жизни.

В процессе работы над своими хрониками он стремился «проверить» точность изображенной им обстановки и характеров у историков Н. Костомарова, И. Забелина, но по-своему трактовал при этом важнейшие исторические проблемы, в том числе проблему значения народных движений в политических событиях начала XVII века.

Н. Костомаров, работы которого, как казалось некоторым критикам, чрезмерно повлияли на Островского, считал, что свержение Самозванца было следствием узкого заговора бояр без сочувствия народа, который был предан царю. В хронике же Островского именно сознательное участие народа в событиях приносит победу заговорщикам. Представляющий «весь народ московский» Иван Калачник — «ворог царский» — обещает Шуйскому собрать рать «из вольницы московской», и эта-то созданная им дружина приносит успех в момент, когда «земля заколебалась» под ногами Шуйского и его сообщников и они были на волос от поражения.

Эпизод последней перед «бунтом» сходки в доме Шуйского — массовая сцена, показывающая, что в восстании против Дмитрия готовы принять участие широкие слои народа. Изображение клятвенного рукопожатия участников заговора сходно со сценой сбора средств на ополчение в хронике «Козьма Захарьич Минин, Сухорук». Бояре, купцы и народ оказываются союзниками в борьбе против

не уважающего традиций русской жизни царя и его иноземного окружения, но каждый из участников этого союза преследует свою цель. Народ задавлен нуждой, он страдает от угнетения. Вместе с тем он боится неправды, обмана, козней царского окружения, интриг бояр, которые все время ставят государство на край гибели.

«Нельзя и рта разинуть — защиты нет. В застенок да на плаху»,— жалуется Калачник, рассказывая о гибели своего брата, которого «доводчики оговорили».

Оказаться пособниками несправедливого дела, служить узурпатору Самозванцу, творящему беззакония,— такая возможность страшит простых людей не меньше, чем опасность и нужда.

Шуйский и другие участвующие в заговоре бояре стремятся к власти. Самозванство Дмитрия не пугает их; боярская среда и воспитала претендента на престол в борьбе против Годуновых и помогла Самозванцу захватить трон. Шуйский не скрывает, что бояре надеялись, что молодой царь Дмитрий будет послушен их воле, а Голицын раскрывает цель, которую преследуют бояре, свергая Дмитрия:

«Мы выберем себе царя меж нами,
Боярского царя».

Поэтому делающие одно и то же дело — выражающие недоверие царю Дмитрию — Василий Шуйский и дьяк Осипов заслуживают разной оценки. Шуйского его же сообщники характеризуют как лицемера, ханжу: «Заведомо мошенничать сберется иль видимую пакость норовит... И говорит: «Святое дело, братцы!». «Убогий смерд, дьячишко из приказа» Осипов, обличающий царя в глаза, заслуживает другого мнения окружающих. Даже видевшие виды бояре поражены его мужеством. «Какой смельчак!», «Какой подвижник веры!» — удивляются они.

Своеобразно положение купцов в этой борьбе. Заинтересованные в покровительстве бояр, обогащающиеся за счет мотовства царя и придворных, они вместе с тем боятся греха, не искушены в политических интригах. И Островский рисует, с одной стороны, готовность купца Конева, узнавшего, что новый царь обманщик и узурпатор, бороться против него и, с другой — участие купцов, вздувающих цены на предметы роскоши, в ограблении казны. Особенно ярко этот последний мотив звучал в черновой редакции пьесы. Своекорыстие купцов сближает их с боярами. Островский тонко провел эту мысль, показав, что Шуйский, желая подорвать авторитет Дмитрия, «подбивает» его на растрату ценностей из казны, купцы же наживаются на дворцовых поставках.

Уже в начале хроники драматург раскрывает эти взаимоотношения купцов с боярами, с одной стороны, и с народом — с дру-

гой. Самостоятельно и критически оценивающий и царя, и бояр, и купцов, Калачник говорит богатому и чванному московскому купцу:

«Да ты зачем к боярину-то ходишь?
Ума занять? А я своим торгую
По мелочи. Эх, бороды большие,
Вы рады бы простой народ заесть...»

Стихийное столкновение интересов целых сословий, приводящее к политическим кризисам, потрясающим общество, составляет трагедийное содержание хроники. Исторические хроники Островского с не меньшим основанием, чем его произведения о современной жизни, могут быть, по удачному выражению Добролюбова, определены как «пьесы жизни». От площади и переулка, где толпится народ, прямой путь ведет не только к боярским хоромам, но и в Кремль, в царский дворец, где решается судьба царя,— таким предстает в хрониках Островского русское общество XVII века, охваченное потрясениями.

Стремясь передать живую реальность исторических лиц и характеров, Островский осмысляет в этих пьесах психологию городской толпы. Толпу драматург показывал и в пьесах из современной жизни. В хрониках она выступает как источник и причина исторических событий. Живое реальное изображение людей далекого прошлого нередко в пьесах Островского открывает путь к пониманию «темных» вопросов истории. Так, историческая наука 1860-х годов не давала определенного ответа на то, кем же был на самом деле самозванец, выдавший себя за Дмитрия. Ученые отмечали, что свидетельства современников говорят о том, что Лжедмитрий I был человеком образованным, смелым, хорошо владевшим конем и оружием. На этом основании Н. Костомаров сомневался, можно ли принять официальную версию XVII века, что Лжедмитрий и инок Григорий Отрепьев одно лицо. Современная нам наука, собрав все данные о жизни Отрепьева, склоняется к тому, что именно он, выдав себя за царевича Дмитрия, захватил русский престол в начале XVII века.

Островский дает свой ответ — ответ художника на вопрос о происхождении Дмитрия Самозванца. Дмитрий вспоминает: его не только воспитали в боярском дому, но в Москве внушали ему уверенность, что он «сын любви иль прихоти царевой».

«...Царским сыном
Я назвался не сам, твои бояре
Давно меня царевичем назвали
И, с торжеством и злобным смехом, в Польшу
На береженье отдали. Не сам я
На Русь пошел; на смену Годунова

Давно зовет меня твоя столица,
Давно идет по всей России шепот,
Что Дмитрий жив».

Не дворцовая интрига, несмотря на всю серьезность ее последствий, а мнение народа, измученного нищетой репрессиями и страхом, жаждущего мира и справедливого правления, принесло победу самозванцу. Свидетельства иностранцев и москвичей, непосредственно наблюдавших события начала XVII века, дают историкам основание предположить, что легенда о чудесном спасении царевича Дмитрия возникла раньше появления самозванца и, возможно, подсказала ему и его покровителям версию чудесного избавления от смерти и затем скитаний царевича. «Каковы бы ни были обстоятельства возникновения самозванческого замысла Лжедмитрия I ⟨...⟩, совершенно ясно, что его поразительный успех объясняется тем, что его поддерживало широкое движение, охватившее самые различные слои тогдашнего общества, и, прежде всего, крестьянские и казачьи массы»,— пишет современный исследователь народного творчества. «Надежда на возвращение избавителя и ожидание его, вера в его намерение освободить народ от феодальных тягот составляют ту морально-политическую и социально-психологическую атмосферу, в условиях которой народное сознание ищет и отыскивает в недавней истории царевичей, гонимых или устраненных, не дискредитированных какой бы то ни было политической деятельностью и поэтому способных стать героями легенды. Так произошло с царевичем Дмитрием» [1],— поясняет далее ученый.

Политическая деятельность Лжедмитрия I дискредитировала его в глазах москвичей, и бояре-заговорщики, воспользовавшись этим, вовлекли недовольный народ в свою борьбу против нового царя. Однако, одолев Лжедмитрия I и посадив на трон своего боярского царя Василия Шуйского, русские аристократы начала XVII века оказались лицом к лицу с недовольными новой властью народными массами, которые противопоставили ненавистному им боярскому самодержцу вновь возродившийся призрак царевича Дмитрия, якобы второй раз спасшегося от убийц. Гибель Лжедмитрия I и захват власти боярами не разрешили социально политических конфликтов эпохи. Последующее звено борьбы народа с феодальным произволом, дальнейший этап падения авторитета власти дали Островскому материал для хроники «Тушино».

Интересовавший драматурга уже в пору его работы над первой хроникой «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» вопрос о психологическом типе рядового человека XVII века, в частности о типическом женском характере этой эпохи, занимал Островского на протяжении

[1] К. В. Чистов, Русские народные социально-утопические легенды, М., «Наука», 1967, стр. 40, 47.

всех лет его работы над историческими пьесами. Именно эта сторона художественного проникновения Островского в прошлое явилась основой своеобразной трактовки им другого загадочного исторического факта: признания инокиней Марфой (Марией Нагой) Лжедмитрия в качестве своего сына.

Марфу из монастыря в Москву привез по поручению Дмитрия Михайло Скопин-Шуйский. Скопин-Шуйский, человек необыкновенного обаяния и одаренности, был очень популярен в народной среде. Его ранняя трагическая гибель отражена в известной исторической народной песне, возвеличивающей его личность. Народная молва считала впоследствии Василия Шуйского и его брата Дмитрия убийцами Скопина.

Ласковое обращение старой царицы к Скопину открывает сцену. «Робко осматриваясь», Марфа обращается к своему провожатому: «Младый, цветущий юнош, князь Михайло Васильевич» — и спрашивает его в тревоге, зачем ее везут в Москву, и вдруг, отвлекаясь от собственного опасного и сложного положения, по-старушечьи проявляет интерес к своему собеседнику:

«Забыла я, голубчик, всё забыла!
Ты млад еси, а красен и разумен,—
Гуляешь холост?»

Разговор со Скопиным восстанавливает в убитой горем и забытой людьми затворнице доверие к людям. К вошедшему и отвесившему ей глубокий поклон Басманову она обращается приветливо:

«Ты, Петя, встань! Ты молод был тогда».

Не лесть и угрозы склоняют ее к «признанию» Лжедмитрия, а проснувшиеся материнские чувства, жажда доверия и умиление молодостью сверстников ее погибшего сына. Эти убедительно раскрытые в пьесе естественные и простые человеческие чувства объясняют сложную историческую ситуацию. Умение драматурга передать духовный облик человека прошлых времен определило художественные достоинства исторических пьес Островского. Оно-то особенно восхищало в них знатоков истории. Костомаров, например, ознакомившись с хроникой «Дмитрий Самозванец», «изумлялся в особенности ⟨...⟩ секрету владеть языком эпохи и быть до мелочей верну ее общему характеру». М. М. Стасюлевич, сообщавший драматургу об этих впечатлениях Костомарова, добавлял от себя: «Василий Шуйский у Вас обделан до высокого совершенства: в изображении этой личности поэт берет верх над историком» [1].

---

[1] «Неизданные письма к А. Н. Островскому», М.— Л., «Academia», 1932, стр. 544. Об отношении Н. И. Костомарова к хроникам Островского см.: А. И. Ревякин, Москва в жизни и творчестве А. Н. Островского, М., «Московский рабочий», 1962, стр. 453—455.

Хроника «Тушино», посвященная событиям, последовавшим за изображенными в «Дмитрии Самозванце», и по своей исторической концепции и по художественным задачам, которые в ней решались, была органическим продолжением творческих исканий писателя в области исторической драматургии.

Полное падение авторитета власти, невыносимые страдания, которым подвергают крестьян и холопов помещики и воеводы, разорение земли отрядами сторонников царя и самозванцев, жадность, беспринципный карьеризм и властолюбие бояр, усугубляющие распад общества, создают то драматическое «магнитное поле», тот своеобразный «разлитой» трагизм, которым проникнуто это произведение. Трагедийное начало сосредоточено в нем не в одном или нескольких борющихся между собою героях — выдающихся личностях, а в общем положении народной массы. Рядовые люди — мелкие дворяне Редриковы, пашущие землю и не имеющие средств на одежду,— герои этой хроники; но они окружены людьми сходной судьбы, сходного положения, еле отделены от фона толпы, в среде которой драматург замечает и «высвечивает» оригинальные, своеобразные фигуры: донской атаман — суровый, но справедливый Епифанец («Я сам врагов гублю ⟨. . .⟩ На то война! А безоружных мучить лишь только грех один. Ведь мы не волки...»,— говорит он), набожный, мягкосердечный татарин Ураз, жестокий и неуемный Беспута, который особенно «во хмелю нескладен», терский атаман Чика, богатырь, прозванный «Четыре здоровья». Характеристика этих лиц не менее выразительна, чем образы главных героев — Редриковых.

Как и в хронике «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский», в «Тушино» столкновение двух политических лагерей и возглавляющих эти лагери исторических героев является основой драматической коллизии, но не исчерпывает ее смысла. В хронике «Тушино» социально-политический кризис столь обострен, что противостоящие друг другу группировки являются военными лагерями, а их конфликт перерос в гражданскую войну. Вместе с тем возглавляющие эти лагери лица — Василий Шуйский, с одной стороны, и Лжедмитрий II, «Тушинский вор»— с другой,— показаны не как сильные, волевые натуры, а как представители пережившей себя идеи. Власть из их рук утекает. От Шуйского подданные неудержимо уходят, перебегают в Тушинский лагерь, но Лжедмитрий II — мнимый глава Тушинского лагеря. На самом деле он пленник своего окружения, условное воплощение популярной в массах царистской идеи. Его авторитет ничуть не выше авторитета Василия Шуйского. Сохранение иллюзий, предрассудков при разрушении основ идеала составляет трагедию народных масс, показанную Островским в хронике «Тушино».

Эта историческая пьеса оканчивается не просто трагически, но пессимистически. Тугой узел социальных противоречий, затянувшийся в начале XVII столетия, привел к тяжелому общенациональному политическому кризису, который преодолевался в течение многих десятилетий. Островский рисует исторический момент, когда рядовому человеку могло показаться, что выхода из междоусобий, жестокости, беззакония и несправедливости нет.

Особое место в ряду исторических пьес Островского занимает «Василиса Мелентьева», написанная им совместно с С. А. Гедеоновым. «Дворцовая» трагедия с Иваном Грозным в качестве центрального лица была задумана не Островским, а Гедеоновым. Самый ее замысел не соответствовал духу исторической драматургии Островского, рисующей «судьбы народные». Островский согласился принять участие в литературной обработке пьесы Гедеонова. Он не мог отказать автору пьесы — директору императорских театров, к тому же сама творческая задача обработки чужого текста, приведения его к уровню собственного представления о художественном совершенстве увлекала Островского. Принявшись за работу, Островский, как он нередко делал и позже в подобных ситуациях, радикально изменил проблематику пьесы и образы главных героев, намеченные его соавтором. Он поставил в центре конфликта пьесы сильный народный женский характер. Василиса Мелентьева — тип волевой обаятельной женщины, подчиняющей своему влиянию сильных и властных мужчин, привыкших к покорности и раболепию окружающих.

Современница расцвета абсолютизма Ивана IV, попавшая в среду дворцовой челяди, Василиса наблюдает карьеризм придворных, интриги и злодейства, неразлучные с самовластьем. Умная Василиса понимает, что воля монарха может не только возвысить фаворитку, но и возвести ее на трон. Вместе с тем в условиях сословной монархии простой «мизинный» человек, чтобы возвыситься, изменить свое положение на социальной лестнице, должен победить неодолимые препятствия, и Василиса готова вступить в жестокую борьбу. С недюжинной решительностью и дерзостью она идет на нарушение этикета придворной жизни, а если надо и на преступление. Однако, сметая все и всех на пути своего возвышения, Василиса в конечном счете оказывается перед необходимостью предать самое себя, подавить то, что дает ей силы в борьбе — свою личность, истребить богатство своей натуры, свою способность на сильные чувства. Добившись своей цели, став царской фавориткой, она гибнет не по случайности, а потому, что внутренне не может смириться с духовным рабством, на которое обрекла себя во имя честолюбия.

Трагедия Василисы Мелентьевой и самый образ этой героини составили главное содержание пьесы, сделали ее оригинальным,

ярким явлением в русской исторической драматургии. Все это содержание было внесено в пьесу Островским; С. А. Гедеонов же мыслил ее как изображение страданий и гибели оклеветанной соперницей покорной и кроткой жены Иоанна — царицы Анны. Образ Василисы Мелентьевой оказал большое влияние на драматургов, пытавшихся впоследствии поставить в центр драматического действия сильный народный женский характер (Д. В. Аверкиев, А. И. Сумбатов, И. В. Шпажинский, Вл. И. Немирович-Данченко).

Роль Василисы стала одной из излюбленных женских ролей на русской сцене. Островский получал множество писем от актрис с просьбами разрешить исполнить роль Василисы в провинции. Характеризуя переписку Островского с артистами и утверждая, что театр был заинтересован в постановке пьес драматурга, М. Е. Саковнин отмечает: «...пожалуй, особое место среди них, судя по публикуемым письмам, занимала «Василиса Мелентьева» — ее просят у драматурга театры Киева, Ставрополя, Астрахани, Костромы, Тамбова и других городов» *(ЛН, т. 88, кн. 1, стр. 279)*.

Искания и открытия Островского в области исторической драмы лежали на магистральных путях развития русского искусства. В своих хрониках он стремился постичь механизм массовых народных движений, проникнуть в настроения, идеи и идеалы, охватывавшие народ в сложных конфликтных обстоятельствах переломных эпох.

Сходные творческие задачи ставили перед собой авторы русских опер на исторические темы: А. П. Бородин, Н. А. Римский-Корсаков, П. И. Чайковский и в особенности М. П. Мусоргский, создавший грандиозные «народные музыкальные драмы» «Борис Годунов» и «Хованщина».

Народно-историческая идея определяла замысел полотен В. И. Сурикова, в последующие десятилетия продолжавшего художественную разработку этой проблематики в живописи. Монументальные композиции Сурикова передают динамику драматических эпизодов жизни масс, моменты размышлений, думы народных героев, борьбу мнений в народной толпе или единство ее в решительном действии, подвиге и страдании («Утро стрелецкой казни», «Боярыня Морозова», «Покорение Сибири Ермаком», «Переход Суворова через Альпы», «Степан Разин»). Как активная сила истории показан народ в картине И. Е. Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». В своем умении через тонкую, самобытную интерпретацию достижений фольклора, народного искусства воссоздать обобщенный поэтический образ национальной жизни ушедших эпох Островский явился литературным предшественником таких живописцев, как В. М. Васнецов, М. А. Врубель, Б. М. Кустодиев, Н. К. Рерих.

Эта особенность творчества Островского нашла свое наиболее яркое выражение в его пьесах, предназначенных для праздничных спектаклей,— «Комик XVII столетия» и «Снегурочка». Обе эти стихотворные пьесы передают эстетику, красоту старинного русского быта, высокий нравственный идеал, отразившийся в традициях художественного творчества народа, в обряде и чине, выработанных народом для определенных, праздничных ситуаций, в поэзии живой речи.

Праздничным пьесам, предназначенным для исполнения в дни, когда зал заполнен трудовым народом, простыми людьми, для которых посещение театра роскошь, редкое и надолго запоминающееся впечатление, Островский отводил особое место в репертуаре. Он считал, что очень важно, чтобы зритель подобного рода уходил из театра удовлетворенный, духовно обогащенный и ободренный ярким, художественным зрелищем. Народность театра была для него самой высокой чертой этого искусства, а праздничные спектакли по своему назначению представлялись ему народными в самом прямом и непосредственном смысле слова. Вместе с тем он считал, что они должны быть глубоко поучительны, будить мысль, стать предметом размышлений, источником умственного и нравственного развития зрителя.

Эта сторона эстетических воззрений Островского интересно преломилась в комедии «Комик XVII столетия», которая, являясь праздничной, предназначенной для юбилейного спектакля пьесой, вместе с тем сама посвящалась проблеме театра. Пьеса изображала исторический факт — создание первой в России придворной сцены. Двухсотлетие этого события в 1872 году отмечали как юбилей официального открытия театра в России. Верный своему взгляду на значение праздничного зрелища, Островский вложил в эту пьесу весь свой опыт драматурга, все знания историка, много лет изучавшего XVII век жизни русского общества. Не удовлетворяясь этим, но обращался к ученым в надежде получить вновь найденные материалы по истории театра. Пьеса веселая, празднично-светлая была насыщена дорогими драматургу идеями и связана с его размышлениями о русской истории.

Возникновение театра Островский связывал с прогрессивными процессами в области культуры и давал понять, что эти сдвиги осуществляются не без борьбы и серьезных жертв. Рисуя радостный момент становления нового, полезного, увлекательного дела, он показывал и социальные силы, противоборствующие новизне, косность бытовых привычек, этический и религиозный догматизм, характерные для феодального общества. В исторический момент, который представлен в комедии, силы, противодействующие развитию нового, могли показаться слабыми, не опасными. Наскоки бояр на Матвеева, влиятельного советника царя Алексея Михайловича,

начальника Посольского приказа, комичны, их чванство и тупость очевидны. Однако писатель знает, что пройдет несколько лет, и театр будет заброшен, все старания Артемона Сергеевича Матвеева сохранить его ни к чему не приведут, сам Матвеев по проискам своих врагов — бояр — будет выслан в 1676 году из Москвы в Пустозерск и затем, через четыре дня после своего возвращения в Москву, в 1682 году, на глазах у мальчика — Петра растерзан возбужденной боярами толпой стрельцов. На этот антагонизм Островский намекает, вложив в уста Матвеева опасения:

«〈...〉 Иль мало
Ругают нас бояре, так и ловят
Поймать у нас хоть малую оплошку,
Царю донесть и делу помешать 〈...〉
Помехи, вижу, много
Со всех сторон: кто с умыслом, кто спросту
Мутит народ, по всей Москве разносит,
Что будто мы готовим государю
Бесовскую потеху».

Совпадение даты возникновения первого русского театра с годом рождения Петра Островскому представляется знаменательным. Видя длительность и сложность осуществления замысла передовых русских людей XVII века создать национальный театр, драматург считает, что учреждение театра было исторической необходимостью. Жизнеспособность же русского театра коренилась в художественной одаренности народа, в его природном артистизме и юморе. Недаром главными героями пьесы Островский делает не высокопоставленных учредителей театра, а простых людей, стихийно тянущихся к искусству, хотя и не сознающих еще общественного значения своего призвания.

На протяжении всей своей многолетней деятельности Островский исходил из убеждения, что русский народ особенно артистически одарен. Эту одаренность он усматривал «и в сатирическом складе русского ума, и в богатом, метком языке». «Нет почти ни одного явления в народной жизни, которое не было бы схвачено народным сознанием и очерчено бойким живым словом 〈...〉 Такой народ должен производить комиков и писателей и исполнителей»,— писал драматург в начале 60-х годов *(ПСС, XII, 14)*.

Борясь за то, чтобы театры рассматривались не как официальное или придворное развлечение, а как школа жизни народа, очаг культуры, цивилизации и самосознания демократической массы, Островский показывал в своей пьесе, что сила русского театра в его народности.

Через пьесу Островского красной нитью проходит тема осознания одаренным человеком своего призвания. Вместе с рождением

театра происходит рождение актера. Островский показывает первоначальное, бессознательное проявление актерского дарования: Яков Кочетов разыгрывает перед товарищами сценки из своего домашнего быта и, подобно другу Островского, молодому И. Ф. Горбунову, смешит до слез товарищей. Начиная работать в труппе, он боится и аскетичного отца, и заставляющего его участвовать в «потехе» начальства, но чувствует неодолимую тягу к веселому и радостному творчеству:

«...да так-то хорошо,
Что, кажется, кабы не грех великий,
Не страх отца... Вот так тебя и тянет,
Мерещится и ночью».

Однако настоящим актером Яков становится тогда, когда решает посвятить себя этому не признанному еще обществом ремеслу.

Писатель вводит в текст пьесы подлинную старинную интермедию, родственную народным игрищам.

Быт, который рисует драматург в пьесе, убеждает в том, насколько склонность к комедийным «действам» коренится в ежедневной жизни народа. Рукобитье и договор о приданом (рядная) превращаются в сложный и драматический спектакль.

Яков Кочетов, поражающий товарищей правдивостью и комизмом своих импровизаций, не менее ярко проявляет наблюдательность и «комическую производительность» *(ПСС, XII, 14)* при исполнении бытовых ролей, созданных специально для сцены. Бойкая мастерица Наталья разыгрывает перед матерью и Кочетовым комическую роль, чтобы скомпрометировать себя и сделать неизбежным свой брак с Яковом.

Юбилей русского театра, по мысли Островского,— чествование творческого начала, одаренности народа, способности его создавать, осваивать и развивать новые формы жизни, отбрасывая все, что устарело и закоснело. Поэтому рассыпанные в пьесе упоминания о рождении царевича, будущего царя Петра I, выглядят не как официозное прославление царствующего дома, а как намек на то, что изображаемые в пьесе годы — преддверие новой эпохи, когда творческие усилия народа приведут к большим переменам во всех областях жизни.

Характерно, что, рисуя судьбы «мизинных» людей XVII века и изображая такое специфическое явление в жизни общества, как возникновение театра, Островский связал в своей веселой и легкой комедии тему борьбы маленького человека за свое счастье с изображением исторических судеб народа.

Историк И. Е. Забелин — знаток московского быта и обладатель уникальной коллекции древних сатирических текстов — был постоянным консультантом Островского при его работе над истори-

ческими пьесами. Советовался с ним писатель и создавая «Комика» *(см.: ЛН, т. 88, кн. 1, стр. 312—313)*.

Забелин выработал свой, оригинальный взгляд на развитие сатирического элемента в русской культуре. Он утверждал, что «шутовство, ирония, сатира, комическое или карикатурное представление всего чинного, степенного и важного в жизни составляло в нашем допетровском обществе как бы особую стихию веселости». Старый допетровский смех, по мнению историка, «являлся простым кощунным смехом над теми или другими порядками и правилами быта, являлся простою игрою тогдашнего ума, воспитанного во всяком отрицании и потому вообще ума кощунного ⟨...⟩». Только в Петровскую эпоху «старый дурацкий смех ⟨...⟩ получил смысл, даже политический, и сослужил преобразователю великую службу в перестановке на новую всей старой выработки понятий и представлений общества.». Новые понятия и смех, содействовавший их формированию, привели, по мнению Забелина, в Петровскую и послепетровскую эпохи к образованию литературной сатиры, интермедий и сатир Кантемира [1].

Островский, засиживавшийся у Забелина в беседах о русской истории до двух часов ночи, конечно, знал эту его точку зрения, но не был до конца с нею согласен. По его представлениям, между эпохой Петра и предшествовавшим периодом русской истории не было той резкой, непроходимой грани, которая виделась Забелину. Рисуя почти во всех своих исторических пьесах русскую жизнь XVII века, драматург отмечал как ее типичную черту брожение, отражающее потребность русского общества в серьезных социальных и политических переменах. В истории десятилетий, предшествовавших петровскому царствованию, Островский видит уже узлы противоречий, разрешавшихся или еще более затягивавшихся в конце XVII века.

В пьесе Островского приобщение первых зрителей к театральному зрелищу показано как шаг к критическому восприятию современной жизни. Ставя пьесу на библейскую тему «Есфирь» — «Артаксерксово действо», Матвеев ожидает, что события, изображенные на сцене, будут восприниматься как намек на политические обстоятельства современности, осуждение зла и возвеличение добра. Островский, которому был неизвестен текст «Артаксерксова действа», найденный и опубликованный только в наше время, в «Комике XVII столетия» представил дело таким образом, что постановка этой серьезной пьесы сопровождалась комическими интермедиями, изоб-

---

[1] См.: И. Е. Забелин, Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях, ч. II, М., 1915, стр. 268—269.

ражающими современные простонародные нравы. Эта догадка писателя подтверждается вновь найденными материалами. Исследователь и публикатор «Артаксерксова действа» И. М. Кудрявцев, анализируя текст пьесы, пришел к выводу, что при ее постановке на сцене предполагалось включение в нее бытовых интермедий (см.: *«Артаксерксово действо» — первая пьеса русского театра XVII в.», М.— Л., Изд. АН СССР, 1957, стр. 64—65*).

Последним произведением Островского из цикла его стихотворных пьес и, может быть, высшим его достижением на этом пути явилась поэтическая «весенняя сказка» «Снегурочка» (1873).

Красота свободных и здоровых чувств, богатство мира народного искусства, зиждительные начала любви и творчества — вот тематические нити, которые тянутся от пьесы «Комик XVII столетия» к «Снегурочке».

С историческими же хрониками Островского «Снегурочку» роднит проявленное писателем во всех этих произведениях стремление проникнуть в идеалы и верования людей отдаленных эпох, через изучение художественного творчества народа (легенд, поверий) и быта найти путь к пониманию системы его нравственных понятий. В «Снегурочке» писатель на основе фольклора, его образов и сюжетов воплощал народную утопию счастливого сказочного царства.

Вместе с тем в своей весенней сказке он сумел передать сложные современные психологические и нравственные проблемы и утонченные лирические переживания человека нового времени.

И. А. Гончаров оценивал «Снегурочку» Островского как преддверие к «историческим галереям» драматурга [1]. Но «Снегурочка» совсем не представляет собой попытку создать картину жизни «доисторических» времен, подобно тому как хроники Островского рисовали жизнь русских людей XVII века. «Снегурочка» — драматическая поэма, в которой поэзия природы и любви, философские размышления об источниках тончайших движений души человека и восторженное преклонение перед мощью и красотой природы, творчества и стихийного чувства выражены через полуфантастические, сказочные образы.

К. С. Станиславский, поставивший эту пьесу в Московском Художественном театре, писал о ней: «Снегурочка» — сказка, мечта, национальное предание, написанное, рассказанное в великолепных звучных стихах Островского. Можно подумать, что этот драматург, так называемый реалист и бытовик, никогда ничего не писал, кроме

---

[1] См.: И. А. Гончаров, Материалы, заготовляемые для критической статьи об Островском.— Собрание сочинений в восьми томах, т. 8, М., Гослитиздат, 1955, стр. 182.

чудесных стихов, и ничем другим не интересовался, кроме чистой поэзии и романтики»[1].

Поэзия природы и любовная лирика в «Снегурочке» Островского стали основой пьесы, ими движется драматическое действие.

Силы природы, олицетворенные в эпических, согретых юмором, расцвеченных бытовыми чертами образах, затевают свою извечную борьбу. Творческое начало, жизнь, развитие вступают в борьбу со скованностью, косностью, мертвенностью. Красота жизни наступает на мертвенную красоту, победоносная сила непосредственного чувства побеждает равнодушие, холод, «стужу чувств». Обычный ход явлений природы, смена времен года выступают в сказке Островского как радостное, полное чудес превращение, как драматическое разрешение упорного спора, ожесточенной борьбы. Явления природы обычны и волшебно таинственны. Словами:

«Конец зиме пропели петухи,
Весна-Красна спускается на землю» —

начинается весна в стране берендеев, и призывом:

«Изгоним же последний стужи след
Из наших душ и обратимся к Солнцу» —

она оканчивается, переходя в лето. Сколько прекрасных чудес и волнующих событий совершается в природе и в сердцах людей за этот краткий срок!

Жизнь Берендеева царства проста и мудра, как сама природа. Царь берендеев — художник и философ, блюститель мира и справедливости. Он окружен гуслярами и скоморохами, которым толкует символический смысл стенной росписи. Любовь для него — «благое чувство, великий дар природы», перед которым следует преклоняться. Он уверен, что свет «правдой и совестью только и держится». Заключение браков в стране берендеев — важное для всего народа дело, обман девушки, оскорбление доверчивой девичьей души — государственное преступление. Вместе с тем любовь прекрасна и сильна только свободой, как жизнь природы и человека: «Не терпит принужденья свободный брак». Судить преступника, нарушившего святость любовных обетов, Берендей приглашает весь народ; кличи бирючей, сзывающих «складными речами» народ, близки к хору птиц, собравшихся вокруг своей повелительницы Весны. Лесной народ сравнивается в хоре птиц с посадскими и деревенскими жителями всех званий, зато берендеи в кличах бирючей уподобляются порой птицам и зверям. Параллельность песни птиц и клича бирючей не случайна. В пьесе Островского население леса и обитатели Берендеева посада живут общей жизнью. Природа оживает, и с

[1] К. Станиславский, Моя жизнь в искусстве.— Собрание сочинений в восьми томах, т. 1, М., «Искусство», 1954, стр. 213.

нею как бы оживают люди, которые валят веселой толпой провожать масленицу. Пышное весеннее цветение совпадает с расцветом чувств молодежи, которая с окончанием весенних работ заключает браки, повинуясь закону, согласно которому все живое должно любить.

Стихийная, гармоническая любовь героев, соответствующая гармонической красоте природы, составляет лирический фон, на котором развертывается действие драмы, однако это основное действие носит иной, далеко не гармонический и умиротворенный характер. Драматург отвлекается от современной социальной и политической проблематики (в Берендеевом посаде есть и Бобыль с Бобылихой, и богатые жители, Бобыль принуждает Снегурочку заманивать богатых женихов и гонит пастуха; но эти социальные мотивы не оказывают заметного влияния на дальнейший ход действия).

Снегурочка — идеальный образ чистоты и детской доверчивости в начале пьесы. Затем она выступает как идеал страстной любви, «горячего сердца». Любовь ее возникает непосредственно из божественного источника — венка Весны. Она воплощает неосознанную жажду любви, пробуждающуюся в юном невинном и неведающем еще себя сердце, и самозабвенную страсть, не знающую расчета и себялюбия. Именно она в сказке Островского гибнет жертвой эгоистического чувства гордого и хищного человека. Тонко и вдохновенно проводит Островский через свою пьесу сравнение героини с северной природой, жаждущей пробуждения и отвечающей бурным цветением Весне, которая освобождает ее от оков зимнего холода.

Лирический лейтмотив Снегурочки звучит особенно сильно в монологе царя Берендея: «Полна чудес могучая природа». В образе ландыша воплощаются здесь чистота души Снегурочки, тихая ее кротость и избыток скрытых в ней весенних сил. Зная о грозящей ей опасности, о пагубе, которую несет ей любовь, Снегурочка все же идет к людям, навстречу жизни, впечатлениям и чувствам, бедам и радостям, которые неразлучны с нею.

«Пусть гибну я, любви одно мгновенье
Дороже мне годов тоски и слез»,—

восклицает она. Интересно, что по первоначальному сценарию пьесы героиня должна была погибнуть после грозы.

Полнота чувств и ощущений, которые обретает Снегурочка,— счастье, и она умирает, не жалея о своей решимости, со словами:

«О мать Весна, благодарю за радость,
За сладкий дар любви».

Купава и Снегурочка обе уподобляются цветам. Пылкую и эгоистичную в своей молодой любви Купаву царь Берендей сравнивает с распускающейся почкой цветка. Но само имя Купава, озна-

чающее пышный белый цветок и пышную красавицу, противостоит образу «таинственно склоненного ландыша». Обе девушки страдают от злой воли жениха, любовь которого проникнута жестоким себялюбием, лишена доброты и гуманности. Купава, доведенная до отчаяния, оскорбленная в своем доверии к людям, готовая умереть, быстро утешается, снова любит и еще жарче предается радостям жизни. Для Снегурочки самоотверженная любовь оказывается единственной и роковой.

Тема трагизма любви, опасностей, которые таит чистота и цельность натуры для человека, незащищенности правдивой и нежной души перед эгоизмом и бесчеловечностью,— эта тема, поставленная Островским в ряде его пьес («Гроза», «Горячее сердце», «Последняя жертва», «Бесприданница»), раскрывается в «Снегурочке» вне непосредственной социально-исторической мотивировки. Отношения, характерные для людей своего времени, он переносит в идеальную сказочную обстановку, поэзию чувств современного человека облекает в сказочные образы. В речах героев и ситуациях пьесы слышен страстный призыв к гуманности, преклонение перед красотой высоких чувств, которые вознаграждают сами по себе за любые жертвы и лишения.

Социально-бытовое положение жестокого возлюбленного — Мизгиря (он богатый купец) — не имеет решающего значения в пьесе. Образу Мизгиря придана сказочно-балладная поэтическая окраска. По своей художественной природе он близок поэтическим героям таких произведений, как «Песня про купца Калашникова» Лермонтова. Характеристика образа Кирибеевича, данная в свое время Белинским, во многом может быть применима и к Мизгирю Островского. Белинский писал: «Любовь Кирибеевича ⟨. . .⟩ страсть натуры сильной, души могучей ⟨. . .⟩ для этого человека — нет середины: или получить, или погибнуть! Он вышел из-под опеки естественной нравственности своего общества, а другой, более высшей, более человеческой, не приобрел» [1]. Таков и герой Островского. Вместе с тем гибель Мизгиря, гордый вызов богам, который бросает он, сила его бунта и непримиримости настолько обаятельны, что зритель проникается верой в глубину его чувства и сожалением о погибших богатствах его души.

Психологическая проблематика, трагедийно-этическая тема и любовная лирика составляют душу драматической сказки Островского. Именно так понял пьесу А. П. Ленский, поставивший ее в 1900 году в Москве. «У Островского с избытком хватило бы фантазии для того, чтобы переполнить свою сказку до краев родной чер-

---

[1] В. Г. Белинский, Стихотворения М. Лермонтова.— Полное собрание сочинений, т. 4, М., Изд. АН СССР, 1954, стр. 508.

товщиной. Но он, видимо, намеренно экономил фантастические элементы, экономил для того, чтобы не заслонять фееричностью другого, более сложного элемента — поэтического»[1].

Так, начав свою работу в области исторической стихотворной драматургии с хроники «Козьма Захарьич Минин, Сухорук», рисовавшей момент объединения народа, охваченного патриотическим подъемом, посвятив затем несколько произведений изображению страданий, сомнений, заблуждений и борьбы народных масс против притеснений в сложной обстановке жестоких социальных конфликтов XVII века, Островский в «Снегурочке» в поэтических образах, полных обаяния, снова выразил свою веру в мудрость, нравственную чистоту и творческую силу народа.

Л. Лотман

---

[1] Цит. по кн.: Н. Зограф, Александр Павлович Ленский, М., «Искусство», 1955, стр. 288.

ДМИТРИЙ САМОЗВАНЕЦ И ВАСИЛИЙ ШУЙСКИЙ

Впервые опубликовано в журнале «Вестник Европы», 1867, т. 1, стр. 75—233.

Рукописные источники первой редакции:

Черновой автограф *(ЧА)*, отражающий самую раннюю, черновую стадию работы. Текст его далек от окончательного и в значительной части состоит из набросков отдельных диалогов, отрывочных планов предполагаемых сцен, заметок на память, ссылок на источники, выписок из этих источников. Автограф разрознен: часть его хранится в *ГПБ* на 45 лл. разного формата. В конце автографа дата: 31 мая 1866 года, подписи нет. Эта часть охарактеризована Н. П. Кашиным (см. его статью «*Драматическая хроника А. Н. Островского «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский».— ЖМНП, 1917, № 6, отд. 3, стр. 137—197 и № 7—8, отд. 3, стр. 1—27).* Другая часть хранится в *ПД*. Она представляет собой отсутствующие в автографе *ГПБ* листы (15 лл.). На первой странице обложки надпись рукой М. И. Семевского: «Первая редакция драмы А. Н. Островского «Дмитрий Самозванец» (автограф) подарен И. Ф. Горбуновым 18 февраля 1869 г. СПБ». Эта часть изучена и подробно описана Н. В. Измайловым в книге «Островский. Новые материалы. Письма. Труды и дни. Статьи» под ред. М. Д. Беляева (Труды Пушкинского дома при Российской академии наук), М.— Пг., ГИЗ, 1924, стр. 53—97.

Авторизованная писарская копия *(АПК)*, представляющая собой единственный беловой рукописный текст хроники, с поправками Островского на стр. 13, 14 об., 15, 19 об., 37, 40 об. и с подписью в конце: «А. Островский». Эта же рукопись представлялась в цензурный комитет, на первом листе помечено: «Дозволено цензурой. Москва, 24 декабря 1866. Цензор Ф. Рахманинов». Она же была представлена на Уваровский конкурс, на первом листе пометы: «№ 970. 1866 г. XI Уваровский конкурс. № 10» (хранится в Архиве Академии наук СССР, Ленинград). Характеристику этой рукописи, отражающей промежуточную между черновиком и окончательным текстом стадию работы Островского над пьесой, можно найти в книге: М. Уманская, Русская историческая драматургия 60-х годов XIX века, Вольск, 1958, стр. 149—152.

Авторизованная театральная писарская копия *($АТК_1$)*, с пометами Островского на лл. 15, 26 об., 27—30. Текст значительно изменен по сравнению с журнальным (см. варианты в разделе «Приложения»). Рядом с перечнем действующих лиц — имена артистов, участвовавших в первом представлении в Мариинском театре в 1872 году *(ЛГТБ)*.

Авторизованная театральная писарская копия ($АТК_2$) с подписью автора в конце пьесы: «Конец. А. Островский». После загла-

вия рукой Островского написано: «Покорнейше прошу Дирекцию императорских театров принять эту пьесу на условиях поспектакельной платы. А. Островский». Копия рассматривалась театральной цензурой. На первом листе помечено: «К представлению дозволено. С. Петербург. 8 августа 1866 года. Цензор драматических сочинений Кейзер фон Нилькгейм». Вверху титульного листа надписи: «По Реестру НРЧ от 9 июля 1866 г. за № 1633»; «По журналу Театрально литературного комитета 16-го июля 1866, одобрено к представлению. Председатель комитета П. Юркевич» *(ММТ)*.

Печатается по тексту журнала «Вестник Европы» со следующими исправлениями по рукописям:

Стр. 9, строка 3
«умрешь, а не сочтешь» *вместо* «умрешь и не сочтешь» *(по АПК)*.

Стр. 16, строка 34
«Владеть конем ногайским или саблей» *вместо* «Вертеть конем ногайским или саблей» *(по АТК$_1$)*.

Стр. 22, строка 39
Восстановлена ремарка: «купцам» *(по АПК, АТК$_1$)*.

Стр. 28, строка 37
«стань» *вместо* «встань» *(по АПК, АТК$_1$)*.

Стр. 35, строка 26
«речи» *вместо* «вести» *(по АПК, АТК$_1$)*.

Стр. 36, строка 33
«Он в отчине» *вместо* «Он в вотчине» *(по ЧА, АПК, АТК$_1$)*.

Стр. 37, строки 9—13
Восстанавливается текст:
«Привыкли мы царевы грозны очи,
Как божее всевидящее око,
Над головой своей поклонной видеть
И выполнять лишь грозные приказы,
Грозящие неумолимой карой» *(по АПК, АТК$_1$)*.

Стр. 38, строка 15
«ты казням бы Ивана» *вместо* «ты казням Иоанна» *(по АПК)*.

Стр. 40, строка 33
Восстанавливается строка:
«Здесь мрак тюрьмы и святость старой церкви» *(по АПК, АТК$_1$)*.

Стр. 44, строка 21
«и выйдя» *вместо* «выйдя» *(по АПК, АТК$_1$)*.

Стр. 56, строка 42
«все украйны» *вместо* «вся Украйна» *(по АПК)*.

Стр. 57, строка 2
«И надо было б» *вместо* «И надо было» (по АПК, АТК$_1$).

Стр. 70, строка 42—Стр. 71, строка 6
Восстановлен текст: от слов «Нет, если б я...» *до слов* «донские казаки» *(по АПК)*.

Стр. 82, строка 14
«старайся сохранять» *вместо* «старайся сохранить» (по АТК$_1$).

Стр. 86, строка 33
«напишут чин венчанья» *вместо* «напишем чин венчанья» *(по АПК)*.

Стр. 101, строка 2
«Один подшел, почин пошел» *вместо* «Один пошел, почин пошел» *(по АПК, $АТК_1$)*.

Стр. 102, строка 13
«Поганая Маринка» *вместо* «Поганая Марина» *(по $АТК_1$, $АТК_2$)*

Стр. 102, строка 39
«и нянчить приходилось» *вместо* «а нянчить приходилось» *(по $АТК_1$)*.

Стр. 103, строка 8
«Безбожного убойства» *вместо* «безбожного убийства» *(по АПК, $АТК_1$)*.

Стр. 103, строка 12
«в могилку» *вместо* «в могилу» *(по АПК)*.

Стр. 105, строка 13
Восстановлена строка: «Защитите» *(по $АТК_1$)*.

Стр. 105, строка 34
«Иван-дурак» *вместо* «Иван-дурачок» *(по $АТК_1$ и последующему тексту)*.

Стр. 111, строка 29
«панских челядинцев» *вместо* «польских челядинцев» *(по АПК, $АТК_1$)*.

Т. Орнатская

Островский написал хронику за четыре месяца (см.: *ПСС, XIV, 139—140*). Первая часть ее была закончена в конце марта — начале апреля, вторая — 31 мая 1866 года. Автор считал это произведение лучшей своей исторической драмой. «...Одно из самых зрелых и дорогих моих произведений — плод пятнадцатилетней опытности и долговременного изучения источников» *(ПСС, XIV, 144)*,— утверждал он. «Хорошо или дурно то, что я написал, я не знаю, но во всяком случае это составит эпоху в моей жизни ⟨...⟩ это ⟨...⟩ произведение решительное»,— писал он Н. А. Некрасову в марте 1866 года *(ПСС, XIV, 134)* и настоятельно просил его сообщить свое мнение о хронике *(там же, стр. 135)*. Некрасову пьеса очень понравилась, он рассматривал ее как «вещь высоко даровитую», и только хлопоты, поглотившие его весной 1866 года, не дали ему возможности подробно изложить свое мнение в письме к драматургу (см.: *Н. А. Некрасов, Полное собрание сочинений, М., изд-во «Художественная литература», 1952, т. XI, стр. 69—70)*.

Из письма своего брата, М. Н. Островского, драматург узнал об одобрении Некрасовым хроники после того, как была написана и прислана в Петербург первая ее часть. Однако тут же ему было сообщено и о трудностях и неприятностях, которые переживает редактор «Современника». «Некрасову твоя пьеса тоже очень нравится, но он сам хотел бы написать тебе ⟨...⟩ Он находится совершенно в убитом состоянии духа: ему грозят судом за статью Жуковского, некоторые из сотрудников его взяты... Если с ним дело не сладится,

надо предложить пьесу «Вестнику Европы» *(ЛН, т. 88, кн. 1, стр. 250)*.

«Дмитрий Самозванец», как и другие пьесы Островского, предназначался для «Современника». После покушения Каракозова на Александра II наступление реакции и усиление цензурного гнета заставили драматурга опасаться за судьбу своего нового произведения. В апреле 1866 года, намереваясь отправить в Петербург первую часть хроники, он предупреждал Некрасова: «На той неделе Вы получите половину, но печатанье, по всем соображениям, следует отложить до осени» *(ПСС, XIV, 135)*. В мае 1866 года «Современник» был запрещен, и Островский напечатал хронику в «Вестнике Европы» лишь в начале 1867 года. В этом же году вышло отдельное издание пьесы.

В черновой рукописи произведения сохранились многочисленные планы, свидетельствующие о постепенном созревании замысла, о расширении темы и содержания хроники, об изменении ее художественной формы — от пятиактной трагедии к хронике в двух частях, которые в свою очередь делятся на сцены. «Я беру форму «Бориса Годунова»,— писал Островский *(ПСС, XIV, 139)*. В черновой рукописи хроники имеется целый ряд реплик и даже небольших эпизодов, которые в ходе работы над пьесой были отброшены драматургом. Так, не вошла в пьесу часть реплики купца в первой сцене первой части, произносившего после разговора с Василием Шуйским о том, кто царь — подлинный царевич или Самозванец,— следующие слова:

«...мы за ласку
Боярскую желаем поклониться
Чем бог послал. Медку, того-другого
По малости вели принять холопам
Да и вперед нас, мужиков, пущай!»

Вероятно, по цензурным соображениям драматург опустил в третьей сцене первой части отрывок разговора Басманова с Самозванцем, содержащий характеристику самовластья русских царей, рассуждения о поддержке тирании церковью. Часть монолога Дмитрия отпала, очевидно, в связи с уточнением характеристики этого лица. В черновой редакции драматург наделял Самозванца чертами великодушия, добротой и некоторой демократичностью. Разговор Самозванца и Басманова в первоначальной редакции выглядел следующим образом:

«Дмитрий

...Всем опальным милость.
Довольно мук; пора вздохнуть народу.
Столетний гнет опал и тяжких казней
Ослабил дух, ослабил ваши силы
И придавил умы. Отныне милость,
Одна лишь милость царствует над вами.

Басманов

За милости навек себя прославишь,
Но без грозы ты царством не управишь.
Привыкли мы царевы грозны очи
(Как божие всевидящее око)
Над головой своей поклонной видеть
И исполнять лишь грозные приказы,
Грозящие неумолимой карой».

Далее шел монолог Дмитрия («Не диво мне такие речи. . .»), в окончательном тексте появившийся без следующих строк:

«И грозно властвовать в орде учились,
А на пути обратном с ярлыками,
Встречая их в обителях смиренных,
На самовластие благословляли
И страхом землю править заставляли».

В нижней части листа Островский записал слова, не вошедшие в окончательный текст пьесы:

«Все лучшее, все жаждущее воли
Погублено,
Одни льстецы да пьяницы остались».

На реплику Басманова об измене Шуйского автор первоначально наметил следующий ответ Дмитрия, который не вошел в окончательный текст, очевидно, и по цензурным соображениям и ввиду того, что Островский стремился устранить черты, в какой-то степени идеализирующие образ Самозванца:

«Не верю я, владычество тиранов ⟨. . .⟩
⟨. . .⟩ вас приучило видеть
Изменников везде, ему в угоду
Забыли вы и честь свою, и бога,
Из честных слуг доносчиками стали
И ловите, как гончие собаки,
Неосторожно брошенное слово
Иль взгляд косой, чтоб, гибельным доносом
Губя других, подачку заработать».

Большого труда стоил драматургу монолог Дмитрия, завершающий третью сцену первой части. В авторизованной копии *(АПК)* также есть несколько мест, вычеркнутых впоследствии, возможно, по цензурным соображениям. В седьмой сцене первой части, например, после слов Калачника: «Монахов чудовских поразослали, Тургенева казнили на Пожаре» — было:

«Да не беда, что волки нас заели,
На то у них и зубы. Вот что горе —
Свои едят, богатые торговцы.
Им на руку, что царь мотает деньги,
Готовое наследство Годунова.
Из барышей они, христопродавцы,
И бога-то забыли. . .»
и т. д.

Островский создал сценический вариант, заметно отличающийся от того, который был подготовлен к печати. В сценической редакции он разбил пьесу на пять действий, включив в первые три действия по две сцены первой части хроники в каждое (шестая сцена первой части была им опущена вовсе) и в четвертое и пятое действия — по три сцены второй части в каждое. В сценической редакции сокращен ряд монологов и эпизодов.

При работе над хроникой Островский пользовался историческими источниками. Он изучил «Историю Государства Российского» Н. М. Карамзина, «Обзор событий русской истории от кончины царя Федора Иоанновича до вступления на престол дома Романовых» С. Соловьева *(«Совр.», 1848, № 1—4 и 1849, № 1* — главы, вошедшие затем в его «Историю»), «Сказания современников о Дмитрии Само-

званце», изданные Н. Г. Устряловым, ч. 1 и 2 (Спб., 1859), «Сказание» Авраамия Палицына (М., 1822), «Иное сказание» («Временник Московского общества истории и древностей российских», кн. 16, М., 1853, «Материалы», стр. 1—80), «Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Гос. коллегии иностранных дел», т. 2 (М., 1819), «Летопись о многих мятежах» (Спб., 1771), «Сказание и повесть, еже содеяся в царствующем граде Москве, и о расстриге Гришке Отрепьеве и о похождениях его» (М., 1847). Островский читал также дневники польских послов и другие материалы. Не только события, изображенные в хронике, но и отдельные эпизоды (такие, как гибель брата Калачника на плахе, посылка даров Марине, поведение ее отца при дворе, речи Шуйского перед своими единомышленниками и т. д.), отдельные слова и мысли, высказываемые персонажами пьесы, имеют основу в подлинных исторических фактах, зафиксированных источниками (см. ст. *Н. П. Кашина.— ЖМНП, 1917, № 6, отд. 3, стр. 137—197)*.

16 июля 1866 года пьеса была одобрена Театрально-литературным комитетом, но высшие придворные круги были недовольны ее содержанием.

Дирекция императорских театров чинила всевозможные препятствия проникновению хроники Островского на сцену и поддерживала «благонамеренную» пьесу Н. А. Чаева «Дмитрий Самозванец». М. Н. Островский сообщил драматургу 4 ноября 1866 года: «По получении последнего письма твоего об отказе дирекции ставить твоего «Самозванца» в Москве, отказе, которым нельзя, конечно, не оскорбиться, но который вместе с тем доказывает необыкновенную глупость дирекции, не понимающей ни в настоящем, ни в будущем своих собственных интересов,— я употребил все возможные меры, чтобы письмо твое к министру имело успех. Я передал это Анненкову, который, узнав, решительно возмутился и обещал попросить директора канцелярии министра...» *(ЛН, т. 88, кн. 1, стр. 251)*. Лишь после долгих хлопот Островский добился разрешения на постановку своего произведения в Москве, но в Петербурге, на сцене Александринского театра, посещавшегося царской фамилией и двором, ставили и исполняли пьесу Чаева, а не Островского. «Вообще нужно тебе с большим огорчением объяснить, что высшие сферы не благоволят к твоим произведениям, как я узнал вчера ⟨...⟩ К тому же строгости цензурные вышли из всяких пределов, хуже, чем было в старое доброе время ⟨...⟩ все, что было мало-мальски со смыслом, запрещено цензурой...»,— писал Островскому его приятель Ф. А. Бурдин *(Бурдин, стр. 40)*.

Л. Лотман

Хроника «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» была впервые поставлена в Москве, на сцене Малого театра, 30 января 1867 года, в бенефис Е. Н. Васильевой.

Роли исполняли: Дмитрий — Н. Е. Вильде, В. Шуйский — С. В. Шумский, Дм. Шуйский и 3-й купец — К. П. Колосов, дьяк Осипов и Щелкалов — П. М. Садовский, Конев и Олесницкий — П. Г. Степанов, Калачник — А. Ф. Федотов, Афоня — П. Я. Рябов, Царица Марфа — Е. Н. Васильева, Мнишек — И. В. Самарин, Мстиславский и Валуев — Е. О. Петров, Голицын — М. И. Лавров (Лавров 2-й), Басманов — В. А. Дмитревский, Маржерет, Вишневецкий, 1-й выборный и 2-й из народа — Д. В. Живокини, Скопин-Шуй-

ский — Н. А. Александров, Марина — Г. Н. Федотова, Бельский — М. Н. Владыкин, Куцька и Иванушко-дурак — П. А. Ермолов, Ян Бучинский — М. К. Третьяков, Татищев и 1-й купец — В. И. Живокини.

Несмотря на то, что хроника «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» была встречена сочувственно в среде весьма авторитетных литераторов: «Пьеса моя загремела по Петербургу, все считают ее лучшей пьесой из всех моих»,— писал драматург жене в сентябре 1867 года *(ЛН, т. 88, кн. 1, стр. 95)*; высоко оценили ее, в частности, Н. А. Некрасов и П. В. Анненков,— критика отнеслась к ней довольно холодно. Писателя упрекали в том, что он якобы не сумел оригинально и убедительно раскрыть характеры исторических лиц. Многим рецензентам казалось, что Островский взялся не за свое дело, что его область — нравоописательные комедии, а не исторические хроники, что он не имеет своего, самостоятельного взгляда на события эпохи и находится в зависимости от исторических работ Н. И. Костомарова.

«Новая пьеса г. Островского отличается чисто-внешнею историческою верностью ⟨...⟩. Вся она представляет характер какой-то компиляции»,— писал Н. М. Павлов, скрывший свое имя под инициалами «Н. Б.» *(«Москва», 1867, 10 марта)*. Далее рецензент указывал, что, несмотря на все старания актеров, лица получились неживые и нереальные. А. С. Суворин также усматривал в пьесе Островского заимствования из трудов Костомарова и заключил, что хроника — ошибка «талантливого писателя». Критик положительно оценил только стих Островского, назвав его «превосходным», но тут же добавил: «Мы не знаем другой пьесы, которая была бы столько удобною для сокращений, без всякого вреда для смысла и с большою пользой для читателей и зрителей» *(«Рус. инв.», 1857, 18 марта)*.

Узкий взгляд на Островского как бытописателя и нежелание признать в нем исторического драматурга выразились в нападках ряда рецензентов на «шекспиризм» драмы «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» (см.: *«Гласный суд», 1867, 12 марта; «Сын отеч.», 1867, 24 марта)*.

Н. И. Костомаров счел себя обязанным выступить с разъяснениями. Он опроверг утверждение критики о прямых заимствованиях Островского из его трудов: «Весною 1866 года, когда мой «Названный царь Дмитрий» еще весь не был напечатан, артист И. Ф. Горбунов читал мне эту драматическую хронику. Г. Островский никак не мог видеть в печати второй части моего сочинения, а его хроника обнимает именно те события, которые изображаются в этой второй части. В рукописи я не сообщал своего сочинения г. Островскому ⟨...⟩. Сходство ⟨...⟩ произошло оттого, что г. Островский пользовался одними и теми же источниками, какими пользовался я»,— писал историк *(«Голос», 1867, 30 марта)*. Но, несмотря на эту заметку, нападки на Островского и упреки в заимствованиях у Костомарова продолжались.

Вместе с тем первая театральная постановка пьесы имела успех, и это было отмечено газетами. Критик П. Г. Акилов («А. В.») писал: «...новая драматическая хроника ⟨...⟩ была принята московскою публикою с большим сочувствием, и она очень усердно вызывала автора несколько раз ⟨...⟩. Конечно, в Димитрии Самозванце есть недостатки ⟨...⟩ излишняя растянутость ⟨...⟩. Лучше других обрисован автором характер Василия Шуйского, типично передаваемый г-м Шум-

ским ⟨...⟩. Роль Самозванца по средствам г-на Вильде ⟨...⟩. Дирекция не пожалела расходов ⟨...⟩. Димитрий Самозванец поставлен вполне роскошно» (*«Развлечение», 1867, 11 февраля*). Наиболее обстоятельная рецензия была напечатана в журнале «Записки для чтения» (*1867, № 4*). Автор ее, подписавшийся инициалами «Л. П.», рассматривает изображение эпохи Смутного времени в драматургии Пушкина, Кукольника, А. Толстого, Чаева, Островского и утверждает: «В какой мере в драме будет развит народный элемент, представлена народная самодеятельность, в такой мере эта драма и будет исторически верна». Рецензент не увидел оригинальности в разработке драматургом темы народа и считал, что он всецело подражал Пушкину.

17 февраля 1872 года драма Островского была поставлена Александринским театром в Петербурге. Спектакль шел в здании Мариинского театра, в бенефис Е. Н. Жулевой.

Роли исполняли: Дмитрий — И. И. Монахов, В. Шуйский — П. В. Васильев, Дм. Шуйский — П. П. Пронский, Осипов — П. И. Зубров, Конев и Вишневецкий — В. Я. Полтавцев, Калачник — Ф. А. Бурдин, Афоня — И. Ф. Горбунов, Царица Марфа — Е. Н. Жулева, Мнишек и Щелкалов — Н. Н. Зубов, Мстиславский — Л. Л. Леонидов, Голицын — П. С. Степанов, Басманов — П. И. Малышев, Маржерет, Олесницкий, Масальский — С. М. Сосновский, Скопин-Шуйский и Иванушко-дурак — П. Н. Душкин, Марина — С. Северцова, Бельский — П. А. Петровский, Куцька, Татищев и Капитан — К. Г. Бродников, Ян Бучинский — Г. Н. Жулев.

Спектакль был плохо подготовлен. Разрешение на постановку было дано 1 февраля 1872 года, а 17 февраля уже состоялась премьера. Островский был недоволен режиссером А. А. Яблочкиным, считая его повинным во многих недостатках спектакля, а в рецензиях отмечались небрежность артистов (плохое знание ролей), старые, собранные из других спектаклей декорации и другие недочеты. «У меня еще и теперь не прошла боль от тех впечатлений, которые я испытал, ставя с ним ⟨Яблочкиным⟩ Самозванца»,— вспоминал позднее Островский (*ПСС, XV, 13*). Критики почти единогласно отмечали «полный неуспех хроники» (см.: *«Всемирн. иллюстр.», 1872, 4 марта, «Развлечение», 1872, 21 октября* и др.). Это было тем более неприятно Островскому, что спектакль в Петербурге был приурочен к празднованию 25-летия его литературной деятельности. Артисты театра поднесли драматургу позолоченный серебряный лавровый венок. «Предполагалось это поднесение устроить публично, причем режиссер г. Яблочкин должен был произнести речь г. Островскому, но на это не последовало разрешения» (*«Спб. вед.», 1872, 19 февраля*). Венок был передан юбиляру при опущенном занавесе, то есть без участия публики.

В 1878 году в статье «Островский и его сверстники» писатель П. Д. Боборыкин отметил «общелитературное достоинство» пьесы, как и других исторических хроник Островского, но не увидел «в авторе настоящего дара ⟨...⟩ сосредоточивать в известный момент страсти в одном фокусе» (*«Слово», 1878, № 8*).

В Малом театре спектакль был возобновлен в 1872 году, в бенефис К. П. Колосова, в 1881 году — в бенефис М. В. Лентовского.

При жизни Островского в Москве, в Малом театре, пьеса прошла 24 раза; последний спектакль состоялся 1 марта 1881 года —

в день убийства Александра II. Постановка Александринского театра в Петербурге выдержала 5 спектаклей.

После смерти драматурга постановка хроники в Малом театре состоялась в 1892 году, в бенефис О. А. Правдина. В числе лучших исполнителей были: в роли Дмитрия — А. И. Южин, А. А. Остужев, в роли Василия Шуйского — О. А. Правдин, Калачника — К. Н. Рыбаков (см.: *ЕИТ, 1892—1893, стр. 281—288*). На сцене Александринского театра драма была возобновлена в 1896 году (отдельные сцены) и в сезон 1902/03 года. В роли Дмитрия выступали Р. Б. Аполлонский, П. В. Самойлов, Ю. М. Юрьев; в роли В. Шуйского — П. Д. Ленский.

Е. Хмелевская

Стр. 10

...потомство Мономаха...— Владимир Всеволодович Мономах (1053—1125) — великий князь Киевский. Сын его Юрий Долгорукий был князем в Суздале — столице Ростово-Суздальского княжества, в пределах которого в период его княжения возникла Москва (1156). Московскими князьями становились первоначально младшие сыновья в роду потомков Мономаха.

...патриарха ∽ Свели с амвона... — Патриарх Иов при жизни Бориса Годунова в особой грамоте утверждал, что называющий себя царевичем Дмитрием самозванец — беглый инок Григорий Отрепьев. В 1605 году по распоряжению Лжедмитрия I он был лишен патриаршества и сослан в Старицкий Богородицкий монастырь.

Стр. 12

...царем татарин был! — имеется в виду Борис Годунов; род его происходил от татарского мурзы Чета.

От племени Владимира Святого...— Владимир Святославич (ум. 1015) — киевский князь, прозван Святым за то, что в его княжение Киевская Русь приняла христианство. Владимир Мономах был правнуком Владимира Святославича.

Стр. 13

Угорские — венгерские.

Кунтуш — польский верхний кафтан.

Стр. 15

...по писанью: / «Не за́йдет солнце в гневе вашем»— цитата из Послания апостола Павла Ефесянам, гл. 4, стих 26.

Стр. 16

Позорище противное зело! — Зрелище очень противное!

Стр. 18

Мамона (мамон) — в христианских церковных текстах — злой дух, олицетворяющий стяжательство, сребролюбие; служить мамоне — в переносном смысле удовлетворять грубые потребности, утробу.

Осе́тило ∽ Москву — Осетить или обсетить — хитростью подчинить себе, обольстить.

Стр. 19

Доподлинный царевич / В Коломенском, иль вор.—Направляясь в Москву, готовую его принять, Дмитрий останавливался в Серпухове и в селе Коломенском. Здесь в богатом шатре он принимал подарки и давал аудиенцию лицам, пришедшим его почтить.

Стр. 20

...Гришка / Богданов сын, Отрепьев... — Юрий Богданович Отрепьев, после пострижения получивший имя Григорий, — дворянин, служил у бояр Романовых, а после пострижения — при патриархе Иове. Затем, кочуя из монастыря в монастырь, бежал в Польшу и объявил себя спасенным царевичем Дмитрием. Н. Костомаров высказывал сомнение в том, что Лжедмитрий I на самом деле был Отрепьевым, как утверждали патриарх Иов, Борис Годунов и Василий Шуйский. Островский не дал определенной версии происхождения Лжедмитрия I, но ввел в свою хронику указания на то, что самозванец воспитан и подготовлен к своей миссии боярами.

И с Лобного сказал, что он — Отрепьев. — Василий Шуйский, по поручению Бориса Годунова расследовавший обстоятельства гибели царевича Дмитрия, в присутствии народа на Лобном месте перед Кремлем давал клятву, что царевич мертв и что злоупотребляющий его именем самозванец — Григорий Отрепьев.

Стр. 24

Кирдяпа Василий Дмитриевич (ок. 1350—1403) — князь Суздальский и Городецкий.

Стр. 27

К Архангелу, к родителям пошел! — В Архангельском соборе в Кремле была усыпальница великих князей и царей.

Стр. 28

За-приставы́ — взять под стражу.

Стр. 29

Победоносца князя Михаила... — имеется в виду Воротынский Михаил Иванович, одержавший ряд побед в военных походах. В 1572 году на берегу Лопасни разбил шедшее в Москву огромное войско крымского хана. Вскоре был арестован Иваном Грозным по ложному доносу, умер после пыток.

Стр. 30

Родительская суббота — день поминовения умерших. В данном случае имеется в виду родительская суббота в конце октября.

Стр. 31

По Курбскому пошли. — Курбский Андрей Михайлович (ок. 1528—1583) — князь, боярин, воевода. Участвовал во взятии Казани, одержал ряд побед над рыцарями в Прибалтике и над поляками. Был близок к Ивану Грозному во время правления «избранной рады» во главе с А. Адашевым и Сильвестром. После падения последних, боясь опалы, бежал в Литву. Был с почетом принят королем Сигизмундом II, воевал против русских войск. Направил Ивану IV четыре послания с резкими нападками на политику царя и его жестокость в отношении боярских родов.

Стр. 32

...нас тогда побили / В Добрыничах. — В битве на реке Севе между Добрыничами (Добрунь) и Чемлигом (Чамлыж) 20 января 1605 года войска Лжедмитрия I были разбиты войском Бориса Годунова. Самозванцу пришлось отступить в Путивль, и он оказался перед опасностью полного поражения. В войсках Годунова служили немцы наемники.

Стр. 36
И в слободе кромешной запирался — речь идет об укрепленной Александровской слободе близ Суздаля, где находился «опричный» двор Ивана IV. Называя Александровскую слободу «кромешной», современники уподобляли ее кромешному аду (игра слов: «опричь» и «кроме» — синонимы).

Про князя Симеона...— Князь Симеон Бекбулатович (ум. 1616) — по происхождению татарский царевич, был на службе у Ивана IV. В 1575 году по прихоти Ивана IV был объявлен великим князем всея Руси. При Годунове подвергся гонениям. Возвращен из ссылки Лжедмитрием I.

Стр. 39
Схизматиков, апостольского трона /Чуждавшихся...— Схизматиками (раскольниками) называли католики православных. Апостольский трон — здесь иносказательное обозначение папства.

Святейший Павел Пятый — Павел V (1552—1621) — римский папа.

Константин (ок. 285—337) — римский император, объединивший в своих руках всю империю. Допустил свободное исповедание христианства, опирался в своей политике на церковь.

Стр. 40
Поздравить папу/Со днем вступленья на престол Петра.— Имеется в виду избрание главы католической церкви папы римского. Петр — апостол Петр.

...скажи Игнатью ∽ будет патриархом...— Лжедмитрий I сделал патриархом рязанского архиепископа Игнатия, оказавшего ему поддержку.

Над бесерменством и латинством — над магометанством и католичеством.

Стр. 41
Среди лесов Сарматии холодной...— Под названием «Сарматия» здесь разумеются русские земли, расположенные к северу от Киева.

Ромул — по преданию, основатель Рима и первый римский царь. Согласно легенде, Ромул и его брат Рем были вскормлены волчицей и воспитаны женой пастуха.

Стр. 42
Войнолюбивым духом /Кипит душа...— В «Повести» князя И. М. Катырева-Ростовского о самозванце писалось: «Остроумен же, паче и в научении книжном доволен, дерзостен и многоречив зело, конское рыстание любляше, на враги своя ополчитель смел, храбрость и силу имея, воинство же велми любляше» (*«Памятники древней русской письменности», изд. 2, Спб., 1909, стлб. 622).*

Майестат — наследственный престол.

Рынды — телохранители, оруженосцы.

Стр. 44
...на Пожаре...— «Пожаром» называли в XVII в. Красную площадь, где часто бывали пожары — горели деревянные торговые шатры.

Стр. 53
А Ксения всё плачет...— Ксения Борисовна Годунова (ум. 1622) — дочь Бориса Годунова. Одно время была при дворе Лжедмитрия, затем по настоянию Марины Мнишек сослана в Белозерский монастырь, пострижена под именем Ольги.

В слезах она становится красивей ∽ Таких очей я ни в Литве, ни в Польше / Не видывал.— Эти детали заимствованы из «Повести» князя И. М. Катырева-Ростовского, где о Ксении Годуновой говорится: «очи имея черны велики, светлостию блистаяся; когда же в жалобе слезы изо очию испущаше, тогда наипаче светлостию блистаху зелною» *(«Памятники древней русской письменности», изд. 2, Спб., 1909, стлб. 621).*

Стр. 56
У Спаса мы стояли и т. д.— В монологе Марфы отразились народные предания о смерти царевича Дмитрия *(см.: Л. В. Черных, Изучение А. Н. Островским народной жизни во время литературной экспедиции 1855 г.— «Ученые записки Башкирского гос. университета», серия филологическая, 1958, № 5, вып. 6, стр. 202—203).*

Стр. 60
...в Кракове Афонька наш пирует ∽ курам на смех...— Лжедмитрий отправил в Краков послом дьяка Афанасия Власьева, который 10 ноября 1605 года, представляя особу царя, совершил за него акт обручения с Мариной Мнишек. Насмешливое отношение бояр к дьяку Власьеву в хронике Островского отражает особенности этого исторического лица. Власьев поразил поляков своим простодушием. На традиционный вопрос кардинала во время церемонии обручения, не давал ли Дмитрий обещания другой женщине, Власьев ответил: «А почем я знаю? Он мне не говорил этого; коли б кому обещал, то меня бы сюда не послал». Его ответ вызвал всеобщий смех. Вместе с тем Власьев был хорошо образован.

Стр. 64
Жигмонт — Сигизмунд III Ваза (1566—1632), король польский (с 1587 г.) и шведский, вел. князь Литовский.
Владислав — Владислав Ваза (1595—1648) — старший сын Сигизмунда III, с 1632 г.— король Польши (Владислав IV).

Стр. 66
Тургенева казнили на Пожаре. — Петр Никитич Тургенев был предком И. С. Тургенева, который писал о себе: «Из исторических лиц, принадлежащих к его фамилии, Тургенев дорожит ⟨...⟩ тем Петром Тургеневым, который *обличил* Лжедимитрия и за это *обличение* был в тот же день казнен на лобном месте в Москве» *(И. С. Тургенев, Полное собрание сочинений и писем. Письма, т. X, М.— Л., «Наука», стр. 161).*

Стр. 70
И Фока и Ульян-богоотступник...— Фока — византийский император, правил с 602 по 610 год н. э. Способствовал усилению влияния папы римского в Европе, признав папу главой патриархов, что вызвало резкое осуждение его византийской церковью. Юлиан (331—363 гг. н. э.) — римский император. Пытался вернуть Рим к языческой религии, за что был назван «отступником» церковными христианскими писателями.

Зернь— игра в кости.

Стр. 71
Зелье — здесь порох.

Со свейским...— с шведским.
Ходынка — Ходынское поле — место под Москвой на берегу реки Ходынки.

Стр. 72
Трёглавый ад ∽ зрети страшно! — Близ дворца Лжедмитрия для развлечения было поставлено медное изваяние Цербера — механическая игрушка, щелкавшая пастью и скрежетавшая.

Стр. 73
Его мосць...— сокращенная форма титулования у поляков, соответствует русскому «его величество».

Стр. 75
По улицам Чертольским...— Чертольские улицы были расположены в урочище «Чертолье». На западе они замыкались стеной Белого города с Чертольскими воротами. В 1658 году Чертольские ворота и Чертольская улица по указу царя Алексея Михайловича были переименованы в Пречистенские. Ныне это улицы Кропоткина и Волхонка.

Стр. 77
...жалко, что сосватал /Ты русскую.— Борис Годунов, опасаясь со стороны Шуйских — исконных суздальских князей — посягательства на престол, не разрешал В. Шуйскому жениться. В 1608 году, будучи старше пятидесяти лет, Шуйский женился на княжне Марье Петровне Буйносовой-Ростовской, с которой был обручен при Дмитрии Самозванце.

Стр. 79
...гуденьем мусикийским — звуками музыки.

Стр. 84
Аргамак — быстрый породистый верховой конь.

Стр. 88
Варварский крестец.— Улица Варварка, названная по имени церкви святой Варвары (ныне улица Разина), шла по гребню холма. На ней в XVII веке были расположены денежный двор, боярские дворы и деревянные торговые ряды.

Стр. 91
Западни — здесь опускающиеся двери.

Стр. 92
Вся Сивера без бою отдалась...— Сивера — Севера — область юго-западнее Москвы. В октябре 1604 года Лжедмитрий без сопротивления овладел Черниговом. Затем он осадил Новгород Северский, но П. Ф. Басманов удачно организовал оборону города, и Самозванец не мог его взять. Несмотря на эту его неудачу, ему в течение двух недель были без боя сданы Путивль, Рыльск, Севск, Курск, Кромы, а затем другие города Сиверы.

Стр. 92—93
...венчался с нею/Под пятницу, под праздник годовой! — Существо-

вал церковный запрет на заключение браков в канун больших религиозных праздников.

Стр. 93
Суренщик — музыкант, играющий на сурне (зурне) — трубе с резким звуком.

...Иван Петрович, Пскову /Защитник был от страшного Батуры.— Шуйский Иван Петрович, князь, боярин и воевода, убит в 1587 году. Прославился защитой Пскова (1581—1582), отразив приступы польско-литовского войска под предводительством Стефана Батория — «Батуры».

Стр. 96
...сход вблизи ворот Фроловских...— Фроловскими назывались до 1658 г. Спасские ворота Кремля. «Фроловскими» ворота были названы, так как поблизости от них находилась церковь Флора и Лавра.

Стр. 98
Наряд — здесь в старинном значении: артиллерия.

Деревянный город — крепостные деревянные стены с башнями, которыми по распоряжению Бориса Годунова в 1592—1593 гг. была обнесена Москва. Вокруг стен деревянного города находились слободы, где селились торговцы, ремесленники и стрельцы.

Стр. 99
Ектения. «Благочестивый» — заздравные молитвы о царе и царствующем доме.

Стр. 101
...под вешнего Николу? — Николин день-вешний праздновался 9 мая. Лжедмитрий венчался с Мариной Мнишек 8 мая, в четверг.

Стр. 103
...в самый день безбожного убойства и т. д.— Рассказ старика из Углича о гибели царевича Дмитрия отражает местное угличское предание, слышанное Островским.

Стр. 104
Митрополит казанский ∽ Томят его.— Гермоген — митрополит казанский, участвуя в заседании сената, созданного Дмитрием Самозванцем, сурово требовал перехода Марины в православие, за что был сослан.

На тебе шапка кругла и т. д.— Эта прибаутка основана на народной шуточной песне:

«Сидит Сурик на ели,
На Сурике шапка,
Шапка-то кругла
На четыре угла».

(«Сборник Отделения русского языка и словесности», 1907, т. 82, № 7, стр. 16), другая запись в книге А. Е. Бурцева «Обзор русского народного быта Северного края» *(Спб., 1902, т. 3, стр. 59)*. Островский, очевидно, знал какой-либо вариант этой песни и относил его происхождение к XVII веку.

Стр. 107
Каштелян мологоский.— Каштелян—управляющий крепостью, городом и примыкающим к нему округом. С XV века титул каште-

ляна в Польше давал право участвовать в заседании королевского совета. Мологоский замок был расположен в Сандомирском воеводстве, где находились поместья сандомирского воеводы Ю. Мнишека.

Стр. 109
Я жолнерам стрелять велю.— Жолнер — польский солдат, пехотинец.

Стр. 112
Рокош — бунт, мятеж, крамола.

Стр. 114
Александра /И Цезаря... — Александр Македонский (356—323 гг. до н. э.). *Цезарь* — Гай Юлий Цезарь (100—44 гг. до н. э.).

Стр. 117
Самборский пир.— В конце апреля 1604 г. Лжедмитрий I приехал из Кракова в Самбор, где с согласия Сигизмунда III стал готовить войско для похода на Москву. В Самборе Лжедмитрию был оказан торжественный прием. Здесь он предложил руку Марипе Мнишек.

Стр. 121
Житный двор — дворцовые хлебные склады. Находились в северо-западной части Кремля, на месте, на котором впоследствии по приказу Петра I был построен Арсенал.

Л. Лотман

ТУШИНО

Впервые опубликовано в журнале «Всемирный труд», 1867, № 1, стр. 1—92.

Рукописные источники:

Беловая рукопись *(БА)*, на 37 лл., с пометами Островского. На 2 л. дата начала работы над пьесой: «Начато 29 сен⟨тября⟩ 1866»; в конце подпись: «А. Островский. 5 ноября 1866 года». Название *БА* — условно: по сравнению с другими сохранившимися рабочими рукописями Островского — эта очень чистая. Текст хроники в этой редакции близок к журнальному, а помарки немногочисленны *(ГБЛ)*.

Авторизованная театральная писарская копия *(АТК)*, озаглавленная: «Тушино. Драматическая хроника в стихах, в 5-ти действиях. Соч. А. Н. Островского». На 27 л. рукой Островского введена пропущенная переписчиком ремарка: «(открывает землянку. Н. Редриков выходит)». По тексту копии — имена актеров и рабочие пометы режиссера *(ММТ)*.

В Ленинградской театральной библиотеке хранится еще одна театральная писарская копия (но не авторизованная) (ТПК), текст которой в основном совпадает с журнальным, исключение составляет слово «священник» в перечне действующих лиц, в печатный текст не попавшее, и иное окончание четвертой сцены третьего действия. Это изменение сделано Островским уже после опубликования пьесы и приложено в *ТПК* на отдельном листке, вклеенном в рукопись. Здесь же помечено: «Тушино» от А. Н. Островского» и «Включить в текст драмы Г. Островского «Тушино» дозволено и для представления. Цензор драмат. сочинений Д. с. с. Фридберг. 20 ноября 1867».

Впоследствии указанное добавление — по свидетельству М. И. Писарева (см.: «*Просв.*», *т. VI*, *стр. 508*) — было обязательно при постановке пьесы [1]. На первом листе — помета: «Режиссерская». Рядом с перечнями действующих лиц в начале отдельных сцен вписаны фамилии актеров, исполнявших соответствующие роли на первом представлении пьесы в Александринском театре в 1867 году. По тексту пьесы — режиссерские пометы. В отличие от печатного текст разделен на действия.

Печатается по тексту журнала «Всемирный труд» со следующими исправлениями по *БА:*

Стр. 139, *строка 21*

Восстановлена ремарка: «(низко кланяясь)».

Стр. 139, *строки 33—34*
Уточнено место ремарки: «(Хочет идти в светелку и встречается с Н. Редриковым)».

Стр. 141, *строка 28*
«ведунью привезли» *вместо* «ведунью привезла».

Стр. 144, *строка 12*
«Осыпались валы» *вместо* «обсыпались валы».

Стр. 145, *строка 7*
«Ведут цари войну с царями» *вместо* «Ведут войну цари с царями».

Стр. 145, *строки 33—34*
«(Обращаясь к войску и указывая на воевод)» *вместо* «(Указывая на воевод)».

Т. Орнатская

Драматическую хронику в стихах «Тушино» Островский написал менее чем за полтора месяца. Он дважды принимался за нее в течение 1866 года. Она была им «в августе набросана и оставлена», как сообщал он позже Ф. А. Бурдину *(ПСС*, *XIV*, *140)*. Вновь обратился драматург к писанию «Тушино» 29 сентября. 27 или 28 октября он жаловался Бурдину на усталость («я едва держу перо в руках»), сильное нервное расстройство, вызванное «постоянным сиденьем за работой» над «Тушино» и бессонными ночами из-за болезни жены (см. *там же*, *стр. 144*). 5 ноября 1866 года Островский завершил «Тушино».

В хронике «Тушино» Островский вновь обращается к событиям начала XVII века, историей которого он начал заниматься еще в середине 50-х годов. Изображенное в «Тушино» является продолжением событий, составивших содержание пьесы «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский». Обе хроники писались в один и тот же 1866 год, в печати появились одновременно.

Островский выступал с чтением «Тушино». 16 февраля 1867 года он читал пьесу в Артистическом кружке. Об одном из чтений вспоминал позже музыкальный критик Н. Д. Кашкин: ««Тушино» мне чрезвычайно понравилось необыкновенной силой и жизненностью картин, быстро сменяющих одна другую» *(«Рус. вед.»*, *1895*, *23 января)*.

---

[1] Текст добавления помещен в разделе «Варианты».

В периодической печати вскоре же появились отклики на новое произведение Островского. В неподписанной заметке «Литературные новости» рецензент журнала «Отечественные записки» очень доброжелательно отозвался на появление в печати хроники «Тушино». «Нам показалось, что пьеса эта менее *заделана*, менее обременена изучением эпохи и быта, чем «Минин» и «Воевода»,— говорилось в этой заметке.— Автор дал больше воли своей фантазии, и вышла драма несравненно более живая. Она относится к разряду явлений, которые день ото дня становятся многочисленнее, именно к попыткам воспроизведения нашей древней жизни» *(1867, № 1)*. В том же журнале спустя два месяца было высказано совершенно иное суждение. В обзоре «Русский драматический театр в Петербурге» Н. С. Лесков (статья была подписана им «М. С.») писал: «Последняя же хроника г-на Островского «Тушино» ⟨. . .⟩ есть пьеса такого свойства и таких достоинств, что едва ли вовсе может быть поставлена на сцену, а будучи поставленною едва ли не усыпит зрительный зал...» «Полагаем, что теперь после «Тушина», не рискуя впасть в большую ошибку, можно сказать, что г-ну Островскому не даются исторические русские хроники. Его род пьес, в которых он всего сильнее, есть бытовая драма и комедия»,— заключил свой отзыв Лесков *(1867, № 3)*. Известен также неодобрительный отзыв о «Тушино» Н. П. Огарева, который считал, что «больше упадка вкуса искать было бы нечего» *(ЛН, т. 61, стр. 548)*.

Против подобных суждений о новой хронике и об исторической драматургии Островского вообще выступила газета «Голос». Ее рецензент писал: «В обществе и в печати довольно распространено мнение, что «Тушино» слабейшая из драматических хроник г-на Островского. Мы не разделяем этого мнения». Он отмечал новые тенденции в творчестве Островского по сравнению с «Дмитрием Самозванцем» и «Мининым»: «Главное действие разыгрывается в этой драме между вымышленными, а не историческими лицами», что, по мнению рецензента, дает «автору бóльшую свободу в изображении эпохи». Критик утверждал, что «эпоха тушинского вора начертана автором мастерски», что характеры Василия Шуйского и «тушинского вора» «изображены совершенно верно истории». Островскому удалось «представить контраст между характерами двух братьев Редриковых», выявить особенности их натур. Людмила, по мысли рецензента,— это новая попытка Островского «нарисовать идеальную русскую женщину»; характер ее обрисован драматургом весьма своеобразно: «Людмила натура блестящая в полном смысле этого слова: своевольная, капризная, но умная, способная, страстная, великодушная...» *(1867, 8 июня)*. Образ Людмилы вызвал одобрение и М. П. Федорова («М. Ф.»): «Нельзя, однако, пройти молчанием личность дочери Людмилы, обрисованную автором со свойственным Островскому талантом» *(«Бирж. вед.», 1867, 28 ноября)*.

В этом плане интересно высказанное в связи с появлением хроники «Тушино» в театре суждение Н. Пановского о том, что «Тушино» — это хроника, «взятая из *частного быта* (курсив наш.— *Г. С.*), но обставленная историческими картинами» *(«Совр. летоп.», 1867, 10 декабря)*.

В январе же 1867 года Островский получил разрешение на представление «Тушино» в театре. 7 января пьеса была одобрена Театрально-литературным комитетом, затем рассмотрена цензором драматических сочинений П. И. Фридбергом и 23 января разрешена цензурой к представлению.

Для сцены, как указал М. И. Писарев, в режиссерском экземпляре Островский сделал следующее распределение сцен по действиям:

«Сцена 1-я составляет I действие,
сцены 2-я и 3-я — II действие,
—»— 4-я и 5-я — III действие,
—»— 6-я и 7-я — IV действие
и, наконец, сцена 8-я — V действие»

(«Просв.», т. VI, стр. 507).

В сцене четвертой Островский изменил последний стих заключительного монолога Максима Редрикова, уничтожил ремарку и написал на отдельном листе небольшой диалог между Максимом и Николаем Редриковыми. Сцена получила новое окончание. В печатном тексте Максим запирал Николая в землянке, в сценическом же варианте Максим дает Николаю возможность убежать.

Впервые «Тушино» было исполнено 23 ноября 1867 года одновременно в петербургском Александринском театре и в московском Малом театре.

В Александринском театре (в бенефис Л. Л. Леонидова) в главных ролях выступили: Сеитов — П. И. Григорьев, Людмила — Е. В. Владимирова, Максим Редриков — Ф. А. Бурдин, Николай Редриков — Н. Ф. Сазонов, Дементий Редриков — Л. Л. Леонидов, Василий Шуйский — П. В. Васильев.

В Малом театре (в бенефис В. И. Живокини) роли исполняли: Сеитов — П. М. Садовский, Людмила — Г. Н. Федотова, Максим Редриков — Н. Е. Вильде, Николай Редриков — А. Ф. Федотов, Дементий Редриков — И. В. Самарин, Дмитрий — М. Н. Владыкин. Василий Шуйский — П. Г. Степанов.

Петербургский спектакль был неодобрительно оценен в печати. А. С. Суворин, считавший «Тушино» «самой слабой хроникой даровитого драматурга», писал о постановке ее в Александринском театре: «Обставлена она была плохо» *(«Спб. вед.», 1867, 26 ноября).* Отрицательным было суждение об этом спектакле и в рецензии «Петербургского листка», где отмечалось, что Бурдин «по своему обычаю не только не помог успеху пьесы, но содействовал ее падению» *(1867, 26 ноября).* М. П. Федоров разделил это мнение: «...главная роль Максима совершенно не в средствах г-на Бурдина». Он выделил из исполнителей лишь Е. В. Владимирову, придавшую «своей игре, особенно в 6-й сцене, необыкновенную простоту и правду» *(«Бирж. вед.», 1867, 28 ноября).* О неуспехе пьесы в театре писал *W.* По его мнению, она была «плохо разыграна» (*«Рус. инв.», 1867, 26 ноября*). В 1883 году сам драматург одобрительно вспоминал об исполнении Н. Ф. Сазоновым в этом спектакле роли Николая Редрикова: «...в моей драме «Тушино» в роли молодого Редрикова он обнаружил много нежности, много искреннего чувства...» *(ПСС, XII, 223).*

В рецензии на спектакль московского Малого театра газета «Голос» писала: «Г-жа Федотова мастерски исполнила роль Людмилы; она умела согреть сцены, в которых должно было сказаться чувство ⟨...⟩ Г-н Садовский в роли отца представил одного из героев Островского, вроде Дикого, Торцова, не оттенив ни одной новой чертой новую роль». Удовлетворение рецензента вызвали П. Г. Степанов в роли Василия Шуйского и М. Н. Владыкин, исполнивший роль Лжедмитрия, неудачным счел он выступление Н. Е. Вильде в роли Максима Редрикова *(1867, 28 ноября).* «Драматическая хроника

«Тушино» не имела успеха в представлении»,— утверждал Н. Пановский о спектакле Малого театра *(«Совр. летоп.», 1867, 10 декабря)*. Причину этого неуспеха наряду с неудачей постановки он видел в том, «что ни одна личность драмы, так точно, как и ни один из господствующих в ней интересов, не может пробудить сочувствие в зрителях». Он также высоко оценил игру Федотовой: «Г-жа Федотова с большим талантом исполнила свою трудную роль; она была художественно верна созданному автором типу; в игре артистки было много неподдельной искренности».

В Малом театре хроника «Тушино» удержалась только в 1867 году — прошло 4 спектакля, в Александринском театре пьеса выдержала 9 представлений в 1867—1868 годах. Последний спектакль в Москве состоялся 26 декабря 1867 года, в Петербурге — 14 апреля 1868 года.

В 1894 году композитор П. И. Бларамберг завершил на основе пьесы Островского оперу «Тушинцы». 24 января 1895 года состоялась премьера оперы в московском Большом театре (см.: *А. Н. Островский и русские композиторы, М.— Л., «Искусство», 1937, стр. 40 и 191)*. Из исполнителей музыкальный критик Н. Д. Кашкин отметил С. Г. Власова в роли Максима Редрикова и Л. Д. Донского — Николая Редрикова *(«Рус. вед.», 1895, 2 февраля)*.

Стр. 127

Московский дворянин.— Служилые люди в Русском государстве XV—XVII веков делились на три чина: 1) думные чины (бояре, окольничьи, думные дворяне), 2) московские чины (стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы), 3) чины уездные — дворяне городовые и дети боярские, составлявшие основную массу дворянского ополчения. За службу получали жалованье и награждались землей — поместьем.

Стр. 128

...Лисовский пан ∽ с Лисовским паном.— Лисовский Александр-Иосиф (ум. 1616) — польский военачальник, участник мятежа шляхты в 1606—1607 годах против короля Сигизмунда III, за что был осужден на изгнание. Во главе отрядов разбитых мятежников присоединился к Лжедмитрию II. Весной 1608 года взял Коломну, но был разбит русскими и оставил ее. После этого явился в Тушино, участвовал в осаде Троице-Сергиева монастыря *(см. прим. к стр. 144)*. Руководимые им отряды захватили и разграбили ряд русских городов. К его отрядам примкнули бежавшие из Москвы служилые люди, казаки, холопы.

Стр. 129

Украйны все мятутся...— «Украйнами» («украинами») называли окраинные районы Московского государства («немецкая украйна», «польская украйна», «литовская украйна», «Северская украйна», «украинные города»). В связи с движением Лжедмитрия II к Москве от нее отпали «украинный» Псков и его области, на «украйнах» скапливались противники Василия Шуйского, на «Северской украйне» прошло восстание Ивана Болотникова, остатки отрядов которого примкнули к Лжедмитрию II. Затем вспыхнули восстания народов Поволжья и Западной Сибири.

Стр. 130

Чтоб выпросить поместного впридачу — имеется в виду поместье.

Стр. 135
Вотчины — земли, находившиеся в пожизненном владении бояр и в отличие от поместья передававшиеся по наследству.

Стр. 137
Хоббтье — домашнее имущество, рухлядь.

Стр. 141
Большой полк — так назывались в Русском государстве XVII века главные силы войска.

Спальник — придворный чин в Русском государстве XV—XVII веков. Спальники дежурили в покоях царя, набирались обычно из молодых людей знатного происхождения.

Корела поморская — люди карельской национальности.
Ведунья — колдунья.

Стр. 142
Как царь Саул к колдунье аэндорской.— Саул — первый царь Израильско-Иудейского царства (II в. до н. э.). По библейскому преданию, когда Саул обратился к эндорской колдунье, она предсказала ему близкую смерть.

...Рожинский и Сапега...— Князь Роман Рожинский — с «польской Украйны» — во главе четырехтысячного отряда перешел к Лжедмитрию II. В 1608 году прибыл в Тушино, встал во главе армии Лжедмитрия, был избран гетманом. Сапега, Ян-Петр (1569—1611) — один из самых активных деятелей польской интервенции. Польско-литовский магнат, племянник канцлера Льва Сапеги. «Его осудили в отечестве за буйство, а он, не подчиняясь приговору суда, набрал толпу вольницы всякого рода и повел ее в Московское государство» (*Н. И. Костомаров, Смутное время Московского государства в начале XVII столетия, т. II, Спб., 1868, стр. 109.*— Эта работа печаталась в 1866 году в журнале «Вестник Европы» и была хорошо известна Островскому). Сапега привел в Тушино отряд в 7500 человек; в 1611 году перешел от Лжедмитрия II к войскам Сигизмунда III, присоединился к гарнизону оккупантов в Москве.

Стр. 143
...с Голицыным Васильем...— Голицын Василий Васильевич (ум. 1619) — царский воевода, отличавшийся как политический деятель крайней беспринципностью. Принял сторону Лжедмитрия I, потом участвовал в его низвержении. В 1608 году был послан Василием Шуйским против Лжедмитрия II, но бежал с поля боя при встрече с противником близ г. Болхова. Играл большую роль в низвержении Василия Шуйского.

...Михайло...— князь Скопин-Шуйский Михаил Васильевич (1587—1610) — политический деятель и военачальник, руководивший разгромом польских интервентов.

Я в Новгород его пошлю, помбги /У Свейского просить...— Летом 1608 года Василий Шуйский послал М. В. Скопина-Шуйского в Новгород, чтобы собрать там ратных людей, а также для переговоров о помощи с королем шведским (свейским) Карлом IX.

Стр. 144
Там Сергиев стоит оплотом твердым...— Троице-Сергиев монастырь — крупнейший из русских монастырей (с 1744 г.— лавра) основан в 1337—1340 годах Сергием Радонежским, в 71 *км* от Москвы (ныне в черте г. Загорска). Был одновременно одной из сильных крепостей, преграждавших с севера путь к Москве.

...Владимир /Не крепок нам с Иваном Годуновым...— И. И. Годунов один из противников Василия Шуйского, перешедший к Лжедмитрию II. Был воеводой во Владимире, увлек к отпадению от Москвы владимирцев и муромцев.

Стр. 145
Каин — имя библейского героя, братоубийцы, которое стало нарицательным для обозначения человека, отверженного обществом за преступление.

Стр. 149
Повадился кувшин...— Начало пословицы: «Повадился кувшин по воду ходить, тут ему и голову сложить».

Поехал вор жену встречать Маринку.— Марина Мнишек признала Лжедмитрия II своим «спасшимся» супругом и летом 1608 года прибыла в Тушино из Ярославля, куда после убийства Лжедмитрия I была отправлена Василием Шуйским вместе со своим отцом, Юрием Мнишеком.

Стр. 150
...Молчанова Михайла...— М. А. Молчанов — дворянин, приближенный Бориса Годунова, а затем один из убийц его сына Федора. Примкнул к Лжедмитрию I. «При Борисе его обвиняли в чернокнижестве; а потом его так отстегали кнутом, что у него на спине, как уверяли послы Шуйского в Польше, остались навсегда следы этого наказания 〈...〉 Говорили, что расстрига держал его при себе ради чернокнижия...» *(И. И. Костомаров, Смутное время Московского государства в начале XVII столетия, т. II, стр. 42).* Затем, присоединившись к отрядам Сапеги, Молчанов прибыл в Тушино ко двору Лжедмитрия II.

Стр. 157
Напала пороша...— Эта песня близка (содержит незначительные варианты) к разбойничьей песне, записанной Островским у Антона Сергеева (см.: *Кашин, т. II, стр. 399—400*).

Стр. 158
Полону́ — пленных.

Стр. 160
Бирюк — не батырь.— Бирюк — среднерусское название волка. Батырь — в тюркских языках — богатырь.

Рожон — кол, заостренный шест.

Братина — русский шаровидный сосуд для напитков, металлический или деревянный, иногда с крышкой. Золотые и серебряные братины украшались чеканкой. Употреблялись на братчинных пирах (крестины, именины), на поминках,

Стр. 163
...какие атаманы∽за деревянный город.— Казаки, стоявшие в Красном селе под Москвой, вступили в переговоры с тушинцами и затем сдали им Красное село. Занять деревянный город (см. прим. к стр. 98) тушинцам не удалось.
Зернь — см. прим. к стр. 70.

Стр. 168
Прикажи-ка нам, хозяин ∽ И про нйзовые.— песня, близкая к бурлацкой песне «Прикажи, сударь хозяин...» (*Соболевский, т. VII, № 423.* См.: *В. И. Чернышев, Русская песня у Островского.— «Известия по русскому языку и словесности», т. II, кн. 1, 1929, стр. 298). Верхни городки* — города верхнего Поволжья, *низовые* — среднего и нижнего Поволжья.

Стр. 170
Ходынское и Пресненское поле /Прославлю я своим геройством...— На Ходынском и Пресненском полях под Москвой располагались военные лагеря Василия Шуйского. 25 июня 1608 г. отряды Лжедмитрия II потерпели поражение в битве на Ходынском поле.

...гнездо монахов...— имеется в виду Троице-Сергиев монастырь.

Стр. 171
Юрий Мнишек — сандомирский воевода, отец Марины Мнишек, прибывший с нею в Тушино.

Стр. 172
И величает братом Сигизмунда.— Сигизмунд III Ваза. См. прим. к стр. 64.

Ян Сапега, староста Усвятский...— В XIV веке город Усвят был подчинен Литве.

Стр. 174
...подобно /Израилю, ведомый высшей силой...— Лжедмитрий II, претендуя на объединение под своим «христианнейшим» скипетром всех русских земель, уподобляет себя библейскому патриарху Иакову — Израилю, ставшему по воле бога отцом народов.

Стр. 180
Не выбьют их на службу батожьем...— Батог, или батожье — палка, прут с обрезанным концом. Битье батогами было одним из видов телесного наказания.

Остроги — ограда из острых кольев и плетня, которыми обносили военные лагеря и крепости.

...с отпискою...— то есть с грамотой, содержащей политические известия.

Зелье — здесь — порох.

Стр. 190
Келарева башня — в ней размещалась кладовая (келарня, келарница) для монастырских припасов.

Бахматы — длинногривые твердокопытные лошади.

Стр. 191
Епитимья — наказание (молитвой, паломничеством), накладываемое на верующего.

Тарасы — подкатные срубы на колесах, применявшиеся при осадах крепостей.

Стр. 193
Пищаль — древнерусское тяжелое ружье и артиллерийское орудие.

Стр. 199
Поймали перелета...— Перелетами называли перебежчиков из Москвы в Тушино, а также и из Тушина в Москву.

К Леонтию угоднику.— В Успенском соборе Ростова Великого хранились мощи Леонтия-угодника.

Стр. 202
Бердыш — топор в форме полулуния на длинном древке.

Г. Степанова

ВАСИЛИСА МЕЛЕНТЬЕВА

Впервые опубликовано в журнале «Вестник Европы», 1868, № 2, стр. 431—521, за подписями: «А. Островский и Г-в».

Рукописные источники:

Черновой автограф пьесы *($ЧА_1$)*, на 69 лл. Первоначальная карандашная правка Островского по писарской рукописи неозаглавленного гедеоновского варианта. Правка до 59 л. представляет собой многочисленные вставки, исключения, исправления, а с 59 л. это черновая рукопись самого Островского. По всему автографу сохранено отчество Василисы — Мелентьевна (а не Игнатьевна, как в печатном тексте). По-видимому, оно было изменено тогда, когда Островский озаглавил пьесу «Василиса Мелентьева» (это заглавие, вероятно, появилось на первом листе автографа после завершения работы над пьесой). В первой сцене первого явления остались невычеркнутыми персонажи Гедеонова — Иван Шишкин и князь Иван Сицкий *(ГБЛ)*.

Черновой автограф пьесы *($ЧА_2$)*, на 2 лл. Первоначальная карандашная правка Островского по писарскому тексту Гедеонова, относящаяся к будущему третьему действию. Вверху первого листа план действия и набросок, озаглавленный: «Монолог Колычева о прежней любви. Царь и шут» *(ГБЛ)*.

Писарская копия, отосланная в театральную цензуру *($ЦТК_1$)*, неавторизованная и без подписи автора. Текст ее почти не отличается от журнального. Вверху заглавного листа дата: «22 ноября 1867 г.». Ниже резолюция цензора: «К представлению дозволено. Цензор драмат. сочинений д. с. с. Фридберг. 8 Декабря 1867». По тексту драмы ряд цензурных вычеркиваний. По всему тексту копии многочисленные цензурные резолюции с разрешением или запрещением пьесы к представлению в провинциальных театрах (с 1868 г. по 1905 г.) *(ЛГТБ)*.

Писарская копия, также неавторизованная *($ЦТК_2$)*, содержит на первом листе штамп «22 ноября 1867» и запись: «По журналу Театрально-Литературного Комитета 18 Ноября 1867, одобрено к представлению. Председатель Комитета тайный советник П. Юркевич». Здесь же резолюция: «К представлению дозволено. С. Петербург.

8 Декабря 1867 года. Цензор драматических сочинений д. с. с. Фридберг». Эта же резолюция повторена на последнем листе. Внизу первого листа поздняя помета: «По сему экземпляру к представлению во всех городах Российской империи под руководством и ответственностью Артиста императорских театров Модеста Ивановича Писарева. С. Петербург 21 Февраля 1898. Цензор драм. с. И. Литвинов». По всему экземпляру — многочисленные отметки режиссера; рядом с перечнем действующих лиц — фамилии артистов, участвовавших в первом представлении в Александринском театре в 1868 г. *(ЛГТБ)*.

Режиссерский экземпляр, с пометами цензора и отметками режиссера *(ЦТК$_3$)*. На первом листе резолюция цензора: «К представлению дозволено. С. Петербург. Января 5 дня 1882 г. Цензор драматических сочинений тайн. сов. П. Фридберг» *(ЛГТБ)*.

Театральная писарская копия *(ТПК)*, неавторизованная и без подписи автора. На первом листе — заглавие: «Василиса Мелентьева. Драма в 5 действиях в стихах. Соч. А. Н. Островского и ***» и пометы: «С цензурованным экземпляром верно. Режиссер Воронов» и «Сыграна в Москве в первый раз, 3 января 1868 г., па Малом театре, в бенефис г. Садовского». Рядом с перечнем действующих лиц — фамилии актеров. По экземпляру — отметки режиссера *(ММТ)*.

Печатается по тексту журнала «Вестник Европы» со следующими исправлениями по *ЧА$_1$*:

Стр. 216. строка 14
«Молчать бы нам» *вместо* «Молчать бы, князь».

Стр. 217, строка 5
Восстановлена строка: «Медведя так и положил на месте».

Стр. 226, строка 12
«я сам не больно верю» *вместо* «я сам не больше верю».

Стр. 244, строка 16
«Не искушай меня» *вместо* «Не искушать мепя».

Стр. 244, строка 25
«найдете» *вместо* «найдется».

Стр. 254, строка 14
«по берегись вперед» *вместо* «поберегись вперед».

Стр. 255, строка 6
«То царский кус» *вместо* «То царский вкус».

Стр. 259, строка 33
«Лукавствуя» *вместо* «Лукавая».

Стр. 263, строка 17
«Уходят» *вместо* «Уходит».

Стр. 266, строка 26
«На то и взять тебя!» *вместо* «Тебя и взяли на то».

Стр. 278, строка 8
«Спасите! Эй! Бегите за царем» *вместо* «Бегите! Эй! Бегите за царем».

Т. Орнатская

Сохранившиеся рукописные источники драмы «Василиса Мелентьева», переписка Островского и воспоминания современников довольно полно отражают своеобразную творческую историю этого произведения. В 20-х числах сентября 1867 года Островский приехал из Москвы в Петербург с намерением передать Главному управлению по делам печати свою записку о правах драматургов. Приезд в Петербург не мог не повлечь за собой представление драматурга новому директору императорских театров С. А. Гедеонову. 24 сентября Островский, слушавший в Мариинском театре оперу В. Беллини «Пуритане», познакомился с Гедеоновым «...и весь спектакль сидел в его ложе. Чтобы поговорить со мной хорошенько, он звал меня в среду обедать»,— писал Островский жене на следующий день *(ПСС, XIV, 158—159)*.

Гедеонов работал в это время над пьесой из эпохи Ивана Грозного, он предложил Островскому «написать пьесу с ним вместе» *(там же, стр. 159)*. Драматург П. М. Невежин сообщает слова Островского: «Оказалось, что генерал написал хронику «Василиса Мелентьева» и призвал меня, чтобы я переработал сюжет и придал пьесе литературную форму. Я, конечно, не мог отказаться...» *(ЕИТ, 1910, вып. VI, стр. 11)*. Гедеонов тогда же передал текст своей неоконченной пьесы Островскому, который тотчас принялся за работу, специально задержавшись для этого в Петербурге. Письма Островского говорят о напряженном творческом труде. Так, он пишет жене в октябрьских письмах: «...работы по горло, сижу и день, и ночь, даже в театрах не бываю» *(ПСС, XIV, 159)*, «Я ложусь в 4 часа ночи и встаю в 8-м для того, чтобы поскорее кончить дело и уехать в Москву» *(ЛН, т. 88, кн. 1, стр. 96)*. «Пыткой» называл он в разговоре с Невежиным общение с Гедеоновым, что усиливало напряженность в работе: «Гедеонов, как директор театра, считал себя непогрешимым ⟨...⟩ Мои слова и убеждения только раздражали сановника, и я, прежде чем добиться чего-нибудь, не мало испортил крови» *(ЕИТ, 1910, вып. VI, стр. 11)*. «Процесс написания этой пьесы,— вспоминал И. Ф. Горбунов,— Островский назвал «искушением от Гедеонова»» (*«Восп.», стр. 60)*.

Рукопись, переданная Гедеоновым Островскому, как установил Н. П. Кашин, была писарской копией с написанной Гедеоновым части пьесы. Она заключала в себе первые три действия и наброски сцен следующих действий. Первоначальный — гедеоновский — текст был опубликован Н. П. Кашиным, проделавшим тщательное сравнение текста Гедеонова с окончательным, печатным текстом драмы «Василиса Мелентьева» (см.: *Кашин, т. 1, стр. 245—261, 281—351)*.

Гедеонов не дал пьесе заглавия. Именно в этой рукописи Островский вписал заглавие «Василиса Мелентьева», которое и стало окончательным. Это заглавие отразило те радикальные изменения, которые Островский внес в замысел пьесы. У Гедеонова главным действующим лицом была царица Анна. Колычев, горячо любящий Анну, пытается спасти ее от гибели, уготованной Малютой, Василисой и царем Иваном Грозным. Гедеоновская пьеса была написана по канонам романтической мелодрамы с противостоящими друг другу фигурами условных злодеев и добродетельных героев. Островский же выдвинул на первый план сложную личность Василисы Мелентьевой.

Он подверг художественной переработке гедеоновский текст. Все прозаические места, перемежавшиеся у Гедеонова со стихом,

Островский заменил на стихотворные. Большинство стихотворных строк Гедеонова подверглось замене или правке. Н. П. Кашин выделил курсивом в гедеоновском тексте те немногочисленные места, которые вошли в окончательный текст (см.: *Кашин, т. 1, стр. 281—351*). Он сопоставил некоторые реплики, монологи Гедеонова и соответствующий текст Островского, характеризуя художественную переработку текста, произведенную Островским (см.: *Кашин, т. 1, стр. 249, 285, 289, а также ЖМНП, 1913, № 11, отд. 3, стр. 12—14*).

Уже в первое действие, наиболее близкое по развитию сюжета к гедеоновскому тексту, Островский вносит важные изменения, продиктованные новым замыслом, согласно которому он переделывал пьесу. У Гедеонова Василиса появлялась лишь в одиннадцатом явлении. Островский вводит ее в действие раньше, для чего и пишет восьмое явление (у Гедеонова здесь была лишь ремарка, обозначавшая место действия). Это очень существенная сцена разговора Василисы и Колычева. У Островского Колычев предстает горячо, до рабской покорности любящим Василису. Уже в этой сцене намечены драматургом те черты образа Василисы — ум, властность, хитрость, изворотливость,— которые все явственнее будут проступать далее.

Еще меньше гедеоновского вошло в окончательный текст второго действия. И здесь продолжается работа Островского над художественной отделкой реплик, монологов. Число вычерков гедеоновского текста возрастает. Особенно тщательно переделываются сцены с Василисой — ее разговоры с Малютой, с царем, ее воспоминания о девичьих годах. Явление девятое (разговор Василисы с царем) настолько было переработано, что лишь две маленькие реплики из гедеоновского текста вошли в окончательный текст. В результате достигнуто задуманное Островским — Василиса становится основной фигурой именно в этом действии.

Третье действие начиналось у Гедеонова с теперешнего второго явления. Островский пишет первое явление — монолог Василисы, раскрывающий ее заветные честолюбивые стремления, ее мечту стать царицей. Василиса введена Островским и во второе явление (здесь у Гедеонова были только Малюта и Колычев). Далее он пишет еще новое явление — третье. Это очень важная сцена между Василисой и Колычевым. Колычев окончательно подпадает под власть своего чувства к Василисе, покоряясь всем ее внушениям и просьбам. Девятое явление, в котором Василиса пригласила к себе Колычева, также написано Островским. Все другие явления этого действия были подвергнуты переработке.

Первое явление четвертого действия было написано Островским. Это большой монолог Василисы, наиболее полно выражающий ее личность. Второе явление было лишь набросано Гедеоновым. Остальные явления четвертого действия и все пятое действие написал Островский, в незначительной степени используя наброски Гедеонова.

Перерабатывая гедеоновский текст, создавая одно за другим новые явления драмы, Островский основное внимание уделил изображению характеров, исторически обусловленной психологии своих героев. Вспоминая о Гедеонове, Островский говорил Невежину: «Он не понял, что учебники, дающие материал,— только скелет для художественного произведения. Что история — оболочка для художника, а суть — в развитии характеров и психологии» *(ЕИТ, 1910, вып. VI, стр. 11)*.

Источники сведений о царице Анне и Василисе Мелентьевой очень скудны. Н. М. Карамзин писал следующее о браках Ивана Грозного: «Царь, уже не соблюдая и легкой пристойности, уже не требуя благословения от епископов, без всякого церковного разрешения женился (около 1575 года) в пятый раз на Анне Васильчиковой. Но не знаем, дал ли он ей имя царицы, торжественно ли венчался с нею: ибо в описании его бракосочетаний нет сего *пятого*; не видим также никого из ее родственников при дворе, в чинах между царскими людьми ближними. Она схоронена в Суздальской девичьей обители, там, где лежит и Соломония. Шестою Иоанновою супругою — или, как пишут, *женищем* — была прекрасная вдова, Василиса Мелентьева: он без всяких иных священных обрядов *взял только молитву* для сожития с нею» *(Н. М. Карамзин, История Государства Российского, т. IX, Спб., изд. Эйнерлинга, 1843, стлб. 161—162)*. С. М. Соловьев утверждал: «Не имеем права двух наложниц царя, Анну Васильчикову и Василису Мелентьеву, называть царицами, ибо он не венчался с ними, и в современных памятниках они царицами не называются» *(С. М. Соловьев, История России, т. VI, М., 1856, стр. 434)*. Еще один источник сведений о Василисе указал Н. П. Кашин (см. *ЖМНП, 1913, № 11, отд. 3, стр. 11)*. В «Отчете Императорской Публичной Библиотеки» за 1863 год (стр. 61) приведена была следующая заметка (на основе «Хронографа о браках царя Ивана Васильевича»): «Шестую (а по выписке седьмую) жену Василису Мелентьеву, которой муж был заколот опричником, царь Иоанн IV Васильевич постриг в Новегороде, мая 1577 г. за то, что заметил «ю зрящу яро на оружничаго Ивана Девтелева князя, коего и казни». Н. П. Кашин считал, что «эта заметка вряд ли была известна Островскому: уж очень она идет вразрез с драмой». Но далее замечал: «Лишь та подробность, что Грозный заметил Василису «зрящу яро на оружничаго», могла подсказать драматургу любовную интригу, но, конечно, Островский мог ввести ее и без подсказки» *(ЖМНП, 1913, № 11, отд. 3, стр. 11)*. М. М. Уманская выразила несогласие с сомнениями Кашина и считает эту заметку источником, несомненно использованным Островским (см. *ЛН, т. 88, кн. 1, стр. 487)*. Р. Скрынников, основываясь на сведениях из старинной писцовой книги о Василисе Мелентьевой как историческом лице, указывает, в частности, что она не ссылалась в монастырь *(см. «Науку и жизнь», 1972, № 9, стр. 57)*.

Работая над драмой «Василиса Мелентьева», Островский не ограничился теми фактическими историческими сведениями, которые использовал Гедеонов. Он вновь обращается и к «Истории...» Карамзина и к «Сказаниям князя Курбского» *(Спб., 1842)*, внося новые штрихи в сцены с князем Воротынским, в диалоги Ивана Грозного и Василисы, усиливающие историческую точность и достоверность изображаемых событий (см. *ЖМНП, 1913, № 11, отд. 3. стр. 15—24)*.

Подвергнув коренной переделке гедеоновский текст, написав заново целые явления и почти два новых действия, Островский фактически создал совершенно новое произведение, которое включал в свое собрание сочинений, всегда указывая на соавтора (Г ***).

Закончив пьесу, Островский незамедлительно начал хлопоты по получению разрешения на постановку ее в театре. 18 ноября 1867 года она была одобрена к представлению Театрально-Литературным комитетом, 22 ноября поступила в цензуру. Ее читал цензор драматических сочинений П. И. Фридберг. Пересказав кратко содержание

пьесы, он писал в своем рапорте от 28 ноября 1867 года: «Драма эта, замечательная во многих отношениях, отличается еще своею новизною: в ней в первый раз раскрывается отчасти внутренняя жизнь женщины тогдашнего времени,— тайны терема разоблачаются. О слоге и языке говорить нечего — русская речь льется потоком — звучно и правильно». Общее заключение цензора было для Островского благоприятно: «Принимая во внимание последовавшее разрешение разыгрывать на нашей сцене трагедию гр. Толстого «Смерть Грозного» и настоящая драма А. Н. Островского и ***, мне кажется, могла бы быть дозволена» *(ЦГИА, ф. 776, оп. 2, № 4, л. 418—419)*. Тем не менее ряд мест в пьесе все же насторожил цензора, и Фридберг пишет: «Мною отмечены (стр. 5, 30, 39, 41, 42, 43, 54, 88, 92, 97, 98, 118, 129, 136, 142 и 150) места наиболее резкие, с тем не будут ли некоторые из них признаны надлежащими изменениям или сокращениям; в особенности представляю на благоусмотрение и обсуждение последнюю сцену, где в глазах царя совершается убийство его супруги Василисы рукою стольника Колычева и как бы по приказу Грозного».

После этого пьеса Островского была передана на рассмотрение члену Совета Главного управления по делам печати И. А. Гончарову. В своем отзыве от 4 декабря 1867 года Гончаров прежде всего отметил: «...мне остается ⟨...⟩ безусловно согласиться с заключением г-на Фридберга, что драма «Василиса Мелентьева» может быть допущена к представлению на сцене». Отзыв Гончарова интересен не только как суждение официального лица, цензуровавшего пьесу Островского, но еще более как мнение одного из первых ее читателей, мнение автора «Обломова». Драму Островского Гончаров оценил очень высоко, отнеся к разряду произведений, составляющих «капитальное украшение русской сцены» (отзыв Гончарова приведен в кн.: *Н. В. Дризен, Драматическая цензура двух эпох. 1825—1881, Пб., изд. «Прометей», 1917, стр. 156—160)*.

Из замечаний Фридберга Гончаров в первую очередь отверг оценку сцены убийства Василисы с позиций чисто цензурного подхода к тексту: «Колычев убивает не царицу, а невенчанную женщину и при том не по приказанию царя, как говорит г-н цензор: Иоанн иронически хвалит Колычева и велит казнить его за излишнее усердие». Но вслед за этим Гончаров высказал свою неудовлетворенность как писатель: «Сцена эта может быть покажется зрителю неудобною не в цензурном, а чисто в художественном отношении: она натянута, мелодраматична и подлежит суду литературной критики». Приводя оценку Фридберга «Василисы Мелентьевой» Гончаров полемизирует с ним о принципах подхода к литературе и считает, что Фридберг, предлагая исключить шестнадцать мест пьесы как нежелательных, руководствуется «преданиями прежней цензурной строгости». Далее Гончаров вновь обращается к вопросам литературным: «То, что прежняя цензура обозначала эпитетом *резкого*, часто можно было назвать сильным. Шекспир не был бы Шекспиром без своих *резкостей*. Предлагаемое г-ном цензором исключение или сокращение иных мест лишило бы драму Островского некоторых, если не сильных, то характеристических выражений». Он согласился лишь с предложением цензора исключить слова царя: «Во имя отца и сына и святого духа» (9-е явление первого действия).

5 декабря 1867 года Совет Главного управления по делам печати постановил: «...драму под заглавием «Василиса Мелентьева», соч. А. Н. Островского и *** дозволить к представлению на сцене за

исключением слов Иоанна в первом акте (стр. 30): «Во имя отца и сына и святого духа», а также за исключением на стр. 92 слов Иоанна «Ты б поджарил легонечко, так всё бы рассказала» *(ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 2, № 4, л. 417)*. 8 декабря министр внутренних дел П. А. Валуев санкционировал решение Совета резолюцией: «Согласен».

Пока пьеса проходила через театральную цензуру, Островский передал ее в «Вестник Европы». Редактор журнала М. М. Стасюлевич писал драматургу 18 ноября 1867 года: «В один присест прочел я окончание «Василисы»; Ваши работы можно печатать, зажмуря глаза. Самое сильное впечатление произвела на меня сцена Иоанна с Василисою в пятом действии и монолог Василисы в начале IV действия. Это превосходно! Можно пожалеть только об одном, что она слишком в сжатых чертах описала жизнь и нравы современных ей боярынь московских...» *(«Неизд. письма», стр. 545)*. Корректуры своей пьесы Островский читал, они высылались ему Стасюлевичем.

Суждения критики о драме «Василиса Мелентьева» были разноречивы (см. их обзор в статье: *Н. П. Кашин — ЖМНП, 1913, № 11, отд. 3, стр. 25—60)*. С одобрительной статьей выступила газета «Голос» *(1868, 12 января)*. Автор статьи прежде всего отметил своеобразие пьесы: «Василиса Мелентьева» ⟨...⟩ — настоящая историческая *драма*, а уже не просто *хроника*...» И он разъяснил, что именно характеризует «Василису Мелентьеву» как драму: «В основу драмы положена борьба общечеловеческих страстей, и эта борьба обставлена картиною царского быта и русской жизни того времени, картиною, начертанною с тою историческою и этнографическою верностью, на которую г-н Островский большой мастер». В статье утверждалось: «Поэтический замысел пьесы смел и оригинален: две женщины поставлены одна против другой и сталкиваются между собой из-за влияния на царя Ивана». Была подчеркнута художественная убедительность образа Василисы: «Она гибнет жертвою собственного своего безмерного честолюбия. Не случайностями вызвана последняя катастрофа, а подготовлена драматическим развитием страстей, является необходимым последствием душевного состояния действующих лиц».

Рецензент «Петербургского листка» писал, что «Василиса Мелентьева» по сравнению со «Смертью Иоанна Грозного» А. К. Толстого «гораздо шире захватывает жизнь тогдашней эпохи, в ней выведено больше характеров, весьма удачно и смело задуманных...» *(1868, 14 января)*. В «Русском инвалиде» особенно был выделен образ Василисы: «Характер этой русской, допетровской леди Макбет обрисован в пьесе весьма рельефно и один мог бы доставить успех драме...» *(1868, 14 января)*. Но указывалось на оторванность первого акта от главного сюжета и излишнюю мелодраматичность последних двух актов.

М. П. Федоров (М. Ф.), подобно рецензенту «Голоса», писал, что «Василиса Мелентьева» не хроника, а историческая драма, ибо «...занимается не одною только рисовкою исторических фактов, характеризующих тот или другой период мрачного царствования Иоанна Грозного, является не одними только картинами, а построена на интриге, заключает в себе то, что принято называть содержанием». Иван Грозный, по его мнению, «очерчен замечательно художественно», «является перед зрителем с нравственной стороны ⟨...⟩ Мелкие оттенки его характера, переходы от страсти к злобе, ханже-

ство и лютость — все это выступает во всем блеске». В заслугу Островскому Федоров поставил то, что он впервые показал замкнутую, теремную жизнь русской допетровской женщины, сопоставив контрастные характеры Анны и Василисы: «...одна раба, подчиняющаяся, и только горюющая о своей участи, тип забитой деспотизмом, придавленной окружающею средою женщины, вторая — гордая, честолюбивая, резкая и настойчивая, характер исключительный и редкий в женщине допетровского периода». Для него «Василиса Мелентьева» — «вещь чисто художественная, с захватом широким, рельефно характеризующим нравы и обычаи эпохи...» *(«Бирж. вед.», 1868, 17 января)*.

Журнал Некрасова и Салтыкова-Щедрина «Отечественные записки» напечатал положительный отклик на новую драму Островского. Предвидя возможные наскоки реакционной печати на всегда высоко ценимого им драматурга, Некрасов 10 января 1868 года поспешил заказать заметку П. М. Ковалевскому: «№ 1 не выйдет еще дней 8-мь. Сегодня дают «Василису Мелентьеву». До следующей книжки это уже будет истрепано, а теперь было бы как кстати. Вы имеете 3—4 дня и, если сегодня посмотрите пьесу, то, конечно, успеете написать две-три страницы, а это «все», чего бы я покуда желал...» *(ЛН, т. 51—52, стр. 34)*.

Ковалевский писал об Островском: «Мы вообще более расположены к его *неисторическим*, бытовым драмам; но, кажется, можно сказать безошибочно, что *для сцены* — это лучшая из исторических его драм. Притом она уже действительно драма, а не хроника: развитию страстей души человеческой уступлено в ней главное место, а история служит более средством, нежели целью» *(«Отеч. зап.», 1868, № 1)*.

Поэт А. Н. Плещеев в специальной статье *(«Антракт», 1868, № 2)* с одобрением писал о «Василисе Мелентьевой» как свидетельстве перехода Островского от хроники к драме. Его критические замечания относились в особенности к первому действию, недостаточно выявлявшему отношения Колычева и Василисы. Большим достоинством этой пьесы Плещеев считал ее язык: «Не часто приходится нам видеть на нашей сцене пьесы, столь богатые поэтическими красотами, написанные таким мастерским языком...»

Наскоки на пьесу Островского не замедлили появиться. Так, С. Якубович заявил, что с тех пор как драматург «вступил на почву исторических хроник и исторической драмы», публика перестала ожидать от него «чего-нибудь замечательного» *(«Русский», 1868, 22 января)*. Очень резкой была статья Незнакомца (А. С. Суворина) в «Санкт-Петербургских ведомостях» *(1868, 14 января)*. Суворин в противоположность другим критикам отказал Островскому в оригинальности и заявил, что драматург «сбился» на окольную дорогу, обратившись к исторической драматургии. Все образы пьесы, включая Василису и Грозного, ему кажутся неубедительными. Суворин писал очень грубо: «...мелодраматический вздор, риторическая трескотня!», первый акт он объявил случайно «пришпиленным». Также несправедлива и к тому же и враждебна к автору «Василисы Мелентьевой» была газета «Весть», писавшая, что «г-ну Островскому после эксплоатации речений Гостиного двора захотелось Шекспировского лавра» *(1868, 15 января)*. С подобными точками зрения солидаризовался и рецензент «Нового времени», которому «Василиса Мелентьева» напомнила «те бесчисленные драмы французского театра, которые так прельщали публику в тридцатых и сороковых годах,

удовлетворяя потребность временного развлечения...» *(1868, 20 января)*.

Хотя суждения о драме в периодической печати не были единодушными, все же то новое, что в ней было заключено по сравнению с предшествующими историческими пьесами, было оценено рядом современников драматурга. «Василиса Мелентьева» была признана пьесой сценической, с интересно и глубоко разработанными характерами героев.

Первое представление «Василисы Мелентьевой» состоялось 3 января 1868 года на сцене Малого театра в Москве (в бенефис П. М. Садовского) при следующем составе исполнителей: Василиса — Г. Н. Федотова, Иван Грозный — И. В. Самарин, царица Анна — Н. А. Никулина, Воротынский — П. М. Садовский, Малюта — В. А. Дмитревский, Колычев — Н. Е. Вильде, Морозов — В. И. Живокини, мамка — Е. Н. Васильева. Островский был в это время в Петербурге и с нетерпением ждал известий о спектакле. «Сделай милость, напиши мне во вторник, как пройдет пьеса,— просил он жену.— Напиши подробно, в каком действии кого вызывали и сколько раз, кому аплодировали» *(ПСС, XIV, 160)*. А. Н. Плещеев сообщил Островскому из Москвы: «Василиса Мелентьева» прошла хорошо. Публике понравилось очень. Играли весьма старательно; все до мелочей было обставлено крайне тщательно. Никулину вызвали единодушно посреди акта после сцены с Малютой. Федотова тоже сделала все, что могла, и была не дурна, хотя, конечно, порой рутинный тон пробивался ⟨...⟩ Я обещал написать о пьесе в «Антракт» для того, чтобы они не заказали статью какому-нибудь прощелыге» *(«Неизд. письма», стр. 413)*.

В «Современной летописи» (воскресное прибавление к газете «Московские ведомости») появилась рецензия С. Яковлева на московский спектакль. По его мнению, удачно выступил в роли Грозного Самарин. Он особо выделил любимую актрису Островского: «Г-жа Никулина очень натурально передала грусть царицы, ее негодование на допросе и с художественным драматизмом вела сцену своей исповеди с мамкой и Василисой». О Федотовой Яковлев писал сдержанней: «Г-жа Федотова была бы превосходна в роли Василисы, если бы манеры ее не были чересчур изысканны и если бы вообще она менее рисовалась...» *(1868, 21 января)*. Федотова была назначена на роль Василисы по желанию драматурга, подготовлявшего с нею роль (см. ее рассказ: *«Русское слово», 1911, 2 июня*). Актриса была еще недостаточно опытна, что и сказалось в ее выступлении. В последующие годы роль Василисы станет одним из лучших сценических созданий этой замечательной актрисы русской сцены.

«Драму «Василиса Мелентьева» я ставил в Петербурге сам...» — вспоминал Островский в одной из театральных записок в 1883 году *(ПСС, XII, 211)*. 21 ноября 1867 года он писал жене: «Считку я непременно должен сделать здесь для артистов, для того, чтобы показать им тон ролей» *(ЛН, т. 88, кн. 1, стр. 97)*. В письме от 1—2 января он делится с женой впечатлениями об актерах: «Вот что я вижу по репетициям: Самойлов будет великолепен; от Владимировой я добился настоящего тону, и она будет хороша и величественна своей красотой и движениями; Степанов хорош; Струйская меня немного смущает, в ней мало нежности и нет той симпатичности, которая есть в нашей милой птичке» [1] *(ПСС, т. XIV, стр. 161)*.

---

[1] Речь идет об Н. А. Никулиной, актрисе Малого театра.

10 января 1868 года состоялась премьера в Александринском театре. Роли исполняли: Василиса — Е. В. Владимирова, Иван Грозный — В. В. Самойлов, царица Анна - Е. П. Струйская, Колычев — П. С. Степанов, Малюта — Л. Л. Леонидов, Воротынский — Ф. А. Бурдин. «Успех большой: Самойлов был превосходен, Степанов и Струйская очень хороши, Владимирова на репетиции была очень хороша, а в спектакле конфузилась...» — писал Островский в вечер спектакля (*ЛН*, *т. 86*, *кн. 1*, *стр. 99*). Театр был полон, автора многократно вызывали. На этот спектакль последовало много откликов петербургской печати. Большинство рецензентов отметило достоинства пьесы, успех драматурга. Но игра актеров не удовлетворила почти всех писавших о спектакле. В первую очередь отмечали, что Владимирова не справилась с ролью Василисы. Ковалевский писал о ней: «Играла она старательно, но для такой роли нужно более — нужен талант» (*«Отеч. зап.»*, *1868*, *№ 1*). Рецензент «Русского инвалида» W. отметил «далеко не удовлетворительное исполнение этой великолепной роли г-жею Владимировою...» (*1868*, *14 января*). О фальшивом тоне, плохой игре Владимировой писал и А. С. Суворин (*«Спб. вед.»*, *1868*, *14 января*). «Вследствие такого печального исполнения главной роли пьеса много потеряла, тогда как в литературном отношении она представляется вещью весьма капитальною»,— говорилось в рецензии «Нового времени» (*1868*, *16 января*). Резким было суждение и М. П. Федорова: «...г-жа Владимирова совершенно испортила, правда, трудную роль Мелентьевой ⟨...⟩ Вся роль была исполнена ею аффектированно; видимо, она, как говорится, *старалась играть и*, следовательно, поневоле отступала от правды, не выяснив всех сторон этого широко задуманного и как нельзя более сценичного лица» (*«Бирж. вед.»*, *1868*, *17 января*).

В оценке игры Струйской в роли царицы Анны мнения рецензентов разошлись. Ковалевский писал: «Плаксивая царица Анна была нарочито плаксивою г-жею Струйскою. И что за интонации!» «Новое время» отнесло Струйскую к тем исполнителям, кто «были из рук вон плохи». Иначе рассудил Федоров в «Биржевых ведомостях»: «Царица Анна, как нельзя более, подходит к средствам г-жи Струйской, забитость, покорность ⟨...⟩ выражены были этою артисткою просто и искренно». В. И. Родиславский противопоставил Владимирову и Струйскую исполнителям-мужчинам: «...артистки: г-жа Струйская и Владимирова выказали гораздо более понимания своих ролей и более старательную обработку». Едва ли не единственный он одобрительно отозвался об исполнении роли Василисы (но при этом упрощенно трактовал этот образ): «Г-жа Владимирова сумела живо изобразить лукавую, чувственную, тщеславную, злую, но, в сущности — пустую москвитянку XVI века. Она угадывала намерение автора и оттушевывала эффекты» (*«Вест. Евр.»*, *1868*, *№ 2*).

Подавляющее большинство рецензентов отрицательно отнеслось к выступлению В. В. Самойлова в роли Ивана Грозного. «Г-н Самойлов был весьма умеренно грозен, но зато после первого акта сделался игрив»,— иронизировал Ковалевский. По мнению другого рецензента, Самойлов изобразил «какого-то безжизненного, дряхлого старикашку, столько же похожего на Грозного, *сколько старый ворон похож на ястреба*» (*«Пб. листок»*, *1868*, *14 января*). В «Вестнике Европы» говорилось, что Самойлов провел роль «без всякого анализа, без жизненной правды, без личного участия к делу».

А. С. Суворин писал о небрежности игры Самойлова, у которого «пропали все монологи». Им был сыгран «какой-то помещик и нам было тем смешнее, что на помещике XIX века был царский костюм XVI века» *(«Спб. вед.», 1868, 14 января)*. В статьях «Нового времени» *(14 января)* и «Русского инвалида» *(14 января)* отметили удачную игру Самойлова в отдельных сценах, особенно в пятом действии. Почти все газеты и журналы выразили недовольство игрой Степанова в роли Колычева. «Вестник Европы», «С.-Петербургские ведомости» и «Петербургский листок» подчеркнули жизненную правду, убедительность игры известного актера и писателя И. Ф. Горбунова в маленькой роли слуги Воротынского.

Как итог выступлениям печати о спектакле Александринского театра прозвучала статья В. И. Родиславского, знаменательно озаглавленная «Новая русская драма и старая русская сцена» *(«Вест. Евр.», 1868, № 2)*. «Смело можно утверждать, что мы знаем теперь две, мало похожие одна на другую «Василисы Мелентьевы»; одна — создание поэта, которую мы читали, и другая — произведение сцены Мариинского театра»,— заявил Родиславский (спектакль Александринского театра шел на сцене Мариинского). «Откуда же такая рознь?» — спрашивал он. Его объяснение важно и принципиально: «Не оттого ли, что *новая* драма нашла для себя *старую* сцену?» От старой сцены шел тот налет мелодраматичности, ходульности и рутинности исполнения «Василисы Мелентьевой», которые отмечались многими современниками Островского.

«Василиса Мелентьева» в 1868 году была разрешена к исполнению на сценах провинциальных театров, но лишь по особому ходатайству губернаторов и самого Островского. 12 октября 1872 года исправляющий должность начальника Главного управления по делам печати М. Н. Лонгинов писал министру внутренних дел А. Е. Тимашеву: «...в июле месяце 1868 г. г. главноуправлявшим Министерством внутренних дел князем Лобановым-Ростовским объявлена была ⟨...⟩ последовавшая по всеподданнейшему докладу г. шефа жандармов Высочайшая воля о том, чтобы пьеса «Смерть Иоанна Грозного» вообще не была представляема в провинции. Главное управление по делам печати, принимая во внимание, что основанием к разрешению драмы Островского «Василиса Мелентьева» послужила именно трагедия гр. Толстого — «Смерть Иоанна Грозного», полагало бы вполне соответственным распространить действие вышеизложенной Высочайшей воли и на драму Островского «Василиса Мелентьева», воспретив представление оной на провинциальных театрах...» («Дело о рассмотрении пьесы А. Н. Островского «Василиса Мелентьева»».— *ЦГИА, ф. 776, оп. 25, № 20, л. 7*). 13 октября 1872 года министр внутренних дел запретил на «будущее время представление оной ⟨«Василиса Мелентьева»⟩ на провинциальных театрах» (*там же*, л. 98). «Василиса Мелентьева» была включена в «Полный алфавитный список драматическим сочинениям на русском языке, признанным неудобными к представлению» (*Спб., 1872, стр. 3* — с указанием: «для провинциальных сцен»).

К представлению на народных театрах «Василиса Мелентьева» допускалась каждый раз с разрешения местной губернской администрации. Цензоры и в дальнейшем вводили новые исключения. «Все они,— писал Н. А. Пыпин,— сводятся к стремлению смягчить характеристику Грозного и тем самым охранить авторитет царской власти» (см. «*Театральное наследие», Л., Изд. Академического театра драмы, 1934, т. 1, стр. 183—184)*. В 1900-х годах, в период усиле-

ния цензуры, «Василиса Мелентьева» не раз запрещалась к постановке на народном театре (см. *«Театральное наследство», М., «Искусство», 1956, стр. 384, 385)*.

При жизни Островского в Москве, в Малом театре, пьеса прошла 65 раз, в Петербурге, в Александринском театре,— 40 раз (последний спектакль в Москве состоялся 21 февраля 1886 г., в Петербурге — 16 декабря 1885 г.).

Последующая сценическая судьба «Василисы Мелентьевой» была связана с именами крупнейших актеров русского театра. В 1894 году Г. Н. Федотова в свой бенефис выступила вновь в этой роли, которую с неизменным успехом исполняла и во время гастрольных поездок по России в 1894—1898 годах. Исполнителями роли Василисы были также П. А. Стрепетова, М. Г. Савина, М. Н. Ермолова, Е. Н. Горева, М. М. Глебова, Н. С. Васильева, А. А. Яблочкина. М. И. Писарев, А. И. Южин, П. М. Свободин, Ф. П. Горев успешно выступали в роли Ивана Грозного.

Еще при жизни Островского, в 1882 году, «Василиса Мелентьева» была переведена Е. Я. Вяземской на французский язык. В 1885 году Островский разрешает Э. И. Мишле сделать новый перевод пьесы, так как перевод Вяземской не был принят к постановке французским театром. 14 октября 1893 года в парижском театре Монсе была поставлена «Василиса Мелентьева», но в третьем переводе, И. Павловского и О. Метинье. В 1894 году в Италии появляется перевод «Василисы Мелентьевой» на основе этого французского текста, сделанный Манфредо Товаджеро и Альдо Овиглио (см.: *Н. Кашин, А. Н. Островский во французской литературе.— ЖМНП, 1915, № 11, отд. 2, стр. 37 и 47; Л. И. Гительман, Из опыта освоения драматургии Островского зарубежным театром.*— В кн.: *А. Н. Островский и литературно-театральное движение XIX—XX веков, Л., «Наука», 1974, стр. 267, 268)*.

Стр. 210

...мурза недокрещенный...— имеется в виду Борис Годунов (ок. 1552—1605, царь с 1598 г.). Среди предков Годунова был татарский мурза Чет, около 1336 года перешедший из Золотой Орды на службу в Москву.

Стр. 210—211

...Воротынский ∽ *не в опале.*—Князь Михаил Иванович Воротынский (ок. 1510—1573) — один из крупных военных деятелей при Иване Грозном. В 1552 году возглавлял Большой полк при взятии Казани, затем руководил русскими армиями на южной границе. В 1562—1566 годах находился в опале, был прощен и получил чин боярина. В 1572 году возглавляемая им русская армия одержала при Молодях победу над крымскими татарами. В 1573 году Воротынский был арестован по ложному доносу, умер после пыток.

Стр. 212

Опричнина поганая ∽ *а царством.*— В 1565 году Иван IV Грозный издал указ о разделении территории страны на опричнину и земщину. Опричнину — «государев удел» — составили наиболее важные в экономическом отношении области. В опричнине был свой государственный аппарат (дума, приказы, казна) и свое войско (опричники). Во главе опричников стоял думный дворянин Малюта Скуратов (Бельский, Григорий Лукьянович, ум. 1572). Земщину — государственные владения — составили окраинные земли. В 1572 го-

ду (к этому времени царь разгромил крупное боярское землевладение и перебил или обессилил боярские фамилии) опричнина была отменена, начался процесс постепенного стирания между землями опричнины и земщины, завершившийся после смерти Ивана IV.

Своих цариц ласкает он недолго...— Царица Анна (Васильчикова) была пятой женой Ивана IV Грозного, он взял ее в жены в 1574 году. В 1547—1560 годах он был женат на Анастасии Романовне Захарьиной-Юрьевой, умершей в 1560 году. В 1561 году берет в жены кн. Марию Темрюковну, вскоре после ее смерти (1569), в 1571 году, женится на Марфе Собакиной (умерла в том же году). В 1572 году взял в жены Анну Алексеевну Колтовскую, которую спустя два года постриг в монастырь по подозрению в измене.

Стр. 213
Курбский — см. прим. к стр. 31.

...Адашева, Сильвестра поминает...— Адашев Алексей Федорович (ум. 1561) — политический деятель и дипломат. С конца 1540-х годов был приближенным лицом Ивана Грозного, возглавлял правительство — «Избранную раду», занимая важные придворные должности. В 1560 году правительство Адашева пало, разойдясь с Иваном IV по вопросам внешней политики. Адашев был послан воеводой в Ливонию, был заключен под стражу в Юрьеве, где умер. Наряду с Адашевым одним из руководителей «Избранной рады» был Сильвестр (род. в конце XV в.— ум. в 60—70 гг. XVI в.), протопоп Благовещенского собора в Москве, имевший большое влияние на Ивана Грозного. Около 1560 года постригся в Кирилло-Белозерский монастырь, после падения «Избранной рады» был сослан в Соловецкий монастырь, где и умер.

Лесфимия — хула, злословие (с греч. правильнее — бласфимия).

Стр. 222
Шлык — чепец.

Стр. 224
Король бежал ∽ чем в Польше.— В 1572 году умер польский король Сигизмунд II Август. На польский престол был избран Генрих Валуа (1551—1589), брат короля Франции Карла IX. Получив в 1574 году известие о смерти Карла IX, Генрих бежал во Францию и занял королевский трон.

Покойник был ∽ хрестьянским государям.— При французском короле Карле IX Валуа (1550—1574) велись кровавые гугенотские войны. Жесточайшей расправе подверглись гугеноты 24 августа 1572 года — в Варфоломеевскую ночь.

Брат цесаря ∽ на раду.— Австрийский эрцгерцог, император так называемой «Священной Римской империи» Максимилиан II (1527—1576) прочил на польский престол своего сына Эрнеста. Король шведский Иоанн III Ваза (1537—1592), женатый на сестре Сигизмунда II, также претендовал на польский престол.

Салтан, наш враг ∽ и данник!— В конце 1575 года, после четырех лет междуцарствия, при содействии турецкого султана на польский престол был избран семиградский воевода Стефан Баторий (1533—1586).

От Августа мы род ведем.— В «Сказании о князьях владимирских», важнейшем памятнике русской политической литературы XVI века (создан при Василии III), утверждалось, что династия Рюриковичей происходила от Пруса, родного брата римского императора Августа (Юлия Цезаря). При Иване Грозном эта идея получила официальное признание (см.: *Р. П. Дмитриева, Сказание о князьях владимирских, М.— Л., «Наука», 1955, стр. 110—152).*

Стр. 226
Ектения — см. прим. к стр. 99.

Стр. 227
Ослопы — дубины, конец которых утыкан гвоздями.

Стр. 229
Я с детских лет ∽ садились.— В послании Ивана IV князю А. Курбскому говорилось: «Нас с братом Георгием начали воспитывать как иностранцев или как нищих. Какой нужды не натерпелись мы в одежде и в пище: ни в чем нам воли не было, ни в чем не поступали так, как следует поступать с детьми. Одно припомню: бывало мы играем, а князь Иван Васильевич Шуйский сидит на лавке, локтем опершись о постель нашего отца, ногу на нее положив» (приведено в использованной Островским книге: *С. М. Соловьев, История России с древнейших времен, М., 1856, т. 6, стр. 47).*

Кубенские — княжеский род. В 1546 году князь Иван Иванович Кубенский был казнен Иваном IV по подозрению в измене.

Стр. 230
Шапка Мономаха — коронационный венец русских царей (до 1724 г.), якобы подаренный киевскому князю Владимиру Мономаху византийским императором Константином. Хранится в музее Оружейной палаты Московского Кремля.

Стр. 234
...про храброго Егорья /Споет тебе.— Духовный стих про храброго Егорья (Георгия Победоносца) пользовался широкой популярностью на Руси.

Стр. 242
...челом ударю.— Ударить челом — обратиться с просьбой.

Стр. 247
Эпитимья — см. прим. к стр. 191.

Стр. 251
Смерд — так называли в Древней Руси (IX—XIII вв.) феодально-зависимых крестьян, плативших господину оброк и работавших на барщине. Позже смердами стали презрительно именовать людей незнатного происхождения.

Стр. 255
Мизинные люди — люди простого звания.

Стр. 256
Тафья — монашеский головной убор.
...мудрый Соломон. /Набрал себе не шесть, а сотни жен.— Соломон — царь Израильско-Иудейского царства (ок. 960—935 до н. э.). По библейскому преданию имел 700 жен и 300 наложниц.

Стр. 261
...поместного прибавить...— см. прим. к стр. 130

Стр. 262
Державный Генрих ∽ казнил.— Английский король Генрих VIII (1491—1547) предал казни двух своих жен: в 1536 году — Анну Болейн, в 1542-м — Анну Киевскую. *Елизавета I* (1533—1603) — английская королева с 1558 года, дочь Генриха VIII и Анны Болейн.

Стр. 262—263
Кабы бабе молока, молока ∽ весела! и *Кабы бабе ∽ в три ноги!* — Строфы из плясовой песни «Вдоль по улице молодчик идет...» (см.: *Русские народные песни, собранные и изданные для пения и фортепиано Дан. Кашиным, кн. III, М., 1834, стр. 119; Соболевский, т. VII, стр. 91).*

Стр. 264
Аксамит — атласная или бархатная ткань; употреблялась, украшенная золотыми и серебряными узорами, на платья царей и придворных.

Стр. 265
Поставец — столик, шкафчик.

Ферязь — старинная распашная мужская и женская одежда из дорогих тканей с кружевами. В Москве XIV—XVI веков была царской, княжеской и боярской одеждой.

Епанча — короткая безрукавка, накидка.

Летник — длинное, сильно раскошенное женское платье из дорогих тканей, с широкими рукавами и меховым воротником; украшалось шитьем и каменьями.

Стр. 279
Спальник — см. прим. к стр. 141.

Стр. 282
...к Евфимию в Суздаль — в Спасо-Евфимиевский монастырь.

Стр. 283
Напрасно с нас собачьи хари сняли...— Опричники носили у седла голову собаки — символ готовности «грызть» государевых изменников.

Неключимый — негодный.

Стр. 285
Эндорская пифия Самуила /Царю Саулу вызвала из гроба.— Саул просил эндорскую волшебницу вызвать тень умершего пророка Самуила, которым он был помазан на царство. См. также прим. к стр. 142.

Стр. 288
Убитые тобой: князь Володимир, /Михайло Воротынский, Евдокия.— В 1569 году Иван Грозный казнил своего двоюродного брата удельного князя Владимира Андреевича Старицкого (1533—1569), его жену Евдокию с малолетними детьми, одновременно была умерщвлена его мать, ранее постриженная в монастырь. Старицкий был кандидатом боярской оппозиции на престол.

Г. Степанова

КОМИК XVII СТОЛЕТИЯ

Впервые опубликовано в журнале «Отечественные записки», 1873, № 2, стр. 267—360.

Рукописные источники:

Черновой автограф *(ЧА)*, на 52 лл.; первоначальная черновая рукопись пьесы. Текст ее близок к окончательному. На первом листе дата начала работы: «2 марта», на последнем — дата окончания пьесы: «9 сент⟨ября⟩ 1872 г.». В начале рукописи — план: «1. Сватовство. Поминки по муже. 2. Аптека. 3. У Кочетова. 4. Двор. 5. Постельное крыльцо». Здесь же перечень действующих лиц и отдельных сцен: «1. Ребята. 2. Немец. 3. Матвеев. 4. Интермедия. 5. Без Матвеева. Кочетов. 6. Матвеев» *(ГБЛ)*.

Авторизованная писарская копия, отосланная в театральную цензуру *(АПК)*. На первом листе — штамп: «3 окт. 1872» и резолюция: «К представлению безусловно дозволено. С. Петербург. 30 октября 1872 г. Цензор драматических сочинений Кейзер фон Нилькгейм». Здесь же штамп «Главным управлением по делам печати к представлению *на народных театрах* одобрено» и подпись: «Цензор др. соч. И. Литвинов». В конце пьесы после реплики Грегори «А будет и вас...» ремарка: «кланяется и уходит» — вписана рукой Островского. Текст рукописи в основном совпадает с журнальным *(ЛГТБ)*.

Авторизованная театральная писарская копия *(АТК)*, режиссерская, с подписью Островского в конце пьесы: «А. Островский. Конец». На титульном листе, после заглавия, помечено: «Режиссеру. Для бенефиса Г. Живокини 2-го. 19 октября 1872 г.». И здесь же: «Возобновлена в бенефис Г. Музиля 16 января 1898 г.». По тексту пьесы отметки режиссера и рядом с перечнем действующих лиц — имена актеров *(ММТ)*.

В музее Малого театра хранится суфлерский экземпляр пьесы с теми же пометами, что и на режиссерском, и с резолюцией цензора: «К представлению дозволено. С. Петербург. 6 октября 1872 г. Цензор драматических сочинений Кейзер фон Нилькгейм». На обороте первого листа — запись: «В 1 раз сыграна в Москве в бенефис Г. Живокини 2, на Малом театре».

Тексты *АПК* и *АТК* совпадают с журнальным.

Печатается по тексту журнала «Отечественные записки», с уточнением по прижизненным изданиям и следующими исправлениями по *ЧА:*

Стр. 326, строка 2
«спирю» *вместо* «стерю»

Стр. 344, строка 9
«Первейший в нас» *вместо* «Первейших в нас».

Стр. 349, строка 33
Восстановлена ремарка: «(С ужасом)».

Т. Орнатская

Пьеса писалась со 2 марта по 9 сентября 1872 года. Она была приурочена к юбилейной дате: 30 октября 1872 года исполнялось 200 лет со дня официального открытия театра в России.

12 сентября 1872 года А. Н. Островский послал пьесу брату в Петербург, прося прежде всего ее прочесть и высказать свое

мнение, а затем передать Н. А. Некрасову. О своей работе над пьесой он сообщал в этом письме: «Я больше двух недель сидел, не разгибаясь, оканчивал и переписывал комедию, измучился ужасно, едва хожу» *(Рукописный отдел ПД, ф. 218, оп. 3, № 13)*. М. Н. Островский остался очень доволен пьесой. «По моему мнению, вещь прекрасная»,— писал он брату *(ЛН, т. 88, кн. 1, 259)*. Вместе с тем он был обеспокоен и выражал раздражение медлительностью редактора «Отечественных записок», который не торопился, как ему казалось, ознакомиться с новым произведением А. Н. Островского. Очевидно, эта неопределенность продолжалась лишь несколько дней. Уже 22 сентября 1872 года М. Н. Островский мог сообщить драматургу: «Некрасов пьесу твою взял с величайшей охотой» *(ГЦТМ)*.

Черновая рукопись комедии свидетельствует об упорной работе драматурга над текстом комедии и об эволюции замысла пьесы. Первоначально в число комедиантов Яков попадал случайно, будучи завербован насильно. В окончательном тексте актеров набирают на добровольных началах. Мысль о добровольном участии Якова в «действе» родилась у Островского в процессе работы над разговором Якова с Натальей в четвертом явлении первого действия. По мере того как прояснялся общий замысел пьесы, драматургу стало очевидно, что его одаренный герой, начав учиться актерскому ремеслу, должен был увлечься им. Так появились слова реплики Якова, отвечающего на вопрос Натальи о его службе:

«...как зовется,
Не знаю сам покуда, знаю только,
Что если бы не страх, не грех пред богом,
Не страх отца, я с ней бы не расстался,—
Веселая и легкая работа
По сердцу мне пришлась. Кто раз увидит
В век ее не позабудет, ночью
Мерещится тебе
Как в очию».

Здесь же Островский намечает как продолжение этого текста строки: «Вот недавно спросили нас, подьячих молодых», вошедшие затем в окончательном тексте в предшествующий этому объяснению монолог, где Яков рассказывает о том, что пошел «охотой» в актеры (подробно о работе Островского над текстом пьесы см.: *Н. П. Кашин, «Комик XVII столетия».— «Труды Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина», сб. 4, М., 1939, стр. 132—142)*. Отлично знавший ко времени своей работы над этой пьесой историю XVII века в разные ее периоды, Островский для этой легкой, праздничной комедии специально предпринял обширные исторические изучения. Он изучал исследования Н. С. Тихонравова по истории театра, труды И. Е. Забелина по истории быта (см. *«Домашний быт русских царей», М., 1862; «Домашний быт русских цариц», М., 1869)*, многочисленные исторические и литературные памятники. Не удовлетворяясь печатными источниками, драматург обращался за консультациями к историкам Забелину и Тихонравову и получал от них необходимые ему сведения и материалы. В разыскании необходимых для этой пьесы и ее постановки на сцене материалов и книг помогал писателю и его друг — архивист, археолог и артист Н. А. Дубровский. Он был посредником между Островским и учеными историками (см. *ЛН, т. 88, кн. 1, стр. 310—313)*.

Л. Лотман

Критика не была единодушной в оценке комедии. Очень резко отозвался о ней, да и о ряде последних произведений Островского писатель И. А. Кущевский («Новый критик»): «Последние произведения г. Островского — чем дальше, тем слабее, слабее и ничтожнее. Плох был «Лес», еще плоше «Не было ни гроша, да вдруг алтын»: неужели автор сумеет что-нибудь написать еще плоше своего последнего произведения: «Комик XVII столетия» ⟨...⟩. Ни одного характера, ни одной эффектной сцены, ни одной сцены характерной или бытовой, даже нет ни одной блестки обыкновенного дубоватого юмора г. Островского ⟨...⟩ все сшито живыми нитками» («*Новости*», *1873*, *23 февраля)* Столь же категорично и несправедливо осудил новое произведение Островского критик С. Т. Герцо-Виноградский («С. Г.-В.»): «Комик XVII столетия» ⟨...⟩ — увядание художественных сил ⟨...⟩ комедия без сюжета и характеров ⟨...⟩ все лица так бледны, что их разве по полу можно различить друг от друга ⟨...⟩ в этом виршеплетстве вижу только, что талант нашего драматурга идет по наклонной плоскости» («*Од. вест.*», *1873*, *22 марта)*.

Но были и положительные отзывы. Автор отдела «Журналистика» в «С.-Петербургских ведомостях» В. П. Буренин («Z») писал: «Об этой комедии можно сказать только две вещи: во-первых, в комедии очень удачно, с юмором, осмеяны варварские семейные отношения допетровской Руси, построенные на морали «Домостроя» ⟨...⟩, во-вторых, в комедии замечательно выработан язык, дышащий правдою исторической эпохи...» («*Спб. вед.*», *1873*, *10 марта)*. А критик А. П. Чебышев-Дмитриев («Ч. П.») в статье «Заметки о русской журналистике» признал новую комедию Островского «лучшею из его пьес, содержание которых почерпнуто им из жизни древней Руси», и писал, что «кроме живости действия в ней есть и типичные герои и сцены, полные истинного комизма» («*Бирж. вед.*», *1873*, *25 марта)*.

3 октября 1872 года, менее чем через месяц после ее окончания драматургом, комедия получила от театральной цензуры разрешение к постановке в Малом театре.

Премьера состоялась 26 октября 1872 года, в бенефис Д. В. Живокини. Роли исполняли: Перепечина — С. П. Акимова, Наталья — Г. Н. Федотова, Кочетов — И. В. Самарин, Анисья Патрикеевна — Е. Н. Васильева, Яков — Н. И. Музиль, Клушин — Д. В. Живокини, Юрий Михайлов — М. А. Решимов, Матвеев — Н. Е. Вильде, Лопухин — В. И. Живокини, Грегори — С. В. Шумский, 1-й ученик — Н. А. Александров, 2-й ученик — К. П. Колосов, 3-й ученик — В. В. Гетцман, Хитрово — С. Н. Никифоров, Волынский — А. М. Кондратьев, Милославский — М. И. Лавров (Лавров 2-й), Дьяк — Д. И. Миленский.

Судя по газетным откликам, комедия на сцене успеха не имела. Первая рецензия на спектакль была напечатана в петербургской газете «Голос» *(1872*, *31 октября)* как сообщение из Москвы. Автор, отдавая должное прошлым заслугам Островского, признавая, что «в течение всего последнего 25-летия» он не имел себе равных, скорбел о «безвозвратно минувшей славе некогда талантливого русского драматического писателя». Подобные отзывы появились и в других газетах. «Грустной пародией на драматическое искусство» названа пьеса в «Театральных заметках» («X-Z») («*Рус. вед.*», *1872*, *2 ноября)*. Несколько снисходительней отнесся критик «Посторонний» из «Московских ведомостей». «Новая комедия г. Островского,— писал он,— имела столь значительный неуспех, какого она

вовсе не заслуживает». Автор согласился с мнением, что «Комик XVII столетия» является неудачной пьесой, но все же заметил в ней «бытовую верность», «юмор» и «сценичность» *(1872, 6 ноября)*. Относительно игры актеров критики единодушно отзывались отрицательно.

При жизни Островского комедия была сыграна в Малом театре, в Москве, 4 раза. Последний спектакль состоялся 2 ноября 1872 года.

В Петербурге, на сцене Александринского театра, комедия была впервые поставлена уже после смерти Островского, 30 августа 1894 года. Роли исполняли: Перепечина — В. В. Стрельская, Наталья — В. А. Мичурина, Кочетов — В. Н. Давыдов, Яков Кочетов — Р. Б. Аполлонский, Матвеев — П. Д. Ленский, Грегори — Н. Л. Глазунов.

В рецензии на этот спектакль отмечалось, что, несмотря на то, что в постановке участвовали лучшие силы театра, спектакль игрался без воодушевления и живости. Рецензент признавал, что комедия богата и «типично очерченными лицами», и «характерными диалогами», и «своеобразностью русской речи», но все же счел ее «наименее выдающимся произведением» Островского *(«Нов. время», 1894, 1 сентября)*.

В 1922 году отмечалось 250-летие основания русского театра. В ознаменование этого юбилея «Комик XVII столетия» был поставлен в студии Малого театра в Москве и в театрах Вологды и Омска.

В 1880 году композитор П. И. Бларамберг окончил первое действие комической оперы «Скоморох», сюжет которой был взят из комедии Островского (см. *«Спб. вед.», 1880, 3 сентября*). Вся опера была закончена в 1881 году. В «Русской музыкальной газете» отмечалось, что это была первая русская комическая опера и что, несмотря на одобрение Петербургского оперного комитета, она не была включена в репертуар Императорских театров *(1894, № 10)*.

Первый акт «Скомороха» был исполнен учениками Филармонического училища в Малом театре, в Москве, 27 марта 1887 года. Издана опера была в 1896 году с посвящением памяти А. Н. Островского. 27 сентября 1908 года «Скоморох» впервые был поставлен полностью в частной опере С. И. Зимина (Новый театр) в Москве (см.: *«А. Н. Островский и русские композиторы», М.— Л., «Искусство», 1937, стр. 190—191)*.

Е. Хмелевская

Стр. 296

Золотная мастерица — мастерица вышивки золотом: золотошвея.

...подьячий приказа Галицкой чети.— Четь — четверть, здесь область, округ. Некоторые приказы, ведавшие общегосударственными делами, включали в свою сферу и управление финансами отдельных уездов и областей. Посольский приказ, например, занимаясь внешними сношениями государства, управлял и финансами некоторых областей (о сложности приказов см.: *В. О. Ключевский, Курс русской истории, Сочинения, т. II, М., Госполитиздат, 1957, стр. 340—343 и 445.)* Подьячий приказа Галицкой чети Кочетов в пьесе Островского служит под началом боярина А. С. Матвеева, возглавляющего Посольский приказ.

Петровское заговенье — последний день перед «петровками» — постом, предшествовавшим дню св. апостолов Петра и Павла (29 июня ст. стиля).

Брусяная — построенная из брусков.

Стр. 299

Окольничим пожалован...— Окольничий — высокий придворный сан — второй сверху в иерархии придворных должностей.

Стр. 300

...к царю /На званый пир родильный снаряжался.— 30 мая 1672 года у царя Алексея Михайловича и царицы Натальи Кирилловны родился сын Петр (будущий царь Петр I). Наталья Кирилловна Нарышкина воспитывалась в доме А. С. Матвеева, и он был почетным гостем на родильном пире.

Стр. 301

Фанстаден /По трубачей поехал к иноземцам.— 15 мая 1672 года иностранцу, полковнику Николаю фон Стадену, было дано поручение ехать к Курляндскому князю, а если понадобится, в Пруссию и Швецию и набрать па службу разного рода мастеров, в том числе музыкантов-трубачей и артистов, способных обучать своему ремеслу и ставить спектакли (см.: *С. К. Богоявленский, Московский театр при царях Алексее и Петре, Материалы, М., 1914, стр. 1)*.

У прочих потентатов...— Потентаты — владетельные особы.

Забавы /Великие для матушки царицы /Готовятся.— Царь Алексей Михайлович любил всякого рода зрелища. Торжества по случаю того, что молодая жена царя Наталья Кирилловна родила сына Петра, включали и организацию театральных представлений.

Стр. 302

Мизинные люди — см. прим. к стр. 255.

Стр. 305

О рядной речь сперва...— Рядная — условие, сговорная запись о приданом при заключении браков. Во время составления рядных договоров возникали нередко комические столкновения и ситуации, которые пашли свое отражение в росписях приданого, распространенных в XVII веке, и в лубочных картинках (см. в кн. «*Русская демократическая сатира XVII века*», *М.— Л., 1954, стр. 124—131; 285—289)*. Островский знал о сатирических росписях из трудов И. Е. Забелина. Сцены обсуждения рядной в комедии носят следы влияния юмористических фольклорных произведений.

Стр. 306

...на ширинке.— Ширинка — здесь полотенце.

...о божьем милосердьи ∽ Отцовское у ней благословенье...— Речь идет об иконах, в частности, об иконе, которой благословил Наталью перед смертью отец.

Кузнь ларешная — утварь, посуда и т. п. предметы из ценных металлов; здесь, очевидно, имеются в виду и украшения, так как Анисья говорит о низанье, низаных уборах и ссыпном жемчуге.

Стр. 307

Кисловка — слобода в Москве, названная так, потому что в ней

с XVI века селились кислошники — поставщики кислой капусты, солений и кваса для царского двора. Ныне — улицы Герцена, Моховая, Семашко.

Поднизь — бахрома, сетка головного убора.

Стр. 313

Черевья шапка — меховая шапка из брюшка животного.

Стр. 316

...убрус и опашень...— Убрус — платок, опашень — широкая верхняя одежда с короткими рукавами.

Стр. 319

По царскому указу /Комедию «Есфирь» готовим наспех...— 4 июня 1672 года был объявлен указ: «...иноземцу магистру Ягану Годфриду учинить комедию, а на комедии действовать из Библии «Книгу Есфирь» *(С. К. Богоявленский, Московский театр при царях Алексее и Петре, стр. 8)*. Лютеранский пастор Иоган Готфрид Грегори написал для этого спектакля пьесу-инсценировку книги «Есфирь» Библии. Организацией театра ведал начальник посольского приказа окольничий А. С. Матвеев. В качестве исполнителей были привлечены сначала подростки и юноши из немецкой слободы, затем — позже — русские молодые люди, главным образом подьячие. Обучали их Грегори и Юрий Михайлов. Подготовка к спектаклю велась очень напряженно. Первое представление состоялось 17 октября 1672 года. Текст первой пьесы русского придворного театра — «Артаксерксова действа» во времена Островского считался утерянным. Лишь в 1954 году списки этой пьесы были обнаружены сразу в двух библиотеках — в Вологодской областной библиотеке и в Лионской городской библиотеке. Обе рукописи опубликованы (публикацию текста «Артаксерксова действа», а также историю постановки этой пьесы в первом русском театре см. в кн. *«Артаксерксово действо». Подготовка текста, статья и комментарии И. М. Кудрявцева, М.— Л., Изд-во АН СССР, 1957)*.

Стр. 326

...спирю пляшут.— «Спиря» — народный танец.

Даль объясняет, что танцевали его под песню со словами: «Спиря, Спиря, Спиридон» *(В. Даль, Толковый словарь, М., Спб., изд. М. О. Вольфа, 1882, т. IV, стр. 290)*. Танец этот считался грубым и непристойным. «Есть танец еще разгульнее трепака,— это спиря; исполняется он в грязных трактирах и харчевнях» *(Д. Ровинский, Народные картинки, кн. 5, Спб., 1881, стр. 249)*.

Стр. 327

Сидел в палате и т. д.— Довольно точное воспроизведение челобитной, приведенной у И. Е. Забелина в книге «Домашний быт русских царей» *(М., 1862, стр. 287)*.

Стр. 329

Когда ж люди видали, /Чтоб цыгане с голоду пропадали и т. д.— Островский включил в пьесу интермедию «Цыган и лекарь», он извлек ее из издания Н. С. Тихонравова «Летописи русской литературы и древности» *(т. 2, М., 1859, стр. 40—42)*, переложив на современный русский, хотя и несколько стилизованный язык. В современной науке высказано мнение, что автором этой интермедии был

ректор Славяно-греко-латинской академии Федор Журовский — в монашестве иеромонах Феофилакт (см.: *П. Н. Берков*, *К истории русского театра 1720-х годов.— «Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы», т. X, М.— Л., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 394).*

Стр. 330
Черевья — кишки, внутренности.

Стр. 336
Постельное крыльцо — крыльцо, имевшее значение официальной приемной, здесь принимали просителей.
Указывать на Мордохея будут, /Отыскивать Амана меж собой.— Мордохей и Аман — персонажи библейской легенды; Мордохей — добродетельный и мудрый советник царя, Аман — злодей, толкающий царя на беззакония, несправедливость и жестокости. И. Е. Забелин, рассказывая о первой придворной постановке «Эсфири», считал, что в пьесе могли быть усмотрены намеки на брак царя с Нарышкиной: царица — Эсфирь, ее родственник и воспитатель Матвеев — Мордохей (см.: *И. Е. Забелин*, *Домашний быт русских цариц, стр. 473).*

Стр. 338
Вошвы — прошивки.

Стр. 338—339
...по атласу /Червчатому...— по ярко-малиновому атласу.

Стр. 340
Поставец — см. прим. к стр. 265.
Сулейка — бутылка.

Стр. 341
Раскрывает рукопись Домостроя...— «Домострой» — свод правил, которыми определялись обязанности человека по отношению к церкви, светским властям, семье и слугам. Составлен в первой половине XVI века в Новгороде, в середине века обработан и дополнен в Москве попом Сильвестром, присоединившим к «Домострою» «Письмо к сыну».

А дети аще небрегомы будут и т. д.— Здесь переложены в стихи цитаты из «Домостроя».

Стр. 342
Фряжские вина — заморские, иностранные, французские вина.

Стр. 343
Златоуст — Иоанн Златоуст (ок. 347—407), деятель восточно-христианской церкви, славившийся своим красноречием. Имя его стало нарицательным обозначением хорошего оратора.

Стр. 344
Тать — вор.
Не первому ль новозаветный рай /Разбойнику отверзся? — По евангельскому рассказу, один из двух распятых с Христом разбойников признал в нем бога и Христос обещал ему царствие небесное.

Стр. 346
Лестовки — кожаные плетеные четки.

Стр. 354
Агасфер — в данном случае имеется в виду Артаксеркс — царь персидский, персонаж библейской книги «Есфирь» и «Артаксерксова действа».

Стр. 355
Пещное действо — церковная литургическая драма рождественского цикла, входила в богослужение православной церкви.

Особую палату /Поставят нам в селе Преображенском...— В летней резиденции царя Алексея Михайловича, селе Преображенском на берегу реки Яузы, летом 1672 г. была построена «комедийная хоромина» (театр).

Стр. 356
Бахарь — сказочник, знахарь.

Стр. 357
Покромошная — сделанная из кромки, края материи.

Кика — женский головной убор.
Стр. 360
Квас сыченый — квас на меду.

...действовать Товита.— играть на сцене книгу Библии «Товит».
Стр. 361

Яган Готфрид за все дела берется ∽ *и скоморох.*— И. Г. Грегори был учителем в Москве; получив в Иене степень магистра, возвратился в Россию, стал пастором в лютеранской церкви и учителем в школе при ней. Его отчим доктор медицины Блюментрост был приглашен в качестве лейб-медика царя в Москву. Грегори ставил пьесы в придворном театре.

Стр. 362
Покажешь нам Есфирь, Юдифь, Товита...— Три перечисленные книги Библии действительно были инсценированы. Под названиями «Артаксерксово действо», «Товит» и «Юдифь» они шли на сцене придворного театра в 1674 году (см. «*Артаксерксово действо*», *стр. 25.*)

Л. Лотман

СНЕГУРОЧКА

Впервые опубликовано в журнале «Вестник Европы», 1873, № 9, стр. 5—128.

Рукописные источники:

Черновой автограф *($ЧА_1$)*, 1 л. Первоначальный набросок первого действия первого явления, с перечнем действующих лиц: «Дев⟨ушка⟩ Снег⟨урочка⟩, Боб⟨ыль⟩ Бакула; боб⟨ылиха⟩; Лель-пастух; Мураш; Купава, его дочь; Радушка, Малуша — девушки; Малыш, Брусило, Курилко — парни; Бирюч; Мизгирь — торговый гость из посада Берендея; Слуги Мизгиря. Слобожане: старики, старухи, парни и девушки». Здесь же авторские ремарки, несколько реплик из второго явления и наброски монолога Снегурочки *(ГБЛ)*.

Черновой автограф *($ЧА_2$)*, 4 лл. Последующий подробный план всей пьесы, озаглавленный: «Девушка [Снегурушка] Снегурочка, с прологом». Далее план представления с балетом и хором *(ГБЛ)*.

Черновой автограф пьесы *($ЧА_3$)*, на 53 лл. В прологе после слов: «Начало весны. Полночь» — было помечено «(1 марта) [Крас-

ная горка] Ярилина гора». На 24 л. помета: «Конец 1 Действия 9 марта». Закончив пьесу, Островский написал: «Конец 4 [марта] апреля 1873 г. А. Островский. 10 часов вечера». По всей рукописи пробы стихотворных размеров. На 25 л. образцы рифм: «1 скачет — плачет 2 стонет — тонет 3 Рыщут — ищут 4 Нижут — лижут». В середине автографа и в конце на отдельных листах записи народных песен, предназначавшихся для пьесы: «Земляничка-ягодка На поляне выросла», «Дятел у нас плотник, Рыболов харчевник» и «Как по лесу лес шумит За лесом пастух поет» *(ГБЛ)*.

Беловой автограф *(БА)*, на 106 лл. В конце его дата и подпись: «31 марта 1873 г. А. Островский» *(ПД)*.

Театральная писарская копия, представлявшаяся в театральную цензуру *(ЦТК)*, неавторизованная, без подписи Островского. На заглавном листе надпись: «На условиях поспектакельной платы. По Р. Н. Р. Ч. № 2812, 10 апреля 1873. Москва» и штамп: «18 Апр. 1873». И далее: «По журналу Театрально-Литературного Комитета 14-го Апреля 1873, к представлению на сцене одобрено. Председатель комитета П. Юркевич». Ниже резолюция цензора: «К представлению дозволено. С. Петербург. 19-го Апреля 1873 г. Цензор драматических сочинений Кейзер фон Нилькгейм» (то же на последнем листе рукописи). По всему экземпляру отметки режиссера и фамилии артистов, участвовавших в первом представлении пьесы в Александринском театре в 1900 году; кроме того, встречаются фамилии участников первого представления в Москве (1873). Текст рукописи отличается от журнального: по-видимому, рукопись изготовлялась не с печатного экземпляра, а с рукописного: в ней еще нет начала пятого явления первого действия, дописанного Островским в корректуре *(ЛГТБ)*.

Печатается по тексту журнала «Вестник Европы» со следующими исправлениями по *БА* и *$ЧА_3$:*

Стр. 367, *строка 35*
«Согреетесь!» *вместо* «Согрейтесь!» *(по $ЧА_3$, БА)*.

Стр. 373,*строка 21*
«сплетень» *вместо* «сплетен» *(по $ЧА_3$, БА)*.

Стр. 408, *строка 38*
«во дворце царя Берендея» *вместо* «во дворце Берендея» *(по $ЧА_3$, БА)*.

Стр. 416, *строка 17*
«Взнесть челобитьице» *вместо* «Взнесть челобитную» *(по $ЧА_3$, БА)*.

Т. Орнатская

Основная работа над пьесой велась в течение марта 1873 года. Последний раз автор внес изменения в пьесу в августе 1873 года, когда он в корректуре вписал новое начало пятого явления первого действия. В первоначальном плане произведения под названием «Девушка-Снегурочка» предполагалось иное развитие сюжета, чем то, к которому впоследствии пришел драматург. Здесь не намечалось изображения царства берендеев и их праздника поклонения солнцу, в роли жениха должен был выступать Иван-царевич, в действии участвовал дурак-Авоська и т. д. Второй сценарий представляет собой основу окончательного текста. На протяжении всей работы

над пьесой Островский уточнял отдельные детали плана, производил композиционные перестановки. Больших трудов стоила ему и разработка стихотворных размеров отдельных эпизодов пьесы. О хоре гусляров, которым открывается второе действие, он писал П. И. Чайковскому: «Ритм, кажется, подходит к словам, я его извлек из поэмы XII века — «Слово о полку Игоревом»» *(ПСС, XV, 10)*. По черновой рукописи «Снегурочки» можно проследить, как драматург экспериментировал, «извлекая ритм» из «Слова о полку Игореве». Выписав рифмы будущего эпизода, он затем создал его первый вариант, в котором отразились поиски размера, близкого своеобразной гармонической организацией тексту «Слова о полку Игореве» и соответствующего стилю хора гусляров. Затем по схеме найденного размера писатель исправил все строки соответственно этому размеру (см.: *Н. П. Кашин, «Снегурочка».— «Труды Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина», сб. 4, М., 1939, стр. 78—79.)*.Во время работы над «Снегурочкой» Островский консультировался с историками, археологами, знатоками старинного быта. Н. А. Дубровский сообщал драматургу о своем разговоре с И. Е. Забелиным о замысле «Снегурочки» и о том, что историк заинтересовался им *(ЛН, т. 88, кн. 1, стр. 315)*, подробно описывал, какими обрядами в некоторых местностях средней России на Петров день — 29 июня — сопровождается праздник солнца и предлагал использовать этот материал в «Снегурочке», давал советы, как могут быть одеты герои пьесы *(ЛН, т. 88, кн. 1, стр. 314—315)*.

«Снегурочка» соткана из фольклорных мотивов, почерпнутых из сказок, песен и произведений других жанров народного творчества. Некоторые сюжетные ситуации имеют отдаленное сходство с мотивами сказки о девушке-снегурушке в сборнике И. А. Худякова «Великорусские сказки» *(вып. 3, Спб., 1862, стр. 87—88, № 97)*. Записи песен А. В. Терещенко, П. Н. Рыбникова, Т. И. Филиппова и др. дали драматургу материал для вставных эпизодов — песен и лирических монологов героев. Фантастический образ Берендеева царства очевидно, был навеян писателю народным преданием о древнем племени берендеев. Одно из подобных преданий, связанных с Берендеевым болотом, Островский мог слышать в Переяславле-Залесском еще в 1849 году. В летописях есть упоминание о племени берендеев (XI—XIII вв.), Н. И. Костомаров считал их народом, родственным печенегам (см.: *Н. Костомаров, Исторические монографии и исследования, т. 1, Спб., 1863, стр. 141—142)*. Об этом исчезнувшем народе сохранилась память в легендах (см.: *А. Ф. Луконин, Сказка и предание у А. Н. Островского.— «Ученые записки Сызранского гос. педагогического института». Кафедра русского языка и литературы, вып. 1, 1956, стр. 75)*. Островский использовал легендарное имя «берендеи» для народа, который изображен в его сказке. Четвертое действие, заканчивающееся встречей Солнца-Ярилы, создано на основании старинных календарных обрядов, сведения о которых Островский мог почерпнуть и из печатных источников и из личных наблюдений. Краткое описание подобного обряда содержится в письме Н. А. Дубровского к драматургу от 20 февраля 1873 года (см.: *ЛН, т. 88, кн. 1, стр. 314)*. В бумагах Островского сохранилась статья из «Тверских губернских ведомостей» *(1854, № 27)*, описывающая старинный народный летний праздник, бытовавший на Волге. В этом описании указывается, что молодежь поет игровую песню «А мы просо сеяли...». Лирическая, песенная основа произведения привлекала к нему композиторов. Островский и сам мыслил

свою пьесу как произведение, в котором музыкальное сопровождение должно органически слиться с драматическим действием. Работая над пьесой, он по частям посылал ее текст Чайковскому. «Музыка Чайковского к «Снегурочке» очаровательна»,— писал Островский Ф. А. Бурдину 21 апреля 1873 года *(ПСС, XV, 13)*.

Л. Лотман

Появление «Снегурочки» в печати вызвало живой интерес и споры в литературных кругах. Переход драматурга от бытовых реалистических произведений к сказке был воспринят многими читателями и критиками как измена передовому обличительному направлению. Не понравилась «Снегурочка» и Некрасову, который в то время редактировал «Отечественные записки», где Островский первоначально предполагал, по примеру прежних лет, опубликовать свое новое произведение. Однако Некрасов предложил автору столь низкий гонорар, что драматург был вынужден передать пьесу в другой журнал — «Вестник Европы» — и глубоко огорчился отрицательным отношением к «Снегурочке» своего постоянного редактора. В письме от 25 апреля 1873 года он писал Некрасову: «Я просил Вас прочесть «Снегурочку», сказать мне искренне Ваше мнение о ней и оценить мой труд,— и не без волнения я ждал Вашего ответа; а вчера получил от Вас приговор моему новому произведению, который, если бы я уже не имел от многих лиц, уважаемых мною, других отзывов, мог бы привести меня в отчаяние. Я ⟨...⟩ в этом произведении выхожу на новую дорогу, жду от Вас совета или привета и получаю короткое, сухое письмо, в котором Вы цените новый, дорогой мне труд так дешево, как никогда еще не ценили ни одного моего заурядного произведения...» *(В. Лакшин, Островский и Некрасов.— «Наука и жизнь», 1973, № 4, стр. 143)*.

«На днях у меня собрались И. А. Гончаров и А. Н. Пыпин, и мы, благодаря «Снегурочке», провели вечер как нельзя приятнее,— писал Островскому редактор «Вестника Европы» М. М. Стасюлевич 5 мая 1873 года после прочтения рукописи.— Мы удивлялись: и силе фантазии, и покорности ей со стороны языка. Вы превосходно изучили наш сказочный мир и воспроизвели его так искусно, что видишь и слышишь какой-то реальный мир. Исполать вам!» (*«Островский. 1823—1923. К столетию со дня рождения. Юбилейный сборник», М., изд. Росс. театр. об-ва, 1923, стр. 18*). И. С. Тургенев был «пленен красотой и легкостью языка» «Снегурочки». «Нет, Островский не истощен — и он может еще повторить грибоедовское: «Вы, нынешние, ну-тка!» — заключил писатель после чтения пьесы, уже напечатанной в журнале *(И. С. Тургенев, Полное собрание сочинений и писем. Письма, М.— Л., «Наука», 1965, т. X, стр. 157)*.

Замысел Островского оказался доступным далеко не всем его современникам, и драматургу пришлось выдержать бурю негодования и упреков.

Наиболее резко обрушился на Островского и его новую пьесу В. П. Буренин («Z»): «...из-под его реального пера, нарисовавшего столько жизненных образов «темного царства», начали выходить призрачно-бессмысленные образы Снегурочек, Лелей, Мизгирей и тому подобных лиц, населяющих светлое царство берендеев — народа столько же глупого, сколько фантастического. ⟨...⟩ Сравните «Снегурочку» с «Своими людьми» или с «Грозой»: какое безмерное расстоя-

ние между этими произведениями! ⟨...⟩ Г. Островский ⟨...⟩ всегда был только художник-сатирик. Он в своих комедиях являлся постоянно изобразителем темных сторон русской действительности ⟨...⟩. Чтоб написать поэтическую сказку, нужно быть поэтом-лириком, нужно обладать богатством фантазии, прелестью поэтических образов и поэтического выражения ⟨...⟩. Одно, что можно похвалить в «Снегурочке»,— это язык, приближающийся к народному складу. Да и тут, кажется, местами чувствуется фальшь и пересол...» *(«Спб. вед.», 1873, 11 сентября).*

Почти одновременно с Бурениным против «Снегурочки» высказался А. П. Чебышев-Дмитриев («Ч. П.»), который вместе с тем первый заявил о том, что Островский в своем новом произведении находится под большим влиянием «Сна в летнюю ночь» Шекспира (см. *«Бирж. вед.», 1873, 16 сентября).* Корреспондент газеты «Голос» *(1873, 20 сентября)* иронически утверждал, что помимо подражания Шекспиру Островский следует и за автором оперетт Оффенбахом.

«Произведение г. Островского — сплошное подражание, хоть и не всегда удачное ⟨...⟩ Шекспиру ⟨...⟩ и Оффенбаху»,— повторил эту же мысль позднее В. Чуйко *(«Новости», 1877, 15 февраля).*

Примитивно утилитарные требования предъявлял писателю критик С. Т. Герцо-Виноградский («С. Г.-В.»). По его мнению, «Снегурочка» не удовлетворяет требованиям современности, не содействует «уяснению наших отношений к явлениям социальной жизни», не «является прогрессивным двигателем в нашей интеллектуальной жизни» и «не имеет сценического значения» *(«Од. вест.», 1873, 28 сентября).* Тем же примитивным пониманием значения произведений искусства в жизни общества проникнуты нападки на «Снегурочку» критика, скрывшегося под псевдонимом «Парголовский мизантроп» (по-видимому, А. М. Скабичевский). «...Подумайте,— восклицал он,— какую насущную необходимость составляют хотя бы даже такие произведения крупных талантов нашего времени, как «Война и мир», «Пунин и Бабурин», «Снегурочка» ⟨...⟩. Не относитесь ли вы к ним также со стороны, как вы относитесь к талантливым произведениям чуждых вам народов и веков? ⟨...⟩ ищете ли вы в них отзыва на ⟨...⟩ жгучие вопросы, которые вас мучили бы ⟨...⟩? Ничуть не бывало... Никаких жгучих вопросов в этих произведениях не заметно...» *(«Отеч. зап.», 1874, № 8).* Этот отзыв должен был особенно неприятно поразить драматурга, так как появился в журнале, в котором Островский постоянно сотрудничал.

Премьера драматического представления «Снегурочки» состоялась 11 мая 1873 года в Малом театре, в Москве, в бенефис В. И. Живокини. Музыка к спектаклю была заказана П. И. Чайковскому.

«Снегурочка» ⟨...⟩ была написана по заказу дирекции театров и по просьбе Островского в 1873 г., весной, и тогда же была дана,— вспоминал позднее, в 1879 году, Чайковский.— Это одно из любимых моих детищ. Весна стояла чудная, у меня на душе было хорошо, как и всегда при приближении лета и трехмесячной свободы. Пьеса Островского мне нравилась, и я в три недели без всякого усилия написал музыку. Мне кажется, что в этой музыке должно быть заметно радостное весеннее настроение, которым я был тогда проникнут» *(П. И. Чайковский, Переписка с Н. Ф. фон-Мекк, М.— Л., «Academia», т. II, 1935, стр. 262—263).*

К участию в спектакле были привлечены все три труппы тогдашнего Императорского театра: драматическая, оперная и балетная

(см.: *Н. Д. Кашкин, Воспоминания о П. И. Чайковском, М., 1954, стр. 99).*

Роли исполняли: Весна-Красна — М. Н. Ермолова, Дед-Мороз — А. М. Додонов, Девушка-Снегурочка — Г. Н. Федотова, Леший — С. Н. Никифоров, Царь Берендей — И. В. Самарин, Бермята — В. И. Живокини, Елена Прекрасная — Е. Н. Васильева, Мизгирь — М. А. Решимов, Купава — Н. А. Никулина, Лель-пастух — Е. П. Кадмина, Бобыль-Бакула — К. Ф. Берг, Бобылиха — С. П. Акимова, Масленица-Соломенное чучело и 1-й бирюч — Д. И. Миленский, Брусило — Н. И. Музиль, Курилко — М. П. Садовский, Мураш — Д. В. Живокини.

«Пьесу ставлю я сам, как полный хозяин,— сообщал Островский Ф. А. Бурдину,— здесь очень хорошо понимают, что только при этом условии она пойдет хорошо и будет иметь успех. Завтра я читаю «Снегурочку» артистам в третий раз, потом буду проходить роли с каждым отдельно» *(ПСС, XV, 12—13).* По поводу же декораций Островский «особенно подробно не заявлял своих желаний,— вспоминал впоследствии К. Ф. Вальц, в то время помощник машиниста Большого театра.— Только по поводу сцены таяния Снегурочки 〈...〉 было много дебатов 〈...〉 было решено окружить Снегурочку несколькими рядами очень небольших отверстий в полу сцены, из которых должны были подниматься струйки воды, которые, сгущаясь, должны скрыть фигуру исполнительницы, опускающуюся незаметно в люк под лучом прожектора. Островский 〈...〉 делал свои указания относительно костюмов птиц в прологе. Он требовал, чтобы последние были как можно более реальны, и настаивал на их выполнении бутафорским способом» *(К. Ф. Вальц, Шестьдесят пять лет в театре. Театральные мемуары, вып. V, Л., «Academia», 1928, стр. 97—98).*

Формальности были выполнены в необычайно короткие сроки. Дирекция приняла пьесу без утверждения ее Театрально-литературным комитетом, оформив это утверждение позднее, а цензура, получив рукопись 19 апреля, дала положительный отзыв на следующий же день. Ввиду того, что Малый театр в это время ремонтировался, постановка «Снегурочки» была осуществлена на сцене Большого театра (см.: *ЕИТ, 1912, вып. 1, стр. 104).*

Дирекция театров стремилась придать спектаклю торжественность и праздничность. Тут были и водяные фонтаны, и движущиеся облака, и эффекты электрического освещения, и все же по словам Вальца постановка «вышла довольно бедна и проста и совершенно не была оценена публикой» *(К. Вальц, Первая постановка «Снегурочки».— «Островский. 1823—1923. К столетию со дня рождения. Юбилейный сборник», изд. Русс. театр. об-ва, стр. 25).*

Для драматических актеров сцена Большого театра оказалась неудобной. Она была слишком велика и акустически не приспособлена для естественно, по-бытовому звучащего голоса. Это во многом помешало успеху спектакля. Помпезность постановки «подавила» литературный текст и в то же время повлекла за собой ряд технических неполадок. М. П. Садовский писал Островскому, не присутствовавшему на премьере: «Пьесу публика с большим вниманием слушала, но многого совсем не слыхала, так сцена Купавы с Царем, несмотря на все старание Никулиной говорить громко и отчетливо, была слышна только наполовину» *(«А. Н. Островский. Дневники и письма», М.— Л., «Academia», 1937, стр. 118—119).* На другой день после спектакля драматург В. И. Родиславский послал Остров-

скому подробный «отчет», в котором отметил те же недостатки спектакля: «...многие чудные, первоклассные поэтические красоты, столь щедро рассыпанные вами в пиесе, погибли и могут воскреснуть только в печати ⟨...⟩. Но буду рассказывать по порядку. Прелестный монолог Лешего пропал совершенно. Полет Весны был довольно удачен, но ее поэтический монолог показался длинен. Остроумная народная песня о птицах пропала, потому что музыка не позволила расслышать слова, столь острые, что над ними призадумалась цензура. Пляске птиц аплодировали. Чудесный рассказ Мороза о его забавах пропал, потому что был пущен не рассказом, а пением с музыкой, заглушавшей слова. Монолог Масляницы не удался, потому что Миленский говорил его из-за кулис, а не скрытый в соломенном чучеле ⟨...⟩. В первом акте прелестная песенка Леля была повторена ⟨...⟩. По окончании вызывали Никулину и Кадмину, потом Федотову и Кадмину и. наконец, Кадмину одну ⟨...⟩. Явления тени Снегурочки были неудачны ⟨...⟩. Мой любимый рассказ о силе цветов ⟨...⟩ не был замечен, шествие пропало, исчезновение Снегурочки было не очень искусно ⟨...⟩. Театр был совершенно полон, не было ни одного пустого места ... Очень удался крик бирючей» *(там же, стр. 221—222).*

Среди многочисленных газетных и журнальных рецензий, появившихся в печати с 1873 по 1878 год, только изредка встречаются положительные отзывы. Преобладающее большинство рецензентов придирчиво критиковало как текст Островского, так и музыку Чайковского.

«Вычурный язык», «посторонние элементы», «риторика», «натянутость», «длинноты» усмотрел в «Снегурочке» автор «Письма в редакцию «С.-Петербургских ведомостей», подписавший свой отзыв литерой «X». Правда, он вынужден был признать, что «замысел ⟨...⟩ не лишен поэтического вдохновения. ⟨...⟩ Стих вообще весьма гладок и часто оригинален размером», Чайковского же упрекал в манерности, подражании Шуману и Мендельсону, однако добавлял: «...автор музыки был счастливее в своем труде, чем г. Островский» *(«Спб. вед.», 1873, 23 мая).*

П. Акилов в «Театральных заметках» в непозволительно грубом тоне писал о спектакле, утверждая, что в пьесе можно обнаружить лишь «две, три жемчужинки в громадной куче сора!», что она свидетельствует о том, что драматург «исписался». Музыку Чайковского Акилов нашел монотонной «до усыпления» *(«Развлечение», 1873, 25 мая).*

Резко отрицательно о музыкальном сопровождении «Снегурочки» отозвался Цезарь Кюи («***»): «Банальнейшие мысли, избитейшие гармонии, грубая отделка, вернее отсутствие отделки и формы, аляповатость, отсутствие вкуса и изящества ⟨...⟩. Для ⟨...⟩ такой музыки не надо быть г. Чайковским; она под силу сочинителю и низшего разряда» *(«Спб. вед.», 1873, 7 ноября).*

Тепло приветствовала «Снегурочку» газета-журнал «Гражданин» Ф. М. Достоевского, назвавшая пьесу «новым прелестным произведением». Автор рецензии («Москвич») хотел бы видеть в пьесе более глубокое проникновение «...в те характеры, в те думы, сочувствия, антипатии, в те жизненные интересы и отношения человеческие, какие выражаются ⟨...⟩ в русских народных сказках». Об отношении публики к «Снегурочке» рецензент писал: «...одни сразу от нее отвернулись, ибо она выше их понимания, и заявили, что пьеса плоха, что она провалилась и т. д. Другие, к удивлению, заметили, что,

когда они смотрели ее второй раз, она им *стала нравиться* ⟨...⟩. Музыка ⟨...⟩ и своеобразна, и весьма хороша, главное — совершенно под характер всей пьесе» *(1873, 28 мая)*.

При жизни Островского «Снегурочка» была сыграна в московском Малом театре 9 раз. Последний спектакль состоялся 25 августа 1874 года.

В 1880 году Н. А. Римский-Корсаков попросил у Островского разрешения воспользоваться текстом «Снегурочки» для сюжета оперы. Композитор сам составил либретто, согласовав его с автором. Впоследствии Римский-Корсаков вспоминал: «В первый раз «Снегурочка» была прочитана мной около 1874 года, когда она только что появилась в печати. В чтении она тогда мне мало понравилась; царство берендеев мне показалось странным. Почему? Были ли во мне еще живы идеи 60-х годов или требования сюжетов из так называемой *жизни*, бывшие в ходу в 70-х годах, держали меня в путах? Или захватил меня в свое течение натурализм Мусоргского? ⟨...⟩. Словом, чудная, поэтическая сказка Островского не произвела на меня впечатления. В зиму 1879—80 года я снова прочитал «Снегурочку» и точно прозрел на ее удивительную красоту. Мне сразу захотелось написать оперу на этот сюжет» *(Н. А. Римский-Корсаков, Летопись моей музыкальной жизни, М., 1955, стр. 131)*.

Первое представление оперы Римского-Корсакова состоялось в Петербурге, в Мариинском театре, 29 января 1882 года, под управлением дирижера Э. Ф. Направника. Роли исполняли: Девушка-Снегурочка — Ф. Н. Велинская, Весна-Красна — М. Д. Каменская, Купава — М. А. Макарова, Лель — А. А. Бичурина, Царь Берендей — М. Д. Васильев, Мизгирь — И. П. Прянишников, Дед-Мороз — Ф. И. Стравинский, Бермята — М. М. Корякин.

Зимой 1882/83 года «Снегурочка» в драматической постановке была исполнена любителями в доме Мамонтовых. Этот спектакль интересен тем, что к нему были привлечены видные представители художественной интеллигенции и он ознаменовал попытку нового «прочтения» пьесы. «Художественную часть постановки взял на себя В. М. Васнецов — вот когда он развернул во всю ширь свои таланты. При этом он не только сам проникся поэзией этой дивной сказки, прочувствовал ее русский дух, оценил несравненный чистый, подлинно-русский язык ее, но, думается мне, заразил своим увлечением и всех участников этого спектакля» *(В. С. Мамонтов, Воспоминания о русских художниках, М., изд. Академии художеств СССР, 1950, стр. 28)*.

Спектакль в доме Мамонтовых явился «прологом» к постановке «Снегурочки» Римского-Корсакова на сцене Частной русской оперы С. И. Мамонтова в Москве 8 октября 1885 года. Достижением этой постановки была не столько ее музыкальная часть (актеры не отличались хорошими голосами, и состав оркестра был не полный), сколько художественное оформление, осуществленное В. М. Васнецовым, И. И. Левитаном и К. А. Коровиным. В работе художников в первую очередь выразилось то новое восприятие поэзии сказки Островского и оперы Римского-Корсакова, которое способствовало оживлению интереса публики к этим произведениям. После премьеры ряд газет настоятельно требовал включения оперы «Снегурочка» в репертуар Большого театра (см. *«Рус. вед.», 1885, 12 октября*, *«Современные известия», 1885, 19 октября)*. Однако на сцене Большого театра «Снегурочка» была исполнена лишь 26 января 1893 года.

В Александринском театре, в Петербурге, «Снегурочка» впервые была представлена 27 декабря 1900 года, в бенефис К. А. Варламова. Роли исполняли: Девушка-Снегурочка — В. Ф. Комиссаржевская, Лель — Н. Н. Ходотов, Мизгирь — Ю. М. Юрьев, Царь Берендей — К. А. Варламов.

В том же 1900 году «Снегурочка» шла еще в двух театрах, в Москве: 8 сентября — в Новом театре силами Малого театра, в постановке А. П. Ленского, при участии Е. М. Садовской, М. П. Юдиной, Е. Д. Турчаниновой, П. М. Садовского и 24 сентября в московском Художественном театре, с музыкой А. Т. Гречанинова. Роли в спектакле исполняли: Царь Берендей — В. И. Качалов, Девушка-Снегурочка — М. П. Лилина, Бобыль — И. М. Москвин, Лель — М. Ф. Андреева.

Е. Хмелевская

Стр. 368

Сбирались птицы... — обработка народной песни «Каково птицам жить на море». Наиболее близки к тексту Островского варианты, помещенные в сборнике «Новый российский песенник» *(ч. 2, Спб., 1791, стр. 21—23)* под названием «Протекало теплое море» и в книге А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки» *(изд. 2-е, вып. 4, М., 1860, стр. 110—111)*

Стр. 369

Вереи — петли, на которых укреплены ворота.

Стр. 371

Кануны править — здесь: варить мед, брагу к праздникам.

Стр. 373

Ленкоранский залив — залив в южной части Каспийского моря.

Гилянские озера — озера в области Гилян в Иране.

Стр. 378

«Раным-рано куры́ запели», «Честная масленица» и «Масленица-мокрохвостка» — все три песни сопровождают обряд похорон Масленицы, описанный у П. В. Шейна *(«Великорусс в своих песнях, обрядах...», т. I, в. 1, Спб., 1898, стр. 333)*, однако у Островского чучело Масленицы не хоронят и не сжигают, как обычно в обрядах, оно исчезает и должно возвратиться. У Шейна песен, которые приводит Островский, нет. Начало первого хора близко к колядке, помещенной в собрании И. П. Сахарова «Сказания русского народа» *(изд. 3, т. 1, кн. 3, Спб., 1841, стр. 23)*.

Воложно — жирно.

Стр. 379

Поветь — помещение под навесом в крестьянском дворе, где хранится хозяйственный инвентарь.

Сгорят огни купа́льные. — День Ивана Купала — 24 июня — в некоторых губерниях России отмечали гуляньями, жгли костры в поле и в лесу. Вся речь Масленицы состоит из примет народного земледельческого календаря.

Братчина — праздник на общий счет. В данном случае имеется в виду деревенский праздник в начале сентября («никольщина» — 6 сентября)

Карачун — здесь: зимнее солнцестояние (22 декабря н. ст.).

Стр. 385
Кика — см. прим. к стр. 357.

Стр. 390
Ячная брага — ячменное пиво.

Стр. 392
Земляничка-ягодка...— создана на основе народной песни (см. *«Новое и полное собрание российских песен», ч. 1, М., 1780, стр. 104—105; «Новейший всеобщий песенник», М., ч. 2, 1810, стр. 192; «Лирика русской свадьбы», Л., «Наука», 1973, стр. 144—145).*

Как по лесу лес шумит...— Варианты народной песни послужили основой для этой стилизации (см. *«Русский песенник», ч. 2, Спб., 1848, стр. 65; «Новое и полное собрание российских песен», ч. 3, М., 1780, стр. 145; С о б о л е в с к и й, т. III, стр. 173—175).*

Стр. 407
Пчелки, пчелки!..— Возможно, навеяно народной песней, помещенной в сборнике П. В. Шейна «Великорусс в своих песнях, обрядах...» *(т. 1, стр. 338).*

Хмелинушко, тычинная былинка...— Островский использовал здесь народную песню о хмеле. Н. П. Кашин обнаружил среди бумаг Островского запись этой песни с указанием вариантов по записям Т. И. Филиппова и П. В. Киреевского (см.: *Н. П. К а ш и н, «Снегурочка».— «Труды Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина», стр. 83).*

Стр. 408
Балясы — столбики перил.

Стр. 409
Вещие, звонкие струны рокочут...— Образы, а отчасти и фразеология этой песни гусляров заимствованы из «Слова о полку Игореве».
Тулы — колчаны.

Ратаи — ратники.

Сулицы — копья.

Туга — печаль, горе, скорбь.

Стр. 411
Палатное письмо имеет смысл и т. д.— Островский обращал большое внимание на архитектурные древности, интересовался их историей. Ему были известны рассуждения И. Е. Забелина в его книге «Домашний быт русских царей» *(изд. 2, ч. 1, М., 1872, стр. 129)* о значении росписи в сенях Киевско-Софийского собора, о ее светском характере и вероятной зависимости от росписи дворцовых переходов XI—XII веков.

Стр. 412
Лядины — заросли, лес на болоте.

Стр. 413
Кумохи — лихорадки.

Стр. 420
Государевы люди и т. д.— Среди бумаг Островского, относящихся ко времени путешествия по Волге, находится рукописная тетрадь «Свадебные обычаи и песни в селе Костеневе», составленная П. И. Андрониковым, и статья «Свадебные обычаи в Даниловском уезде» из

«Ярославских губернских ведомостей» *(1849, № 26 и 27)*. Записанные здесь приговоры дружек явились, по мнению Кашина, источником данного клича бирючей (см.: *Н. П. Кашин, «Снегурочка».— «Труды Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина», стр. 86—88)*. В сборнике Шейна «Русские народные песни» *(т. 1, М., 1870)* содержатся плясовые песни, характеризующие возрастные и социальные группы в выражениях, близких к отдельным строкам Островского: «Старики наши старые, у вас бороды седые» и о боярах: у вас «собаки борзые, холопы босые».

Стр. 431

Ай, во поле липонька...— Здесь Островский почти дословно передает песню из сборника «Новейший и полный российский общенародный песенник» *(ч. 3, М., 1810, стр. 3)*. Песня эта исполнялась хороводами на троицын день и связана с древнейшими языческими обрядами (см.: *А. И. Орлов, А. Н. Островский и фольклор Ивановской области, Иваново, 1948, стр. 20)*.

Стр. 432

Туча со громом сговаривалась...— Песня содержит фольклорные мотивы и образы, почерпнутые из народных песен (см., например: *Н. П. Степанов, Народные праздники на святой Руси, Спб., 1900, стр. 96)*.

Стр. 434

Купался бобер...— игровая песня. В сборнике Шейна «Русские народные песни» *(т. 1, М., 1870)* Островский отчеркнул на стр. 173 строки песни: «Ночька ль, ноченька»: «В этой во речке купался бобер... отряхивался». Варианты песни о бобре имеются в сборниках «Новое и полное собрание российских песен» *(ч. 4, М., 1780, стр. 90)* и «Русский песенник» *(ч. 2, стр. 40—41)*. В связи со своим намерением включить эту и другие песни в пьесу Островский обратился через Н. А. Дубровского к композитору А. И. Дюбюку с просьбой переписать ему мотивы заинтересовавших его песен. Дубровский сообщал драматургу, что Дюбюк «мотивы нужных ⟨...⟩ песен: «Ай, во поле липонька» и «Купался бобер» ⟨...⟩ напишет и пришлет завтра по городской почте» *(ЛН, т. 88, кн. 1, стр. 314)*.

Стр. 443

Ферязь — см. прим. к стр. 265

Стр. 446

Запон — женский передник, фартук.

Коты — полусапожки, башмаки.

Стр. 453

А мы просо сеяли...— Данный хор в пьесе Островского, как указывает Г. Синюхаев, «первый опыт инсценировки народной песни, текст которой общеизвестен» *(Известия Отд. русск. яз. и словесн. Российской Академии Наук, т. XXVIII, Л., 1924, стр. 59)*. Эта песня-игра имеется в следующих сборниках: И. П. Сахаров «Сказания русского народа» *(изд. 3, т. 1, кн. 3, Спб., 1841, стр. 27, 46, 47)*; П. В. Шейн «Русские народные песни» *(т. 1, М., 1870, стр. 202)*, его же «Великорусс в своих песнях, обрядах...» (т. 1, *стр. 79—80)*; А. И. Соболевский *(т. VIII, стр. 598—607)*.

Стр. 457

Ендова — широкая медная чаша с носиком.

Л. Лотман

‹ФРАГМЕНТ ДРАМЫ, ПОСВЯЩЕННОЙ КСЕНИИ ГОДУНОВОЙ›

Впервые опубликовано (не полностью) А. И. Ревякиным в книге «Ученые записки Московского городского педагогического института имени В. П. Потемкина», т. XX, вып. 2. Кафедра русской литературы, М., 1953, стр. 97—98.

Рукописные источники: черновой набросок на одном из листов комедии «Свои люди — сочтемся» *(ПД)*.

Печатается по тексту чернового наброска.

В Собрание сочинений включается впервые.

Фрагмент датируется 1849—1850 годами, временем написания комедии «Свои люди — сочтемся», на одном из листов чернового автографа которой он и записан. Последняя дата предположительна и может быть более поздней. Островский имел возможность воспользоваться листами автографа «Своих людей...» до конца 1855 года, то есть до того, как в ноябре этого года он подарил его М. И. Семевскому (см.: *Л. Р. Коган, Летопись жизни и творчества А. Н. Островского, М., Гос. изд-во культ.-просвет. лит-ры, 1953, стр. 64)*. Таким образом, мы имеем дело с самым ранним фактом обращения Островского к исторической драматургии и именно к тому периоду русской истории, которому позднее будут посвящены почти все его хроники. Действие задуманной драмы связано с личностью Ксении, дочери Бориса Годунова. Островского несомненно привлекала трагическая судьба княжны. Несчастья Ксении начались со времени, к которому относится содержание сохранившегося отрывка, то есть с прибытия в Москву ее жениха, датского принца Иоанна, брата короля Христиана. Как известно, вскоре после приезда в Москву принц скончался от горячки, и, по словам историка, «Ксения была в отчаянии» *(С. М. Соловьев, История России с древнейших времен, кн. 2, т. 8, гл. 1)*. Дальнейшие попытки Бориса найти для нее жениха в Шлезвиге и Грузии не увенчались успехом. После гибели всей ее семьи княжна оказалась во власти Лжедмитрия, и вскоре Мнишек, оттягивая свой приезд с дочерью в Москву, назвал в качестве одной из причин задержки связь Лжедмитрия с Ксенией и потребовал удаления княжны. Самозванец исполнил требование, и Ксения под именем Ольги была пострижена и сослана в один из Белозерских монастырей *(см. там же, гл. III)*. С более подробным анализом замысла Островского можно ознакомиться в статье А. И. Ревякина «Незаконченные исторические произведения А. Н. Островского «Лиса Патрикеевна» и «Александр Македонский» в названном выше томе «Ученых записок Московского городского педагогического института». Причем следует отметить, что заглавие «Лиса Патрикеевна» соединено здесь с рассматриваемым фрагментом неосновательно, по чисто внешнему признаку (запись: «Лиса Патрикеевна» и фрагмент расположены на одном листе автографа). Но уже само содержание фрагмента, а также драматический характер задуманного произведения исключают какие-либо основания для соединения его с традиционно-сказочным заглавием.

Т. Орнатская

ПЕСНЯ ЕВРЕЯ

Впервые опубликовано А. И. Ревякиным в книге «Ученые записки Московского городского педагогического института имени В. П. Потемкина», т. XX, вып. 2. Кафедра русской литературы, М., 1953, стр. 102.

Рукописные источники: беловой автограф песни с подписью Островского *(ЦГАЛИ)*.

Печатается по автографу.

В Собрание сочинений включается впервые.

Публикуемый текст должен был войти в драму «Александр Македонский», замысел которой относится к 1850 году. Известно, что уже летом этого года Островский читал отрывки из драмы друзьям и писателям, предполагая напечатать ее сначала в первом номере «Москвитянина» за 1851 год, а затем переадресовал ее в «Библиотеку для чтения». В XII книге этого журнала за 1850 год было напечатано следующее объявление: «А. Н. Островский пишет теперь драму в стихах. В новой драме А. Н. Островского, из которой отрывки мы слышали из уст самого автора, видно уже дальнейшее развитие нашего молодого драматурга. Страстная природа молодого сердца и слово, сотканное из чистой гармонии русского стиха, здесь проявились в самом интересном сюжете, взятом из истории древнего Востока. Драма господина Островского называется «Александр Великий в Вавилоне». О содержании драмы узнаем из письма П. И. Чайковского к брату от 25 сентября 1867 года. Сообщая М. И. Чайковскому о предложении Островского написать оперу на сюжет его давнего замысла, композитор писал: «Действие происходит в Вавилоне и в Греции, при Александре Македонском, который сам принимает участие в опере. Там сталкиваются представители двух классических наций: Евреи и Греки. Герой — молодой Еврей, обманутый в любви к одной Еврейке, предпочившей Александра из честолюбия, который в конце делается пророком» *(М. И. Чайковский, Жизнь П. И. Чайковского, т. 1, М., 1903, стр. 299—300)*.

Однако драма закончена не была, а рукопись ее до нас не дошла, за исключением публикуемого отрывка.

По наблюдению А. И. Ревякина, «Песня еврея» непосредственно перекликается с отдельными выражениями и стихами «Песни песней» Соломона (подробнее см.: *А. И. Ревякин, Незаконченные исторические произведения А. Н. Островского «Лиса Патрикеевна» и «Александр Македонский».— «Ученые записки Московского городского педагогического института имени В. П. Потемкина», т. XX, вып. 2, стр. 100—104)*.

Стр. 464
Вертоград — сад.

Т. Орнатская

СВАТ ФАДЕИЧ

Рукописные источники: черновой автограф либретто (карандашом), на 16 лл., с об. *(ПД)*.

Публикуется впервые по тексту чернового автографа.

Работа над либретто комической оперы на сюжет одноименного «предания в лицах» Н. А. Чаева, опубликованного в журнале «Эпоха» за 1864 год в № 11, могла быть начата Островским не ранее января 1865 года (ноябрьский номер «Эпохи» получил цензурное разрешение 24 декабря, а объявление о его выходе в свет появилось 1 января 1865 г.). К этому же времени относится и начало личного знакомства драматургов. Островский бывал в доме Чаева, у которого по четвергам устраивались литературно-музыкальные вечера и бывали московские композиторы и музыканты. В эти же годы Островский активно общался с композиторами П. И. Чайковским, А. И. Дюбюком, К. П. Вильбоа, В. Н. Кашперовым, А. Н. Серовым, П. И. Бларамбергом и неоднократно получал от них предложения написать оперные либретто по своим пьесам.

В конце 1865 года В. Н. Кашперов написал драматургу: «Если Вы еще ничего не сделали для меня — (или очень мало),— то приостановитесь; у меня готово еще новое полотно...» (*«А. Н. Островский и русские композиторы. Письма», М., «Искусство», 1937, стр. 75*). Возможно, что речь идет именно о либретто «Сват Фадеич», почти законченном к этому времени. Работа над ним могла прерваться также и по другой причине: к лету 1866 года создалась конфликтная ситуация между Островским и Чаевым из-за продвижения на сцену пьесы «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский», в то время как на петербургской сцене уже шла одноименная пьеса Чаева. Так или иначе, но Островский больше не возвращался к либретто, хотя оно было почти закончено: оставалось написать одно-два явления, в которых Фадеич передает Вакуле деньги невесты и советует молодым держаться подальше от старосты и мачехи; напуганный же насмерть посещением Фадеича, староста уже после отъезда свата торопит жену поскорее сыграть свадьбу (подробнее об этой работе Островского см.: *А. И. Ревякин, Пьеса «Сват Фадеич» Чаева и оперное либретто Островского.— «Ученые записки Московского городского педагогического института», т. 48, вып. 5, 1955, стр. 299—313)*.

Т. Орнатская

МАСЛЕНИЦА

Впервые опубликовано в сборнике «А. Н. Островский. Дневники и письма», М.— Л., «Academia», 1937.

Рукописные источники: автограф песни *(ГЦТМ)*.

Печатается по автографу.

Вероятно, песня была написана Островским в 1867—1868 годах и предназначалась для либретто оперы А. Н. Серова «Вражья сила» на сюжет пьесы «Не так живи, как хочется», первоначальное заглавие ее: «Божье крепко, а вражье лепко: масленица» (подробнее о работе Островского над либретто см. *наст. изд., т. 1, стр. 569—571*).

Т. Орнатская

СКОМОРОХ

Впервые опубликовано А. И. Ревякиным в «Ученых записках Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина», т. XXXIV, М., 1954, стр. 199.

Печатается по копии П. О. Морозова, единственному источнику текста *(ПД)*.

В Собрание сочинений включается впервые.

Замысел комедии из древнерусского быта под названием «Скоморох»» относится к лету 1874 г.: уже в августе А. Ф. Бурдин напоминает драматургу об обещанной ему к бенефису 2 декабря комедии *(Бурдин, стр. 194)*. Островский предполагал начать работу над ней сразу же после окончания «Трудового хлеба». 24 сентября 1874 г. он писал Бурдину: «...по приезде в Москву (4 октября) я сейчас же сяду за работу и по мере успешности моего труда буду тебя извещать о том, можно ли тебе надеяться, что «Скоморох» поспеет к твоему бенефису» (*ПСС, т. 15, стр. 44*). Вероятно, к этому же времени относится и сохранившийся набросок.

Уже из списка действующих лиц видно, что «Скоморох» был связан с другими пьесами Островского, т. е. с «Комиком XVII столетия» и «Снегурочкой», а также с замыслом феерии «Иван-царевич». Из публикуемых набросков можно представить, что герой пьесы «Скоморох», обиженный большим бояриным Бермятой, собирается отомстить ему за обиду; видно также, что Скоморох не просто комический персонаж, но человек, которого смогла полюбить княгиня. По-видимому, по ходу пьесы Скоморох должен будет обратиться к царю Берендею, этому идеальному, справедливому царю-батюшке.

Что же касается жанра пьесы, то это, скорее всего, очередная феерия (вроде незаконченного «Ивана-царевича» (см. наст. изд. т. 6), в которой прекрасно уживаются и прозаические монологи, и куплеты, и озорные «скоморошины».

Стр. 493

П. Васильев — имеется в виду артист Александринского театра Павел Васильевич Васильев (1832—1879).

Т. Орнатская

О ТОМ, КАК МУЖИК ЕПИФАН ПОДДАЛСЯ В ОБМАН, И О ТОМ, ЧТО ИЗ ТОГО ВЫШЛО ПОТОМ

Впервые опубликовано в качестве подписи к народной картинке, вышедшей в феврале 1883 года (цензурное разрешение 21 января) за подписью С. Щ.

Рукописные источники: копия П. О. Морозова *(ПД)*.

Печатается по подписи к картинке с правкой по копии.

В Собрание сочинений включается впервые.

Стихотворная подпись к народной картинке «О том, как мужик Епифан поддался в обман, и о том, что из того вышло потом» была написана Островским в 1883 году по предложению скульптора М. О. Микешина (1836—1896), с которым драматург был в дружеских отношениях.

Еще в начале октября 1882 года Микешин предложил Островскому принять участие в сочинении подписей к задуманным им лубочным картинкам. Островский тотчас же откликнулся на это пред-

ложение. «Скоро ли примешься за картинки? — писал он скульптору 7 октября 1882 года.— Жду от тебя заказа на остроумие. Мне самому хочется попытать себя в этом роде» *(ПСС, XVI, 44)*. Вскоре после этого Микешин выслал Островскому подробное изложение сюжета предполагаемой народной картинки. Сюжет был следующий:

«1) Деревенская баба снаряжает в город, на базар, своего мужа (глупого) Епифана с лукошком яиц на продажу и говорит ему, чтобы он был осмотрительнее, чтобы у него не поразворовали яиц, что он очень глуп. Епифан стоит у запряженной телеги и с достоинством, величаво подпоясывается.

2) Приехал он на базар, снял лукошко с воза и, боясь, чтобы не раскрали яиц, решился сидеть на нем, не вставая, пока не купят их. Подходят покупатели (поп, купчиха) и удивляются, что он не хочет встать и показать своего товара. Соседние базарные торговцы смеются над ним, говоря, что не хочет ли он высидеть цыплят из тех яиц, что в лукошке. Но он продолжает сидеть с утра чуть не до вечера.

3) Идет к мужику плут цыган, торжественно здоровается с ним и, показывая на видимую вдали «елку с красным платком» (место продажи водки на базаре), говорит ему, что только что видел, что там жена его бражничает с солдатами. Епифан растерянно привстает с лукошка.

4) Епифан поспешно убегает по указанному цыганом направлению, а цыган, подведя к лукошку Епифанову кобылу с возом, перекладывает на воз из лукошка яйца.

5) Епифан возвращается и удивленно смотрит в опустевшее лукошко и на близ ходящих кур и цыплят. Вдали виден удаляющийся на его телеге цыган. Торговцы хохочут над ним и, указывая на цыплят, напоминают, что они напророчили ему, что, сидя так долго на яйцах, он выведет цыплят...

6) Епифана осеняет мысль, что ходящие по базару куры и цыплята есть его произведение, что поэтому он может их взять себе, а потому, хватая петуха и пару куриц, он прячет их в свое лукошко. Торговки, видя это, яростно встают и подходят с протестами к нему.

7) Схватив лукошко с курами на руки, Епифан, как стрела, мчится вдаль, бабы с дреколиями и собаки его яростно преследуют.

8) Картина представляет до того темную ночь, что людей уже нельзя различить. И в подписи должно быть выражено, что за наступившей ночной темнотой сделалось неизвестно: догнали ли Епифана и что с ним вообще произошло» *(ГЦТМ)*.

После того как подпись к картинке была с удовлетворением принята Микешиным и напечатана, Островский обращается к нему с просьбой присылать новые сюжеты (см.: *ПСС, XVI, 66*), но по ряду причин содружество двух художников прекратилось (подробнее см.: *Ревякин А. И., А. Н. Островский и народные картинки.— Сборник «Теория и история русской литературы», под ред. проф. А. И. Ревякина, М., 1963, стр. 123—133*).

Т. Орнатская

АРТИСТУ
(из Шиллера)

Впервые опубликовано в газете «Русские ведомости», 1884, № 350, стр. 4.

Рукописные источники:

Автограф чернилами, с правкой карандашом, с подписью и датой: «29 ноября 1884 г.» *(ГЦТМ)*.

Беловой автограф с правкой в последнем четверостишии *(ЦГАЛИ)*.

Автограф, подаренный И. В. Самарину с подписью и датой: «16 декабря 1884» *(ГЦТМ)*.

Печатается по тексту белового автографа.

В Собрание сочинений включается впервые.

Стихотворение Шиллера «Гимн искусству» было переведено Островским 29 ноября 1884 года для исполнения его на праздновании 50-летия артистической деятельности И. В. Самарина. Перевод Островского был положен на музыку для соло, хора и оркестра молодым композитором А. С. Аренским и исполнен на юбилее Самарина 16 декабря 1884 года.

Т. Орнатская

СОДЕРЖАНИЕ

Островский А. Н.

О-77 Полное собрание сочинений. В 12-ти т. Под общ. ред. Г. И. Владыкина и др. Т. 7. Пьесы. (1866—1873). Подг. текста Т. Орнатской. Коммент. Л. Лотман и др. М., «Искусство», 1977.

608 с.; 1 л. портр.

В седьмой том настоящего издания вошли стихотворные пьесы, написанные в 1866—1873 гг.: «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский», «Тушино», «Василиса Мелентьева», «Комик XVII столетия» и «Снегурочка». Том снабжен статьей Л. Лотман «Стихотворная драматургия А. Н. Островского (1866—1873)».

О $\frac{70600\text{-}017}{025(01)\text{-}77}$ **Подписное** Р1

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

ТОМ 7

Редактор З. М. Пекарская
Художественный редактор Л. И. Орлова
Технический редактор Н. С. Еремина
Корректор З. Д. Гинзбург

Сдано в набор 16/III 1976 г. Подписано в печать 29/XI 1976 г. Формат издания $84\times108^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 1. Усл. печ. л. 32,026. Уч.-изд. л. 30,464. Изд. № 12975. Тираж 80 000 экз. Заказ 225. Цена 1 р. 60 к.
Издательство «Искусство», 103051. Москва, Цветной бульвар, 25. Ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28

1 р. 60 к.